

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 3 (23)

**САРАНСК
2012**

У ч р е д и т е л и :

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрченков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я :

Ф. А. Айзатов, И. В. Бахлов, Е. Н. Бикейкин, С. П. Бурланков,
Т. М. Гусева, И. В. Зубов, В. А. Каланов, А. М. Каторова, А. Н. Келина,
В. А. Ломшин, Л. И. Никонова, О. Е. Поляков, Е. Г. Скворцова, В. В. Ставицкий,
А. Н. Чекушкин, А. В. Чернов, А. М. Шаронов, Н. Г. Юрченкова

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

А д р е с р е д а к ц и и :

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Прошин Д. Ю. Управление качеством ремонта грузовых вагонов: электронный подход к ведению учетной документации	7
Самохвалова Е. А. Состояние агропромышленного комплекса Республики Мордовия в начале 2000-х гг.	23
Шуверов В. Б. Исторический портрет носителей научно-технического прогресса в сельском хозяйстве (По материалам энциклопедических изданий Чувашии)	31
Минеев А. И. Исторический портрет руководителей Чувашского совнархоза (1950 — 60-е гг.)	38

ИСТОРИЯ

Видяйкин С. В. Развитие торговли в Мордовском крае в последней трети XVII — начале XVIII в. по данным таможенных книг	42
Шулус И. И., Федотова М. Я. Взаимодействие крестьян различных этноконфессиональных общностей, проживавших на территории Касимовского уезда Рязанской губернии и Меленковского уезда Владимирской губернии в конце XVIII — XIX вв.	49
Ялтаев Д. А., Морозов В. А. Преобразования в уездной фискальной системе в России в конце XIX в. (По материалам Казанской губернии)	56
Белоусов С. В. Участие представителей мордовского населения Пензенской губернии в Отечественной войне 1812 г.	63
Баршова О. А. Подготовка педагогических кадров в Мордовском крае в начале XX в.	70
Филонов А. А. Положение рабочих на лесоразработках и лесосплаве в Марийском крае в начале XX в.	77
Белоус В. И., Гинзбург Б. Л. Исторический опыт развития металлургической промышленности Горьковской области в условиях административно-управленческих реформ в СССР (1957 — 1965 гг.)	82
Бикейкин Е. Н. Интенсификация сельскохозяйственного производства в 1970-е гг.: пути, методы и средства (По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	93
Пелин А. А. Система Н. И. Ильминского как способ решения национального вопроса в современной России	106

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Ставицкий В. В., Мясникова О. В., Сомкина А. Н. О датировке ранних погребений Абрамовского могильника	116
Чужайкина Т. А. «Очерк юридического быта мордвы» В. Н. Майнова в контексте изучения свадебной обрядности	123
Загребин А. Е., Чураков В. С. Вклад М. Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов	133
Айплатов Г. Н., Иванов А. Г., Иванов А. А. Изучение материальной и духовной культуры марийцев в 20 — 30-х гг. XX в.	139

ФИЛОЛОГИЯ

Поляков О. Е. Общемордовский язык и современные мордовские языки: сопоставительный анализ	148
Цыплякова О. Ю. Порядок компонентов сложноподчиненного предложения в эрзянском языке	154
Келина А. Н. Неофициальные именованья жителей села Мордовская Пишля Рузаевского района Республики Мордовия	158
Десяева Н. Д., Березина Л. Н. Функционирование лингвистических терминов в устной научно-учебной речи (ситуация национально-русского двуязычия)	164
Глазкова Е. В. Термины-историзмы в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского	171
Шеянова И. И. Современный литературный процесс и критика Мордовии	175
Бакаева О. В., Каторова А. М. Мастерство психологического анализа в рассказе «Сокоор веле» («Слепая деревня») В. И. Мишаниной	188
Швечкова Н. И. Жанрово-видовое своеобразие современных мордовских литературных сказок	195
Аношина В. Н. Понятие о душе в представлении мордвы и других финно-угорских народов	200

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буква И	205
РЕЦЕНЗИИ	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	244
СОКРАЩЕНИЯ	250

CONTENTS

ECONOMICS

Proshin D. Yu. Management of the Quality of Freight Cars Repair: Electronic Approach to Record Keeping	7
Samokhvalova E. A. Agricultural Sector of the Republic of Mordovia in the Early 2000s	23
Shuverov V. B. Historical Portrait of Bearers of Technological Progress in Agriculture (According to the Encyclopaedias of Chuvashiya)	31
Mineev A. I. Historical Portrait of Leaders of the Chuvash National Economic Council (1950 — 60s)	38

HISTORY

Vidyaykin S. V. Development of Trade in the Mordovian Land in the Last Third of the XVII — the Early XVIII Century According to the Customs Books	42
Shulus I. I., Fedotova M. Ya. Interaction of Peasants of Different Ethnoconfessional Communities, Inhabited the Kasimov Uyezd of the Ryazan Governorate and the Melenki Uyezd of the Vladimir Governorate in the Late XVIII — the XIX Centuries	49
Yaltaev D. A., Morozov V. A. Transformations in the Uyezd Fiscal System of Russia in the Late XIX Century (Based on the Kazan Governorate)	56
Belousov S. V. Participation of the Representatives of the Mordovian Population of the Penza Governorate in the Patriotic War of 1812	63
Barshova O. A. Teachers Training in the Mordovian Region in the Early XX Century	70
Filonov A. A. Situation of Workers of Logging and Timber Rafting in the Mari Region at the Beginning of the XX Century	77
Belous V. I., Ginzburg B. L. Historical Experience of the Development of Metallurgical Industry of the Gorky Region during Administrative and Management Reforms in the USSR (1957 — 1965)	82
Bikeykin E. N. Intensification of Agricultural Production in the 1970s: Ways, Methods and Means (According to Materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)	93
Pelin A. A. N. I. Ilminsky's System as the Method of Solution of the National Question in Russia	106

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

<i>Stavitsky V. V., Myasnikova O. V., Somkina A. N.</i> On the Dating of Early Burials of the Abramov Burial Mound	116
<i>Chuzhaykina T. A.</i> «The Essay of the Juridical Way of Life of the Mordvins» by V. N. Maynov in the Context of Studying of Wedding Rituals.....	123
<i>Zagrebin A. E., Churakov V. S.</i> Contribution of M. T. Markelov to the Study of Ethnography of the Udmurts	133
<i>Ayplatov G. N., Ivanov A. G., Ivanov A. A.</i> Study of Material and Spiritual Culture of the Mari People in the 20 — 30s of the XX Century	139

PHILOLOGY

<i>Polyakov O. E.</i> The Common Mordovian Language and Modern Mordovian Languages: Comparative Analysis	148
<i>Tsyplyakova O. Yu.</i> The Order of Components of the Compound Sentence in the Erzya Language	154
<i>Kelina A. N.</i> Informal Names of the Inhabitants of the Village Mordovskaya Pishlya of the Ruzaevka District of the Republic of Mordovia	158
<i>Desyaeva N. D., Berezina L. N.</i> Functioning of Linguistic Terms in Spoken Scientific and Academic Language (the Situation of National Russian Bilingualism)	164
<i>Glazkova E. V.</i> Historical Terms in Literary Works by A. A. Bestuzhev-Marlinsky	171
<i>Sheyanova I. I.</i> Modern Literary Process and the Criticism in Mordovia	175
<i>Bakaeva O. V., Katorova A. M.</i> Mastery of Psychological Analysis in the Story «Sokor Vele» («Blind Village») by V. I. Mishanina	188
<i>Shvechkova N. I.</i> The Genre Uniqueness of Modern Mordovian Literary Fairy Tales	195
<i>Anoshina V. N.</i> The Concept of the Soul in the Idea of the Mordvins and Other Finno-Ugric Peoples	200

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part II	205
REVIEWS	239
INFORMATION ABOUT AUTHORS	244
ABBREVIATIONS	250

ЭКОНОМИКА

УДК 657.24:629.463

Д. Ю. Прошин
D. Yu. Proshin

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ РЕМОНТА ГРУЗОВЫХ ВАГОНОВ: ЭЛЕКТРОННЫЙ ПОДХОД К ВЕДЕНИЮ УЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

MANAGEMENT OF THE QUALITY OF FREIGHT CARS REPAIR: ELECTRONIC APPROACH TO RECORD KEEPING

Ключевые слова: система менеджмента качества, требования к системе менеджмента качества, матрица ответственности, менеджмент ресурсов, автоматизированный документооборот, мониторинг, документированная процедура, конкурентоспособность товара, качество ремонта.

В статье затрагивается проблема внедрения на предприятиях системы менеджмента качества на основе документирования всех процессов и процедур. Представлены разработанный автором электронный подход к автоматизированной системе учета, а также методика измерения результативности процессов системы менеджмента качества с использованием новых инструментов совершенствования управления качеством ремонта грузовых вагонов.

Key words: the system of management of the quality, requirements to the system of management of the quality, the matrix of responsibility, resource management, the automated documents circulation, monitoring, the documented procedure, the competitiveness of goods, the quality of repair.

The problem of implementation of the system of management of the quality in the enterprises, based on documentation of all processes and procedures, is considered in the article. An electronic approach to the automated system of registration developed by the author is presented, as well as the procedure of measurement of effectiveness of the processes of the system of management of the quality with the use of new tools of improvement of the quality control of freight cars repair.

Поддержание высокого уровня конкуренции с развитыми западными компаниями и удовлетворение требований субъектов рыночных отношений невозможно без внедрения и совершенствования процессов управления качеством. В жестких условиях рынка производитель должен стремиться к достижению стабильного качества продукции, используя для этого все инструменты, выработанные к настоящему времени мировой практикой. Наиболее признанной базой в данном аспекте является сертификация продукции и систем качества. Одним из них стало введение

на предприятиях систем качества на базе стандартов Международной организации по стандартизации (ИСО) серии 9 000. Семейство стандартов ИСО 9 000 было разработано с целью оказания помощи организациям всех видов и размеров по внедрению эффективных систем менеджмента качества (СМК) и обеспечению их **функционирования**¹. В совокупности эти документы образуют согласованный комплекс стандартов на системы качества, способствующий взаимопониманию в национальной и международной торговле (табл. 1).

Таблица 1

Системы качества на базе стандартов Международной организации по стандартизации (ИСО) серии 9 000

Стандарт	Суть стандарта
ГОСТ Р ИСО 9 000-2001 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»	Описывает основные положения СМК. Устанавливает основной терминологический ряд для СМК
ГОСТ Р ИСО 9 001-2001 «Системы менеджмента качества. Требования»	Определяет требования к СМК в случаях, когда организации необходимо продемонстрировать свою способность предоставлять продукцию, отвечающую запросам потребителей и установленным для нее обязательным критериям. Направлен на повышение уровня соответствия и удовлетворенности потребителей
ГОСТ Р ИСО 9 001-2008 «Системы менеджмента качества. Требования» (вместо ГОСТ Р ИСО 9 001-2001 «Системы менеджмента качества. Требования»)	Является дополнительным по отношению к требованиям к продукции. Используется внутренними и внешними сторонами, органами по сертификации в целях оценки способности организации выполнять требования потребителей, требования к продукции в соответствии с действующим законодательством
ГОСТ Р ИСО 9 004-2001 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности»	Содержит рекомендации по результативности и эффективности СМК. Предусматривает совершенствование работы организации и удовлетворение заявок потребителей и других заинтересованных сторон
ИСО 19 0Н	Включает методические указания по аудиту СМК и охране окружающей среды

Сертифицированная СМК прежде всего нужна предприятиям, претендующим на иностранные инвестиции или стремящимся к привлечению зарубежных заказчиков. Кроме того, согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 2 февраля 1998 г. № 113 «О некоторых мерах, направленных на совершенствование систем обеспечения качества продукции и услуг»^{*}, соблюдение этих мер является обязательным условием для получения госзаказа. Отсутствие у предприятий сертификата СМК по требованиям международных стандартов (МС) при заключении контрактных отношений или допуске к тендерам осложняет выход продукции на мировой рынок. Некоторым организациям уже удалось их внедрить,

^{*} Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 486 в документ внесены поправки, устанавливающие для федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов федерации оказание всемерной поддержки субъектам хозяйственной деятельности, внедряющим СМК на основе стандартов серии ИСО 9 000.

и они получили отечественные или иностранные сертификаты, выданные сертификационными организациями (ГОСТ Р, Бюро Веритас, Регистр Ллойда, ТЮФ-СЕРТ и др.)². Развитие сертификации СМК гарантирует высокий профессионализм участников и доверие к ее результатам. Для обеспечения системного подхода к различным сферам деятельности и повышения их эффективности создаются интегрированные системы менеджмента.

Правительство Республики Мордовия в своей работе опирается на многолетние традиции российских и республиканских предприятий и организаций в указанной области³. Республиканскими министерствами и ведомствами для оказания организационно-методической и консалтинговой помощи проводится масштабное ускоренное внедрение СМК и стандартов серии ИСО 9 000 на подведомственных предприятиях: создана сеть центров, укомплектованных специалистами высокой квалификации (ФГУ «Мордовский ЦСМ», Мордовский государственный университет, Торгово-промышленная палата Республики Мордовия, Республиканский инжиниринго-консалтинговый центр с филиалами в каждом районе Мордовии). Реализация в 2007 — 2011 гг. соответствующих мероприятий позволила сформировать положительный имидж мордовской продукции, повысив уровень ее конкурентоспособности. Продвижению товара на российский и зарубежный рынки также способствуют ежегодно иницилируемые на региональном уровне выставки и конкурсы. К числу наиболее авторитетных относится конкурс «Лучшие товары Мордовии», проводимый в рамках Всероссийского конкурса «100 лучших товаров России»⁴.

С внедрением на предприятиях СМК потребительское внимание все больше смещается от проверки качества товара к проверке систем качества у производителя, создаваемых как средство обеспечения стабильности выпускаемой продукции и, в первую очередь, производственной деятельности на основе документирования всех процессов и процедур⁵. Инструменты электронного учета и автоматизированного документооборота начали активно использоваться на предприятиях, занимающихся ремонтом и техническим обслуживанием подвижного состава в качестве новых средств учета и оценки объемов ремонта с необходимыми качественными характеристиками. Многие фирмы, в частности ОАО «РЖД», имеют в настоящее время интерактивные системы (рис. 1), отвечающие международным стандартам. К ним причисляют также Deutsche Bahn AG (Германия), China Railways (Китай), JSC Russian Railways (Россия) и Societe Nationale des Chemins de Fer Francais (Франция), входящие в число 150 крупнейших непубличных компаний мира по сектору экономики «Железные дороги» государственной формы собственности⁶. Поэтому автоматизация процессов контроля передвижения и ремонта грузовых вагонов в масштабах отдельных регионов и страны является для ОАО «РЖД» и дочерних компаний одной из важных задач.

В контексте Стратегии развития ОАО «РЖД» до 2015 г. данное направление считается приоритетным и успешно внедряется в главных вычислительных центрах компании. Учет и отчетность в дочерних обществах пока ведутся традиционным методом по причине значительных финансовых затрат, связанных с организацией, функционированием и подготовкой квалифицированных специалистов для подобных структур. Несмотря на то что на современном этапе оснащение вагоноремонтных заводов передовыми комплексами автоматизированного учета находится на начальной стадии формирования, руководство понимает необходимость качественных

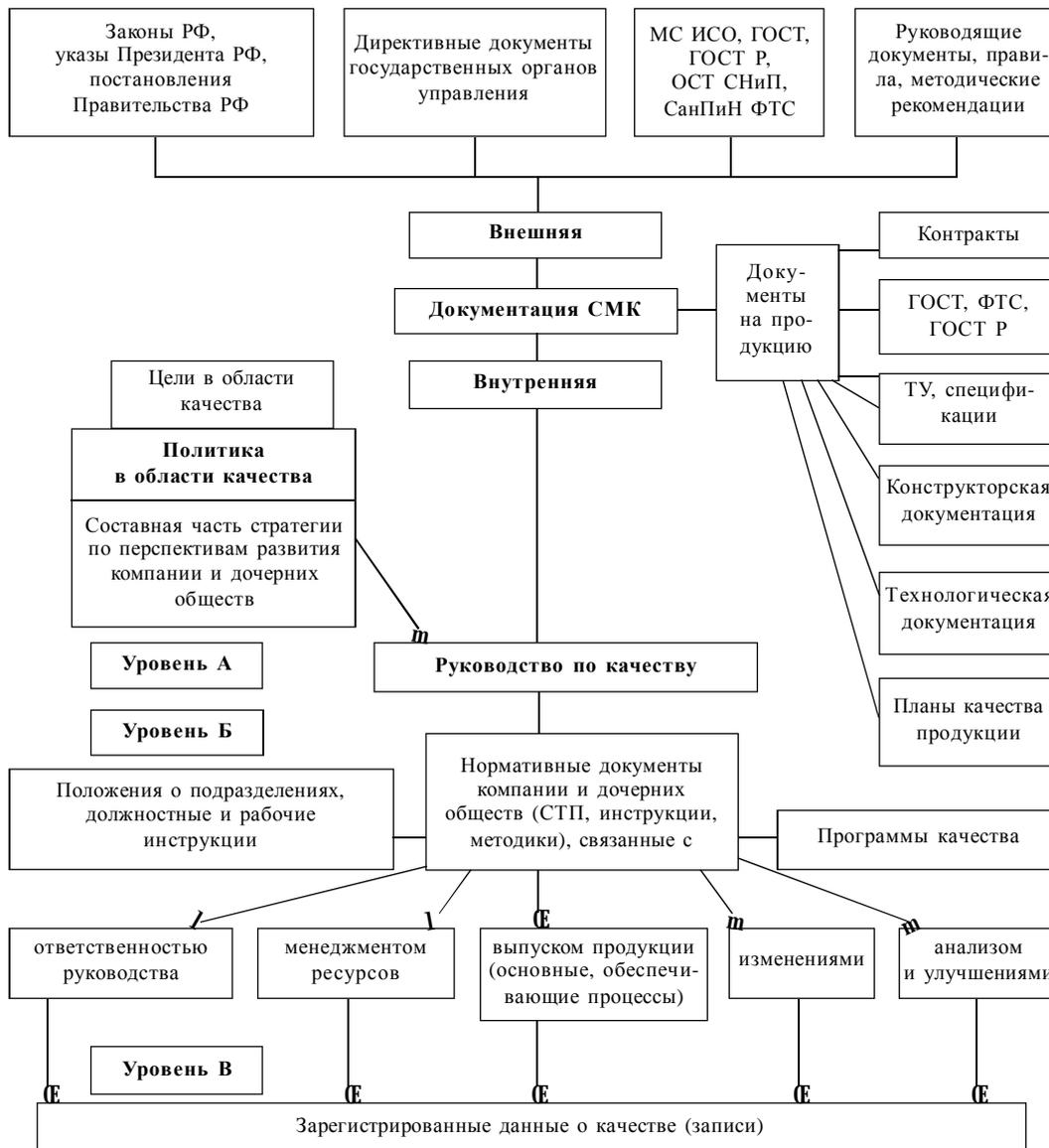

Рис. 1. Структура документации СМК ОАО «РЖД»

изменений в уровне компетенции работников при работе с компьютерным учетом, в целом повышающих эффективность работы и конкурентоспособность ОАО «РЖД» на рынке.

Недостаточная изученность аспектов внедрения электронного учета документации на ремонтных предприятиях железнодорожного транспорта обусловила целесообразность проведения соответствующих исследований на мезоуровне — на базе

ОАО «Саранский вагоноремонтный завод». Данное предприятие занимается оказанием услуг по капитальному и деповскому ремонту грузовых вагонов (цистерн, полувагонов и т. п.), модернизации (с продлением срока службы), строительству грузовых вагонов (нефтебензиновых цистерн), производству запасных частей, оборудования, узлов и агрегатов, оказанию других связанных с этим услуг, а также научно-технической деятельностью, разработкой и внедрением новых технологий, технологических процессов, оборудования и средств механизации.

Ретроспективный разбор концептуальных подходов к реализации централизованного учета и критический анализ учета ремонта грузовых вагонов, осуществляемого в настоящее время на отечественных железнодорожных предприятиях, позволили оценить существующую систему учета на соответствие ГОСТ Р ИСО 9 001-2008 на ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» по линии потерь от несвоевременно сданной отчетности предприятиям-заказчикам.

Следует признать, что модели СМК представляют собой мощное средство получения информации для принятия решений, применяемое при анализе и прогнозировании последствий функционирования различных систем и выборе наиболее предпочтительного варианта управления. Однако информационная асимметрия при моделировании, неясность и противоречивость целей и критериев оценки вариантов ситуационного характера затрудняют их создание, адекватное рассматриваемому объекту или процессу. Для этого в экономике чаще всего реализуется принцип управления воздействием на «главный» фактор с учетом внешнего дополнения (влияния неучтенных факторов, обеспечивающих системность процессов СМК). При этом учет воздействия внешней среды не раскрывает механизм дестабилизации, а лишь вносит поправки в полученную с помощью такого инструмента информацию.

Нельзя не согласиться с мнением Д. Майстера, ведущего мирового эксперта в области консультирования профессиональных компаний, который под планированием человеческих ресурсов понимает процесс определения и документального оформления ролей, ответственности и подотчетности, а также создания плана управления обеспечением проекта персоналом организации⁷. В крупные проекты входят менеджер по качеству, а также комитеты по управлению, контролю за изменениями и анализу спорных вопросов⁸. При внедрении информационной системы (ИС) возможны определенные модификации состава команды в зависимости от сложности и масштабности системы, которые предусматривают реализацию задач управления ресурсами, сроки выполнения и риски, контроль над организацией работ в группах⁹. Исполнителями в IT-проектах могут выступать архитектор, консультант, разработчик, администратор ИС, тестировщик, менеджер по качеству, системный аналитик и др.

Электронный подход к ведению документирования различных форматов (*иерархического, матричного или текстового*) распределения ролей и ответственности позволяет строить организационные диаграммы для каждого пакета работ с назначением исполнителей. Так, иерархические оргдиаграммы отражают инструмент определения иерархии подотчетности с документированием оргструктуры — схемой существующих подразделений организации (отделов, групп или команд) и указанием списка операций или пакета работ. Для этого в документ описания содержания проекта рекомендуем включить матрицу ответственности (МО), распространенную

под названием RACI-матрица (табл. 2), которая решает задачу структурированного подхода к демонстрации межорганизационного или межгруппового взаимодействия. МО также позволяет минимизировать возникшие в оргдиаграммах недоразумения с корректировкой изменений в процедуре интегрированного управления. Применение МО актуализируется в ситуации, когда команда состоит из представителей различных юридических лиц. В частности, МО может быть использована при распределении основных обязанностей в команде (табл. 3), список которых составлен нами на основе современной методологии и накопленного проектного опыта в данной сфере. В правую часть таблицы внесена отметка о степени ответственности и участия каждого члена группы в исполнении определенной функции.

Таблица 2

Условные обозначения и построение RACI-матрицы

Обозначение и расшифровка	Описание
(R) — Исполнитель (Responsible)	Несет ответственность за исполнение задачи. К каждой задаче прикрепляется не менее одного исполнителя
(A) — Утверждающий (Accountable)	Отвечает за конечный результат проекта перед вышестоящим руководством. На каждый вид работы назначается один подотчетный
(C) — Согласующий (Consulted)	Согласует принимаемые решения, взаимодействие с ним носит двусторонний характер
(I) — Наблюдатель (Informed)	Его информируют о принятом решении, взаимодействие с ним носит односторонний характер
Порядок построения	Основная характеристика проекта
1. Перечислить основные работы проекта	По вертикали отражаются виды работ (не ниже уровня 2 — 3 иерархической структуры). В крупных проектах и программах могут разрабатываться несколько МО с различной степенью их детализации
2. Выделить группы/роли внутри проектной команды	По горизонтали в МО перечисляются группы/роли внутрипроектной команды. Персонифицирование (персональное закрепление) проектных работ производится на этапе разработки их расписания
3. Закодировать МО	Коды в ячейках на пересечении столбцов с ролями и строк с работами указывают степень участия, формальные полномочия и распределение ответственности за выполнение каждой операции. Четкая формализация по уровням полномочий полезна при предъявлении особых требований к проекту членами команды

Таблица 3

Распределение обязанностей команды управления проектом

Функциональные обязанности	Куратор (Спонсор)	Руководитель	Архитектор системы	Администратор
1	2	3	4	5
Планирование				
Разработка и периодическая актуализация плана		+	+	
Утверждение плана	+			
Управление командой проекта				
Назначение руководителя	+			
Формирование команды		+		

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
Определение квалификационных требований и состава рабочих групп специалистов по функциональности ИС			+	
Обеспечение выделения требуемых ресурсов для выполнения проекта	+			
Непосредственное руководство командой		+		
Формирование предложений по стимулированию команды и его обеспечение	+			
Организация выполнения работ				
Организация взаимодействия с заказчиком и обеспечение всех коммуникационных связей с другими его участниками		+		
Организация подготовки, согласования и утверждения технической документации при создании ИС			+	
Организация, проведение и документирование процедур передачи заказчику разработанной ИС		+	+	
Рассмотрение и утверждение регламентирующих документов организации и выполнение проекта	+			
Ведение организационно-распорядительной и отчетной документации, предоставление команде информационных материалов, материально-техническое и хозяйственное ее обеспечение				+
Контроль за выполнением проекта				
Организация и проведение совещаний по обсуждению хода работ, подготовка и предоставление куратору соответствующих отчетов		+		
Получение и анализ сводной отчетности о ходе реализации проекта	+			
Контроль соответствия результатов проекта техническому заданию на разработку ИС			+	
Согласование фактических трудозатрат специалистов при исполнении проекта		+	+	

Используя позитивный опыт управления персоналом Т. Демарко и Т. Листера¹⁰, для анализа совокупностей навыков исполнителей МО мы сгруппировали компоненты в четыре категории (в том числе по рейтингам критичности и способностей с построением 4-балльной шкалы): *технические* (управление проектом и его технологией, оказание помощи в разрешении проблем, взаимодействие с техническим персоналом, участие в достижении компромиссов, наличие навыков системного анализа и решения задач маркетинга), *административные* (привлечение специалистов, эффективное общение, делегирование полномочий, ведение переговоров, календарное планирование, понимание политики и рабочих процедур), *межличностного общения и лидерства* (оказание помощи в решении проблем, построение многофункциональной команды, получение поддержки высшего руководства, мотивация членов команды, управление конфликтами) и *стратегические* (стратегическое планирование, принятие стратегических решений, умение работать в условиях риска, лидерские качества).

До разработки автоматизированной системы учета ремонта грузовых вагонов (АСУРГВ) мы осуществили комплексную и системную оценку всех структурных

подразделений ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» на предмет выяснения ответственности каждого сотрудника по основным этапам и элементам процесса СМК. В частности, на основе 3-уровневой шкалы ответственности (I уровень — организация, принятие решений; II — контроль, анализ, предложения; III — исполнение, отчетность) на первом этапе нами был сконструирован общий механизм RACI-матрицы и некоторые МО менеджеров низшего звена по трем цехам (№ 1 — котельно-ремонтный вагоносборочный, или ЦКРВС; № 2 — ремонта ходовой части, или ЦХЧ; № 3 — окраски и сушки, или ЦОС), механико-заготовительному участку (№ 4 — МЗУ), семи отделам (по управлению качеством (ОУК), технического контроля (ОТК), неразрушающего контроля (ОНК), главного метролога (ОГМетр), энерго-механического (ЭМО), производственно-диспетчерского (ПДО), материально-технического снабжения (ОМТС)) и сектору маркетинга (СМ) (табл. 4, 5).

Таблица 4

RACI-матрица на 1-м этапе внедрения АСУРГВ ОАО «Саранский вагоноремонтный завод»

Элементы СК	Директор	Главный инженер	ТСО	РМЦ	Начальник РМЦ	Мастер колесного участка	СВКК	Центральный склад	ОТК	Контролеры цеха № 2	Начальник участка производства	Начальник ЦХЧ	ИТВТ
Занесение номера вагона в базу			R, A										I
Опись литых деталей				R	A								I
Выкатка колесных пар						R, A							I
Отправка в ремонт колесных пар						I	R, A						I
Возврат с ремонта колесных пар						I	R, A						I
Хранение колесных пар						I		R					I
Контроль качества колесных пар									R, A				I
Подкатка колесных пар						R, A						C	I
Подкатка боковых рам										R			C I
Подкатка надрессорных балок										R			C I
Подкатка автосцепок											R		C I
Подкатка соединительных балок										R			C I
Формирование тележки					C								R I
Контроль за исполнением на всех этапах	C	C											I
Техническое сопровождение													R

Кроме этого с помощью совокупной матрицы функциональной ответственности подразделений предприятия мы выделили *основные поэтапные элементы системы качества* по всем его участкам и направлениям хозяйственно-экономической деятельности (общее руководство по качеству и его ответственность, заключение договоров (контрактов) на поставку продукции, управление проектированием, разработка и актуализация конструкторской и технологической документации, разработка и актуализация стандартов, закупки комплектующих и материалов, входной контроль комплектующих изделий и материалов, идентификация продукции и прослеживаемость,

Таблица 5

МО руководства по процессам СМК ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» по состоянию на 15.08.2008 г.

Руководители, подразделения	менеджмента				Процессы								улучшения				Примечания
	Управление документа- цией (01)	Управление запасами (02)	Распределение ответвен- ности (03)	Анализ со стороны руко- водства (04)	Управление персоналом (05)	Управление производствен- ной средой (06)	Управление устройствами для мониторинга (07)	Заключение договоров (08)	Закупки (09)	Контроль и испытание за- купленной продукции (10)	Производства (11)	Сохранение продукции (12)	Управление поверками (внутренний аудит) (13)	Мониторинг и измерение процессов улучшения (14)	Мониторинг и измерение продукции (15)	Управление несоответств- ющей продукцией (16)	
1	4.2.3	4.2.4	5.5	5.6	6.2	6.3, 6.4	7.6	7.2.2	7.4.1	7.4.3	7.5	7.5.5	8.2.2	8.2.3, 8.5	8.2.4	8.3	18
Генеральный директор	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Главный инженер	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Заместитель по управ- лению качеством	2	1	2	2	2	2	1	1	1	1	2	1	1	2	1	1	1
Заместитель по про- изводству	2	3	2	2	2	2	2	2	2	2	1	3	3	2	2	2	2
Заместитель по эко- номике	2	3	2	2	2	2	2	1	1	1	1	3	3	2	2	2	2
Заместитель по ком- мерции	2	3	2	2	2	2	2	1	1	1	1	3	3	2	2	2	2
Заместитель по управ- лению персоналом	2	3	2	2	1	1	1	1	1	1	1	3	3	2	2	2	2
Заместитель по безо- пасности	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Отделы:																	
ОУК	3	2	3	3	3	3	3	3	3	2	2	3	3	3	2	2	3
ОТК	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	3	3	3	3	2	2	3
ОНК	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	3	3	3	3	2	2	3

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
ОГМетр	3	3	3	3	3	3	2						3	3	3		
главного технолога	3	3	3	3	3	2	3	3	3	3	3	2	3	3	3	3	
ЭМО	3	3	3	3	3	3							3	3	3		
ИТВТ	3	3	3	3	3								3	3	3		
ПДО	3	3	3	3	3	2		3			2	3	3	3	3		
планово-экономический	3	3	3	3	3			2					3	3	3		
труда и заработной																	
платы	3	3	3	3	3	3							3	3	3		
ОМТС	3	3	3	3	3	3			2	3		3	3	3	3		3
ТСО	3	3	3	3	3			3	3			3	3	3			
по управлению пер-																	
соналом	3	3	3	3	2								3	3			
административно-																	
хозяйственный	3	3	3	3	3				3				3	3			
Бухгалтерия	3	3	3	3	3			3	3				3	3			
Секторы:																	
охраны труда	3	3	3	3	3	3							3	3			
СВКК	3	3	3	3	3	3			2	3		3	3	3			3
юридический	3	3	3	3	3			2					3	3			
СМ	3	3	3	3	3			3					3	3			
Производственные цеха																	
(№ 1, 2, 3, участок № 4)	3	3	3	3	3	3	3		3	3	3	3	3	3	3	3	
Опытно-эксперимен-																	
тальный участок	3	3	3	3	3	3	3		3	3	3	3	3	3	3	3	
РМЦ	3	3	3	3	3	3	3		3	3	3	3	3	3	3	3	
Сварочная лаборатория	3	3	3	3	3	3	3		3	3	3	3	3	3	3	3	

Уровни ответственности: I — организация, принятие решений; II — контроль, анализ, предложения; III — исполнение, отчетность

управление производственными процессами, контроль и испытания, управление контрольным измерительным и испытательным оборудованием, статус контроля и испытаний, управление несоответствующей продукцией, корректирующие и предупреждающие действия, погрузочно-разгрузочные работы, хранение и поставка продукции, сбор и регистрация данных о качестве, внутренние проверки качества, подготовка кадров различных уровней производства и управления, организация технического обслуживания продукции, экономика качества, осуществление маркетинга), а также ответственность каждого функционального звена и соответствующего по должности специалиста (р — утверждает, о — ответственный исполнитель, и — исполнитель, у — участник выполнения).

Проведенный анализ показал, что первым с накладными на вагон начинает работать транспортно-сбытовой отдел (ТСО) ОАО «Саранский вагоноремонтный завод», в ведении которого находятся следующие данные: номер вагона, вид ремонта, характеристика вагона по количеству осей, собственник, наличие акта ВУ-19 (форма отчетности), дата поступления, дорога и станция отправления.

После создания и утверждения алгоритмов учета вагонов в реестре данных было разработано техническое задание ТСО для первого этапа внедрения системы с возложением контроля за его исполнением на начальника отдела.

Следующим шагом стал анализ натурального осмотра и описи литых деталей вагона, осуществляемый в ремонтно-механическом цехе (РМЦ), по пунктам: дата принятия на комиссию вагона, номера колесных пар, номера боковых рам, номера надрессорных балок, номера автосцепок, номера соединительных балок. После натурального осмотра происходит разбор тележки по деталям для их отправки по соответствующим цехам. При этом алгоритм учета литых деталей утверждается специальным техническим заданием под контролем начальника этого цеха. Выкатка колесных пар из-под тележки ведется колесным участком цеха № 2 (с формированием накладных о передаче колесных пар на центральный склад до их последующей отправки в ремонт). Кстати, предложенный алгоритм АСУРГВ предусматривает синхронную работу мастеров и контролеров при указанных блокировках, чем обеспечивается максимальная производительность труда и однозначность получаемой информации из базы данных.

За ремонт колесных пар несет ответственность сектор внешней кооперации и комплектации (СВКК), документооборот которого начинается со следующих входных данных: номер колесной пары, собственник, толщина обода, место нахождения, характеристика. В число самых объемных и затратных операций входят отправка и возврат с ремонта колесных пар, которых ежемесячно учитывается более 1 тыс. ед. (контроль за исполнением операций закреплен за сотрудниками и начальником сектора). Вслед за возвратом с ремонта колесные пары, так же, как и остальные литые детали, помещаются на центральный склад с автоматически назначаемой отметкой — флагом «местоположение» (ответственность за хранение литых деталей несет начальник центрального склада). При наличии необходимого литья на складе происходит формирование тележек под наблюдением начальника цеха № 2. За разработку и техническое сопровождение отвечает отдел информационных технологий и вычислительной техники (ИТВТ).

Проецируя данные по анализируемому объекту исследования (см. табл. 3), мы распределили перечень основных обязанностей команды управления по основным элементам его СМК (табл. 6). Данная RACI-матрица была преобразована

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Отдел труда и заработной платы	3	3			3					3				3	3			3		
ОМТС	3	3	3		3					3			3		3	3		3		3
СВКК	3	3	3		3					3			3		3	3		3		3
Отдел кадров	3	3												3				3		
Бухгалтерия	3	3				3										3		3		3
Юридический сектор	3	3	3																	
Производственные цеха	3	3			3		3	3	3				3	3	3	3	3	3		3
Вспомогательные цеха	3	3			3		3	3	3					3						
Склады	3	3			3			3					3	3	3	3		3		3
Транспортный цех	3	3													3	3		3		3

Уровень ответственности: I — организация, принятие решений; II — контроль, анализ, предложения; III — исполнение, отчетность.

нами в автоматический алгоритм в разрезе одного вагона. Исполняемый код, созданный на его основе, незамедлительно сигнализирует руководству о возникновении остановок в процессе ремонта вагона, что позволяет оперативно принимать нужные решения.

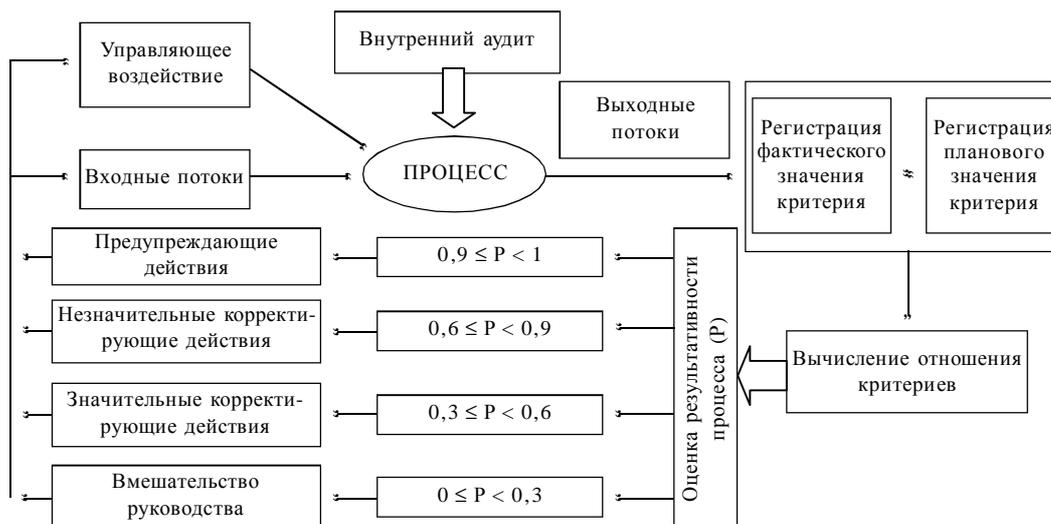
В совокупности это позволило, во-первых, детализировать существующий стандарт организации (СТО)* и основной руководящий документ (РД) по всем должностям, предусмотренным штатным расписанием, во-вторых, конкретизировать ответственность каждого участника проекта по пунктам документа СМК организации; в-третьих, рекомендовать разработанную АСУРГВ к реализации на ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» в 2010 — 2012 гг. (в настоящее время она успешно интегрируется в элементы существующей СМК); в-четвертых, предложить методику разработки плана и реализации мер модернизации учета на основе поуровневого внедрения обязательной отчетности и ответственности; в-пятых, апробировать использование предложенной методики электронного учета на базе данного предприятия; в-шестых, определить результативность процессов СМК и АСУРГВ в целом.

Методическим инструментарием мониторинга и измерения результативности элементов СМК, а также разработки корректирующих и предупреждающих действий с целью демонстрации способности процессов достигать запланированных результатов послужил ГОСТ Р ИСО 9 001-2001, п. 8.2.3. Методика является составной частью комплекта электронной документации СМК ОАО «Саранский вагоноремонтный завод», регламентирующего порядок его проведения, и АСУРГВ. Она предназначена прежде всего для руководителей и специалистов предприятия в процессе их деятельности по достижению требуемого качества, а также для взаимодействия с потребителями и поставщиками ОАО «РЖД».

Процедура мониторинга и измерения результативности процессов СМК позволяет провести измерение процессов СМК и системы предприятия в целом, а при необходимости принять корректирующие и/или предупреждающие действия по управлению СМК в соответствии с требованиями ГОСТ Р ИСО 9 001-2001. Процедура мониторинга необходима для того, чтобы организация смогла сделать выводы о ее функционировании и результативности. Основой проведения мониторинга измерения процессов послужили внутренние аудиты СМК. В нашем случае разработка МО при внедрении АСУРГВ со сводом ролей и полномочий дает однозначную оценку результативности процессов СМК каждого звена завода (рис. 2).

Результативность процедур СМК мы устанавливали по критериям (контрольным вопросам нормативной документации с присвоением каждому из них планового значения для результативности процедуры. При внутренних аудитах выявлялись несоответствия, классифицируемые нами как значительные и малозначительные (выявленное несоответствие при оценке значение критерия по конкретному показателю принималось равным нулю). Определение результативности процесса заключалось в

* Стандарт организации СТО СВРЗ 01-2010 «Система менеджмента качества. Руководство по качеству» разработан на основе требований стандарта ГОСТ Р ИСО 9 001-2008. Описывает разработанную и внедренную в ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» СМК в части раздела 4 ГОСТ Р ИСО 9 001-2008 и предназначен для использования его руководителями и специалистами в процессе их деятельности по достижению требуемого качества, а также для взаимодействия с потребителем и поставщиком.

Критерии шкалы значимости результативности процессов СМК: $P_n = 0$ (процесс не функционирует и требует разработки); $P_n = 0 < 0,3$ (процесс функционирует нерезультативно и требует вмешательства высшего руководства); $P_n = 0,3 < 0,6$ (процесс функционирует нерезультативно и требует значительных корректирующих и предупреждающих действий); $P_n = 0,6 < 0,9$ (процесс функционирует результативно, но требует разработки корректирующих действий); $P_n = 0,9 < 1$ (процесс функционирует результативно, но требует проведения незначительной коррекции); $P_n = 1$ (процесс функционирует результативно и не требует разработки каких-либо действий).

Рис. 2. Схема измерения результативности процессов СМК ОАО «Саранский вагоноремонтный завод»

регистрации фактических и плановых значений критериев; вычислении отношения критериев (для определения отношения между фактическим и плановым значением по каждому из них); оценке результативности процедуры и процесса СМК; разработке корректирующих и предупреждающих действий. Данные значения использовались при разработке корректирующих и предупреждающих действий по управлению отдельной процедурой и процессом в целом (см. рис. 2).

Результативность отдельных процессов мы вычисляли по следующим формулам: $P_1 = A_1/A$, где A_1 — фактическое значение процесса менеджмента, A — его плановое значение; $P_2 = A_2/A$, где A_2 — фактическое значение обеспечивающих процессов, A — его плановое значение; $P_3 = A_3/A$, где A_3 — фактическое значение основных процессов, A — его плановое значение; $P_4 = A_4/A$, где A_4 — фактическое значение процессов улучшения, A — его плановое значение.

После определения результативности СМК по формуле $P_{СМК} = (P_1 + P_2 + P_3 + P_4) / 4$, где P_1, P_2, P_3, P_4 — результативность отдельных процессов системы, проводим ее оценку по шкале значимости результативности СМК с учетом принятых условий. Данные по результативности СМК и ее процессов используются руководством предприятия в квартальных отчетах и отчетах по функционированию СМК

ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» для анализа и оценки текущей ситуации при выполнении процессов и СМК в целом.

Таким образом, специально создаваемые комплексы технических средств и программного обеспечения позволят осуществить автоматизацию учета прибывающих или проходящих через станцию железнодорожных составов, формирование протоколов событий в соответствии с определенной структурой отчетов по заданным параметрам (например, за определенное время), долговременное хранение данных и доступ к ним оптимального количества пользователей, повсеместное внедрение систем автоматизированного учета вагонооборота для дочерних обществ. В итоге это создаст эффект неаддитивности*, т. е. не только улучшится качество, повысится скорость обработки и предоставления данных, но и будут исключены ошибки, часто допускаемые операторами.

Новая волна технологических изменений в условиях нарастающего геополитического соперничества, по мнению автора, призывает менеджмент к повышению уровня качества российских товаров (услуг). В целом реализация региональной политики, нацеленной на формирование общей культуры качества и повышение качества продукции и услуг во всех отраслях экономики Мордовии, кроме согласованности с национальными интересами России и учета региональных особенностей, а также отечественного и зарубежного опыта, должна базироваться на научной платформе с применением универсальных технологий управления качеством и регулированием элементов ее системы. Методологическими трендами этой науки должны овладеть менеджеры всех уровней, включая руководителей исполнительных органов государственной власти республики. Совершенствование процессов внедрения на предприятиях и в организациях эффективных СМК существенно увеличивает инвестиционную привлекательность и является залогом их устойчивого позиционирования на рынке.

Библиографические ссылки

¹ См.: Системы менеджмента качества. Требования. ISO 9 001:2008 = Quality management systems — Requirement (IDT). М., 2008. 66 с.

² См.: **Липидус В.** Управление качеством как высшая школа проявления регулярного менеджмента // Семь ног менеджмента. М., 1998. 424 с.

³ Концепция Республики Мордовия в области качества и конкурентоспособности продукции и услуг : утверждена постановлением Правительства Республики Мордовия от 14 авг. 2006 г. № 361 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.e-mordovia.ru> (дата обращения 05.12.2011).

⁴ См.: **Кулаков С. С., Кулакова О. Г.** Развитие системы менеджмента качества в регионе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.quality.eur.ru> (дата обращения 23.09.2011).

⁵ См.: **Долбиллина О. М.** Роль сертификации и систем качества в обеспечении конкурентоспособности продукции машиностроения // Экономика переходного периода: региональные особенности. Саранск, 2006. С. 110 — 118. (Тр. / НИИГН ; т. 6 (123)).

⁶ См.: **Светлов С. В.** Проблемы формирования государственной конкурентной политики и стимулирования конкуренции в России в свете развития фундаментальных наук и технологий (биотехнологии, социотехнологии и ноотехнологии): межсистемный анализ и синтез пробле-

* И. Ансофф привел эффект неаддитивности: «2+2=5» как пример для фирмы, чтобы подчеркнуть, что она ищет такие товарно-рыночные комбинации, в которых эффект от суммы больше, чем простая сумма эффектов составных частей (см.: **Ансофф И.** Новая корпоративная стратегия. СПб., 1999. С. 267 — 269).

матики // Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации : материалы Всерос. науч. практ. конф. (Москва, 10 апр. 2007 г.). М., 2007. С. 175 — 192.

⁷ См.: **Майстерс Д.** Управление фирмой, оказывающей профессиональные услуги. М., 2008. С. 223.

⁸ См.: **Арчибальд Р. Д.** Управление высокотехнологичными программами и проектами. М., 2004. 698 с.

⁹ См.: **Грекул В. И., Денищенко Г. Н., Коровкина Н. Л.** Управление внедрением информационных систем. М., 2008. С. 223.

¹⁰ См.: **Демарко Т., Листер Т.** Человеческий фактор : Успешные проекты и команды. М., 2005. 256 с.

Поступила 08.12.2011 г.

УДК 338.436.33(470.345)

Е. А. Самохвалова

E. A. Samokhvalova

СОСТОЯНИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

AGRICULTURAL SECTOR OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE EARLY 2000s

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, животноводство, растениеводство, сельскохозяйственная организация, личное подсобное хозяйство, крестьянское (фермерское) хозяйство, продовольственная безопасность.

В статье рассматриваются основные показатели агропромышленного комплекса, характеризующие уровень его развития; дается оценка растениеводства и животноводства республики; выявляются проблемы сельского хозяйства региона и предлагаются направления преобразований в этой сфере.

Key words: agricultural sector, cattle-breeding, crop production, agricultural organization, private farms, peasant (farmer) economy, food safety.

The main indicators of agricultural sector, which characterize the level of its development, are considered in the article; cattle-breeding and crop production of the republic are estimated; problems of the agriculture of the region are revealed and directions of conversions in this sphere are proposed.

Агропромышленный комплекс (АПК) является крупным сектором народного хозяйства Республики Мордовия, от состояния дел в котором во многом зависит экономическая и социальная обстановка на ее территории. К основным задачам развития АПК региона относятся: производство экологически чистых продуктов питания; государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей и экономическое регулирование аграрного рынка; комплексное преобразование

аграрного сектора, связанное с развитием всех его сфер; развитие перспективных и значимых отраслей сельского хозяйства; поддержка приоритетных направлений.

АПК Республики Мордовия представляет собой часть общероссийского АПК. В его производственной подсистеме выделяются три основных элемента: отрасли промышленности, выпускающие средства производства для сельского хозяйства, перерабатывающие и обслуживающие предприятия и организации; собственно сельскохозяйственное производство; предприятия и организации, занимающиеся заготовкой, хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции.

В построении первого элемента АПК в республике существует несколько особенностей, главная из которых заключается в том, что промышленные предприятия имеют более развитые связи с российской индустрией и в меньшей степени связаны с собственным АПК. В Мордовии нет предприятий (за исключением авторемзавода), ориентированных на выпуск средств производства для аграрного сектора экономики. Выпускаемая промышленная продукция имеет двойной характер использования. Например, автосамосвалы, экскаваторы, резинотехнические изделия, электролампы и другие виды изделий используются во многих отраслях, в том числе в АПК. Поэтому Республика Мордовия для обеспечения материально-технических потребностей развития сельского хозяйства, а также перерабатывающих его продукцию отраслей вынуждена ориентироваться на их производство в других регионах России и СНГ. Одновременно определенная часть продукции, произведенной на территории Мордовии, используется в других российских регионах при изготовлении средств производства для АПК.

Следующей сферой, формирующей АПК республики, является сельское хозяйство, динамика развития которого определяет динамику развития всего АПК. Доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте составляет 16,5 %, уступая лишь обрабатывающему производству¹. На 1 января 2011 г. отрасль сельского хозяйства в республике представляли 275 сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности, 862 крестьянских (фермерских) хозяйства К(Ф)Х и более 160 тыс. личных подсобных хозяйств (ЛПХ) граждан².

В распоряжении сельхозтоваропроизводителей Республики Мордовия в 2010 г. находились 1 376 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 978 тыс. га пашни и 398 тыс. га сенокосов и пастбищ³ (табл. 1).

Таблица 1

Распределение сельскохозяйственных угодий в 2005 — 2010 гг., тыс. га

С.-х. угодья	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	1 658,9	1 658,4	1 658,0	1 658,0	1 658,0	1 376,0
В том числе:						
пашня	1 111,4	1 110,7	1 087,4	1 087,4	1 086,3	978,0
сенокосы и пастбища	464,6	498,7	499,2	499,2	499,2	398,0

Составлена по : Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2006. С. 218 ; 2007. С. 228 ; 2008. С. 228 ; 2009. С. 218 ; 2010. 228.

Согласно табл. 1, в структуре сельскохозяйственных угодий преобладала пашня, сенокосы занимали немного более 4 %, пастбища — около 18 %. Как показывает

статистика, приведенная в табл. 1, площадь всех сельскохозяйственных угодий сокращалась. Причины этого заключались в следующем: прекращении деятельности ряда предприятий и организаций, К(Ф)Х; выбывании сельскохозяйственных угодий под строительство зданий, дорог и расширении предприятий промышленности и иного специального назначения; невостребованности гражданами своих земельных долей (паев), которые переводились в земли запаса; истечении срока права аренды земель, или временного пользования, и невозобновлении его сельхозпроизводителями; нарушении земель, развитии эрозионных процессов, зарастании кустарниками; загрязнении почв выбросами промышленных предприятий, транспорта и т. п.

Сокращение сельскохозяйственных земель отрицательно сказалось на посевных площадях возделываемых культур (табл. 2).

Таблица 2

Посевные площади сельскохозяйственных культур в 2005 — 2009 гг., тыс. га

Посевные площади	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	740,7	740,3	711,1	716,9	749,0
В том числе под культурами:					
зерновыми	398,8	429,1	417,0	426,5	442,5
техническими	12,1	13,8	12,7	16,2	19,4
картофелем и овоще-бахчевыми	42,2	34,9	33,2	31,7	32,1
кормовыми	287,7	262,4	248,3	242,5	255,0

Составлена по: Мордовия. 2006. С. 218 ; 2007. С. 228 ; 2008. С. 228 ; 2009. С. 218.

По данным табл. 2, с 2005 по 2008 г. происходило снижение общей посевной площади, а также сокращение посевов кормовых культур, картофеля и овощей. В то же время увеличились посевные площади зерновых и технических культур, что объясняется их ведущим значением для республики. Как было уже сказано, удельный вес картофеля и овощей в анализируемом периоде оставался незначительным, хотя в рационе питания населения они составляют существенную долю. Учитывая это, необходимо увеличивать их посевные площади.

Сокращение площадей происходило также под плодово-ягодными деревьями, в том числе в плодоносящем возрасте. Это привело к тому, что в настоящее время фруктами и ягодами не удовлетворяются даже внутренние потребности республики, а существующие плодово-ягодные хозяйства практически не играют роли в удовлетворении спроса населения. В связи с вышесказанным развитие этого направления в республике представляется перспективным.

Посевные площади оказывают непосредственное влияние на валовой сбор сельскохозяйственных культур, который в хозяйствах всех категорий республики в первоначально-оприходованной массе составил: в 2005 г. — 836,1 тыс. т зерна, в 2006 г. — 1 025,8, в 2007 г. — 983,1, в 2008 г. — 1 259,8 и в 2009 г. — 1 422,6⁴.

Однако главным условием достижения высоких результатов остается интенсивный путь наращивания производства за счет повышения урожайности, использования достижений селекции и т. д. Следует отдавать предпочтение интенсивно плодоносящим сортам плодово-ягодных культур, стойким к изменениям погодных условий; использовать удобрения, отслеживая при этом уровень их концентрации в

плодах, чтобы целью производства оставались не объем, а качество и экологическая чистота урожая.

Наряду с растениеводством ведущую роль в сельском хозяйстве республики играет животноводство. Основными его отраслями являются мясо-молочное и молочно-мясное скотоводство, свиноводство, птицеводство и овцеводство; дополнительными, имеющими ограниченный ареал распространения, — коневодство, звероводство, кролиководство, а также прудовое рыборазведение. На 1 января 2010 г. основную долю в поголовье сельскохозяйственных животных составляли КРС и свиньи (табл. 3).

Таблица 3

Поголовье скота по категориям хозяйств на 1 января 2010 г., тыс. голов

Хоз-ва	КРС		Свиньи	Овцы и козы		Лошади
	Всего	В том числе коровы		Всего	В том числе овцы	
Хоз-ва всех категорий	295,4	102,0	294,2	41,1	25,5	4,2
В том числе:						
с.-х. организации	199,5	67,8	146,5	1,2	0,7	1,1
ЛПХ	85,0	30,6	141,6	38,2	23,1	2,7
К(Ф)Х	10,9	3,6	6,1	1,7	1,7	0,3

Составлена по: Министерство сельского хозяйства и продовольствия РМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agro.e-mordovia.ru/apk>

Более наглядно структура животноводства в хозяйствах различных форм представлена на рисунке.

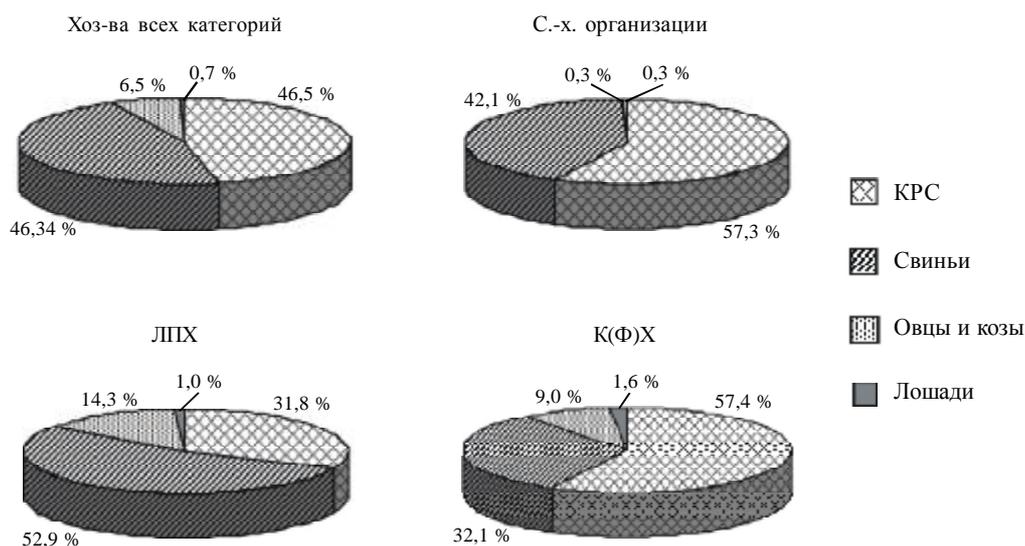

Рисунок. Структура животноводства в хозяйствах различных форм

Как видно из табл. 3 и рисунка, основная доля из общего поголовья всех сельскохозяйственных животных приходилась на КРС (46,5 %), меньше половины которого составляли коровы, и свиней (46,3 %). Основная часть КРС находилась в сельскохозяйственных организациях (57,3 %), а поголовье свиней практически поровну было распределено между сельскохозяйственными организациями и ЛПХ населения (32,1 и 31,8 %). В то же время в ЛПХ содержалась подавляющая часть овец и коз (14,3 %), тогда как в сельхозорганизациях их доля была значительно меньше (0,3 %). В целом поголовье сельскохозяйственных животных всех категорий в основном распределялось между ЛПХ и сельскохозяйственными организациями, при этом роль К(Ф)Х была менее значительной. В основном такая картина складывалась вследствие неразвитости сектора фермерского хозяйствования в республике.

Как уже было отмечено, в сельскохозяйственных организациях и К(Ф)Х более 57 % приходилось на КРС, тогда как в хозяйствах населения более 50 % составляли свиньи. Такую тенденцию можно обосновать снижением доли коров, которые в ЛПХ составляли основную часть от общего числа КРС у населения. Оценивая вклад различных типов хозяйств в поддержание и рост поголовья всех видов скота, можно отметить следующее: в крупных сельскохозяйственных предприятиях преобладало поголовье КРС; в ЛПХ населения в большей мере развивалось свиноводство и овцеводство, здесь же содержалось основное поголовье лошадей; в К(Ф)Х доля животноводства всех категорий была незначительной.

В настоящее время большое значение для республики представляет восстановление поголовья овец (для сравнения: в 1990 г. в Мордовии насчитывалось 405,3 тыс. голов овец и коз). В связи с тем, что баранина практически отсутствует на рынке, хотя мясо овец и коз является весьма ценным продуктом, мясной баланс республики формируют: птица — 47,9 %, свинина — 27,4 % и говядина — 24,7 %⁵. Все это говорит о необходимости ускоренного развития К(Ф)Х, что позволит наращивать поголовье наиболее перспективных категорий скота. В 2011 г. средние показатели продуктивности скота и птицы в Мордовии (удой молока от одной коровы — 4 327 кг; яйценоскость курицы-несушки — 311 шт.) превышали аналогичные показатели по России (соответственно 3 574 и 229)⁶.

Производство молока и мяса увеличивается в районах, расположенных в южной части республики, что обусловлено наличием здесь разветвленной транспортной сети, к которой привязаны заготавливающие и перерабатывающие предприятия, а также потребители в виде городского населения. В целом производство животноводческой продукции имеет большие различия в том или ином районе республики, что связано со сложившимися природными социально-экономическими условиями.

В денежном выражении объемы растениеводства и животноводства в течение 2005 — 2009 гг. увеличивались (табл. 4). Исключение составляет 2009 г., на показатели которого оказал влияние мировой экономический кризис, затронувший все отрасли, в том числе сельское хозяйство.

Стоит отметить, что распределение производства сельскохозяйственной продукции между сельскохозяйственными организациями и хозяйствами населения в течение 2005 — 2009 гг. происходило примерно поровну, а в последние годы — с небольшим перевесом в пользу сельскохозяйственных организаций, в которых объемы продукции наращивались более высокими темпами за счет высокотехнологичного производства как в животноводстве, так и в растениеводстве (табл. 5). Кроме того,

Таблица 4

Продукция сельского хозяйства с 2005 по 2009 г.

С.-х. продукция	2005		2006		2007		2008		2009	
	млн руб	млн руб	%							
Всего	16 055,7	18 471,2	115,0	22 738,5	123,0	29 114,1	128,0	33 316,9	114,0	
В том числе:										
растениеводства	7 012,4	7 864,4	112,0	10 409,2	132,0	14 437,0	139,0	16 296,3	113,0	
животноводства	9 043,3	10 606,8	117,0	12 329,3	116,0	14 677,1	119,0	17 020,6	116,0	

Составлена по: Мордовия. 2006. С. 215 ; 2007. С. 225 ; 2008. С. 225 ; 2009. С. 215.

в сельхозорганизациях уровень обеспеченности сельскохозяйственной техникой, минеральными удобрениями и гербицидами, комбикормами и т. д. был выше.

Несмотря на развитие инфраструктуры села (повсеместную газификацию, телефонизацию, строительство жилья и т. д.), численность К(Ф)Х и ЛПХ населения

в течение анализируемого периода оставалась практически на одном уровне. Таким образом, улучшение жизни на селе почти не отразилось на росте сельскохозяйственного производства. Отрицательную роль в этом сыграли также административные факторы, в частности отсутствие регулирования производственной деятельности фермеров со стороны местной власти.

Данные, характеризующие положение К(Ф)Х в регионе, представлены в табл. 6.

Таблица 5

Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в 2005 — 2009 гг., %

С.-х. продукция	2005	2006	2007	2008	2009
В хоз-вах всех категорий	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:					
с.-х. организациях	45,7	45,6	49,9	51,8	52,5
ЛПХ, включая К(Ф)Х	54,3	54,4	50,1	48,2	47,5

Составлена по: Мордовия. 2006. С. 216 ; 2007. С. 226 ; 2008. С. 226 ; 2009. С. 226.

Таблица 6

Состояние К(Ф)Х в 2005 — 2009 гг.

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009
Число зарегистрированных К(Ф)Х, ед.	1 110	1 112	1 082	1 118	1 128
Площадь предоставляемых К(Ф)Х земельных участков, тыс. га	97,3	94,9	92,0	87,8	83,8
Средний размер земельного участка, га	87,7	85,3	85,0	78,5	74,3

Составлена по: Мордовия. 2006. С. 215 ; 2007. С. 225 ; 2008. С. 225 ; 2009. С. 225.

По данным табл. 6, в течение 2005 — 2009 гг. происходило уменьшение площади земельных участков, предоставляемых фермерским хозяйствам, а также среднего размера земельного участка, что сдерживало развитие этой категории хозяйств в республике.

В целом низкий производственный потенциал фермерских хозяйств республики объясняется отсутствием стартовых условий, способствовавших их развитию. Меры, принимаемые государством для социального развития села, даже отдаленно не напоминали таковые в экономически развитых странах, где функционируют или крупные высокотехнологичные хозяйства, как, например, в США, или некрупные хозяйства с развитой структурой различного рода кооперативов локального, регионального и национального уровней, как в Европе⁷.

В Мордовии важным фактором устойчивого развития агропромышленного производства и стабилизации социально-экономического положения на селе являются мелкотоварное производство, индивидуальные формы хозяйствования и сельское подворье. В республике насчитывается более 160 тыс. ЛПХ, поставляющих большие объемы сельскохозяйственной продукции на рынок.

Социально-экономическая эффективность развития этого сектора агропромышленного комплекса заключается в использовании хозяйственных построек, находящихся у населения, пищевых отходов сельской семьи, неудобных для общественного производства кормовых угодий. Товарная продукция ЛПХ увеличивает налогооблагаемую базу сельских муниципальных образований, а переработка сельскохозяйственного сырья, купленного пищевыми предприятиями у этих хозяйств, обеспечивает население дополнительными рабочими местами. На практике более развитые ЛПХ со временем преобразуются в фермерские.

Учитывая важную роль крестьянского подворья в экономике АПК, правительство Мордовии разработало комплекс мер по развитию этого сектора. В частности, сельским подворьям были установлены следующие государственные субсидии: по 400 руб. на содержание каждой коровы при условии продажи молока с подворья не менее 700 кг в год; по 400 руб. за каждый опорос свиноматки при условии продажи половины поросят от опороса, в том числе минимум 10 поросят — населению; дополнительно за счет бюджетных средств на одну свиноматку выделяется 500 кг зернофуража в год, которые сельскому подворью достаются бесплатно⁸.

Структура производства сельскохозяйственной продукции представлена в табл. 7.

Третью сферу АПК Мордовии составляют более 50 перерабатывающих и несколько десятков заготавливающих предприятий республики. Это предприятия по переработке животноводческой и растениеводческой продукции (консервные предприятия; сахарный и другие заводы; элеваторы; хранилища; предприятия мукомольной и комбикормовой промышленности; организации, осуществляющие производственное и непроизводственное строительство на селе и др.)⁹.

Многие годы Мордовия являлась традиционным поставщиком в крупные центры Российской Федерации картофеля, животноводческой и консервной продукции. Однако завоеванные ранее позиции постепенно утрачиваются. Во многом это обусловлено тем, что первоначально приоритет в АПК отдавался сельскохозяйственному производству, повышению уровня обеспеченности его техникой, удобрениями, кормами, горюче-смазочными материалами, запасными частями и т. д. В результате стали снижаться показатели по народному хозяйству в целом, что, в свою очередь, привело к формированию мнения о неэффективности вложений в сельское хозяйство. Затем ресурсы внутри АПК стали перераспределяться в сторону перерабатывающей отрасли. Данный сектор АПК получил преимущества в развитии и нуждался в дополнительном обеспечении сырьем, которого внутри

Таблица 7

Производство сельскохозяйственной продукции хозяйствами различных категорий в 2005 — 2009 гг.,
% от хозяйств всех категорий

С.-х. продукция	С.-х. организации					ЛПХ					К(Ф)Х				
	2005	2006	2007	2008	2009	2005	2006	2007	2008	2009	2005	2006	2007	2008	2009
Зерно (в массе после доработки)	92,3	90,5	90,3	90,0	89,2	—	0,1	0,4	0,4	0,6	7,7	9,4	9,3	9,6	10,2
Сахарная свекла (фабричная)	97,5	94,2	95,0	97,1	98,4	0,5	4,4	2,7	2,8	1,1	2,0	1,4	2,3	0,1	0,5
Картофель	1,9	2,0	1,4	1,7	2,9	97,8	97,6	97,8	95,1	92,7	0,3	0,4	0,8	3,2	4,4
Овощи	21,9	27,2	21,1	25,2	24,2	76,5	71,1	77,4	72,3	73,2	1,6	1,7	1,5	2,5	2,6
Скот и птица (в убойной массе)	47,2	51,3	56,2	57,9	63,3	52,0	47,8	42,6	40,7	35,6	0,8	0,9	1,2	1,4	1,1
Молоко	47,5	51,2	53,6	55,1	58,5	50,5	46,1	43,4	41,0	38,1	2,0	2,7	3,0	3,9	3,4
Яйца	77,6	84,3	86,3	85,2	87,7	22,3	15,7	13,7	14,7	12,3	0,1	—	—	0,1	—
Шерсть	1,7	2,0	3,8	2,0	2,0	98,3	98,0	94,2	95,9	91,8	—	—	—	—	—

Составлена по : Мордовия. 2006. С. 218 — 253 ; 2007. С. 228 — 263 ; 2008. С. 228 — 263 ; 2009. 218 — 263.

комплекса оказалось недостаточно. Это привело к активизации импорта сельскохозяйственного сырья и как следствие — еще большему отставанию в сельском хозяйстве, поскольку отечественные производители уступали крупным зарубежным компаниям.

Таким образом, попытки развивать АПК, поддерживая лишь одну из его сфер, вызывают внутрикомплексные перекосы. Поэтому для планомерного и стабильного развития АПК необходимо выработать согласованные направления преобразований всех его составляющих.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2006. С. 215 ; 2007. С. 225 ; 2008. С. 225 ; 2009. С. 215 ; 2010. С. 225.

² Министерство сельского хозяйства и продовольствия РМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agro.e-mordovia.ru/apk/> (дата обращения 23.09.2011).

³ Там же.

⁴ См.: Мордовия.

⁵ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 02.09.2011).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Министерство сельского хозяйства и продовольствия РМ.

⁹ Там же.

Поступила 20.12.2011г.

УДК 929:338.43(470.344)

В. Б. Шуверов

V. B. Shuverov

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НОСИТЕЛЕЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
(По материалам энциклопедических изданий Чувашии)**

**HISTORICAL PORTRAIT OF BEARERS OF
TECHNOLOGICAL PROGRESS IN AGRICULTURE
(According to the encyclopaedias of Chuvashiya)**

Ключевые слова: научно-технический прогресс, сельское хозяйство, Чувашия, механизатор, исторический портрет.

В статье на основе авторской методики использования энциклопедий как особой группы источников впервые в региональной историографии реконструируется исторический портрет носителей научно-технического прогресса в сельском хозяйстве Чувашии. Особое внимание уделяется анализу социальных и демографических черт. Делается вывод о причинно-следственной обусловленности изменения и развития исторического портрета изучаемой социальной группы.

Key words: technological progress, agriculture, Chuvashiya, machine-operator, historical portrait.

The historical portrait of bearers of technological progress in agriculture of Chuvashiya is reconstructed in the article on basis of the author's procedure of using encyclopedias as a particular group of sources for the first time in regional historiography. Special attention is paid to the analysis of social and demographic characteristics. A conclusion about cause and effect conditionality of change and development of the historical portrait of social groups under study is made.

Сельское хозяйство является одной из основных отраслей народного хозяйства России, от развития которой зависят жизненный уровень и благосостояние населения: среднедушевой доход, потребление товаров и услуг, социальные условия жизни, размер и структура питания и многое другое. Исторический опыт и современная практика показывают, что существенными особенностями сельского хозяйства являются уровень и условия использования достижений науки и техники.

В сельском хозяйстве до середины XX в. замена ручного труда машинами и механизмами осуществлялась преимущественно в эволюционной форме на основе постепенного совершенствования научно-технических основ производства. Техническое перевооружение сельского хозяйства началось в первые годы советской власти, когда 1 апреля 1921 г. был издан декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О сельскохозяйственном машиностроении»¹. В 50-е гг. XX в. начался новый этап научно-технического прогресса, характеризующийся коренными преобразованиями в системе научных знаний и в технике. Механизация сельского хозяйства стала основным фактором роста производительности труда и интенсификации сельскохозяйственного производства. Одновременно с этим происходило расширение границ социальной группы носителей научно-технического прогресса в сельском

хозяйстве — увеличивалось количество не только ученых в этой сфере, но и представителей новых профессий, что давало право работать на различных механизмах и машинах. Одна из таких профессий — механизатор сельского хозяйства. В идеале он должен был владеть основами агротехники и выполнять весь комплекс сельскохозяйственных работ: полевые, ремонтные и погрузочно-разгрузочные; знать правила выполнения всех необходимых операций: вспашки поля, посева, междурядной обработки почвы, полива и уборки урожая; управлять машинно-тракторным агрегатом с учетом особенностей сельскохозяйственной техники, состояния пашни и вида культуры.

Специфика научно-технического прогресса в сельском хозяйстве может быть раскрыта через практическую реализацию его основных направлений социальной средой. Исследование этого вопроса позволило нам создать алгоритм, реконструирующий социальные и демографические черты исторического портрета тружеников, внесших наиболее значительный вклад в механизацию сельскохозяйственного производства в Чувашии. Особенность нашего подхода заключается в обращении к энциклопедическим изданиям, к этому побуждает также «... тот информационный взрыв, который переживает человечество, появление новых информационных средств и технологий, превращающих индустриальное и постиндустриальное общество в общество информационное»².

В начале XXI в. в Чувашии был подготовлен и издан ряд универсальных справочных изданий об истории, культуре и экономике республики, ее знаменитых уроженцах, а также представителях чувашского и других народов России и зарубежья, внесших значительный вклад в развитие края³. В них отражены универсальные знания о национальных особенностях, жизнедеятельности и верованиях населения, ландшафтных, климатических и других отличиях районов республики. Значительное место (60 %) в энциклопедиях занимают биографические статьи о сельских тружениках, удостоенных государственных наград, в том числе почетных званий «Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР», «Заслуженный механизатор сельского хозяйства Российской Федерации», «Заслуженный механизатор сельского хозяйства Чувашской АССР», «Заслуженный механизатор Чувашской Республики». В общей сложности нами было выявлено 240 энциклопедических статей, содержащих автобиографические сведения: об уровне образования, о профессии, о государственных наградах, в ряде случаев — о профессиональных достижениях этих людей.

Наряду с несомненными «плюсами» (высокая информационная емкость) энциклопедии имеют «минусы», обусловленные недостаточной степенью унификации статей в различных изданиях. Так, не всегда точными оказываются наименования почетных званий, отсутствуют даты отдельных событий (в 37 из 240 энциклопедических статей не указаны годы присвоения почетных званий). Этим объясняется наличие в нашем исследовании некоторой доли условности, комбинирование относительных и абсолютных показателей. Преодоление подобных погрешностей и дальнейшее увеличение информационной отдачи опубликованных источников возможно благодаря использованию математико-статистических методов.

Временной масштаб составления исторического портрета заслуженных механизаторов сельского хозяйства как носителей научно-технического прогресса охватывает период с 60-х гг. XX в. до начала XXI в. В 1960 г. было установлено почетное звание «Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР»⁴, а в 1963 г. одни-

ми из первых в Чувашской АССР были удостоены его И. П. Брейкин и В. С. Кузнецова, о которых из энциклопедий можно узнать следующие факты:

Брейкин Иван Петрович (09.09.1914 — 29.05.1977), родился в с. Стемасы Алатырского уезда (ныне Алатырского района), механизатор, бригадир тракторной бригады колхоза «Путь Ильича» (с. Стемасы). Окончил Канашскую школу механизаторов, получил специальность комбайнера⁵.

Кузнецова Василиса Павловна (05.10.1920 — 22.04.1987), родилась в д. Старые Тойси Цивильского уезда (ныне Батыревского района), новатор производства. В 1938 г. окончила курсы трактористов при Батыревской МТС и проработала механизатором в колхозе «Гвардеец» до 1970 г. Инициатор комплексного возделывания кукурузы без применения ручного труда, достигла наивысшего результата по урожайности зеленой массы — 850 ц/га с площади более 100 га (1967 г.). Награждена орденом Ленина, медалями. Занесена в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1967 г.)⁶.

В 1995 г. было введено почетное звание «Заслуженный механизатор сельского хозяйства Российской Федерации»⁷, а спустя 15 лет — упразднено⁸. Одним из последних в Чувашии его получил в 2002 г. Петров Иван Иванович (родился 19.09.1941 г. в д. Нижние Панклеи Моргаушского района), передовик производства. Окончил Советское училище механизации сельского хозяйства в Ядринском районе (1962 г.). Служил в Советской армии (1964 — 1967 гг.). В 1959 — 1960 гг. работал в колхозе «Мичуринец», в 1962 — 1964 гг. — трактористом в Оренбургской области. С 1967 по 2003 г. — тракторист колхоза «Ленинец» и совхоза «Ударник» Моргаушского района Чувашской Республики, заслуженный механизатор Чувашской Республики (2000 г.)⁹.

В 1961 г. было введено почетное звание «Заслуженный механизатор сельского хозяйства Чувашской АССР»¹⁰. Одними из первых его получили в 1962 г. следующие работники:

Николаев Анатолий Николаевич (06.01.1935 — 27.06.2004), родился в д. Вурманкас-Алманчино Красноармейского района, работник сельского хозяйства. Служил в Советской армии (1954 — 1956 гг.). Окончил Канашское сельское профтехучилище № 1. Тракторист-машинист широкого профиля. Тракторист, бригадир тракторной бригады колхозов «Партизан» и «Гигант». Депутат Верховного Совета Чувашской АССР (1994 — 1998 гг.). Награжден медалями¹¹;

Павлов Гавриил Павлович (24.11.1913 — 04.12.1994), родился в д. Вурманкасы Ядринского уезда (ныне Вурнарского района), механик. Окончил Вурманкасинскую начальную школу, Абызовскую среднюю школу. Учился на механизатора в Вурнарской МТС, окончил курсы механиков. Участник Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.), гвардии рядовой 100-го гвардейского минометного полка. После демобилизации до выхода на пенсию (40 лет) работал механиком в колхозе «Самолет». Активно внедрял прогрессивную технику ремонта и эксплуатации тракторов, автомобилей и другой сельскохозяйственной техники, воспитал передовиков-механизаторов А. И. Никитина, И. Г. Григорьева, А. М. Максимова и др. Награжден орденами Красной Звезды (1943 г.), Отечественной войны I степени (1986 г.), «Знаком Почета» (1966 г.), медалью «За боевые заслуги» (1941, 1943 г.) и др.¹²;

Трофимов Тимофей Тимофеевич (родился 23.05.1925 в д. Качалово Ядринского уезда, ныне Аликовского района), организатор сельскохозяйственного про-

изводства. Окончил Юманлыхскую начальную школу (1936 г.), Асакасинскую неполную среднюю школу (1939 г.), вечернюю среднюю школу, Цивильский сельскохозяйственный техникум, курсы руководящих кадров для колхозов при Чувашском сельскохозяйственном институте. Трудился на строительстве оборонительных сооружений на р. Суре (1941 — 1942 гг.). Участник Великой Отечественной войны (1943 — 1945 гг.). После окончания училища механизации сельского хозяйства (1952 г.) работал механизатором, бригадиром колхоза «Правда». Большой вклад внес в развитие сельского хозяйства, внедрял в производство достижения науки и техники, передовые приемы агротехники, ежегодно добивался высоких урожаев кормовых культур и картофеля. Лучший кукурузовод РСФСР. Заслуженный механизатор РСФСР (1970 г.). Награжден орденом Ленина (1966, 1970 г.), медалями, в том числе медалями ВДНХ СССР. Его имя занесено в Книгу Почета Трудовой Славы Аликовского района (1972 г.)¹³;

Филиппов Иван Филиппович (10.02.1925 — 21.02.1972), родился в д. Чудукасы Красноармейского района, механизатор. Окончил школу механизации сельского хозяйства в г. Канаш. Работал трактористом, бригадиром тракторной бригады, главным инженером колхоза «Герой»¹⁴.

В 1994 г. было установлено почетное звание «Заслуженный механизатор Чувашской Республики»¹⁵, закрепленное через 11 лет законодательно¹⁶. На протяжении почти полувека содержательное наполнение почетных званий менялось. Так, первоначально почетное звание «Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР» присваивалось «высококвалифицированным инженерам и техникам колхозов, совхозов, машиноремонтных мастерских, научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству и других сельскохозяйственных предприятий, учреждений и организаций, проработавшим в сельском хозяйстве по специальности не менее 10 лет и имеющим крупные заслуги в области механизации сельского хозяйства»¹⁷, а почетное звание «Заслуженный механизатор сельского хозяйства Чувашской АССР» — «высококвалифицированным инженерам, техникам, механикам, машиноведам, трактористам, комбайнерам и другим механизаторам колхозов, совхозов, машиноремонтных мастерских, научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству и других сельскохозяйственных предприятий, учреждений и организаций, проработавшим в сельском хозяйстве по специальности не менее 10 лет и имеющим крупные заслуги в области механизации сельского хозяйства»¹⁸. На рубеже XX — XXI вв. критерии отбора изменились. Почетное звание «Заслуженный механизатор сельского хозяйства Российской Федерации» стало присваиваться «высокопрофессиональным механизаторам, техникам-механикам предприятий, учреждений и организаций сельского хозяйства за заслуги в области механизации сельского хозяйства, достижение высоких показателей в использовании сельскохозяйственной техники и работающим по специальности в области сельского хозяйства 10 и более лет»¹⁹. Почетного звания «Заслуженный механизатор Чувашской Республики» могли быть удостоены «высококвалифицированные механизаторы, инженерно-технические работники, работники машинно-тракторных парков коллективных хозяйств, ремонтных предприятий, объединений, обслуживающих сельскохозяйственное производство, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, опытных станций, безусловно проработавшие в сельском хозяйстве не менее 10 лет и добившиеся на основе внедрения в

сельскохозяйственное производство достижений науки, техники и передового опыта значительных успехов в развитии сельскохозяйственного производства, безаварийного, высокопроизводительного использования машинного парка и оборудования»²⁰.

Таким образом, в качественных характеристиках рассматриваемой социальной группы прослеживается ряд изменений. Во-первых, сократилось количество специальных видов профессии механизатора сельского хозяйства, которая становится все более универсальной. Во-вторых, повысились требования к уровню профессионализма, прежде всего в области внедрения достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство, что является признаком формирования общего цикла «наука — техника — производство» в сельском хозяйстве.

В изменениях количественных параметров изучаемой совокупности выделяются два периода: 1960 — 1980-е гг. и 1990-е — начало 2000-х гг. В рамках первого из них почетные звания «Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР» и «Заслуженный механизатор сельского хозяйства Чувашской АССР» получили 136 чел., из них в 1960-е гг. — 16 (2 — заслуженные механизаторы сельского хозяйства РСФСР и 14 — заслуженные механизаторы Чувашской АССР), в 1970-е гг. — 56 (соответственно 9 и 47), в 1980-е гг. — 64 (6 и 58). На протяжении первого периода происходил последовательный рост количества работников, удостоенных почетного звания «Заслуженный механизатор», причем первоначально он имел скачкообразный характер — показатель 1970-х гг. в 3,5 раза превышал аналогичный показатель 1960-х гг. Впоследствии темпы роста снизились — показатель 1980-х гг. незначительно превысил аналогичный показатель 1970-х гг. в 1,1 раза.

Если для первого периода была характерна тенденция увеличения количества заслуженных механизаторов, то для второго — уменьшения. Так, в 1990-е гг. численность рассматриваемой категории работников сельского хозяйства составляла 40 чел. (4 — заслуженные механизаторы сельского хозяйства Российской Федерации и 36 — заслуженные механизаторы Чувашской Республики). По сравнению с 1980-ми гг. произошло уменьшение показателя в 1,6 раза. В начале XXI в. этот процесс продолжился. В результате количество заслуженных механизаторов сократилось по сравнению с 1990-ми гг. до 27 чел., или в 1,5 раза (2 — заслуженные механизаторы сельского хозяйства Российской Федерации и 25 — заслуженные механизаторы Чувашской Республики).

Выявленные нами тенденции отражают закономерности развития научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. В середине XX в. с началом научно-технической революции возникла практическая необходимость превращения производства в технологическое воплощение науки. Революционная форма научно-технического прогресса довольно быстро охватила ряд отраслей промышленности, а затем все шире начала проникать в сельское хозяйство, причем главной особенностью этого процесса стал переход от частичной механизации к комплексной. Так, к 1986 г. были полностью механизированы основные полевые работы и практически завершена комплексная механизация производства зерна. Почти во всех хозяйствах были механизированы посадка картофеля, сенокошение, погрузка удобрений и др. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве стал развиваться в направлении использования интенсивных технологий производства сельскохозяйственной продукции, основанных на индустриальных методах. Однако в условиях рыночных

реформ конца XX в. темпы научно-технического прогресса в сельском хозяйстве существенно замедлились. В начале XXI в. продолжало нарастать отставание технического уровня российских сельскохозяйственных машин от мировых аналогичных образцов. Сегодня основу парка сельскохозяйственных машин составляют морально устаревшие модели, разработанные и поставленные на производство в 1965 — 1975 гг. Темпы выбытия изношенной сельскохозяйственной техники значительно превосходят темпы приобретения новой. Это приводит к утрате применявшихся в недавнем прошлом на полевых работах функциональных механизированных комплексов, научно обоснованных региональных систем земледелия, передовых технологий возделывания и уборки сельскохозяйственных культур. Выход из сложившейся ситуации видится, в первую очередь, в многократном усилении государственной поддержки сельскохозяйственного производства, в увеличении количества сельскохозяйственной техники, в регулировании цен на горюче-смазочные материалы, а в более широком смысле — в воссоздании агропромышленного комплекса как единой территориально-производственной системы и в проведении единой научно-технической политики в области сельского хозяйства.

Из энциклопедических изданий можно почерпнуть сведения также о том, какие требования предъявлял научно-технический прогресс к труженикам села. Так, уровень образования заслуженных механизаторов сельского хозяйства характеризуют следующие данные: лица с высшим образованием составляют 18,7 %, со средним специальным — 40,0, начальным профессиональным — 21,3, со средним общим — 7,7, с неполным средним — 12,3 %. Согласно приведенным данным, большинство механизаторов имели высшее и среднее профессиональное образование (58,7 %). Это дает основание говорить о достаточно высоком общем культурном и интеллектуальном уровне работников сельского хозяйства. 67,5 % из них наряду с соответствующими почетными званиями имели другие государственные награды, что свидетельствует о возрастании роли моральных стимулов и личной ответственности в труде.

В демографическом плане среди носителей научно-технического прогресса в сельском хозяйстве отмечается абсолютное преобладание лиц мужского пола. Удельный вес женщин — заслуженных механизаторов составляет менее 1 %.

В возрастной структуре изучаемой совокупности наибольший удельный вес принадлежит возрастной группе 40 — 49 лет (41 %). Далее следуют возрастные группы 50 — 59 лет (32 %), 33 — 39 лет (18 %), 60 — 67 лет (8 %) и 26 — 27 лет (1 %).

Таким образом, исторический портрет носителей научно-технического прогресса в сельском хозяйстве на примере заслуженных механизаторов сельского хозяйства представляет собой сложное и многофакторное явление, обусловленное, с одной стороны, сущностью и содержанием единого, взаимообусловленного, поступательного развития науки и техники, с другой — своеобразием социально-политического и экономического развития общества и государства.

Библиографические ссылки

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. Пг., 1921. № 28, 16 апр. С. 157.

² Карев В. Энциклопедии в современном мире // Высш. образование в России. 2005. № 3. С. 145.

³ См.: Краткая Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. 526 с. ; Моргаушский район : крат. энцикл. Чебоксары, 2002. 175 с. ; Краткая энциклопедия Красночетайского района. Чебоксары, 2004. 224 с. ; Батыревская энциклопедия. Чебоксары, 2005. 376 с. ; Красноармейский район : Люди и судьбы. Чебоксары, 2005. 114 с. ; Энциклопедия Вурнарского района. Чебоксары, 2005. 420 с. ; Балдаевская (Сугутская) энциклопедия. Балдаево, 2006. 100 с. ; Краткая Ядринская энциклопедия. Чебоксары, 2006. 303 с. ; Чувашская энциклопедия : в 4 т. Чебоксары, 2006 — 2011 ; Яльчикский район : краткая энцикл. Чебоксары, 2007. 462 с. ; Край Цивильский : крат. энцикл. р-на. Чебоксары, 2008. 355 с. ; Аликовская энциклопедия. Чебоксары, 2009. 636 с. ; Энциклопедия Комсомольского района. Чебоксары, 2009. 696 с. ; Ибресинский район : крат. энцикл. Чебоксары, 2011. 431 с.

⁴ См.: Об установлении почетного звания «Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР» : указ Президиума Верховн. Совета РСФСР от 28 дек. 1960 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 50, ст. 747.

⁵ См.: Чувашская энциклопедия. 2006. Т. 1. С. 253.

⁶ Там же. 2008. Т. 2. С. 387.

⁷ См.: Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным званиям Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 30 дек. 1995 г. № 1341 // Рос. газ. 1996. 13 февр.

⁸ См.: О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 7 сент. 2010 г. № 1099 // Там же. 2010. 15 сент.

⁹ См.: Чувашская энциклопедия. 2009. Т. 3. С. 411.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. НСБ. Л. 10.

¹¹ См.: Красноармейский район. С. 59.

¹² См.: Энциклопедия Вурнарского района. С. 200.

¹³ См.: Аликовская энциклопедия. С. 527.

¹⁴ См.: Красноармейский район. С. 86.

¹⁵ См.: Об учреждении государственных наград Чувашской Республики : постановление Гос. Совета Чуваш. Республики от 16 дек. 1994 г. № 140 // Совет. Чувашия. 1995. 5 янв.

¹⁶ См.: О государственных наградах Чувашской Республики : закон Чуваш. Республики от 29 марта 2005 г. // Республика. 2005. 14 апр.

¹⁷ Об установлении почетного звания «Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР» ; ГИА ЧР. Ф. НСБ. Л. 10.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. НСБ. Л. 10.

¹⁹ Об установлении почетных званий Российской Федерации...

²⁰ Об учреждении государственных наград Чувашской Республики ; О государственных наградах Чувашской Республики.

Поступила 10.02.2012 г.

УДК 929:338.45(470.344)

А. И. Минеев

A. I. Mineev

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОГО СОВНАРХОЗА (1950 — 60-е гг.)*

HISTORICAL PORTRAIT OF LEADERS OF THE CHUVASH NATIONAL ECONOMIC COUNCIL (1950 — 60s)

Ключевые слова: совет народного хозяйства, регион, Чувашия, промышленность, система управления, строительная индустрия, научно-технические кадры, историческая личность.

В статье дается краткий экскурс в историю создания и деятельности совета народного хозяйства Чувашского административного экономического района; на примере его руководителей рассматриваются результаты деятельности совнархоза.

Key words: the National Economic Council, region, Chuvashiya, industry, management system, the construction industry, the scientific and technical personnel, a historical figure.

A brief history of the formation and activity of the National Economic Council of the Chuvash administrative economic region is given in the article; the results of activities of the National Economic Council are considered on basis of its leaders.

В середине XX столетия в системе государственного управления РСФСР начались процессы модернизации. Одними из охвативших ее нововведений стали упразднение в 1957 г. десяти союзных министерств и создание экономических административных районов и советов народного хозяйства (СНХ). Итоги всеобщего обсуждения, предложения о реорганизации и переходе на территориальный принцип управления экономикой были рассмотрены на февральском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, который принял решение о создании в каждом экономическом административном районе совнархоза. VII сессия Верховного Совета СССР по докладу Н. С. Хрущева, сделанному 10 мая 1957 г., приняла закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством¹. В конце мая 1957 г. состоялась IV сессия Верховного Совета РСФСР, постановившая образовать 70 экономических административных районов (в том числе Чувашский)². 1 июня 1957 г. на основании постановления № 495 Совета министров РСФСР был образован СНХ Чувашского экономического административного района, или Чувашский совнархоз.

Личный состав новых управленческих структур советское правительство намеревалось обеспечить за счет как номенклатуры расформированных министерств, так и использования местных сил³. Изначально высший руководящий состав совнархозов состоял из хозяйственников. Историк С. Г. Коваленко отмечает следующее: «...председателей отбирали из высшего номенклатурного состава министерств, как правило, с должности первого заместителя министра, заместителя министра, начальника отдела министерства, реже — министра»⁴. В целях обеспечения Чувашии про-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП, гос. контракт № 16.740.11.0408.

фессионалами, способными организовать производственные процессы, на основные руководящие посты совнархоза из г. Москвы были направлены 48 специалистов, которые вместе с местными инженерами создали эффективный орган управления.

Так, председателем Чувашского совнархоза был назначен приехавший из центра А. И. Ивлев⁵. Андрей Иванович родился 14 октября 1911 г. в станице Пролетарская Ростовской области, по национальности — русский, из крестьян. Трудовой путь он начал с 12 лет в качестве батрака (с 1923 по 1926 г.). В 1926 — 1929 гг. был рабочим кирпичного завода (станция Пролетарская Ростовской области), 1929 — 1930 гг. — заместителем секретаря райкома ВЛКСМ той же станицы, в 1930 — 1932 гг. — машинистом врубовой машины, секретарем рудкома ВЛКСМ (шахта им. ОГПУ г. Новошахтинск Ростовской области). В 1932 г. А. И. Ивлев переехал в столицу, где стал студентом рабфака при Московском механико-машиностроительном институте им. Баумана. С 1933 г. он обучался в Московском станко-инструментальном институте им. Сталина, где получил диплом 2-й степени, и 25 июня 1938 г. ему была присвоена квалификация инженера-механика [ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 7. Д. 164. Л. 30, 41]. В 1938 — 1939 гг. А. И. Ивлев работал инструктором сектора оборонной промышленности отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) г. Москвы, 1939 — 1942 гг. — начальником оборонных цехов завода № 69 НКВД г. Красногорска Московской области и г. Новосибирска, 1942 г. — секретарем Заельцовского райкома ВКП(б) г. Новосибирска, 1942 — 1944 гг. — заместителем секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) оборонной промышленности, в 1944 — 1945 гг. — 1-м секретарем Бердского горкома ВКП(б) Новосибирской области. В 1945 г. Андрей Иванович вновь возвратился в г. Москву, где стал слушателем Высшей школы партийных организаторов при ЦК партии (до 1947 г.) [Там же. Л. 30 об.].

В 1947 — 1957 гг. А. И. Ивлев работал директором опытного электромеханического завода при Всесоюзном электротехническом институте (ОЭМЗ ВЭИ) Министерства электротехнической промышленности СССР, директором Краснодарского завода измерительных приборов, начальником Главного управления «Главэлектроточприбор» Министерства электротехнической промышленности СССР [Там же. Л. 30, 30 об., 46]. За время его руководства ОЭМЗ ВЭИ вышел в число передовых предприятий электропромышленности. На основе внедрения новой техники, усовершенствования технологии механизации производственных процессов коллектив завода добился значительного роста выпуска продукции и повышения производительности труда, за что отмечался на Доске почета Первомайского района г. Москвы, неоднократно занимая классные места во Всесоюзном социалистическом соревновании, а также удостоивался переходящего Красного знамени [Там же. Л. 19, 27]. Молодому человеку сегодня трудно понять, что такое «социалистическое соревнование» и «перевыполнение плана», однако изучение исторического прошлого тех лет показывает, что за этими словами скрываются огромный труд рабочих, ИТР, руководителей промышленных предприятий, вера людей в реальность «светлого будущего». В основе высоких производственных показателей, которых добивался завод, лежали значительные усилия не только коллектива, но и его директора. Опыт, интуиция, умение определять приоритеты, видеть стратегические и решать тактические задачи помогали А. И. Ивлеву преодолевать трудности, главными из которых были недостаток средств, оборудования, квалифицированных кадров, отсутствие нормальных условий труда и быта.

В архивных документах отложилась не только позитивная, но и негативная информация о директоре завода, вынужденном выполнять поставленные перед коллективом задачи. Так, в приказе Министерства электротехнической промышленности СССР от 16 августа 1951 г. А. И. Ивлеву был объявлен выговор за демонтаж действовавшего и ввод неустановленного оборудования без разрешения министерства, а также за невыполнение плана ремонта [Там же. Л. 26 — 26 об.]. Между тем замена оборудования была связана с тем, что устаревшее оборудование не могло обеспечивать необходимые результаты и тормозило производственные процессы.

Благодаря тому что А. И. Ивлев имел значительный опыт руководящей работы в народном хозяйстве, хорошо разбирался в вопросах техники и экономики и обладал организаторскими способностями, его назначили на должность председателя совнархоза Чувашского экономического административного района, на которой он находился с июня 1957 г. по 1959 г.⁶ За время его работы в промышленности Чувашии произошли существенные положительные изменения. Так, выпуск промышленной продукции в 1958 г. увеличился по сравнению с 1957 г. на 16,3 % (перевыполнение плана составило 87 млн руб.), а объем капитальных вложений — на 46,0 %. Под руководством Чувашского совнархоза промышленные предприятия и строительный трест успешно выполнили не только план 1958 г., но и перевыполнили план ввода в эксплуатацию жилых домов. В этот период был осуществлен ряд мероприятий по механизации и автоматизации производственных процессов, в регионе развернулось активное строительство ряда крупных предприятий [Там же. Л. 47 — 48].

10 января 1960 г. на должность председателя Чувашского совнархоза был назначен Н. А. Оболенский, начавший трудовой путь в 1928 г. в должности конструктора завода им. Ф. Э. Дзержинского в г. Перми. Николай Александрович родился 14 декабря 1908 г. в г. Верхотурье Свердловской области. В 1924 г. он окончил школу 2-й ступени в г. Перми, 1928 г. — механический техникум в г. Кунгур по специальности «Холодная обработка металлов», в 1950 — 1954 гг. учился на энергетическом факультете Всесоюзного заочного политехнического института, по окончании которого получил диплом по специальности «Инженер-электрик» [Там же. Д. 329. Л. 4]. В 1928 — 1931 гг. Н. А. Оболенский работал слесарем, конструктором, старшим конструктором на предприятиях г. Перми, Севастополя и Запорожья; в 1931 — 1934 гг. он — инженер производственного отдела, затем технический руководитель во Всесоюзном объединении точной индустрии г. Москвы⁷. С 1935 по 1955 г. Н. А. Оболенский работал на предприятиях г. Москвы заместителем начальника цеха, начальника отдела подготовительного производства, начальника конструкторского бюро, начальником производства, ведущим конструктором и главным инженером, а с 1955 г. в течение пяти лет являлся директором завода № 686 г. Москвы [ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 7. Д. 329. Л. 4 об., 5]. Таким образом, у Н. А. Оболенского был большой производственный и руководящий опыт работы. В 1960 г. ЦК КПСС направил его в Чувашскую АССР на работу в качестве председателя СНХ Чувашского экономического административного района. За годы работы Н. А. Оболенского председателем совнархоза в Чувашии были открыты новые предприятия, активно развивалось строительство, шло становление новых отраслей промышленного производства. За значительный вклад в развитие промышленности Чувашии Н. А. Оболенский был награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени; являлся лауреатом Государственной премии СССР (1952 г.)⁸.

Историю создают как массы, так и отдельные личности. Многое зависит от грамотных, деловых руководителей, что подтверждает историческое прошлое. Руководители Чувашского совнархоза доказали свой профессионализм и дальновидность, поскольку то, что было сделано в промышленности Чувашской АССР за период 1957 — 1962 гг., а именно: создание новых и развитие прежних отраслей индустрии, внедрение в производство более совершенного оборудования, процессов механизации и автоматизации, замена ручного труда механизированным, улучшение условий труда и повседневной жизни рабочих, во многом зависело именно от них. Естественно, были и трудности, поскольку совнархоз в то время являлся новым органом управления. Однако в целом производственные показатели говорят о прогрессивном для того периода развитии промышленности: за годы действия совнархоза объем валовой продукции всей индустрии Чувашской АССР увеличился по сравнению с 1958 г. в 2,0 раза, а производительность труда — в 1,4 раза⁹. Чувашия, прежде отсталый в экономическом отношении аграрный регион страны, постепенно превращался в индустриально развитую национальную автономию.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Бойко И. И., Харитонов В. Г., Захаров Д. А.** История Чувашии новейшего времени : в 2 кн. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 75 ; **Руссаков С. Г.** Реорганизация управления промышленностью и строительством в Чувашии в 1957 году и ее первые результаты // Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1963. С. 130. (Учен. зап. ; вып. 23).

² См.: **Руссаков С. Г.** Указ. соч. С. 131.

³ См.: **Коваленко С. Г.** Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х — 1970-х годов // Вопр. истории. 2008. № 6. С. 37 — 47.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 2. Д. 7. Л. 4. (Далее ссылки в тексте).

⁶ См.: **Федоров Ф. Ф.** Ивлев Андрей Иванович // Чувашская энциклопедия : в 4 т. Чебоксары, 2008. Т. 2. С. 104.

⁷ См.: Ими гордится Чувашия: их имена занесены в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР. Чебоксары, 1987. С. 246.

⁸ См.: Государственная власть СССР : Высш. органы власти и управления и их руководители. 1923 — 1991 гг. : ист.-биограф. справ. М., 1999. С. 447.

⁹ См.: **Бойко И. И., Харитонов В. Г., Захаров Д. А.** Указ. соч. С. 80.

Поступила 12.03.2012 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.345):339.1

С. В. Видяйкин
S. V. Vidyaykin

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В МОРДОВСКОМ КРАЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в. ПО ДАННЫМ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ

DEVELOPMENT OF TRADE IN THE MORDOVIAN LAND IN THE LAST THIRD OF THE XVII — THE EARLY XVIII CENTURY ACCORDING TO THE CUSTOMS BOOKS

Ключевые слова: таможенная книга, торговля, всероссийский рынок, товар, цена, купцы, крестьяне, посадские люди.

В статье на основе данных таможенных книг последней трети XVII — начала XVIII в. рассматриваются вопросы развития торговли в Мордовском крае на этапе формирования единого всероссийского рынка.

Key words: customs book, trade, all-Russian market, goods, price, merchants, peasants, posad people.

The problems of the development of trade in the Mordovian region during the formation of a single national market are considered in the article on basis of data of customs books of the last third of XVII — the early XVIII century.

XVII в. стал временем активизации и значительного роста экономики Российского государства. Существенно увеличился удельный вес ремесленного производства (особенно в городах), углубилась дифференциация среди ремесленников, частично стал применяться наемный труд в ремесле и на мануфактурных предприятиях. Началось складывание единого всероссийского рынка. Все эти качественные изменения затронули и Мордовский край. Если с момента основания города региона представляли собой военные крепости в системе обороны юго-восточной границы государства, то с развитием товарно-денежных отношений они начали превращаться в значительные для своего времени центры ремесла и торговли. Это нашло отражение в дошедших до нас таможенных книгах, являющихся ценными источниками изучения вопросов развития местной торговли на начальном этапе формирования единого всероссийского рынка.

Сведения о развитии торговых отношений в г. Саранске и Саранском уезде содержатся в «Книге по таможенному и мельничному збору Саранского уезда» 1678 —

1679 гг. и «Книге города Саранска таможенному и пошлинному збору» 1691 — 1692 гг. Из более чем 370 чел., упомянутых в первой таможенной книге, 49 жителей г. Саранска и Саранского уезда занимались непосредственно торговой деятельностью. Среди них значительное число составляло военно-служилое сословие: 2 саранских казака (4,0 %), 1 саранский пушкарь (2,0 %), 1 «Шичкеевского острогу казак» (2,0 %), 1 «Карсунской черты Сурского острошку стрелец» (2,0 %) и 9 саранских служилых татар (18,4 %). В таможенной книге за 1678 — 1679 гг. отмечено участие в деятельности саранского рынка русского (2,0 %) и мордовского (42,8 %) крестьянства, а также крепостных крестьян (8,2 %). Основу будущего саранского купечества составляли посадские люди: 9 «саранских пасацких человек» (18,4 %), 1 «Инзерского острогу пасацкий человек» (2,0 %) и 3 «атемарских посацких человека» (6,1 % ; подсчеты автора).

В таможенной книге 1691 — 1692 гг. были зарегистрированы 157 чел., занимавшихся в Саранском уезде торговыми сделками. Во главе списка стоят представители привилегированного торгового объединения — купцы гостиной сотни (7 чел.). Эти торговые люди освобождались от посадского тягла, постоев и подворной повинности, не платили мелких таможенных сборов и подчинялись только центральной власти. В Саранской таможенной книге 1691 — 1692 гг. их зафиксировано 7 чел. Одним из них был Иван Михайлович Шанин, купивший на рынке 11 «кип хмелю и 140 пудов меду». Другой купец гостиной сотни, наоборот, торговал. Им было продано 14 «дараг» (дорогостоящей ткани, обычно в полоску, с золотыми или серебряными включениями); 75 «киндяков» (набоек красного кумача), а также «кружево серебряное», 2 «хаханей», два «завеса», 1 «косяк выбойки», «семнатцать юфтей сафьянов», «петнатцать фунт шелку по цветам»¹.

Все лица, персонально зарегистрированные в таможенной книге, составляли несколько общественных групп: купцы гостиной сотни — 7 чел., или 5,5 %; посадские люди и горожане — 78 чел., или 49,6 %; служилые люди (в основном из татар Саранского уезда) — 20 чел., или 12,8 %; крестьяне — 52 чел., или 33,1 %, в том числе мордва — 24 чел., или 15,3 % (из них мордва Саранского уезда — 20 чел., или 12,7 %); Пензенского — 1 чел., Арзамасского — 2 чел., Алатырского — 1 чел.). Из общего количества крестьянской группы мордва составляла 46,0 %².

Саранская таможенная книга свидетельствует об участии в торговле большого количества лиц из городов и сел Мордовского края: темниковцев, краснослободцев и др. По данным персональной регистрации, участниками рыночной торговли были русские (8), мордовские (11) и татарские (9) селения Саранского уезда³.

Материалы таможенных книг за 1678 — 1679 и 1691 — 1692 гг. содержат информацию об ассортименте товаров на саранском рынке и позволяют проследить направления торговых связей. В первые десятилетия своего существования саранский рынок нес отпечаток натуральности экономической жизни края, что соответствовало гербу города. По данным таможенной книги 1678 — 1679 гг., г. Саранск торговал преимущественно товарами охоты, медом диких и домашних пчел и лошадьми. В книге зафиксирована торговля сырыми шкурами лисицы, куницы, белки и зайца, а также горностая, норки и барсука. В небольших количествах продавались шкуры домашних животных (также в сыром виде), выделанные местными кожевниками. Товарность хлебных продуктов в то время была еще невысокой. Рожь и овес скупались преимущественно для местного производства вина и пива, и только небольшие партии зерна поступали за пределы города⁴.

Согласно таможенной книге 1678 — 1679 гг., в Саранском уезде за один хозяйственный год было собрано пошлины с торгов и товаров на сумму 429 руб. 9 алтын⁵. По подсчетам И. Д. Воронина, в 1678/79 хоз. г. общий оборот саранского рынка по зарегистрированным актам купли и продажи составил 8 212 руб., а в сумме с доходами от торговли винными изделиями (1 830 руб.) — 10 042 руб. — немалая для XVII столетия цифра⁶.

Саранский рынок, развивший впоследствии большую конную торговлю, уже в то время стягивал людей для продажи лошадей из Казанского, Свияжского, Ядринского, Арзамасского, Алатырского и других уездов. Лошадей продавали в Саратов, Пензу, Симбирск, Муром, Кинешму, Курмыш, Кадом, Торопу и другие города. В деятельности саранского рынка принимали участие не только русские люди, но и татары Саранского, Казанского и Свияжского уездов, а также марийцы из Ядринского уезда и «черкашенины» из Торопы⁷.

Торговые связи г. Саранска того времени определялись направлением гужевых трактов и экономикой края. В деятельности саранского рынка принимали участие москвичи, саратовцы, астраханцы, казанцы, нижегородцы, торговые люди из г. Переяславля-Залесского, Рыбной слободы, Кинешмы, Суздаля, Арзамаса, Выездной слободы, алатырцы, пензенцы, темниковцы, краснослободцы, кадомцы, инсарцы и др. Наиболее активное участие в саранском рынке принимали торговые люди из Переяславля-Залесского и Рыбной слободы. В таможенной книге 1678 — 1679 гг. суммы закупок переяславцев и рыбинцев составляют около половины всего торгового оборота саранского рынка. Так, только 12 января 1679 г. с посадских людей Переяславля-Залесского «Федора Петрова, у Михайла Володимирова, у Тита Неверова... з денег с семисот рублей, что оне купили в Саранску меду и воску и вошины с рубля по 5 денег пошлин 17 рублей 16 алтын 4 деньги взяты»⁸, а 24 января «Переяславля Залесского у посацких людей у Тита Неверова, у Степана Гребеньщикова, у Овдокима Ондреева... денег с тысячи со штысот рублей... с рубля по 5 денег пошлин сорок рублей взято»⁹. В то время Рыбная слобода была крупным перевалочным пунктом на р. Волге; товары отсюда поступали к архангельскому порту и за границу. Имея крупные капиталы, переяславцы и рыбинцы доставляли к г. Архангельску большие партии пушнины, меда и воска, закупленные на рынках России. Через переяславцев и рыбинцев саранский торг был связан с заграничным рынком¹⁰.

Таможенная книга 1691 — 1692 гг. показывает дальнейшее расширение торговых связей Саранского уезда. Согласно источнику, саранский рынок к концу XVII столетия был связан со многими городами: Москвой, Арзамасом, Вязниками, Саратовом, Муромом, Шуйей, Переяславлем-Залесским, Нижним Новгородом, Суздалем, Вологдой, Владимиром, Кинешмой, Юрьевцем и др., а также с селениями Нижегородского, Арзамасского, Владимирского и других уездов¹¹.

По данным таможенной книги, торговые обороты саранского рынка в целом за 1691/92 хоз. г. составили 11 821 руб. В эту сумму вошли: торговые обороты лиц, персонально зарегистрированных в таможенной книге, — 5 965 руб.; торговля мелким товаром и хлебом «померу», зарегистрированная общим итогом, — 3 919 руб.; торговля перекупным и вещным товаром — 1 382 руб.; торговля солью — 555 руб.¹²

Ассортимент поступавших на саранский рынок товаров, превышавший в своей номенклатурной части более 150 предметов, свидетельствовал о значительном расширении бытовых, культурных и хозяйственных запросов потребителя. Так, наряду с

товарами массового спроса вроде москательных (краски, масло и др.), составлявших 15,7 % от общей суммы завезенных товаров, кож всяких сортов (яловых, конских, козьих), овчины, рукавиц, сала и соли здесь можно было увидеть товары, учитывающие запросы отдельных групп городского и провинциального населения (купечества, церковнослужителей, приказных, служилых людей и местного дворянства). Среди этого рода товаров были такие, как «крашенина» (3 550 аршин), «кумачи» (88 шт.), особые сорта красок («крутик», «лаэра»), разновидности сукна («яренковые», «одинцовые», «амбургские», т. е. гамбургские), сахар (заграничный), золото, серебро, перстни, тафта, кружева, парча, шелк, сафьян, белила, порох и пр.¹³ Главными поставщиками вышеперечисленных товаров были преимущественно посадские люди из г. Саранска и Арзамаса, владевшие значительным капиталом; москательные товары поставляла в основном мордва.

Роль г. Саранска как крупного торгового центра подтверждают также данные таможенной книги о количестве вывозимых из Саранского уезда товаров. Это были предметы сельского и домашнего хозяйства, а также охоты. Они поставлялись в города и селения с определившимся характером торгово-промышленной деятельности. В частности, значительная доля кожевенного сырья (до 42 %) вывозилась в г. Арзамас и в подгородное село Выездное Арзамасского уезда, где уже во второй половине XVII в. кожевенное ремесло получило большое развитие. Рожь, овес, мед, воск, хмель, живой рогатый скот, овцы, свиное мясо и туши, обработанная и в сырье кожа, овчины, а также в большом количестве пушнина (бобровые, лисьи, беличьи меха) и прочие товары поставлялись преимущественно в такие города, как Вязники, Суздаль, Арзамас, Нижний Новгород, Саратов, Муром и др. На саранском рынке велась оживленная торговля рыбой и икрой, которые являлись не только местным товаром, но и привозным (в основном из г. Саратова). В г. Саранске местное купечество скупало рыбу по оптовой цене, а затем перепродавало ее приезжему из центральной России купечеству¹⁴.

Материалы таможенных книг 1678 — 1679 и 1691 — 1692 гг. отражают рост значимости продуктов сельского хозяйства, которые постепенно вытесняли традиционные для края товары бортного и охотничьего (пушного) промыслов. Так, согласно источнику, в 1692 г. приезжие торговцы закупили на саранском рынке 24 453 пуда ржи, 9 072 пуда овса, 404 головы рогатого скота, 215 свиных туш и 1 455 шт. необработанных кож. В 1679 г. размеры продажи этих товаров были еще незначительными, например поступавший на рынок хлеб почти полностью потреблялся городским «кружечным двором». В 1692 г. по сравнению с 1679 г. количество проданного на саранских торгах меда сократилось в более чем 8 раз (с 4 500 до 530 пудов); в меньшей степени это отразилось на количестве проданных шкур белки, лисицы, горностая, ласки и других пушных зверей¹⁵.

Рост населения в Мордовском крае и развитие товарно-денежных отношений обусловили увеличение потребления меда. Однако сопоставление данных о вывозе меда в 1678/79 и 1691/92 хоз. г. свидетельствует о резком падении бортнического промысла в крае в последней четверти XVII столетия. Это было вызвано вырубкой леса, распаиванием диких полей. Увеличивающаяся емкость рынка создавала ажиотаж в бортническом промысле, что, в свою очередь, пагубно сказывалось на продуктивности лесного медосбора. В охотничьем промысле еще не обнаруживалось подобного падения. В 1678/79 хоз. г. с саранского рынка было вывезено

1 580 звериных шкурок, в 1691/92 хоз. г. — 3 744, т. е. больше, чем в 2 раза. Однако рост вывоза шкурок не был следствием умножения пушного зверя в местных лесах. Усиление товарно-денежных отношений обусловило повышенный интерес к охоте, что в скором времени, уже в начале XVIII столетия, привело к резкому уменьшению поголовья пушного зверя и полному уничтожению некоторых пород животных, ранее обитавших в лесах Мордовского края¹⁶.

Доходной статьёй для таможенных сборов в г. Саранске являлись пошлины с вина, медовых напитков, браг, кваса и пива. По сравнению с общим годовым оборотом саранского «кружечного двора», исчислявшимся в сумме 2 563 руб. 23 коп., аналогичный показатель таможенного «кружечного двора» составлял 1 701 руб. 13 алтын 4 деньги.

Таможенные книги отражают процесс зарождения в Мордовском крае винокурной промышленности в виде казенного предпринимательства, основанного на вольнонаемном труде. Значительное потребление «кружечным двором» продуктов сырья свидетельствует о вовлечении непосредственного производителя в рыночные отношения. Так, годовое потребление продуктов сырья саранским «кружечным двором» отражают следующие данные: ржи — 943 четверти, солода — 832 четверти, ржаной муки — 435 четвертей, овса — 587 четвертей, овсяной муки — 573 четверти, хмеля — 444 четверти, меда-сырца — 437 пудов, дров — 15 156 возов. Вышеназванное сырье поставлялось на «кружечный двор» местным крестьянским населением. Помимо государственного промышленного производства винных изделий, о котором свидетельствуют таможенные книги, в Мордовском крае развивалось также местное купеческое и крестьянское производство хмельных напитков (пива, меда и браги). С посадских людей г. Саранска и крестьян Саранского уезда (русских, татар и мордвы) в 1691/92 хоз. г. только одних пошлин за этот вид занятий было собрано в казну 102 руб. 2 алтына 4 деньги¹⁷. В целом таможенный сбор в 1691/92 хоз. г. в «зборе великих государей денежной казны в Саранске городе и в острогах на Отемаре и в Ынзерском, и в Шечкеевском, и в Саранском уезде в селех в Новой Петине и в Архангельском и на Усаде таможенных и с соли, и перекупных пошлин, и кружечного двора за питье за вино и за пиво, и за мед и явочных пошлин с пива и с медов, и з браг и за проданай чистой воск по таможенным и кружечнова двора по книгам две тысячи двести дватцать шесть рублей дватцать шесть алтын две деньги»¹⁸.

Насколько значительной для того времени была сумма таможенных пошлин г. Саранска можно судить, сравнивая их со сборами, зафиксированными в таможенных книгах городов Северного речного пути — Великого Устюга и Сольвычегодска. Так, в 1679 г. таможенные сборы по Великому Устюгу составили сумму 1 772 руб., а по Сольвычегодску — 762 руб.¹⁹ Общий торговый оборот саранского рынка в 1691/92 хоз. г., включая винную торговлю, составил 14 384 руб. 23 коп.²⁰, т. е. к началу 1690-х гг. денежный оборот по сравнению с концом 1670-х гг., или за период времени немного больше десятилетия, вырос на 43 %.

Значительная часть населения Саранского уезда, а также других уездов Мордовского края активно принимала участие в отъезжей торговле. Так, в таможенных книгах г. Касимова 1654 — 1655 гг. и Тамбова 1660 — 1661 гг. зафиксированы торговцы из Темниковского уезда; в книге записей Московской большой таможни в

1694 г. были зарегистрированы 13 (2 мордвина, 2 татарина, остальные — русские) торговцев из Саранского, Темниковского и Алатырского уездов, а также Краснослободской и Ардатовской дворцовых волостей²¹.

По «Книге записной города Темникова таможенного и кружечного двора» 1711 г. торговый оборот Темниковского уезда по сравнению с аналогичным показателем по Саранскому уезду представлен менее значимо. Торговыми партнерами г. Темникова, по данным книги, выступали следующие города: Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Арзамас, Елатьма и Владимир. Занимались торговлей посадские люди («ялатодец посацкой человек Алексей Афонасев сын Милованов»), ямщики («володимирец ямщик Иван Григорьев сын Павлыгин»), крепостные крестьяне («светлейшего князя Александра Даниловича... Благовещенской слободы крестьянин ево Яков Иванов сын Корташев»). В таможенной книге зафиксированы следующие товары, проданные на вывоз: рож «ценою четверть по рублю»; пшено «ценою четверть по рублю»; семя конопляное «ценою четверть по полтине»; кожи яловые «ценою десяток по два рубли по тринадцати алтын по две деньги»; воск «ценою пуд по три рубли адинадценти алтын с полушкою»; «авчины сырые» «ценою по пяти рублев»²². Всего в г. Темникове в 1711 г. было реализовано товаров на сумму 1 101 руб. 25 алтын. Сумма от продажи соли составила 202 руб. 13 алтын 2 деньги²³. Для винокуренного производства в Темниковском уезде было приобретено «ржи 160 четвертей, по 13 алтын за четверть; муки рисеной и овсяной 192 четверти на сумму 69 руб. 29 алтын 4 деньги; хмеля 32 четверти на сумму 3 руб. 10 алтын; дров 192 сажени по 9 денег за сажень. Винокуру было заплачено 1 руб. 30 алтын 4 деньги; четырем работникам — 5 руб. 4 алтына. Всего было выкурено 480 ведер вина — истинная цена по 6 алтын по 4 деньги ведро... Всего у вина, у меду и с восковыми в зборе 287 рублев 11 алтын пол 3 деньги»²⁴.

В таможенной книге «Алаторския таможни збору» 1714 г. в качестве продавцов и покупателей упоминаются «москвитины», жители Саранского, Самарского, «Синбирского» и Суздальского уездов, нижегородцы, «казанцы», «арзамасцы», «мурашкинцы», «азовцы», «лысковцы», «володимировцы», «муромцы», «ярославцы» и «ростовцы». Согласно источнику, из Алатырского уезда поставлялись следующие товары: хлеб, вино «по 11 алтын ведро», мед «ценою 7 гривен пуд», воск «по 4 рубли по 10 алтын пуд», сало «по полтине пуд», конина «по 60 алтын десяток», масло животное «пуд по 40 алтын», хмель «по 8 рублей кипа», «заячены белые ценою 100 по 2 рубли», щетина «8 гривен пуд»; кожи яловые «по 3 рубля десяток», лапти «ценою по 4 рубли 1000», «решета по 10 алтын 100», рыбий жир «по 20 алтын пуд», «100 авчин палых и опойков цена 3 рубли», кожи «козлины» «по 8 гривен десяток». Основными ввозимыми товарами были шелк, «камка», «выбойки тевриские», «доргги», «кружева мишурные», «сукна аглинские», порох, свинец, олово, осетр свежий и соленый, «икра осетрей», перец, корица, скипидар, «окончины слюдные», сандал синий, «кумач», «писчая бумага», сковороды, железо «кунгурское», котлы кашеварные, квасцы, рукавицы ярославские, белила, шапки «яренковые», чулки, сапоги яловые, «башмаки и коты бараньи»²⁵.

Судя по данным таможенной книги 1714 г., Алатырский уезд являлся крупным поставщиком винной продукции для г. Москвы, что говорит о значительном развитии винокуренного производства в Мордовском крае. Например, в январе 1714 г. «моск-

витин красноселец Мартын Птеров сын Симонов объявил о винном своем подряде великого государя указ, что подрядился он Мартын поставить на московские питейные двory простого вина 10 000 ведер по подрядной цене по 11 алтын ведро. И с того подлинного великого государя указу взят у него Мартына список за рукою. Всего за подрядное вино цены 3 300 рублей»²⁶. Всего, согласно таможенной книге, в 1714 г. было «собрано в городе на Алаторе в таможене с явленных денег и со всяких товаров по выписям и без выписей... в Алаторском уезде на торшках и на Вознесенской и Старцова угла на Спасской ярмонках... собрано 1173 рубля 9 алтын 1,5 деньги», «да с винных подрятчиков с подрядной цены пошлин 1600 рублей 14 алтын 1,5 деньги»²⁷. Расчет показывает, что общая сумма таможенных сборов в Алатырском уезде составила 15 644 руб. 20 алтын. Таким образом, объем торговых оборотов в Алатырском уезде был более значительным, чем в Саранском уезде.

Таким образом, в конце XVII — начале XVIII в. в экономике Мордовского края сформировалась общая территориальная инфраструктура, основанная на сети старинных дорог и наличии судоходных рек, а также определилась специфика отношений между участниками локальных рынков, а именно: ориентация на вывоз продуктов сельскохозяйственного производства (в большей степени) и лесной промысел (в меньшей степени). Кроме того, данные процессы сопровождались превращением городов Мордовского края из военных крепостей в крупные ремесленные и торговые центры, через которые проходил основной товаропоток и осуществлялись все финансовые операции в уездах региона. Все это способствовало активизации хозяйственной жизни в Мордовском крае, росту в нем объемов торговли и, как следствие, втягиванию его в складывавшийся единый всероссийский рынок.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Юрченко В. А.** Люди и нравы // Саранск : в 2 кн. Саранск, 1997. Кн. 1. С. 266 — 270.
- ² См.: Саранская таможенная книга за 1692 г. Саранск, 1951. С. 62.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: **Воронин И. Д.** Саранск. Саранск, 1961. С. 69.
- ⁵ НА НИИГН.Ф. И-1103. Л. 64.
- ⁶ См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 70.
- ⁷ Там же. С. 70 — 71.
- ⁸ НА НИИГН. Ф. И-1103. Л. 20.
- ⁹ Там же. Л. 21 — 22.
- ¹⁰ См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч.
- ¹¹ См.: Саранская таможенная книга... С. 61 — 62.
- ¹² Там же. С. 62.
- ¹³ Там же. С. 64.
- ¹⁴ Там же. С. 66 — 67.
- ¹⁵ См.: Саранск : ист.-экон. очерк. Саранск, 1985. С. 21 — 22.
- ¹⁶ См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 71 — 72.
- ¹⁷ См.: Саранская таможенная книга... С. 67 — 68.
- ¹⁸ Там же. С. 58.
- ¹⁹ Там же. С. 69.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ НА НИИГН. Ф. И-1091. Л. 16.

²² РГАДА. Ф. 829. Д. 1770. Л. 1 — 14 об.

²³ Там же. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 182. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 3 об. — 6 об., 8 об.

²⁵ НА НИИГН. Ф. И-637. Л. 3 — 118.

²⁶ Там же. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 117.

Поступила 29.02.2012 г.

УДК 94(470.313/.314):322:63-051

И. И. Шурус, М. Я. Федотова

I. I. Shulus, M. Ya. Fedotova

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КРЕСТЬЯН РАЗЛИЧНЫХ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ, ПРОЖИВАВШИХ
НА ТЕРРИТОРИИ КАСИМОВСКОГО УЕЗДА РЯЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ И МЕЛЕНКОВСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ
ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — XIX ВВ.**

**INTERACTION OF PEASANTS OF DIFFERENT
ETHNOCONFESSIONAL COMMUNITIES, INHABITED THE
KASIMOV UYEZD OF THE RYAZAN GOVERNORATE AND
THE MELENKI UYEZD OF THE VLADIMIR GOVERNORATE
IN THE LATE XVIII — THE XIX CENTURIES**

Ключевые слова: этноконфессиональная общность, взаимодействие, взаимообмен, русские, татары, материальная культура.

В статье рассматривается взаимодействие крестьян различных этноконфессиональных общностей, проживавших на территории Касимовского уезда Рязанской губернии и Меленковского уезда Владимирской губернии в конце XVIII — XIX вв., которое характеризовалось взаимообменом материальными и духовными ценностями, диалогом культур.

Key words: ethnoconfessional community, interaction, exchange, the Russians, the Tatars, material culture.

The interaction of peasants of various ethnoconfessional communities, inhabited the Kasimov Uyezd of the Ryazan Governorate and the Melenki Uyezd of the Vladimir Governorate in the late XVIII — the XIX centuries, that characterized with the interchange of material and spiritual wealth, as well as with the dialogue of cultures, are considered in the article.

Россия является полиэтническим и поликонфессиональным государством. В связи с этим этноконфессиональная проблема выступает как одна из самых острых и деликатных. Положительный пример этноконфессиональных взаимоотношений представляет территория Касимовского уезда Рязанской губернии и Меленковского уезда

Владимирской губернии в конце XVIII — XIX вв., где сформировалась сложная этническая и конфессиональная структура населения. На протяжении IX — XIX вв. исторические, природно-географические и социально-экономические условия способствовали формированию здесь уникального геополитического центра, характеризовавшегося мирным сосуществованием, взаимообменом материальными и духовными ценностями между русскими православными крестьянами и общностью касимовских татар-мусульман.

Для данного исследования особенно важно проследить как осуществлялось взаимовлияние этносов не столько в целом в стране (макросреда), сколько в деревнях и селах (мезосреда), а также в соседском окружении (микросреда). Сравнительно-типологический анализ показал, что в наибольшей степени взаимовлияние русских и татар проявилось в архаичном пласте культуры, оставшемся в наследство от финно-угров (IX — XIX вв.) и в социокультурном, сформированном при взаимодействии русских и татар (конец XV — XIX вв.).

В рассматриваемый период финно-угорское влияние проявлялось в языке и традиционной культуре русских и татар: обрядности, веровании и костюме. Так, в Касимовском и Меленковском уездах среди русского населения было отмечено распространение цокающих говоров, образовавших обособленный диалект. Об этом свидетельствуют данные, присланные в этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева местными корреспондентами¹, а также исследования Е. Будде, сделанные им в результате летней командировки по Рязанской губернии в 1894 г.² По мнению исследователей Д. К. Зеленина и А. Л. Монгайта, эта языковая особенность сложилась в Волго-Окском междуречье в результате ассимиляции славянами финно-угорских племен мордвы и муромы³. Несмотря на то что «касимовский турецкий язык расположился на перепутье между цокающими говорами»⁴, отмечал ученый В. А. Гордлевский, цоканья в нем не было. Вместе с тем звук «ч» заменялся в татарском языке мягким «сь», что свидетельствует о наслоении турецкого языка на инородческую (западно-финскую) почву⁵.

Влияние финского субстрата прослеживается также в традиционной культуре населения рассматриваемой территории, особенно в народной обрядности и верованиях. В частности, отголоски языческих финских времен, основанные на жертвоприношениях, сохранились в общественных молянах, заканчивавшихся «складочным угощением»: у русских это была «посевальная» яичница⁶, у татар — саламата (*майлы буламык*) и сладкий напиток из фруктов и меда, называвшийся *шербетом*⁷.

Общим финно-угорским заимствованием для русских и татар стал ритуальный обряд опахивания (поля или поселения). В него свято верили и исполняли с особыми благочестием и таинственностью⁸. Так, отмечен случай, когда при падеже скота в татарское село Мунтово для исполнения обряда приглашали русского старика⁹.

Общее обрядовое значение имел ряд крупяных блюд и мучных изделий, а также яйца. Если русские православные крестьяне считали яйцо символом чуда и обязательным атрибутом Светлого Воскресенья¹⁰, то татары раздавали пасхальные яйца в соответствии с традицией, восходившей к язычеству. Общим для русских и татар стал обычай катания крашенных яиц на Светлой седмице¹¹. Поминальным блюдом для обоих народов являлись оладьи (тат. *ойма*) и шербет¹².

Независимо от вероисповедания местного населения в его среде устойчиво сохранялись народные верования¹³. Практически в каждом селении существовали свои заговоры и молитвы от болезней, порчи, нечистой силы и недобрых людей, сохранилась вера в домового — «хозяина» дома¹⁴.

Финно-угорские заимствования сохранились в одежде русских крестьян рассматриваемых территорий. При ассимиляции славянами местного населения последние восприняли в своей основе русскую форму одежды, переняв только некоторые черты финской культуры. Так, славянская понёва прочно вошла в быт жителей междуречья Оки и Клязьмы. Об этом свидетельствует этнограф Б. А. Куфтин, занимавшийся исследованием материальной культуры Мещеры¹⁵. Упоминание о распространении понёвного комплекса наряду с сарафанным встречается также в топографическом описании Владимирской губернии 1784 г.¹⁶ Элементы финно-угорской культуры прослеживаются в украшении понёв: крестообразный и ромбовидный орнамент, использовавшийся также при украшении русских полотенец¹⁷. Исследователи русского костюма Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова факт заимствования понёвы относят к X — XIII вв. — периоду наиболее интенсивных славяно-финских взаимоотношений в бассейне Оки¹⁸. Общими для славянских и финно-угорских народов были женские туникообразные рубахи, подпоясанные с напуском на уровне талии; некоторые виды головных уборов (лопатообразные и однорогие головные уборы); ношение пушковых, шерстяной и шелковой бахромы на женских головных уборах¹⁹. Финские мотивы прослеживаются также в одежде русского мужского местного населения²⁰.

О финно-угорском наследии у касимовских татар свидетельствуют следующие элементы: верхняя одежда (*зыбын*) с отрезной или присборенной спинкой; черно-красная вышивка на рубашках, расположенная вдоль разрезов по воротнику и манжетам; узоры с геометрическим орнаментом на старинных полотенцах и головных уборах татар; широкое распространение лаптей мордовского типа с косоплетеной носочной частью и низкими бортами²¹.

Древние обычаи устойчиво сохранялись на протяжении всей истории исследуемых этноконфессиональных общностей. Они обновлялись, но изменения не носили революционного характера, возникали постепенно как результат многовековых контактов с соседними народами, обеспечивая обогащение традиций. Изустно-визуальная передача традиций предков от одного поколения к другому служила стержнем сохранения самобытности народной культуры. Следовательно, финская традиция являлась своеобразным способом существования русского и татарского этноса. С течением времени финно-угорские «заимствования» стали восприниматься русским и татарским местным населением как часть их традиционной культуры.

Многолетние тесные связи русских и татар нашли отражение в сходных элементах материальной культуры: в планировке поселений; строительной технике; архитектурно-декоративном оформлении жилых и хозяйственных построек; пище.

Сложным конгломератом считаются архитектурные планы селений XVIII — XIX вв. Этнографы Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов, исследуя типы поселений Рязанской губернии, пришли к выводу, что изменение плана селения в большей степени зависело от социально-экономической жизни населения, чем от географических

условий. Особенно заметно это на гнездовых и радиальных планах, отражающих социально-экономическую дифференциацию села в рассматриваемый период²². Древнейшей формой организации пространства является гнездовой план селения, характеризующийся равнинным положением. Этот тип поселений был характерен для этноконфессиональной общности касимовских татар, сформированной здесь в XV в. Гнездовая застройка имела различные формы. В конце XIX в. наиболее характерной как для татарских, так и для русских селений была уличная форма²³.

Перепланировка селений в Рязанской и Владимирской губерниях началась в 1830 — 40-х гг. с казенных сел, а после реформы 1861 г. продолжилась в селениях помещичьих крестьян. В планах, хранящихся в Государственном архиве Владимирской области (ГА ВО)²⁴, Государственном архиве Рязанской области (ГА РО)²⁵ и в фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (РИАМЗ)²⁶, датированных XVIII — XIX вв., большинство русских и татарских селений построены по гнездовому типу. В Меленковском уезде некоторые русские поселения (Домнино, Двойново, Кудрино) и в Касимовском — татарские (Алишево, Баишево) имели замкнутую, или круговую, форму. Эта форма поселений, при которой в центре располагался храм, была характерна для русских селений, однако она использовалась и в татарских застройках как наиболее удобная в военном отношении (раньше в центре находились дозорные пункты).

В начале XIX в. в результате перепланировки и у русских, и у касимовских татар появились смешанные формы поселений — притрактные. При этом виде застройки поселения располагались вдоль трактов. Так, например, вдоль Муромско-Рязанского тракта находились села Приклон, Войново и Илькино Меленковского уезда и деревни Ахматово, Собакино и Болотце — Касимовского.

Общие заимствования у русских и татар прослеживаются также в строительной технике. Н. Н. и И. А. Чебоксаровы, занимавшиеся исследованием сельского жилища, отмечали, что у населения в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складывались сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности²⁷. Под их влиянием нередко возникала общая, или региональная, культурная традиция у разных групп народов, не всегда родственных друг с другом, что подтверждает местная русская и татарская традиция в строительстве. Жилище русских и касимовских татар имело много общего: срубная техника возведения, способ укладки венцов, рубка углов, сооружение крыши и др. Сходство наблюдалось также в терминологии многих конструктивных элементов жилища и хозяйственных построек (стропила, карниз, переруб, мачта и др.). Немалую роль в этом сыграло совместное строительство жилищ — касимовские татары нередко приглашали русских плотников.

Характерной особенностью сельской татарской архитектуры являлось отсутствие в постройках форточек²⁸ с обязательным наличием мезонина, заканчивающегося полусферической формой (в отличие от русского двускатного завершения); татарское жилище отличалось также наличием четырех- или шестиугольного тамбура с двустворчатой дверью и оконцами из цветного стекла. Русское влияние на татарскую архитектуру прослеживается также в декоративном оформлении жилища. Оно отражалось в архитектурных формах, обшивке стен или углов досками; использовании пропильной техники. Русская декоративная традиция нашла применение при воз-

ведении мавзолея (тат. *текие*) Афган-Мухаммед султана, построенного в 1648 г. на Старопосадском кладбище г. Касимова.

Большое сходство наблюдается во внутренней планировке и интерьере жилищ русских и татар. На всей территории Владимирской и Рязанской губерний в рассматриваемый период были распространены двухкамерные и трехкамерные дома, состоявшие из избы, сеней, клетки и второй жилой избы, представлявшие собой единый комплекс под общей крышей²⁹. Внутренняя планировка русского и татарского жилища относилась, по принятой классификации, к северному среднерусскому типу: печь располагалась справа или слева от входа устьем к противоположной от двери стене³⁰.

Интерьер крестьянского жилища русских и татар, кроме сходства, имел и различия, заключавшиеся в национальных особенностях хозяйственных построек и терминологии³¹. Так, обязательный атрибут русского жилища — полати, устраивавшиеся рядом с печью, существовали также в интерьере касимовских татар (тат. *сундри*, или *сундрэ*) и почти не отличались конструкцией и назначением от русских. Под полатами у касимовцев стоял деревянный ящик для хранения домашней утвари (*коник эсте*), одновременно служивший местом сна хозяев³². По форме, назначению и названию коник эсте имел сходство с русским коником³³.

В жилище зажиточных русских и татарских крестьян традиционной была кирпичная кладовая для хранения домашнего имущества. Отличие заключалось в расположении этой постройки: у татар кладовые находились во дворе, рядом с клетью, у русских — на улице, напротив дома. Многие хозяйственные постройки русских и татар имели одинаковые конструкцию, планировку и оформление. Так, для сушки снопов как у русских, так и у татар имелись специальные сооружения: срубный овин, или рига (тат. *эвен*). Сжатый хлеб татары вязали в снопы (тат. *олтэ*) и для просушки укладывали их на поле крестообразно, или «крестцами» (тат. *дурт мнеш*). Крестообразный способ укладки снопов был широко распространен и у русского населения Рязанской и Владимирской губерний. Общими были многие приспособления для обработки зерна: цеп (тат. *чин*) с билем (тат. *типись*), прикрепленным к ручке (тат. *саб*) при помощи ремня; ручные, водяные, ветряные и паровые мельницы (тат. *тирмин*); деревянные ступы (тат. *или*) с пестами (тат. *исаб*)³⁴.

Займствования в хозяйственной сфере распространялись и на традиционные занятия, характерные для русских и татар, например, рыбную ловлю. Так, касимовские татары заимствовали у русских типы снастей (плетеные из лозы «морды» (тат. *мурда*) и сетки (тат. *шах*), лозовые плетенки, или «катецы», а также способы рыбной ловли³⁵.

Односторонние заимствования прослеживаются в пище. В частности, у русского населения татары заимствовали окрошку и щи. Однако данные блюда подвергались некоторым изменениям в соответствии с традициями татарской кухни. Так, окрошку изготавливали преимущественно на айране, а в щи для густоты иногда добавляли тестяные приправы.

В домашнем хозяйстве касимовские татары часто использовали наемный труд русских в качестве работников и нянек для детей. С детства касимовец был знаком

с русской речью, которая изучалась одновременно с родным языком³⁶. Заимствование татарами русских слов и выражений было закономерным явлением. В большей степени они затронули материальную культуру, что говорит о значительном влиянии русских на культурно-бытовую жизнь касимовца.

Этнодифференцирующие признаки более стойко сохранились в сфере одежды и украшений. В их основе лежит славянский пласт — у русских и древнетюркский — у татар. Вследствие единых природно-географических условий костюм касимовских татар дополнился чисто русскими элементами: шапкой-ушанкой (тат. *малахай*) и валенками (тат. *ите', туплий*).

Рассмотренное взаимовлияние распространялось исключительно на область материальной культуры, не затрагивая религиозную жизнь. Религия во взаимоотношениях этносов являлась идентифицирующим фактором.

Таким образом, традиционная культура русских и татар имела в своей основе устойчивый финский пласт, что отразилось на языке и традиционной культуре: народной обрядности, верованиях и костюме. На общность материальной культуры этносов указывают конструкция и устройство жилища, т. е. те элементы, которые наиболее подвержены изменениям, вследствие влияния природно-географических и социально-экономических факторов. Разносторонние заимствования относились к области материальной культуры и распространялись на хозяйственные постройки, инвентарь, занятия крестьянского населения. Односторонние татарские заимствования прослеживаются в пище и языке. Наиболее устойчивая традиция сохранилась в одежде и украшениях, отражавших национальный колорит.

Библиографические ссылки

¹ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев : Описание материалов этногр. бюро князя В. Н. Тенишева : (На примере Владимир. губернии) / авт.-сост.: Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993. С.161.

² См.: Буде Е. Отчет о командировке в Рязанскую губернию на летние месяцы 1894. Казань, 1895. С. 17.

³ См.: Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века. Ижевск, 1999. С. 67 — 70.

⁴ Гордлевский В. А. Элементы культуры у касимовских татар. Рязань, 1927. С. 20.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ См.: Быт великорусских крестьян... С. 107.

⁷ См.: Гордлевский В. А. Указ. соч. С. 11.

⁸ См.: Владимир. губерн. ведомости. 1875. № 32.

⁹ См.: Гордлевский В. А. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ См.: Шангина И. И. Русские праздники : От святок до святок. СПб., 2004. С. 93.

¹¹ См.: Мансуров А. А. Материалы к изучению быта касимовских татар // Описание рукописей этнографического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. С. 21.

¹² См.: Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань, 1991. С. 94.

¹³ См.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России : (Обыч. право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. 1. С. 325.

¹⁴ См.: Владимир. губерн. ведомости ; Гордлевский В. А. Указ. соч. С. 15.

¹⁵ См.: Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры // Тр. Гос. музея Центр.-пром. обл. М., 1926. Вып. 3. С. 47 — 100.

- ¹⁶ См.: Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. / сост. Рязский Г. А. Владимир, 1906. С. 10.
- ¹⁷ См.: **Сысоева Н. И.** Касимовское узорное ткачество XIX — начала XX в. М., 1963. С. 21.
- ¹⁸ См.: **Лебедева Н. И., Маслова Г. С.** Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века как материал к этнической истории народа : (По данным Рус. ист.-этногр. атласа) // Совет. этнография. 1956. № 4. С. 23.
- ¹⁹ См.: **Лебедева Н. И., Маслова Г. С.** Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские : ист.-этногр. атлас. М., 1967. С. 263 — 264.
- ²⁰ МИХМ. Материалы экспедиции Г. С. Масловой в Муромский уезд Владимирской губернии в 1927 г.
- ²¹ См.: **Шарифуллина Ф.** Указ. соч. С. 104.
- ²² См.: **Лебедева Н. И., Милонов Н. П.** Типы поселений Рязанской области : (По док. Рязан. обл. арх. и Науч. арх. Рязан. краевед. музея) // Совет. этнография. 1950. № 4. С. 130.
- ²³ См.: **Введенская А. Г.** К истории планировки русской деревни XVIII — первой половины XIX в. // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. 15. С. 78.
- ²⁴ ГА ВО. Ф. 417. Оп. 4. Д. 12. Л. 7 — 9.
- ²⁵ ГА РО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 36. Л. 48 — 50.
- ²⁶ РИАМЗ. Ф. 1382. Оп. 3. Д. 14. Л. 7.
- ²⁷ См.: **Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.** Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 222.
- ²⁸ **Мансуров А. А.** Указ. соч. С. 20.
- ²⁹ См.: Русские. М., 1999. С. 278.
- ³⁰ См.: **Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А.** Типы русских крестьянских жилищ середины XIX — начала XX в. // Русские : ист.-этногр. атлас. 1967. С. 153.
- ³¹ См.: **Мансуров А. А.** Указ. соч. С. 20.
- ³² См.: **Шарифуллина Ф.** Указ. соч. С. 61.
- ³³ См.: **Станюкевич Т. В.** Внутренняя планировка, отделка и мебелировка русского крестьянского жилища // Русские : ист.-этногр. атлас. 1970. С. 68.
- ³⁴ См.: **Шарифуллина Ф.** Указ. соч. С. 39.
- ³⁵ Там же. С. 43.
- ³⁶ См.: Традиционная культура касимовских татар // Шуро. 1912. № 24. С. 34.

Поступила 12.03.2012 г.

УДК 94(470.41):34

Д. А. Ялтаев, В. А. Морозов

D. A. Yaltaev, V. A. Morozov

**ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УЕЗДНОЙ ФИСКАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
В РОССИИ В КОНЦЕ XIX в.
(По материалам Казанской губернии)**

**TRANSFORMATIONS IN THE UYEZD FISCAL SYSTEM
OF RUSSIA IN THE LATE XIX CENTURY
(Based on the Kazan Governorate)**

Ключевые слова: история налогообложения, фискальные органы, Казанская губерния, подати, выкупные платежи.

В статье анализируются изменения фискальной системы на уездном уровне, связанные с переходом от системы несения повинностей к прямому налоговому обложению во второй половине XIX в.; определяются основные направления и проблемы налоговой реформы.

Key words: history of taxation, fiscal authorities, the Kazan Governorate, taxes, redemption payments.

The changes of the fiscal system at the uyezd level, associated with the transition from a system of incurring obligations to the direct tax load in the second half of the XIX century, is analyzed in the article; the main trends and problems of tax reform are determined.

Современная налоговая система России выстраивается по принципу укрупнения и централизации ее региональных подразделений. В конце XIX в. проводилась специализация фискальных подразделений, ставилась задача модернизации экономики, развития рыночных механизмов, что определяет интерес к изучению опыта этих преобразований.

Реформы, проводимые в России в 60 — 70-х гг. XIX в., отразились в том числе и на функционировании системы государственных фискальных органов. Освобождение крепостных крестьян, проведение выкупной операции и перераспределение земельной собственности значительно изменили социальную структуру сельского населения. В конце XIX в. российская экономика быстрыми темпами приближалась к западным стандартам рынка, стартовали модернизационные процессы, переводившие российское общество от традиционных устоев к индустриальным моделям. Фискальная система, в свою очередь, также должна была следовать в русле изменений, фиксировать их и использовать во благо общественных потребностей. В результате была реорганизована местная система финансовых контрольно-ревизионных, полицейских и судебных органов, их функциональная принадлежность.

На губернском уровне структура основных фискальных учреждений оставалась прежней: продолжали действовать казенные палаты и казначейства, при этом образовывались новые структуры, такие как акцизные управления (1861 — 1862 гг.), контрольные палаты (1865 г.), фабричная (1882 г.) и податная (1885 г.) инспекции, раз-

личные присутствия, комиссии, комитеты и управы. Преобразованию и сокращению подвергся аппарат учреждений государственных имуществ, удельные конторы перешли в разряд управлений удельными имениями. В 1862 г. была сформирована уездная полиция, сыгравшая значительную роль в налоговом контроле. Некоторые фискальные функции выполняли мировые посредники и мировые судьи, замененные впоследствии земскими начальниками (1889 г.), обеспечивавшими устойчивость феодально-монархических принципов управления.

С введением в 1851 г. «Устава о земских повинностях» государственный земский сбор 1 января 1875 г. (по решению 10 декабря 1874 г.) был присоединен к общим государственным доходам. Подушный сбор с мещан был переименован в окладной, поземельный — в государственный поземельный налог, сбор с торговых свидетельств — в добавочный казенный сбор с торговых свидетельств 1-й и 2-й гильдий¹. Общая сумма налога, определявшаяся на губернию, распределялась между уездами губернским земским собранием, исходя из площади, ценности или доходности земель каждого уезда. Сумма, назначенная на уезд, разверстывалась между отдельными владениями уездной земской управой на основаниях, устанавливаемых уездным земским собранием для раскладки местных земских сборов. Сведения о раскладке поземельного налога доставлялись уездными земскими управами не позднее 1 ноября в казенные палаты, которые составляли на их основании окладные листы. Если информация вовремя не предоставлялась, казенная палата определяла налог с каждого плательщика в размере предшествовавшего года².

Закон от 12 июня 1886 г. преобразовывал оброчную подать государственных крестьян в выкупные платежи за землю, которые вместе с мирскими сборами давали российской казне основные земельные доходы. На основании закона от 15 января 1885 г. обороты выкупной операции были включены в государственный перечень. Министр финансов установил распределение дел по выкупным платежам между Главным выкупным учреждением, Государственным банком и Департаментом окладных сборов. Главное выкупное учреждение рассматривало выкупные сделки, разрешало ссуды, налагало запрещения и ведало счетоводством и отчетностью относительно выкупных ссуд. Государственный банк вел счета по выданным суммам, процентным бумагам, уплате срочного и досрочного погашения, а также по суммам, оставшимся в долгу как по обязательствам правительства, так и на крестьянах (остаток капитального долга по выкупным ссудам). Департамент окладных сборов ведал всеми остальными делами по выкупной операции, а именно: общими вопросами о порядке и условиях перевода крестьян на выкуп, текущим делопроизводством, счетоводством и отчетностью по выкупным платежам как окладному сбору; кроме этого департамент устанавливал основания для счетоводства и отчетности, наблюдая за их ведением³.

Результаты счетоводства уездных казначейств и составленные ими отчеты по окладным сборам (в особенности годовой отчет об оборотах по выкупной операции) постоянно вызвали недовольство губернской казенной палаты. Несогласованность уездных отчетностей со счетами казенной палаты и отступления от установленных правил происходили довольно часто, а иногда были настолько многочисленными, что ведомости даже не переделывались (что не представлялось возможным). Приходилось ограничиваться только указанием на особо важные ошибки и возвращением

казначействам исправленной ведомости для согласования с оставшейся черновой отчетностью. В итоге в 1886 г. Казанская казенная палата даже признала необходимым прикомандировать к себе бухгалтеров ряда уездных казначейств с целью основательного ознакомления с той частью счетоводства, где были замечены отступления от установленных правил⁴.

В системе налоговых преобразований второе место по значимости занимал подомовой налог. В 1863 г. мещан освободили от подушной подати, сумму которой разложили на всех владельцев недвижимости в городах. На третьем месте был промысловый налог, состоявший из патентного и дополнительного. Патентный сбор фиксировался по разрядам, подразделявшим промышленные и торговые предприятия; дополнительный налог делился на 2 части, первая из которых взималась с предприятий, обязанных публиковать в официальной газете свой годовой баланс (акционерные общества и паевые товарищества), и вторая — с прочих предприятий. С первой группы дополнительный сбор взимался в виде известного процента с основного капитала и повышающегося процента с чистой прибыли, со второй — в виде раскладочного налога, назначавшегося правительством на каждую губернию в валовой сумме, а затем уже распределявшегося по плательщикам особыми комиссиями с участием их представителей⁵.

Способ разверстки раскладочного сбора основывался на единственном признаке — теоретическом исчислении прибыльности отдельных уездов по денежным оборотам торгово-промышленных предприятий, извлеченным из журналов генеральной проверки торговли за минувший год. Уже на третий год существования раскладочного сбора (1887 г.) при обсуждении в Казанском губернском присутствии предполагавшейся его разверстки между уездами выявилась отрицательная сторона принятого порядка расчетов. Она выражалась в значительной неравномерности обложения, исчисленной присутствием как прибыли, так и принятых оборотов. Излишне обложенными оказались Мамадышский, Козьмодемьянский и Царевококшайский уезды, в благоприятном положении по сравнению с другими — Ядринский, Свияжский, Спасский и Лаишевский уезды. В итоге в основу разверстки раскладочного сбора легли подсчеты средних величин разных показателей по уездам: торгового оборота и прибыли, определенных за предшествовавшие годы уездными присутствиями; прибыли, полученной на основании среднего по губернии процента прибыльности; 3) сумм, выбранных по уездно-гильдейским документам.

В результате контрольные цифры разверстки поуездных податных процентов приблизились к среднему показателю по губернии⁶. Однако в целом проблемы сохранялись. Распределение уездов по классам для взимания торговых пошлин было составлено при введении в действие положения «О пошлинах за право торговли и других промыслов» (1863 г.). С этого момента общий пересмотр «росписи» не проводился (в 1887 г. в Министерстве финансов возникла мысль о ее пересмотре, но она так и не осуществилась вплоть до 90-х гг. XIX в.)⁷.

При всех преобразованиях местных органов власти сохранялся принцип их подчиненности губернатору: «особенная обязанность губернатора заключается в попечении о верховных правах самодержавия, о пользах государства и о точном исполнении законов, высочайших повелений, указов Сената и предписаний начальства»⁸. Губернатор лично проводил ревизию подведомственных Министерству финансов акцизных управлений, казенных палат, губернских и уездных казначейств.

Развитие косвенного налогообложения потребовало создания специальных местных контрольных учреждений. Изначально в Казанской губернии были сформированы 4 акцизных окружных управления: первое (центр — г. Казань) включало Казанский, Свияжский и Царевококшайский уезды; второе (г. Чистополь) — Чистопольский и Спасский; третье (г. Лаишев) — Лаишевский, Мамадышский и Тетюшский; четвертое (г. Чебоксары) — Чебоксарский, Цивильский, Козьмодемьянский и Ядринский⁹.

Акцизные управления принципиально отличались от других губернских учреждений, поскольку подчинялись Департаменту неокладных сборов Министерства финансов и на местах (в отличие от других фискальных учреждений) обособлялись от казенных палат. Связь прослеживалась посредством казначейств, принимавших и хранивших акцизные сборы. При этом окружные акцизные управления, обслуживавшие уезды, не всегда четко воспринимались уездными казначействами. Так, талоны квитанций о взносе акциза с «питий» должны были отсылаться в окружные акцизные управления, которые обязывались заносить их в свои книги. Однако казначейства часто отправляли их в губернское управление, которое от себя уже пересылало квитанции по принадлежности¹⁰. В губернских управлениях власть сосредотачивалась в руках управляющих акцизными сборами, в окружных — надзирателей акцизных сборов. В состав окружных акцизных управлений входили ревизоры, техники, чиновники по судебной части, контролеры и надсмотрщики¹¹. Кроме чиновников при управлениях состояли акцизные надсмотрщики, не имевшие прав службы и исполнявшие свои обязанности по найму (в уездах они прикреплялись по одному к каждому заводу)¹².

В 60 — 70-е гг. XIX в. только небольшой процент чиновников казенных палат имел высшее образование, что обуславливалось его малым распространением и ограниченностью окладов содержания. Считалось достаточным знание канцелярского порядка и усидчивого, часто механического, труда. В конце XIX — начале XX в. от лиц, заведовавших податным делопроизводством, уже требовали глубоких познаний в различных частях законодательства, знакомства с экономическим состоянием населения того или иного уезда, способности логического мышления и умения грамотно излагать свои мысли¹³.

Ревизией счетов государственных фискальных учреждений занимались контрольные палаты, выведенные из подчинения губернатору и не имевшие уездных отделений. Однако они взаимодействовали с чиновниками различных правоохранительных органов. Так, например, реестр о сделавшихся известными случаях открытия наследства стоимостью свыше 1 тыс. руб. составлялся на основе сведений, полученных от станowych приставов, уездных членов окружных судов, судебных приставов и податных инспекторов¹⁴.

Первичным звеном сбора налогов и несения повинностей оставалась волостная система самоуправления. Однако волостные старшины в большинстве случаев были неграмотными и незнакомыми с торговым положением. В итоге проверка правильности торговли всецело зависела от писарей волостных правлений. Последние, в свою очередь, были загружены работой и не могли в достаточной мере следить за торговой отчетностью, постоянно нуждаясь в указаниях со стороны казенной палаты¹⁵. В 1885 г. для контроля над сборами в уездах был учрежден институт податной инспекции. Изначально инспекторы полагались в значительной степени на личный опыт, а

не на нормативные акты (система отчетов сложилась только к 90-м гг. XIX в.). Так, губернская казенная палата к 1 апреля отчетного года посылала составленные ею таблицы податному инспектору, который, дополнив их своими сведениями, готовил общий обзор в виде объяснительного текста и до 1 июня препровождал в палату полный годовой отчет. К 1 августа сведения отправлялись в Департамент окладных сборов (вместе со сводными губернскими таблицами и общим обзором истекшего года в хозяйственно-податном отношении). Вопросы об источниках, из которых извлекались необходимые для отчетов сведения, способах и приемах их составления, а также времени выполнения и т. д. обсуждались на съездах податных инспекторов. К отчетам прилагался общий обзор отчетного года в хозяйственно-податном отношении, включающий следующие пункты:

краткую характеристику урожая хлебов и цены на них в отчетном году с пояснением условий уборки и сбыта хлебов, а также выгодности заработков населения (как сельскохозяйственных, так и иных, основных на податном участке);

сравнительный анализ поступлений окладных сборов за отчетный и предшествовавший ему годы с объяснением существенной разницы в суммах окладных поступлений и оставшихся казенных недоимок, а также прочих окладных сборов;

главные причины успешного или безуспешного поступления окладных сборов с указанием особых обстоятельств, а также значимых для экономических условий жизни населения явлений, оказавших заметное влияние на его платежную способность, и тех особых мер взыскания, о которых не упоминалось в стандартных таблицах.

На уровне как губерний, так и уездов действовали различные податные присутствия и комиссии. Уездные податные присутствия формировались уездным земским собранием и городской управой. Члены и кандидаты избирались исключительно из среды торговцев, подлежащих обложению тем или другим сбором (гильдейским или негильдейским). В члены уездного присутствия по распределению гильдейского сбора избирались лица, обязанные по роду торгового или промыслового занятия брать купеческие документы, для участия же в заседаниях негильдейского присутствия — из числа лиц, берущих свидетельства мелочного торгового, промысловые 1 — 3-го разрядов в связи с выборкой билетов мелочного торгового¹⁷. По гильдейским предприятиям в его состав входили представители купечества и реже — крестьянства; по негильдейским — в основном крестьяне, а также мещане. При избрании членов городского по квартирному налогу присутствия от городской думы преимущество отдавалось купцам¹⁸. Утвержденные члены приносили клятву «хранить в тайне все предъявляемые... в присутствии по промысловому налогу сведения, касающиеся имущественного положения плательщиков»¹⁹. Деятельность присутственных мест не всегда была стабильной. Их члены, проживавшие вне города, должны были приезжать на заседания за 30, 40 и даже 50 верст, что особенно вызывало затруднения во время распутицы²⁰.

Наиболее критическую оценку в российской историографии получил сформированный в 1889 г. институт земских участковых начальников, имевших широкие административные права в отношении сельского населения. С фискальной стороны они следили за состоянием сельских ссудно-сберегательных касс и подобных учреждений мелкого кредита, мирских капиталов, утверждали приговоры об их расходовании. Охранительный характер службы земских начальников определил крайне негатив-

ное отношение к ним в историографии. Однако архивные фонды полны сведений и об их позитивных действиях: ходатайствах о снижении налоговых платежей и прощении должников.

Значительную часть фискальных функций выполняла уездная полиция: наблюдала за заводской, фабричной и ремесленной промышленностью; содействовала акцизному управлению в наблюдении за исполнением постановлений об акцизе; участвовала во взыскании податей, разного рода сборов и гербовых пошлин; осуществляла контроль и поощрение в делах по народному продовольствию; принимала действия, необходимые в сборе земских повинностей²¹. В функции полиции входило также оказание содействия правительственным, судебным и общественным учреждениям и должностным лицам; понуждение населения к исполнению их требований; выполнение поручений вышеназванных учреждений (выдача повесток, объявлений, документов, денег, доставка справок, сведений и т. п.)²². Податные инспекторы часто реализовывали налоговые требования через полицейские управления (это подтверждали просьбы некоторых из них напечатать стандартные бланки для ускорения многочисленной переписки). При этом Казанская казенная палата заявляла, что она сама должна осуществлять сношения с полицией по поводу взыскания штрафов и долгов и вела с данными учреждениями переписку по каждому взысканию отдельно. Однако податные инспекторы предпочитали отслеживать поступление штрафов через переписку с полицейскими управлениями, а не через справки из местного казначейства о поступлении или непоступлении взысканий. Многие из инспекторов отказывались от мер личного воздействия к лицам, подвергнутым взысканию, оставляя данную обязанность полиции²³. В ответ последняя нередко отвечала бездействием или медлительностью. Полицейские управления, ссылаясь на большую занятость, не доводили извещения до адресатов в течение нескольких месяцев, что существенно задерживало поступления раскладочного сбора в казну²⁴. Это отражалось в том числе и на сроках составления отчетности по уездам с разницей в несколько месяцев. Так, например, в 1886 г. окончательное исправление и утверждение разверстки по Ядринскому уезду было завершено 26 мая, Цивильскому — 21 июля, Чебоксарскому — 18 ноября²⁵. Необходимо уточнить, что полиция не имела никаких взыскательных прав, за исключением понуждения сельских и волостных начальников и применения к ним административных мер (арест и денежный штраф). Однако указанные меры не достигали цели: сельские общества все денежные штрафы с должностных лиц принимали на свой счет, а лицам, подвергшимся аресту, выдавали денежное вознаграждение по числу дней ареста (данный порядок круговой поруки распространялся на старост и сборщиков)²⁶.

Таким образом, реформы последних десятилетий XIX в., с одной стороны, приближали Россию к западным рыночным образцам, а с другой — сохраняли устаревший общественный строй. Это определяло незавершенность процессов экономической модернизации. Идеологи реформ заявляли о ликвидации податной системы, но она продолжала свое существование. Требовалось создание гибкой налоговой модели, однако фискальная система развивалась за счет роста бюрократической нагрузки на сельское население, которое, в отличие от предпринимателей губернских городов, оказалось под контролем ряда консервативно-репрессивных институтов и само сохраняло многие общинные пережитки.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. СПб., 1874. Т. 49.
- ² **Иловайский С. И.** Учебник финансового права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc4396p0/instrum4397/item4421.html> (дата обращения 03.02.2012).
- ³ НА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 700. Л. 90.
- ⁴ Там же. Л. 73.
- ⁵ См.: **Пушкарева В. М.** История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996. С. 162 — 164.
- ⁶ НА РТ. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 1 об., 7.
- ⁷ ГИА ЧР. Ф. 149. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.
- ⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 14.
- ⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 700. Л. 30.
- ¹⁰ Там же. Л. 29.
- ¹¹ **Ивановский В.** Государственное право [Электронный ресурс]. URL : <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2953.html> (дата обращения 02.04.2012).
- ¹² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 176. Л. 2, 8 — 11.
- ¹³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13443. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Д. 13387. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Д. 752. Л. 8.
- ¹⁶ Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 13.
- ¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1148. Л. 25 об.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 149. Оп. 1. Д. 88. Л. 2, 4, 10.
- ¹⁹ Там же. Д. 139. Л. 76.
- ²⁰ НА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 812. Л. 88.
- ²¹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3517. Л. 3, 3 об.
- ²² См.: **Ковалевский М. Е.** Записка члена Государственного совета сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности полицейских учреждений по данным, обнаруженным при ревизии губерний Казанской и Уфимской. СПб., 1887. С. 4.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 150. Д. 1. Л. 123 об.
- ²⁴ НА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 752. Л. 4 об.
- ²⁵ Там же. Д. 812. Л. 87.
- ²⁶ Там же. Л. 48 об.

Поступила 14.05.2012 г.

УДК 94(470.40)»1812»(=511.152)

С. В. Белоусов

S. V. Belousov

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.*

PARTICIPATION OF THE REPRESENTATIVES OF THE MORDOVIAN POPULATION OF THE PENZA GOVERNORATE IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., заграничные походы русской армии 1813 — 1814 гг., Пензенская губерния, формулярные списки, мордовское население.

В статье рассматривается участие уроженцев мордовских населенных пунктов Пензенской губернии в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии.

Key words: : the Patriotic War of 1812, the foreign campaigns of the Russian army in 1813 — 1814, the Penza Governorate, the official lists, Mordovian population.

The participation of the natives of Mordovian settlements of the Penza Governorate in the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns of the Russian army is considered in the article.

В год 200-летия Отечественной войны 1812 г. одной из важных проблем, стоящих перед исследователями, является изучение персонального состава офицеров и солдат русской регулярной армии, участвовавших в военных кампаниях против наполеоновской Франции. Длительное время объектом рассмотрения являлись лишь представители генералитета и высшей аристократии, а также «легендарные личности», при этом изучение основной массы участников боевых действий (штаб- и обер-офицеров, «нижних чинов») практически не проводилось. Исключение составляет исследовательская деятельность Д. Г. Целорунго, сумевшего в ряде работ представить обобщенный социальный портрет офицеров, унтер-офицеров и солдат русской армии, участвовавших в Бородинском сражении¹. На региональном уровне примером обращения к данной проблеме служат работа саратовского исследователя Н. Ф. Хованского, калужских историков В. А. Бессонова, М. А. Добычиной и В. А. Иванова, а также просопографическая база данных, составленная С. В. Белоусовым². Последняя работа содержит некоторые сведения о 18 «нижних чинах», уроженцах мордовских населенных пунктов Пензенской губернии, принимавших участие в военных кампаниях 1812 — 1814 гг. (приложение). Основным источником для написания статьи послужили формулярные списки офицеров и унтер-офицеров ряда полков русской регулярной армии, находящиеся в РГВИА (Ф. 489). Формулярные списки составлялись в 1812 — 1815 гг. и, естественно, на основе содержащихся в них данных невозможно представить, как сложилась дальнейшая судьба перечисленных в них людей. Поэтому дополнительно использовались сведения о награждении серебряной медалью «За взятие Парижа» отставных «нижних чинов», проживавших после

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №11-11-58004а/В.

отставки в Пензенской губернии, а также послужные списки присяжных уездных казначейств Пензенской губернии из Государственного архива Пензенской области.

Следует отметить, что в первой четверти XIX в. в формулярных списках отсутствовала графа о национальной принадлежности военнослужащих, поскольку первостепенное значение придавалось их социальному статусу. В связи с этим по формулярам лишь приблизительно можно определить национальность того или иного лица³.

Для установления национальной принадлежности «нижних чинов», выходцев из Пензенской губернии, важно было знать место их рождения. В связи с тем, что в начале XIX в. русское население на территории Среднего Поволжья уже преобладало, большая часть солдат и унтер-офицеров, призванных из различных населенных пунктов, была русской национальности. Однако наряду с деревнями и селами с русским населением в губернии существовали поселения с компактным проживанием представителей других народностей: татар, мордвы и чувашей. В частности, на территории Краснослободского уезда существовало несколько десятков населенных пунктов, в которых проживала мордва-мокша и мордва-эрзя. Среди них можно отметить с. Мордовская Норка*, Курташки, Жабье и Большой Уркат, а также д. Ежовку и Самозлейку⁴, из которых по рекрутским наборам в армию были призваны рядовой 12-го егерского полка Филипп Иванов, фейерверкер 2-го класса конно-артиллерийской роты № 2 Яков Михайлов, рядовой лейб-гвардии Преображенского полка Василий Усанов, унтер-офицер 24-го егерского полка Федор Сетищев, рядовой Сибирского гренадерского полка Василий Яковлев и рядовой Дмитрий Дорофеев, очевидно, принадлежали к мордовскому населению, хотя в формулярных списках об этом ничего не сказано⁵. В послужных списках некоторых «нижних чинов» отмечено, что они являлись выходцами «из мордвы» или «из новокрещенных мордвов» (Кондратий Павлов, Федор Дивеев, Алексей Егоров, Иван Иванов, Афанасий Исаев, Герасим Леонтьев, Ефрем Вошкин, Архип Егоров и Михаил Нагорнов)⁶. Кроме того, двое (Федор Григорьев и Петр Тарасов) по формулярным спискам значатся из ясачных крестьян, что также позволяет отнести их к мордовскому населению, которое в начале XIX в. входило именно в эту категорию крестьянства, а рядовой Курляндского драгунского полка Александр Кашаев являлся выходцем из новокрещенных мурз с. Урей Краснослободского уезда⁷.

Все представители мордовского населения, сведения о которых нам удалось обнаружить в различных архивах, к 1812 г. находились в «нижних чинах»: 4 чел. служили унтер-офицерами, 13 — рядовыми, 1 был полковым барабанщиком. Ни одному из них в дальнейшем не удалось дослужиться до обер-офицерских чинов. Это и понятно. Перед представителями «инородческого» населения достаточно остро стояли проблемы социальной адаптации в военной среде. Отсутствие у них навыков русской разговорной речи, неумение читать и писать не только замедляло этот процесс, но и влияло на продвижение по службе. Интересный случай содержится в воспоминаниях М. А. Богданчикова, бывшего в 1812 г. рядовым Невского пехотного полка. Он описал обучение военному ремеслу молодых рекрутов из числа латышей и финнов, совершенно не владевших русским языком⁸.

В 1812 — 1814 гг. выходцы из мордвы служили в различных родах войск. Так, 4 чел. сражались в составе гренадерских полков, по 3 чел. — в пехотных и егерских полках, а также в артиллерии, 2 — в драгунских полках, по 1 чел. — в гвардии и

* Название взято из первоисточника (РГВИА. Ф. 489).

егерском батальоне великой княгини Екатерины Павловны. Сведения о Дмитрие Дорофееве ограничиваются лишь его службой в Краснослободской инвалидной команде.

К началу Отечественной войны 1812 г. 5 чел. мордовской национальности находились в различных воинских частях 1-й Западной армии, 6 чел. — 2-й Западной армии; 8 чел. (рядовые Сибирского гренадерского полка Петр Тарасов и Василий Яковлев, бомбардиры 30-й батарейной роты 2-й резервной артиллерийской бригады Ефрем Вошкин и Алексей Егоров, рядовой Павловского гренадерского полка Федор Григорьев, полковой барабанщик Ладожского пехотного полка Архип Егоров, рядовой Курляндского драгунского полка Александр Кашаев, рядовой 42-го егерского полка Михаил Нагорнов) принимали участие в Бородинском сражении; сведения о других 5 солдатах ограничиваются лишь их участием в военной кампании 1814 г.

Формулярные списки 5 выходцев из мордовского населения содержат сведения об их награждении знаками отличия военного ордена Святого Георгия. Так, выходцы из «новокрещенной мордвы» д. Парки Краснослободского уезда и с. Тешнярь Городищенского уезда, бомбардиры Ефрем Вошкин (знак № 14135) и Алексей Егоров (знак № 13110) получили их за отличие в арьергардных делах при отступлении от г. Смоленска. Знаком отличия военного ордена были также награждены уроженец д. Ежовки Краснослободского уезда, рядовой Сибирского гренадерского полка Василий Яковлев (знак № 18925) и выходец из «новокрещенной мордвы» д. Новые Верхиссы Инсарского уезда, полковой барабанщик Ладожского пехотного полка Архип Егоров (знак № 31405). К сожалению, из их формулярных списков не видно, за отличие в каком сражении они получили награды. Особо хочется отметить уроженца с. Пермиево Городищенского уезда Кондратия Павлова. На военную службу он поступил в марте 1805 г. и был зачислен рядовым в Московский гарнизонный полк. В 1812 г. К. Павлов служил во вновь сформированном егерском батальоне великой княгини Екатерины Павловны, в составе которого в 1813 г. принял участие в сражениях при Люцене и Бауцене. В мае 1813 г. его произвели в фельдфебели. Сражался при Кенигштайне, Дрездене, Кульме, Лейпциге. При расформировании батальона К. Павлов был переведен фейерверкером в лейб-гвардейскую артиллерийскую бригаду. В 1826 г. К. Павлов был отставлен от службы и вскоре определен присяжным в Городищенское уездное казначейство. За время службы он был награжден знаками отличия военного ордена Святого Георгия и Святой Анны, прусским Железным крестом, серебряными медалями в память о войне 1812 г. и «За взятие Парижа», австрийской серебряной медалью⁹. Сведений о ранениях представителей мордовского населения в формулярных списках не содержится.

Судьба многих «нижних чинов» — выходцев из мордвы после окончания военных кампаний 1812 — 1814 гг. неизвестна. Лишь немногим удавалось вернуться домой после длительного срока службы. Пять чел. (Дмитрий Дорофеев, Филипп Иванов, Яков Михайлов, Федор Сетищев и Василий Усанов), проживая в населенных пунктах, из которых они уходили в рекруты, в 1827 г. были награждены серебряными медалями «За взятие Парижа». Двое после военной отставки служили присяжными в уездных казначействах: Федор Григорьев — в Чембарском, а Кондратий Павлов — в Городищенском. Дату смерти удалось установить лишь у одного из участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, выходцев из мордовского населения — Кондратий Павлов умер 17 июня 1828 г., находясь на службе в Городищенском уездном казначействе.

Приложение

Выходцы из мордовского населения Пензенской губернии — участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии

Вошкин Ефрем Гаврилович (ок. 1770 — ?) — из новокрещенной мордвы д. Парки Краснослободского уезда. На военную службу поступил по рекрутскому набору в 1795 г. флейтщиком. В 1797 г. произведен в канониры, а в 1798 — в бомбардиры. Участник Итальянского похода А. В. Суворова. Участвовал в осаде Мантуи. В 1806 — 1807 гг. служил в Пруссии, в батарее роте майора Швенцона, входившей в состав 9-й артиллерийской бригады. В декабре 1808 г. рота была переименована в батарею роту штабс-капитана Нилуса 3-го 7-й артиллерийской бригады, а в январе 1811 г. — в батарею роту № 30 и направлена на составление 2-й резервной артиллерийской бригады. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Сражался при Смоленске, с 18 по 25 августа находился в арьергардных делах, участвовал в Бородинском сражении. В 1813 — 1814 гг. участвовал в осаде Глогау, сражался при Бауцене, Дрездене, Арси, Париже. В сентябре 1814 г. в результате реорганизации артиллерии переведен во 2-ю артиллерийскую бригаду, а рота переименована в батарею роту № 2. Награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия (№14135) [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3803. Л. 350 об. — 351].

Григорьев Федор (ок. 1781 — после 1834) — из ясачных крестьян. На военную службу поступил по рекрутскому набору 12 декабря 1809 г. в Павловский гренадерский полк. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Сражался при Смоленске, Бородино, Тарутине, Малом Ярославце. В битве при Бауцене был ранен в левую ногу. В 1830 г. отставлен от военной службы унтер-офицером и вскоре определен присяжным в Чембарское уездное казначейство. Награжден серебряными медалями в память о войне 1812 г. и «За взятие Парижа» [ГА ПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 785. Л. 242 об. — 243].

Дивеев Федор Никифорович (ок. 1770 — ?) — из новокрещенной мордвы д. Пылаевой Инсарского уезда. На военную службу поступил 11 июня 1790 г. в Нашебургский пехотный полк рядовым. Участник военной кампании против польских мятежников 1792 — 1794 гг. В 1802 г. произведен в унтер-офицеры. В августе 1805 г. переведен в 42-й егерский полк, где в декабре 1806 г. произведен в фельдфебели. В 1809 г. вновь переименован в унтер-офицеры. В 1809 г. участвовал во взятии турецкой крепости Анапа и в различных сражениях против черкесов. Участник Отечественной войны 1812 г. Сражался при Смоленске. В апреле 1814 г. определен вагенмейстером. Награжден знаком отличия военного ордена Святой Анны (№ 65127) [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1842. Л. 79 об. — 80].

Дорофеев Дмитрий — рядовой Краснослободской инвалидной команды. Четыре месяца находился в плену во Франции. 16 июля 1823 г. отставлен от военной службы. После отставки жил в д. Самозлейке Краснослободского уезда. Награжден серебряной медалью «За взятие Парижа» [ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1271. Л. 17].

Егоров Алексей Иванович (ок. 1776 — ?) — из новокрещенной мордвы с. Тешнярь Городищенского уезда. На военную службу поступил по рекрутскому набору в 1795 г. погонщиком. В 1797 г. произведен в фурлейты, в 1803 г. — в готландеры, а в 1806 г. — в канониры. В 1806 — 1807 гг. служил в Пруссии, в батарее роте майора Швенцона, входившей в состав 9-й артиллерийской бригады. В 1808 г.

произведен в бомбардиры. В декабре 1808 г. рота была переименована в батарею роту штабс-капитана Нилуса 3-го 7-й артиллерийской бригады, а в январе 1811 г. — в батарею роту № 30 и направлена на составление 2-й резервной артиллерийской бригады. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Сражался при Смоленске, с 18 по 25 августа находился в арьергардных делах, участвовал в Бородинском сражении. В 1813 — 1814 гг. участвовал в осаде Глогау, сражался при Бауцене, Дрездене, Арси и Париже. В сентябре 1814 г. в результате реорганизации артиллерии переведен во 2-ю артиллерийскую бригаду, а рота переименована в батарею роту № 2. Награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия (№ 13110) [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3803. Л. 352 об. — 353].

Егоров Архип Егорович (ок. 1787 — ?) — из новокрещенной мордвы д. Новые Верхиссы Инсарского уезда. На военную службу поступил 3 марта 1803 г. в Ладужский пехотный полк рядовым. С ноября 1811 г. являлся полковым барабанщиком. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Сражался при Салтановке, Смоленске, Бородино, Тарутине, Малом Ярославце, Вязьме и Красном. В 1813 — 1814 гг. участвовал в осаде Модлина, Магдебурга и Гамбурга, сражался при Лейпциге. Награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия (№ 31405) [Там же. Д. 451. Л. 91 об. — 92].

Иванов Иван Иванович (ок. 1789 — ?) — из новокрещенной мордвы с. Адашево Инсарского уезда. На военную службу поступил 10 августа 1808 г. в Белостокский пехотный полк рядовым. В мае 1813 г. произведен в унтер-офицеры. Участник заграничных походов русской армии 1813 — 1814 гг. Сражался при Кацбахе, Лейпциге, Шатобриене, Ла-Ротьере, Монмирале, Шатотьеры [Там же. Д. 109. Л. 34 об. — 35].

Иванов Филипп — рядовой 12-го егерского полка. Принимал участие во взятии Парижа. 1 июня 1817 г. отставлен от военной службы. После отставки проживал в д. Мордовская Норка Краснослободского уезда. Награжден серебряной медалью «За взятие Парижа» [ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1271. Л. 20].

Исаев Афанасий Исаевич (ок. 1784 — ?) — из новокрещенной мордвы Инсарского уезда. На военную службу поступил 1 января 1803 г. в Ладужский пехотный полк рядовым. Участник Русско-турецкой войны 1806 — 1812 гг. Участвовал в осаде Измаила, Журжи, штурме Банского укрепления. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В составе Московского гренадерского полка сражался при Тарутине, Малом Ярославце и Красном. В 1813 — 1814 гг. принимал участие в сражениях при Люцене, Михельсдорфе, Бауцене, Донау, Теплице, Лейпциге, Бриен-ле-Шато, Арси, Париже. В мае 1814 г. произведен в унтер-офицеры. Награжден серебряной медалью в память о войне 1812 г. [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1199. Л. 233 об. — 234].

Кашаев Александр Петрович (ок. 1785 — ?) — из новокрещенных мурз с. Урей Краснослободского уезда. На военную службу поступил по рекрутскому набору 8 декабря 1809 г. в Курляндский драгунский полк рядовым. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Сражался при Свенянах, Кочергишках, Колоцком монастыре, Бородино, Воронове, Спасском, Вязьме. В 1813 г. принимал участие в сражениях на р. Кацбах и Бобр, при Лейпциге; произведен в унтер-офицеры. В 1814 г. во Франции сражался при Бриен-ле-Шато, Ла-Ротьере, Шатотьеры, Краоне [Там же. Д. 2431. Л. 78 об. — 78 а].

Леонтьев Герасим Леонтьевич (ок. 1784 — ?) — из новокрещенной мордвы д. Каргалеи Городищенского уезда. На военную службу поступил 15 апреля 1805 г. в Каргопольский драгунский полк рядовым. Участник военных кампаний против наполеоновской Франции 1806 — 1807 гг. Сражался при Насельске, Пултуске, Ландзберге, Прейсиш-Эйлау, Фридланде. В марте 1812 г. произведен в унтер-офицеры. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. Сражался при Малом Ярославце, Вязьме, Красном. В 1813 г. участвовал в сражениях при Дрездене, Бишофсверде, Бауцене, Рейхенбахе, Герлице и Лейпциге [Там же. Д. 2398].

Михайлов Яков — фейерверкер 2-го класса конно-артиллерийской роты № 2. Участвовал во взятии Парижа. В 1819 г. был отставлен от военной службы. После отставки жил в с. Курташки Краснослободского уезда. Награжден серебряной медалью «За взятие Парижа» [ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1271. Л. 20].

Нагорнов Михаил Павлович (ок. 1775 — ?) — из мордвы с. Муромки Нижне-ломовского уезда. На военную службу поступил 6 декабря 1802 г. в 42-й егерский полк рядовым. В 1805 г. участвовал в сражении под г. Рагузой, в 1810 г. — в штурме Рушука. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Сражался при Салтановке, Смоленске, Бородино. Участвовал в блокаде крепости Модлин. Сражался при Донау, Дрездене, Лейпциге. Принимал участие в осаде Гамбурга. В феврале 1815 г. произведен в унтер-офицеры [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1842. Л. 328 об. — 329].

Павлов Кондратий Павлович (ок. 1783 — 17.06.1828) — из новокрещенной мордвы с. Пермиево Городищенского уезда. На военную службу поступил 16 марта 1805 г. в Московский гарнизонный полк рядовым. В 1812 г. поступил в егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны. В 1813 г. участвовал в сражениях при Люцене и Бауцене. 28 мая 1813 г. произведен в фельдфебели. Сражался при Кенигштайне, Дрездене, Кульме, Лейпциге. В 1815 г. переведен фейерверкером в лейб-гвардейскую артиллерийскую бригаду. 26 октября 1826 г. отставлен от службы фейерверкером 2-го класса. В декабре 1826 г. определен присяжным в Городищенское уездное казначейство. Награжден знаками отличия военного ордена Святого Георгия и Святой Анны, прусским Железным крестом, серебряными медалями в память о войне 1812 г., «За взятие Парижа» и австрийской серебряной медалью [ГА ПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 666. Л. 114 об. — 117].

Сетищев Федор Сергеевич — унтер-офицер 24-го егерского полка. Участвовал во взятии г. Парижа. В октябре 1816 г. отставлен от военной службы. После отставки жил в с. Большой Уркат Краснослободского уезда. Награжден серебряной медалью «За взятие Парижа» [Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1271. Л. 18 об.].

Тарасов Петр Тарасович (ок. 1787 — ?) — из ясачных крестьян с. Ишима Городищенского уезда. На военную службу поступил по рекрутскому набору 5 ноября 1808 г. рядовым в Сибирский гренадерский полк. Согласно настоящему реестру рекрутов, принятых на военную службу, имел рост 2 аршина $3\frac{3}{4}$ вершка ($\approx 160,4$ см), «лицом бел, чист, волосом светлорус, глаза серые, нос средствен, на лбу от ушибу рубец, говорит чисто». Участник Отечественной войны 1812 г. Сражался при Смоленске и Бородино. В апреле 1813 г. произведен в унтер-офицеры. В составе резервного батальона полка участвовал в осаде Модлина [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7293. Л. 56 об. — 57 ; ГА ПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 336. Л. 13 об. — 14].

Усанов Василий Никитич — рядовой лейб-гвардейского Преображенского полка. Участвовал во взятии Парижа. 1 сентября 1822 г. отставлен от военной службы. После отставки жил в с. Жабье Краснослободского уезда. Награжден серебряной медалью «За взятие Парижа» [ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1271. Л. 20].

Яковлев Василий Яковлевич (ок. 1782 — ?) — из крестьян д. Ежовки Краснослободского уезда. На военную службу поступил 20 ноября 1802 г. в Сибирский гренадерский полк рядовым. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1806 — 1812 гг. Участвовал в осаде Журжи, Силистрии, Шумлы, Рушука. Сражался при Турбате и Рассевате. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Сражался при Смоленске, Бородино, Чирикове, Воронове, Чернышне, Малом Ярославце, Красном. Награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия (№ 18925). В 1813 г. участвовал в осаде крепости Модлин. В декабре 1814 г. произведен в унтер-офицеры [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7293. Л. 67 об. — 68].

Библиографические ссылки

¹ См., например: **Целорунго Д. Г.** Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения : ист.-социол. исслед. М., 2002 ; **Его же.** Социальный облик унтер-офицеров российской армии — участников Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны : Битвы. Поля сражений. Мемориалы : материалы II Междунар. науч. конф. (Бородино, 3 — 5 сент. 2007 г.). Можайск, 2008. С. 7 — 19 ; **Его же.** Социальный облик рядовых солдат 1-й и 2-й Западных армий // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы XV Междунар. науч. конф. (Бородино, 9 — 11 сент. 2008 г.). Можайск, 2009. С. 212 — 227.

² **Хованский Н. Ф.** Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 99 — 226 ; **Бессонов В. А., Добычина М. А., Иванов В. А.** Офицерский корпус русской армии в заграничных походах 1813 — 1815 гг.: историко-социологический портрет (по материалам Калужской губернии) // Докл. Акад. Воен. наук (Поволж. отд-ние). 2004. № 12. С. 6 — 14 ; **Их же.** Малоярославчане — участники антинаполеоновских войн // Отечественная война 1812 года и российская провинция : События. Люди. Памятники : материалы XII Всерос. науч. конф. Малоярославец, 2004. С. 152 — 175 ; **Белоусов С. В.** Пензенцы — участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии: просопографическая база данных. Пенза, 2011.

³ См.: **Целорунго Д. Г.** Офицеры русской армии... С. 75 ; **Безогосный В. М.** Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопр. истории. 1999. № 7. С. 60 — 71.

⁴ См.: **Инжеватов И. К.** Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987.

⁵ ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1271. Л. 17, 18 об., 20.

⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 109. Л. 34 об. — 35 ; Д. 451. Л. 91 об. — 92 ; Д. 1199. Л. 233 об. — 234 ; Д. 1842. Л. 79 об. — 80, 328 об. — 329 ; ГА ПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 666. Л. 114 об. — 117.

⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2431. Л. 78 об. — 78 а ; Д. 7293. Л. 56 об. — 57 ; ГА ПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 785. Л. 242 об. — 243.

⁸ См.: **Богданчиков М. А.** Мое воспоминание : Из рассказов дедушки моего, прапорщика Сергея Яковлевича Богданчикова. 1911 г. // 1812 год : Воспоминания воинов рус. армии. М., 1991. С. 449 — 450.

⁹ ГА ПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 666. Л. 114 об. — 117.

Поступила 10.02.2012 г.

УДК 94(470.4/.5):371.13

О. А. Баршова

O. A. Barshova

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В МОРДОВСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

TEACHERS TRAINING IN THE MORDOVIAN REGION IN THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: учитель, учебное заведение, учительская семинария, учительский институт, учительские школы, педагогические курсы, Мордовский край.

В статье рассматривается подготовка педагогических кадров в Мордовском крае в различных учебных заведениях в начале XX в.

Key words: teacher, educational institution, teacher seminary, teacher institute, teacher schools, pedagogical courses, the Mordovian region.

The article deals with the process of training of pedagogical personnel in various educational institutions of the Mordovian region in the early XX century.

В начале XX в. сеть педагогических учебных заведений в России была недостаточно развитой, поэтому большинство преподавателей, как и во второй половине XIX в., не имели специального педагогического образования.

В рассматриваемый период подготовка учителей кадров для начальных школ Мордовского края широко осуществлялась в учительских институтах, семинариях, учительских школах, на краткосрочных годичных и двухлетних педагогических курсах, учительских съездах, в женских учительских гимназиях, функционировавших на территории Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний. Эти учебные заведения подчинялись различным ведомствам: государственным министерствам и земствам. В зависимости от принадлежности учебного заведения к тому или иному ведомству строилась его деятельность.

В первые десятилетия XX в. подготовка учителей для школ Мордовского края осуществлялась в учебных заведениях, находившихся за пределами Мордовии: в Тамбовском Екатерининском учительском институте, Пензенской, Казанской и Порецкой учительских семинариях, Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Нижегородской, Кадомской и Спасской гимназиях. Следует отметить, что со второго десятилетия XX в. началась подготовка педагогических кадров в Саранской гимназии, Инсарской и Саранской учительских семинариях, в Кирилловской и Виндрейской учительских школах.

Значительное место в подготовке учителей кадров для Мордовского края и в целом Пензенской губернии занимала Пензенская учительская семинария. По количеству воспитанников она не отличалась от других подобных учебных заведений России. Так, в 1900 г. в 60 учительских семинариях России всего обучалось около 5 тыс. чел., или в среднем более чем 83 чел. в каждой, а общий ежегодный выпуск составлял от 800 до 1 200 учителей, или около 13 — 20 чел.¹ Это минималь-

ное число выпускников никак не покрывало необходимую потребность в них, которая была в 2 — 3 раза больше предложений. Несмотря на то что из года в год увеличивалось число воспитанников Пензенской учительской семинарии, это не удовлетворяло потребности в учителях уездных школ Пензенской губернии. Именно поэтому Нижнеломовское земство в 1910 г. обратилось с ходатайством на имя губернского собрания о расширении Пензенской учительской семинарии с целью увеличения количества учителей со специальным образованием. Рассматривая ходатайство, губернская земская управа отмечала, что «число учащихся можно довести до максимальной цифры 120 человек»². В 1910 г. в учительской семинарии обучалось 89 чел. Одновременно с увеличением числа воспитанников необходимо было решить вопрос об их размещении: устроить общежитие на 65 мест, выделить пособие на содержание каждого ученика в размере 100 руб., а также назначить надзирателю жалование в размере 500 руб. Ввиду того что губернской управой была поставлена задача открыть постоянные 2-летние педагогические курсы, «могущие дать большой контингент подготовленных учащихся», губернское собрание отклонило ходатайство Нижнеломовского земства. В 1914 — 1917 гг. в Пензенской учительской семинарии обучалось немногим более 90 чел.³

С введением всеобщего обучения, вызвавшим усиленный рост школ, перед земством встал вопрос об обеспечении их педагогическим персоналом. Забота о качественном улучшении школьного дела была возможна только при повышении образовательно-педагогического уровня учительских кадров, поскольку хорошо подготовленный учительский персонал составлял главное условие успеха школы. С 1911 г. в Пензенской губернии в связи с осуществлением всеобщего первоначального обучения ежегодно стало открываться более 30 народных школ, для которых были необходимы качественно подготовленные кадры. Например, в течение 10 лет для Краснослободского и Саранского уездов потребовалось бы 205 и 137 новых педагогов⁴. Таким образом, только для двух уездов ежегодная потребность составляла 33 учителя, т. е. столько, сколько выпускала ежегодно Пензенская учительская семинария. Следует заметить, что образовательная подготовка учителей в школах Пензенской губернии не была высокой, что требовало новых форм организации их переподготовки. Учителя, окончившие специальные учебные заведения (учительские семинарии и курсы) в целом по губернии составляли 12,6 %, в Наровчатском уезде — 15,1, Краснослободском — 10,5, Инсарском — 10,4 и Саранском — 3,3 %⁵. Более половины педагогов имели низшее образование. Так, в Саранском уезде педагоги с низшим образованием составляли 83,9 %, Инсарском — 65,4, Краснослободском — 64,7, Наровчатском — 47,2 %⁶.

В связи с этим в 1913 г. в г. Пензе на очередной сессии губернского земского собрания обсуждался вопрос о целесообразности открытия в Пензенской губернии еще одной учительской семинарии. При этом предлагалось открыть ее в сельской местности при условии обязательного безвозмездного предоставления под нее земли в количестве не менее 5 дес. (в городе — в количестве не менее 2 дес.) и назвать «в честь памяти 300-летия царствования Дома Романовых»⁷.

Ходатайства об открытии учительской семинарии с согласием предоставить необходимое количество земли поступили от г. Саранска, Троицка и Инсара. Так, г. Саранск отводил под семинарию 2 дес. 1 500 кв. саженей городской земли на углу 2-й Троицкой и 5-й Богословской улиц; г. Инсар выделял 12 дес. земли и г. Троицк —

10 дес. Губернская управа отдала предпочтение г. Саранску, который являлся наиболее удобным пунктом для открытия учительской семинарии, так как находился при железнодорожной станции, соединявшей его с г. Пензой, Нижним Новгородом, Казанью, Москвой и Сызранью⁸.

В 1914 г. губернское земское собрание, рассмотрев этот вопрос, приняло постановление, в котором указывалось, во-первых, «признать принципиально желательным учреждение в губернии новой учительской семинарии; во-вторых, просить школьную комиссию совместно с губернской управою подыскать место для семинарии, командировать для этой цели членов комиссии; в-третьих, возбудить ходатайство о повышении общеобразовательного уровня воспитанников вновь открываемых семинарий» и, в-четвертых, возбудить ходатайство о привлечении представителей земства к участию в педагогическом совете семинарии⁹.

Учительские кадры для Мордовского края готовила Казанская инородческая учительская семинария. В среднем здесь ежегодно обучалось 120 чел. воспитанников. Кроме основных классов был приготовительный, с ежегодным обучением от 40 до 45 учащихся русских и инородцев¹⁰. В семинарии получали образование русские, чувашаи, марийцы, татары, удмурты, мордва и др. В 1908/09 уч. г. мордва составляла 10,7 % от общего числа учащихся, чувашаи — 16,4, марийцы — 14,7, удмурты — 9,8, татары — 10,6, русские — 32, другие народности (пермяки, калмыки, киргизы и зыряне) — 5,7 %¹¹; в 1913/14 уч. г. мордва составляла уже 14,0 %, чувашаи, марийцы и удмурты — по 14,9, татары — 12,3, русские — 33,3, другие народности — менее 1,0 %¹². В течение 1909 — 1914 гг. в Казанской учительской семинарии мордвы от общего числа воспитанников обучалось 11,4 %, чувашей — 12,5, марийцев — 14,0, удмуртов — 10,7, татар — 13,0, русских — 35,2 и других народностей — 3,2 %¹³. Таким образом, наибольшее число учащихся семинарии составляли русские, затем шли марийцы, татары, чувашаи, мордва, удмурты, пермяки, калмыки, киргизы и зыряне, число которых исчислялось единицами.

В 1910 — 1911 гг. при Казанской учительской семинарии была открыта мордовская школа с тремя отделениями, учащиеся 3-го отделения после успешных испытаний становились воспитанниками учительской семинарии. С 1909 по 1914 г. из стен семинарии были выпущены 22 чел. мордовской национальности, в том числе: Н. Е. Горбунов, З. Ф. Дорофеев, И. С. Жидов, В. Т. Пугачев — 1909 г.; М. Ф. Гужов, К. М. Попов, А. Ф. Скобелев, А. Ф. Федоров — 1910 г.; Я. А. Гуляев, Ф. Е. Овчинников — 1911 г.; Н. А. Гурьянов, Ф. А. Лазарев, М. С. Повареннов, В. М. Попов — 1912 г.; Г. А. Курносков, Я. И. Летанин, Г. В. Луконин — 1913 г.; С. В. Зубов, Ф. А. Ломшин, Л. П. Кирюков, М. Е. Прокаев, И. К. Савкин — 1914 г.¹⁴

Первые средние специальные учебные заведения на территории Мордовского края были открыты только в 1915 — 1916 гг. в г. Саранске и Инсаре¹⁵. Ранее, в 1909 г., были открыты педагогические классы при Ардатовской и Темниковской женских гимназиях¹⁶, в 1910 г. — при Саранской¹⁷. В 1916 г. в г. Саранск была эвакуирована рижская Александровская гимназия — старейшее русское учебное заведение в Прибалтике¹⁸.

Фактически учительская семинария давала знания на уровне гимназии, дополняя их педагогикой и методикой преподавания предметов в начальных училищах. В связи с тем что Министерство народного просвещения требовало ускоренного вве-

дения новых программ для учительских семинарий, педагогический совет Саранской учительской семинарии, обсудив предложения министерства, вышло с ходатайством перед ним о том, чтобы выпускники семинарии приравнялись к окончившим среднее учебное заведение ввиду того, что учебные программы семинарий по всем предметам практически соответствовали, а по некоторым превосходили курс женских гимназий¹⁹.

Как уже говорилось выше, губернское земство рассматривало вопрос об открытии дополнительных учительских семинарий. При этом был упомянут г. Инсар. Его жители воспользовались данной возможностью, и 7 февраля 1914 г. на чрезвычайном Инсарском уездном земском собрании был рассмотрен вопрос об открытии в г. Инсаре учительской семинарии, а также направлено ходатайство об этом на имя Пензенского губернского собрания²⁰. Местная городская дума приняла решение о выделении под строительство семинарии в городе участка земли площадью 12 дес.²¹ Накануне революции 1917 г. учительская семинария в г. Инсаре была открыта.

В 1914 г. в губернском центре обсуждался вопрос об открытии в г. Пензе учительского института. Инициатором выступил департамент Министерства народного просвещения, который 22 мая 1914 г. обратился к попечителю Харьковского учебного округа с целью выяснить «не могут ли они придти на помощь казне в деле открытия учительского института в г. Пенза»²². Этот вопрос обсуждался на уездных земских собраниях и многие из них высказались за «желательность открытия в г. Пензе учительского института», однако из-за финансовых затруднений отказались финансировать это мероприятие. Например, Саранское собрание предложило «ввиду крайне тяжелого финансового положения земства оставить этот вопрос открытым до более благоприятного времени»; Краснослободское собрание признавало необходимость учреждения в г. Пензе учительского института, но от денежных ассигнований ввиду военного времени воздержалось; по мнению Инсарского собрания, вопрос об учреждении учительского института в г. Пензе «следовало бы отложить до более благоприятного времени»²³.

Учительский институт, имевший целью осуществление подготовки учителей более высокого уровня, был открыт 1 июля 1916 г. На 1 января 1917 г. в 1-м классе института обучался 21 студент²⁴. В связи с тем, что институт предполагал готовить учителей для городских школ, земство в его финансировании не участвовало.

С учетом того, что личность учителя играла важную роль в жизни начальной школы и ее значение было несравненно больше, чем даже в средней школе, в первые годы XX столетия во многих губерниях начали открывать учительские школы. Так, в г. Тамбове вопрос об учреждении женской учительской школы был вынесен на обсуждение уездных собраний. 22 января 1902 г. Тамбовское губернское земское собрание поручило губернской земской управе представить доклад по данному вопросу²⁵. Как указывалось в докладе, вопрос об учреждении земской учительской школы возник по инициативе четырех уездных земских собраний и был поддержан губернской управой, считавшей «подготовку учительского персонала для земских школ делом величайшей важности, одну из главнейших задач земской народной образовательной деятельности»²⁶.

Что касается организации образовательного процесса в средней и начальной школах, то для средних учебных заведений существовали строго определенные, подробно разработанные программы и поурочные расписания, учебники, содержащие исчерпывающий материал в пределах программы по каждому отдельно изучаемому предмету. Кроме того, учитель средней школы работал в коллективе и мог опираться на опыт других педагогов. Наконец, задача учителя средней школы в большей степени облегчалась условиями той среды, в которой жили учащиеся средней школы. Совершенно иная ситуация складывалась в сельской начальной школе. Здесь программа была определена лишь в общих чертах, и от учителя зависело «свести ли все дело обучения к элементам чтения, письма и счета, или развить уроки объяснительного чтения в более или менее систематический курс истории, географии и мироведения, как это рекомендовалось министерскими программами»²⁷. Кроме того, в обязанности учителя начальной школы входило заведование народной библиотекой: руководство читательским процессом, рекомендация литературы, опрос мнений о прочитанных книгах. Сельский учитель организовывал дополнительные занятия, вел народные чтения с «волшебным фонарем». С его деятельностью школа становилась центром культурной жизни села или деревни.

В Спасском уезде Тамбовской губернии функционировали две учительские школы: женская в с. Кириллове и мужская в с. Виндрей²⁸. В Кирилловской учительской школе всего занималось 73 чел.: в младшем отделении — 24, в среднем — 25 и в старшем — 24. Учащиеся были представителями разных сословий: крестьян — 46 чел., мещан — 8, духовного сословия — 12, дворян — 1, других сословий — 6. В 1906 г. эту школу окончили 13 чел., из них были определены на учительские места только 3 выпускника. В Виндрейской мужской учительской школе обучалось 55 чел.: в младшем отделении — 19, среднем — 17 и в старшем — 19. 53 учащихся являлись представителями крестьянства и 2 — духовного сословия. В 1906 г. окончили школу 14 чел., большинство из которых стали впоследствии работать в сельских школах²⁹.

Со временем требования к преподаванию в начальной школе все более повышались. Только обучить чтению, счету и письму считалось уже недостаточным, необходимо было давать знания по русскому языку и арифметике, природоведению, географии и истории. Для повышения уровня общей и специальной подготовки учительского персонала, а также продуктивности школьных занятий создавались ежегодные систематически организуемые летние учительские курсы. На их организацию Министерство народного просвещения ежегодно выделяло субсидии в размере 1 тыс. руб. На курсах учителя обменивались опытом, получали педагогическую и методическую подготовку. Поэтому, несмотря на то что поездки на курсы ложились немалым бременем на скудный бюджет учителей (земство командировало лишь незначительное число педагогов), они стремились попасть на эти курсы. Так, в Пензенской губернии летние курсы посещали 60,3 % учителей земских школ мужского пола и 59,8 % — женского, или 60,0 % педагогов обоего пола; в том числе в Краснослободском уезде соответственно 35,1, 40,6 и 39,2 %; в Инсарском уезде на курсах обучались 70,4 % учителей мужского пола и 64,8 % — женского, в Саранском соответственно 41,1 и 45,6 %³⁰.

Педагогические курсы организовывали также в уездах Симбирской губернии. В частности, Ардатовский уездный училищный совет обратился к Ардатовскому

уездному земскому собранию с ходатайством обсудить вопрос об учреждении на средства казны постоянных педагогических курсов при Ардатовской женской прогимназии «согласно правилам о таковых курсах, утвержденных 31 марта 1900 г.»³¹. Необходимость в ходатайстве была вызвана неоднородностью в образовательном отношении персонала народных учителей. Так, более 26 % учительского состава получили образование в учительских семинариях, 16 % — в женских гимназиях и епархиальных училищах, 19 % — в уездных, городских и духовных училищах, 36 % — в женской прогимназии³². Учителя, получившие подготовку в прогимназии, по численности представляли самую значительную группу, которая со временем постепенно увеличивалась. Как отмечалось в ходатайстве училищного совета, выпускницы прогимназии «отличались любовью к воспитательному порядку, в достаточной степени были подготовлены по общеобразовательным предметам, при исполнении учительского труда обнаруживали редкое терпение и усердие»³³. Несмотря на это они имели ограниченную, как правило, случайную, педагогическую подготовку. Проводимые ими учебные занятия не всегда соответствовали методическим требованиям, и «определенных успехов в этом деле они достигали только после долгой школьной практики»³⁴. По мнению училищного совета, учреждение педагогического класса при прогимназии должно было повысить образовательный уровень учителей в методическом плане и воспитанники, избравшие учительский труд после окончания прогимназии, были бы подготовленными к этой работе практически и теоретически.

Вопрос об открытии педагогического класса руководством прогимназии был отложен вследствие начала войны в Восточной Азии. Однако Ардатовский училищный совет вновь возбудил ходатайство при посредстве Симбирского губернского земства. Ардатовское уездное земское собрание с предложением уездного училищного совета согласилось и на заседании 9 декабря 1901 г. приняло решение об открытии педагогических курсов при женской прогимназии³⁵.

Готовя учителей для педагогической работы в школах, земства Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний (территория современной Мордовии) использовали новейшие для своего времени педагогические технологии в обучении учителей: мастерские наглядных пособий, педагогические музеи, бесплатные библиотеки, выездные лекции, знакомство с опытом работы лучших школ Мордовского края.

Таким образом, подготовка учительских кадров в Мордовском крае в начале XX в. осуществлялась в учительских семинариях и институтах, педагогических классах гимназий и учительских школах, а также на педагогических курсах. Расширение сети педагогических учебных заведений способствовало повышению уровня общей и специальной подготовки учителей.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Никулин В. И.** Пензенское земство. Пенза, 1996. С. 110.

² См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1911 г. Пенза, 1912. С. 316.

³ ГА ПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 584. Л. 11.

⁴ См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1911 г. С. 317.

⁵ Там же. С. 318.

⁶ Там же.

⁷ См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1914 г. Пенза, 1915. С. 578 ; Вестн. Пенз. земства. 1914. № 1 — 2. С. 47.

⁸ См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1914. С. 580.

⁹ Там же. С. 579.

¹⁰ См.: Список воспитанников Казанской учительской семинарии за 1909 — 1914 гг. Казань, 1915. С. 1 — 42.

¹¹ См.: Список воспитанников Казанской учительской семинарии за 1908 — 1909 гг. Казань, 1910. С. 1 — 29.

¹² См.: Список воспитанников Казанской учительской семинарии за 1913 — 1914 гг. Казань, 1915. С. 1 — 42.

¹³ См.: Список воспитанников Казанской учительской семинарии за 1909 — 1914 гг. С. 1 — 42.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГА ПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 561. Л. 1.

¹⁶ См.: **Кошина О. В.** Развитие образования на территории Мордовии во второй половине XIX — начале XX в. : социокультур. анализ. Саранск, 2009. С. 47.

¹⁷ См. Журналы Пензенского губернского земского собрания 1910 г. Пенза, 1911. С. 504.

¹⁸ ЦГА РМ. Ф. 75. Оп. 2. Д. 38. Л. 101.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Вестн. Пенз. земства. 1914. № 5. С. 241.

²¹ Там же.

²² Журналы Пензенского губернского земского собрания 1914 г. С. 593.

²³ Там же.

²⁴ ГА ПО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

²⁵ См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания 1902 г. Пенза, 1903. С. 155 — 157.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Тамбов. епарх. ведомости. 1906. № 28. С. 546.

²⁹ Там же. С. 546.

³⁰ См.: Статистический обзор начального образования в Пензенской губернии за 1913/14 уч. г. Пенза, 1915. С. 34.

³¹ См.: Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1901 г. Симбирск, 1902. С. 395.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Поступила 27.03.2012 г.

УДК 94(470.343):323.332:630*221.1

А. А. Филонов

A. A. Filonov

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ НА ЛЕСОРАЗРАБОТКАХ И ЛЕСОСПЛАВЕ В МАРИЙСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

SITUATION OF WORKERS OF LOGGING AND TIMBER RAFTING IN THE MARI REGION AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Ключевые слова: лесоразработка, лесосплав, рубщик леса, сплавщик плотов, лесопромышленник, Марийский край.

В статье описываются условия труда и быта рабочих в Марийском крае в начале XX в. во время заготовки леса, вывоза его на пристани и сплава выработанных лесоматериалов.

Key words: forestry, timber rafting, wood cutter, timber rafter, timber merchant, the Mari region.

The working conditions and way of life of workers in the Mari region at the beginning of the XX century, during logging, transporting of lumber to the pier and its rafting are described in the article.

На территории Марийского края в начале XX в. имелись обширные запасы казенных лесов, активно вовлекаемых в торговый оборот. Государство извлекало основной доход из лесных ресурсов путем отпуска леса с торгов небольшими площадями для сплошной или выборочной рубки. Главными покупателями леса являлись крупные и мелкие лесопромышленники, которые для заготовки, вывоза леса на пристани и сплава заготовленных материалов нанимали крестьян из прилегающих к месту лесозаготовок деревень. Участие населения Марийского края в работе по найму на лесных разработках и лесосплаве было связано с сокращением размера землевладения, необходимостью уплаты податей и повинностей, низким уровнем материального благосостояния. Работы по заготовке, вывозу к пристаням дров, бревен, брусьев, жердей и сплаву лесоматериалов служили для крестьян лучшим средством уплаты податей за вторую половину года.

Положение рабочих на лесоразработках и лесосплаве освещалось в исследованиях А. С. Патрушева, А. Н. Чимаева, Н. Н. Оглоблина¹ и др., а также в обобщающих работах по истории Марийского края², где отмечалось, что условия труда и быта в лесу и на лесосплаве не улучшались, а, наоборот, со временем становились еще тяжелее. Целью данной статьи является более подробная и целостная характеристика положения рабочих на лесоразработках и лесосплаве в Марийском крае в начале XX в.

Лесных рабочих можно условно разделить на 3 группы: работавших на делянках, занимавшихся вывозом и погрузкой леса на пристанях и сплавщиков по лесным рекам. Тяжелый труд на лесоразработках начинался уже в зимний период, когда рабочие поселялись в лесу для заготовки и вывоза лесоматериалов к сплавным рекам. Лесным рабочим приходилось жить в курных, тесных и темных шалашах-зимницах, представлявших собой полуземлянки, наскоро сделанные перед началом выработки,

без пола и печи. При постройке зимницы в земле выкапывалась большая четырехугольная яма, в которую опускался бревенчатый сруб, выступавший над поверхностью земли на 6 — 7 венцов. Вровень с землей в зимнице прорубалось отверстие, к которому приставлялась лестница для входа внутрь. Посредине земляного пола имелось место для костра. Рабочие трудились вдали от своих селений, в которых не бывали по несколько месяцев, за исключением 2 — 3 чел. из артели, изредка поддерживавших связь с домом для возобновления скудных продуктовых запасов. В зимнее время валка деревьев производилась по пояс в снегу, в суровые морозы и в мокрую оттепель, с раннего утра и до позднего вечера. Ночью уставшие рабочие ютились на холодном земляном полу небольшой зимницы, где было холодно, угарно и душно. Изматывающая работа и плохие бытовые условия подрывали здоровье рубщиков леса³.

По меткому замечанию врача 4-го врачебного участка Козьмодемьянского уезда Казанской губернии В. А. Протопопова, «в лесах любое бревно, любая сосна и осина пользуются большей заботой и защитой, чем человек. Ведь, если срубленная сосна по неосторожности рубщика падает на соседнее бревно не из делянки и если повреждает его, то составляется протокол, а лесопромышленник платит штраф. Если та же самая сосна падает на рабочего, искалечит его или убьет, то никто не отвечает. Убитого увозят, а на его место являются десятки новых рабочих»⁴.

Вывоз заготовленного леса на пристани начинался в зимнее время и продолжался до середины марта, пока не наступало бездорожье. На пристанях рабочие жили или в зимницах, или в казармах. Последние имели только крупные лесопромышленники, но в недостаточном количестве и примитивно устроенные. Ни одна казарма не имела достаточного кубического объема воздуха на человека, несмотря на то что показанное приказчиками число рабочих почти всегда являлось ниже действительного. В период погрузки леса некоторые рабочие ночевали в шалашах (навесы из досок), а во время заморозков зарывались в солому находившихся рядом гумен или были вынуждены всю ночь проводить у костра, не имея возможности выспаться. Отсутствие полноценного отдыха приводило к ослаблению внимания, чем, в свою очередь, обуславливались многочисленные ушибы, падения в воду и т. п. Во время усиленной лесопогрузки через амбулаторию проходила вереница рабочих с проломленными головами, ушибами, ранами, переломами, вывихами рук и ног⁵.

Со второй половины апреля наступала не менее тяжелая работа по сплаву леса. Лесоматериалы сплавливались по 4 главным рекам Марийского края: Илети, Малой Кокшаге, Большой Кокшаге и Рутке до р. Волги, откуда лес шел в низовые приволжские города (Казань, Самару, Саратов, Царицын и Астрахань). На некоторых участках протекавших по территории Марийского края рек, вследствие извилистости русла последних и невысокого уровня воды во время весеннего половодья, осуществлялся «молевой» сплав леса, когда каждое бревно спускалось на воду отдельно — «врассыпку» и направлялось вниз по течению⁶. «Свивка» леса древесными ветками сначала в небольшие звенья, затем в «челены» (40 — 60 деревьев) и, наконец, в плоты происходила по пояс, а нередко и по шею в ледяной весенней воде. Во время сплава небольших звеньев по узким, извилистым рекам, когда бревна постоянно натывались на берега и другие препятствия, сплавщики шли вдоль берега и баграми устраняли образующиеся заторы. Некоторые рабочие предпочитали садиться

на звенья и во время движения нередко слетали с них в воду. Если во время работы сплавщики тонули, то, как правило, ответственности за это никто не нес. Положение сплавщиков несколько улучшалось, когда из небольших звеньев свивалось «челено», обладавшее большей устойчивостью и лучшим сопротивлением воде. Самая тяжелая работа заканчивалась, когда из нескольких «челенов» свивался большой плот. Доставка плота до места назначения также требовала бдительного и неустанного внимания, чтобы при сплаве не разбить плот о берег и не посадить его на мель. В лучшем случае сплавщикам разбившегося плота приходилось провести несколько дней над его новой «свивкой», а в худшем — плот разлетался по бревнышку и пропадал, а вместе с ним — и вся полугодовая зимняя страда. По свидетельству известного историка и публициста Н. Н. Оглобина, труд сплавщиков леса был невыносимо трудным: «то солнцем их печет, то дождем поливает, то холодным ветром пронизывает, то комар и мошка покою не дают... Укрыться в маленьком шалашике можно только во время стоянок у берега, когда нет работы, да и там не вся команда поместится, а часть ее лежит прямо на бревнах, из-под которых просачивается вода. Постоянное пребывание в сырости, а иногда и прямо в воде (на плотах с ослабевшими связками, или состоящих не из бревен, а из жердей), губительно действовало на здоровье сплавщиков леса, уже расшатанное и зимними, и весенними работами»⁷. Эти слова пронизаны явным сочувствием к людям социальных низов, которых жизнь вынудила выполнять очень тяжелую, полную опасностей и низкооплачиваемую работу.

В начале XX в. заработок сплавщика однорядного плота по р. Ветлуге до г. Козьмодемьянска составлял от 8 до 12 руб. В зависимости от расстояния и условий сплав леса продолжался 2 — 3 недели и больше. С учетом собственных затрат на еду и обратный путь сплавщик при 12-рублевой оплате в лучшем случае получал около 7 руб. чистого заработка. Однако лесопромышленники часто практиковали недобросовестный расчет с рабочими, нередко доходивший до прямого грабежа. В частности, хозяин мог забраковать срубленные деревья и взять за это с рабочих большой штраф. Кроме того, при многих лесных конторах по приему сваленного леса осуществлялась хозяйская торговля хлебом и другими припасами, необходимыми рубщикам. Хозяева противозаконно расплачивались с рабочими этими товарами, отпуская их по значительно завышенным ценам. У таких недобросовестных хозяев рабочие никогда не получали полного расчета согласно договору⁸.

На лесозаготовках и лесосплаве не соблюдалась техника безопасности, условия работы и жилье рабочих были крайне неудовлетворительными. Это объяснялось тем, что лесопромышленник рассматривал наемных рабочих в качестве дешевой силы, приносящей прибыль. Он не отвечал ни за увечья, ни за смерть людей, максимально используя их, а на место обессиленных и искалеченных принимал новых⁹.

Улучшение условий жизни и труда рабочих на лесных промыслах могло последовать только в случае издания земством обязательных постановлений на этот счет. Так, на заседании 38-го очередного Козьмодемьянского уездного земского собрания 11 сентября 1902 г. уездной управе было поручено рассмотреть вопрос об обеспечении медицинской помощью рабочих на Дубовой пристани Козьмодемьянского уезда в течение декабря-апреля на время лесных работ. Исполняя поручение и желая воспользоваться опытом других земств, Козьмодемьянская уездная управа обращалась в Макарьевскую, Чебоксарскую, Васильскую, Царевококшайскую,

Казанскую, Ветлужскую и Варнавинскую уездные земские управы с запросом о том, как поставлено медицинское обслуживание на лесных промыслах в этих уездах. Полученные ответы показали, что подобные вопросы в этих земствах не поднимались. Выяснилось также, что никаких узаконений и обязательных постановлений, обязывавших лесопромышленников организовывать медицинскую помощь своим рабочим, не существовало¹⁰. Вместе с тем на лесных пристанях Козьмодемьянского уезда скапливалось большое число рабочих. Некоторые пристани находились на значительном расстоянии от земских врачебных и фельдшерских пунктов. Владельцы пристаней отказывались содержать за свой счет врачей или фельдшеров, поэтому рабочие оставались без так необходимой им медицинской помощи¹¹.

В дальнейшем вопрос об оказании медицинской помощи рабочим на лесных промыслах обсуждался на заседании врачебного совета при Козьмодемьянской уездной земской управе 19 октября 1903 г. В итоге было решено направить дело для рассмотрения Казанскому губернскому земскому собранию через гласного этого собрания по Козьмодемьянскому уезду И. В. Ведерникова. Его заявление было зачитано на 39-м очередном губернском земском собрании в январе 1904 г.¹² В этом заявлении И. В. Ведерников отмечал, что условия, при которых производились работы на лесных промыслах в Козьмодемьянском уезде, являлись крайне неблагоприятными. В 4 лесничествах уезда ежегодно продавалось и вырубалось около 2 тыс. дес. на сумму до 700 тыс. руб. Разработкой леса занимались до 16 тыс. рабочих, из них занимались лесозаготовкой до 8 тыс. чел., сплавом леса — до 1 500 чел., обработкой леса на пристанях — до 1 тыс. чел., судостроением (постройкой «белян», баржей и т. п.) — до 200 чел. и погрузкой лесных материалов — около 5 тыс. чел. Многие рабочие страдали от простудных болезней, нередко вызывавших различные хронические осложнения, которые снижали работоспособность больного, а иногда и влекли за собой смерть из-за фактического отсутствия медицинской помощи на лесных промыслах. И. В. Ведерников привел в качестве примера 4-й врачебный участок Козьмодемьянского уезда, охватывавший территорию площадью 2 688 кв. верст с населением 8 тыс. чел., не считая лесорбочих, численность которых превышала местное население почти в 2 раза. На этом участке имелась лечебница на 5 коек и 2 амбулаторных фельдшерских пункта. Естественно, что этих сил было недостаточно, чтобы помочь всем нуждавшимся. И. В. Ведерников предложил обязать лесопромышленников улучшить условия труда для рабочих: иметь на делянках особые переносные дома или устроить пригодные для жилья зимницы с наличием в них печ с дымоходными трубами и нар для спанья; через каждые 5 верст построить по берегам сплавных рек отапливаемые казармы, рассчитанные на ночлег 40 — 50 чел.; иметь на пристанях постоянные отапливаемые казармы с нарами для спанья и устроенными уборными; построить также на пристанях бараки более легкого типа для жилья рабочих-грузчиков; иметь на пунктах наибольшего скопления рабочих амбулатории с фельдшерами и всеми необходимыми приспособлениями для оказания первой медицинской помощи; иметь в наличии особых порайонных врачей, число которых было бы соразмерно количеству рабочих и пространству врачебного района для надзора за санитарным состоянием жилищ рабочих и оказания им медицинской помощи. Средства для осуществления всех перечисленных мер И. В. Ведерников предлагал получить за счет сбора, взимаемого с лесопромышленников, в размере 1 — 2 % от суммы, уплачиваемой каждым из них

при покупке леса в лесничествах. Расходование средств на вышеприведенные меры предлагалось возложить на особых уполномоченных лиц, избираемых из среды лесопромышленников¹³.

На собрании предлагаемые И. В. Ведерниковым меры об улучшении условий труда для рабочих были отклонены. Вместо этого приняли решение учредить должность губернского санитарного врача с районом деятельности в пределах всей Казанской губернии. В Козьмодемьянском уезде положение с медицинской помощью в последующие годы почти не изменилось. Лишь на Дубовой пристани был открыт филиал Руткинского медицинского пункта с дежурством фельдшера в определенные дни недели. Не было улучшения и в положении рабочих лесной промышленности¹⁴.

Таким образом, на территории Марийского края труд рабочих на лесных промыслах еще долгое время оставался очень тяжелым, а условия жизни невыносимыми. Главной целью лесопромышленников было извлечение дохода из промысла, при этом, за редким исключением, не предпринималось мер по улучшению условий жизни и облегчению труда рабочих на лесоразработках и лесосплаве.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Патрушев А. С.** К характеристике положения лесорбочих в Марийском крае в начале XX века // Тр. МарНИИ. Йошкар-Ола, 1962. Вып. 17. С. 161 — 172 ; **Его же.** Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974 ; **Чимаев А. Н.** Положение рабочих лесной промышленности Марийского края в период капитализма // Проблемы отечественной истории : сб. ст. аспирантов и соискателей Ин-та истории СССР. М., 1973. Ч. 1. С. 156 — 165 ; **Оглоблин Н. Н.** Речные проселки. Н. Новгород, 2010.

² См.: Очерки истории Марийской АССР : в 2 т. Йошкар-Ола, 1965. Т. 1. ; История Марийской АССР : в 2 т. Йошкар-Ола, 1986. Т. 1. ; **Айплатов Г. Н.** История Марийского края с древнейших времен до конца XIX века. Йошкар-Ола, 1994.

³ См.: **Оглоблин Н. Н.** Указ. соч. С. 12 ; История Марийской АССР. С. 183.

⁴ **Патрушев А. С.** К характеристике положения лесорбочих в Марийском крае... С. 165 — 166.

⁵ Там же.

⁶ См.: **Оглоблин Н. Н.** Указ. соч. С. 256 — 257.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ См.: **Патрушев А. С.** К характеристике положения лесорбочих в Марийском крае... С. 162.

¹⁰ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1160. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² См.: **Патрушев А. С.** К характеристике положения лесорбочих в Марийском крае... С. 163.

¹³ Там же. С. 169 — 172.

¹⁴ Там же. С. 163 — 164.

Поступила 07.03.2012 г.

УДК 94(470.341):338.45:669

В. И. Белоус, Б. Л. Гинзбург

V. I. Belous, B. L. Ginzburg

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕФОРМ В СССР (1957 — 1965 гг.)**

**HISTORICAL EXPERIENCE OF THE DEVELOPEMENT
OF METALLURGICAL INDUSTRY OF THE GORKY REGION
DURING ADMINISTRATIVE AND MANAGEMENT REFORMS
IN THE USSR (1957 — 1965)**

Ключевые слова: СССР в 1957 — 1965 гг., реформа системы управления промышленностью, Горьковская область, металлургическая промышленность, выпуск и качество металлургической продукции, техническое состояние производственной базы.

В статье на основе ранее не исследованных архивных документов рассматриваются особенности развития и техническое состояние производственной базы крупнейших предприятий металлургической промышленности Горьковской области в период реформы системы управления промышленностью 1957 — 1965 гг.

Key words: the USSR in 1957 — 1965, the reform of the system of industry management, the Gorky Region, metallurgical industry, production and quality of metallurgical products, technical state of the industrial base.

The special features of development and the technical state of the production base of the most important enterprises of the metallurgical industry of the Gorky Region in the period of the reform of the system of industry management in 1957 — 1965 are considered in the article on basis of archival documents, which had not been studied before.

1950 — 60-е гг., получившие название «хрущевская оттепель», в современной научной литературе и историческом сознании общества характеризуются как время исключительно значимых для дальнейшего развития страны перемен, затронувших все стороны государственной и общественной жизни, политики, экономики, социальной сферы, культуры, идеологии и общественного сознания. Перестройка управления промышленностью, осуществленная по инициативе Н. С. Хрущева в 1957 — 1965 гг., явилась первой попыткой реформирования советской системы в условиях преодоления негативного наследия сталинизма. Она знаменовала собой поиск новых путей развития социалистической экономики, повышения ее эффективности, ускорения научно-технического прогресса, преодоления отсталости потребительского сектора. Это была попытка совершенствования именно советской плановой экономики без внедрения в нее каких-либо рыночных механизмов. В рамках реформы была сделана попытка перенести на места центр тяжести экономического развития, предоставив регионам не только инициативу, но и возможность ускорить свое социально-экономическое развитие¹.

Радикальный характер изменений в системе управления экономикой делает чрезвычайно актуальным вопрос о влиянии проводимых реформ на динамику развития крупнейших отраслей экономики государства, в частности металлургической. Период 1957 — 1965 гг. характеризовался стремительным развитием отечественной черной металлургии. Только прирост ее продукции за годы семилетки превысил все производство металла в стране в 1952 г. Так, в 1965 г. было изготовлено: чугуна — 66,2 млн т, стали — 91,0, проката — 70,9, стальных труб — 9,0 и кокса — 67,5 млн т. В результате реализации семилетнего плана выплавка чугуна увеличилась на 67 %, стали — 66, проката — 64 и стальных труб — на 95 %. При этом стали выплавляли значительно больше, чем в Англии, Франции и ФРГ вместе взятых².

Основу промышленной специализации на металлургических заводах Горьковской области составляло производство стали и проката. На Выксунском металлургическом заводе (ВМЗ), уже имевшем в тот период 2 мартеновских цеха, в 1956 г. план выпуска товарной продукции был выполнен на 98,7 %, валовой продукции — 99,1, стали — 97,4 (331 217 т) и товарного проката — на 100,7 % (234 163 т); в 1957 г. соответственно на 100,5, 100,7, 102,1 (347 081) и 101,2 % (233 820 т); в 1960 г. — 104,2, 104,5, 100,7 (412 080) и 104,3 % (293 483 т); в 1965 г. — на 109,8, 108,2, 107,7 (627 942) и на 102,1 % (346 897 т)³. Таким образом, производство мартеновской стали на ВМЗ возросло с 347 081 т в 1957 г. до 627 942 т в 1965 г., превысив тем самым уровень производства 1956 г. на 296 725 т, т. е. почти вдвое.

Завод являлся важнейшим поставщиком стальных сварных труб для народного хозяйства страны. Их производство также значительно возросло, не противореча общей тенденции увеличения объема основной продукции, а именно: с 164 178 т в предреформенном 1956 г. до 187 768 т в 1961 г. и до 200 737 т в 1965 г.⁴

Кроме основной продукции выксунские металлурги производили товары культурно-бытового назначения. Так, в 1960 г. на ВМЗ было выпущено 1 532,4 тыс. шт. лопат (из них 32,4 тыс. шт. — сверх плана). На ВМЗ производилась такая несвойственная для металлургического завода продукция, как мебель. Например, в этом же году было изготовлено 136 736 кроватей (13 образцов) и 3 177 шт. комодов (из них 77 — сверх плана). Этим ассортимент продукции широкого потребления не исчерпывался. Завод производил сельскохозяйственные вилы 12 различных видов, а с 1965 г. было освоено производство коньков (их выпуск за данный год составил 217 775 пар при годовом плане 280 тыс. пар). Причины срыва выполнения годового плана заключались в перебоях снабжения необходимыми материалами⁵.

Однако общей тенденции нарастания темпов производства не наблюдалось, а в ряде случаев даже не выполнялись годовые плановые задания. Основными причинами данного негативного явления были срыв сроков ремонта оборудования и недостаток или низкое качество сырья⁶. Невыполнение плана выпуска товарной продукции в 1963 г. было допущено по причине, не зависящей от предприятия: в связи с «...изменением ставок налога с оборота на с/хозяйственные вилы и металлические кровати, в результате чего оптовые цены на эти изделия снизились»⁷. Показатели выполнения плана выпуска валовой продукции* в целом незначительно отличались от таковых по

* Валовая продукция представляет собой стоимостное выражение промышленной продукции и состоит из стоимости потребленных средств производства, перенесенных на продукт, и их вновь созданной стоимости, или чистой продукции.

товарной продукции. Резкое возрастание производства стали в 1962 г. объяснялось коренной реконструкцией ВМЗ, которая, несомненно, была бы проведена и при сохранении прежних форм управления народным хозяйством.

На ВМЗ остро стояла проблема качества выпускаемой продукции. Например, потери по заводу металла (сталь и прокат) были следующими: в 1957 г. — 7 984,7 т; 1958 г. — 8 742,9; 1959 г. — 10 009,3; 1960 г. — 8 690,2; 1961 г. — 10 989,2; 1962 г. — 11 379,0; 1963 г. — 12 182,1; 1964 г. — 11 047,0 и в 1965 г. — 9 496,0 т⁸. Таким образом, потери металла на заводе увеличивались медленнее, чем производство стали и проката, что является ее убедительным подтверждением улучшения качества основной продукции промышленного предприятия. Тем не менее следует отметить, что задания совнархоза по снижению убытков и сокращению потерь в 1961 и 1963 гг. завод не выполнил⁹.

Данные табл. 1 показывают изменение количества брака на ВМЗ.

Рост производительности труда на ВМЗ, как правило, ежегодно опережал рост заработной платы его работников. Так, в 1961 г. производительность труда одного работающего возросла на 6,1 %, а средняя заработная плата составила 98,5 % по сравнению с уровнем предыдущего года. Разница показателей в пользу производительности труда при этом составила 7,6 %. В 1962 г. производительность труда возросла на 8,1%, а средняя заработная плата — только на 2,6 %; в 1965 г. соответственно на 5,8 и 1,2 %¹⁰.

Несколько иначе на ВМЗ обстояло дело с реализацией планов роста производительности труда. Так, в 1961 г. выпуск валовой продукции на одного работающего в целом по заводу был выполнен на 97,9 %, 1962 г. — 102,1, 1963 г. — 100,3, 1964 г. — 100,8 и в 1965 г. — на 102,1%¹¹. Однако перевыполнение плана в 1962 — 1965 гг. не сопровождалось ростом процента перевыполнения.

Особого внимания заслуживает проблема сверхурочных работ и работ, выполнявшихся на заводе в праздничные дни. Такое использование рабочей силы требовало дополнительной оплаты и, следовательно, вело к удорожанию выпускаемой предприятием продукции. Так, в 1957 г. на ВМЗ сверхурочно было отработано 126,2 тыс. ч, или 0,8 % общего количества отработанного времени; в 1960 г. соответственно 110,1 и 0,7; 1961 г. — 109,9 и 0,7; 1962 г. — 106,1 и 0,7; 1963 г. — 112,3 и 0,7; 1964 г. — 97,1 и 0,6 и в 1965 г. — 127,4 тыс. ч (увеличение в 1965 г. было вызвано объявлением 9 мая праздничным днем)¹². Таким образом, можно констатировать, что объем времени, затраченного на сверхурочные работы, был весьма незначительным и не мог оказать заметного влияния на рост себестоимости продукции ВМЗ.

На другом крупнейшем предприятии черной металлургии Горьковской области — Кулебакском металлургическом заводе (КМЗ) в 1956 г. план выпуска товар-

Таблица 1
Количество брака
на Выксунском металлургическом
заводе, % на конец года

Цех	1956 г.	1965 г.
Мартеновский № 1	2,0	0,90
Мартеновский № 2	0,9	0,76
Мелкосортный	0,5	0,93
Листопрокатный	0,3	0,35
Листокровельный	0,2	0,43
Трубный № 1	0,8	0,48
Трубный № 2	1,8	0,99
Вилопрокатный	1,4	2,9
Чугунолитейный	0,8	0,87
Фасонолитейный	1,3	0,80

Составлена по: ГУ ЦАНО. Ф. 1250.
Оп. 7. Д. 449. Л. 4 ; Д. 707. Л. 12.

ной продукции был выполнен на 103,1 %, валовой продукции — 101,9 и выплавки стали — на 100,1%; в 1957 г. соответственно на 116,6, 117,0 и 90,3; в 1960 г. — 101,3, 101,9 и 94,6; в 1961 г. — 105,2, 103,7 и 98,5 и в 1965 г. — на 103,1 и 103,1%¹³.

Таким образом, темпы прироста товарной и валовой продукции на КМЗ были неравномерными. Достигнув наибольшей величины в 1957 г., они то уменьшались, то увеличивались в незначительных размерах. О наращивании темпов производства стали, учитывая невыполнение планов ее выплавки в 1957, 1959 — 1961 гг., вряд ли стоит говорить. В остальные годы перевыполнение плана по данному показателю было также незначительным.

Причины срывов выполнения плановых заданий выплавки стали были следующими: недостаток сырья (железного лома и передельного чугуна), увеличение продолжительности плавки и повышение процента простоев¹⁴. Первая причина — одна из основных в срыве плановых заданий на ВМЗ и КМЗ, не зависела от руководства завода, и изменение системы управления промышленностью, как видим, не решило ее. Недостаток сырья, в первую очередь металлолома (его потребление в 1960 г. заводами черной металлургии СССР составляло 43,4 млн т¹⁵), пытались компенсировать максимальным использованием местных ресурсов. Так, в 1958 г. были значительно увеличены планы сдачи лома черных металлов для металлургических заводов Горьковской области. При этом ВМЗ к плану сдачи 16 500 т металлолома получил задание изыскать дополнительно 6 335 т; КМЗ соответственно 22 600 и 8 624; Горьковский металлургический завод (ГМЗ) — 10 тыс. и 3 815 т¹⁶. Несмотря на значительное перевыполнение плана, решить сырьевую проблему не удалось.

На КМЗ принимались соответствующие меры к снижению уровня брака, в том числе при выпуске основной продукции. Так, в 1961 г. брак мартеновского цеха по сравнению с 1960 г. сократился на 1 039,62 т стали, или 23,2 %; в 1962 г. по сравнению с предыдущим годом — на 968,3 т, или на 28,0 %. Правда, в 1963 г. количество брака по сравнению с 1962 годом возросло с 1,3 до 1,7 %, или на 27,0 %. Однако в 1964 г. уровень брака по сравнению с 1963 г. вновь уменьшился на 1 231,0 т, составив в общей сложности 3 757,0 т стали (внутрицеховой — 2 620,5 т и выявленной в прокатных цехах — 1 136,5 т), или 1,3 % от годовой продукции мартеновского цеха¹⁷. Несмотря на общие позитивные сдвиги, качественных изменений не наблюдалось.

На КМЗ также уделялось внимание снижению себестоимости продукции, но не все намеченное удавалось реализовать. Так, в 1957 г. план снижения себестоимости не был выполнен заводом: при запланированных 2,6 % уровень себестоимости снизился всего на 2,1 %, при этом сверхплановый убыток по всей товарной продукции составил 1 038 тыс. руб. Однако уже в 1958 г. годовое задание по снижению себестоимости было перевыполнено: 2,3 % при запланированных 2,1 %. В 1958 г. завод имел сверхплановую экономию от снижения себестоимости в сумме 1 286 тыс. руб. В 1960 г. план вновь не был выполнен: 4,0 % вместо 4,8 %, при этом сверхплановый убыток составил 4 854 тыс. руб. В 1961 г. себестоимость продукции снизилась на 3,6 % при плане 2,6 %, в 1962 г. соответственно на 3,0 и 2,7 %. План был выполнен в 1963 г. (себестоимость снизилась на 3,1 %), в 1964 г. (сверхплановая экономия составила 412 тыс. руб.) и в 1965 г. (экономия — 166 тыс. руб.)¹⁸.

В технологическом плане ГМЗ значительно отличался от родственных заводов в г. Выксе и Кулебаках не только меньшими объемами производства, но и спосо-

бом получения стали (как в мартенах, так и в электропечах). В связи с этим анализ производства мартеновской и электростали (основной продукции ГМЗ) корректнее проводить отдельно. Так, в 1956 г. завод произвел 47 459 т мартеновской стали, достигнув к 1961 г. 59 199 т, или 99,5 % от годового плана; в 1962 г. соответственно 59 874 и 99,8; 1963 г. — 55 799 и 96,1; 1964 г. — 60 159 и 102,7; в 1965 г. — 61 188 и 102,5 %¹⁹. Таким образом, по сравнению с 1956 г. производство мартеновской стали на ГМЗ возросло на 13 729 т, т. е. менее чем на треть, что значительно ниже показателей, достигнутых, например, на ВМЗ. С учетом того, что с 1961 по 1963 г. план не выполнялся заводом, полученный результат как по росту объема продукции, так и по проценту выполнения плана был весьма скромным. В 1956 г. на ГМЗ было произведено 35 588 т электростали, в 1961 г. — 39 692 т, или 98,0 % от годового плана; в 1962 г. соответственно 45 628 и 102,0; 1963 г. — 44 613 и 97,8; 1964 г. — 44 506 и 100,2 и в 1965 г. — 53 380 и 104,0 %²⁰. По сравнению с 1956 г. производство электростали на заводе возросло на 17 792 т, или примерно в 1,5 раза. При этом более благоприятно, чем в мартеновском производстве, складывалась ситуация с выполнением годовых планов выплавки электростали. По данному показателю сравнивать достижения ГМЗ не с чем, поскольку Выксунский и Кулебакский заводы выплавляли только мартеновскую сталь.

Что касается выполнения ГМЗ плана выпуска товарной продукции в целом, то при его анализе складывается вполне благоприятная картина (табл. 2).

Согласно табл. 2, динамика изменения количества товарной продукции за период 1958 — 1965 гг. претерпевала колебания в среднем на 1 — 3 %, что свидетельствовало о некоем «устойчивом равновесии», при котором не было заметного ускорения и не было невыполнения годовых планов.

Безусловно, на ГМЗ существовала проблема качества выпускаемой продукции. Так, только в сталеплавильном цехе потери от брака составили: в 1961 г. — 1,3 % от выпуска, в 1962 г. — 2,1 и в 1963 г. — 2,9 %. За 1965 г. с отступлением от ГОСТов по химическому составу была отлита 31 плавка, из них 28 удалось все же использовать, а 3 были полностью списаны в брак. Таким образом, убытки по сталеплавильному цеху за 1965 г. составили 162,5 тыс. руб.²¹ Проблемы с качеством продукции на ГМЗ оставались на протяжении всей реформы управления промышленностью. Однако положительным моментом являлись результаты усилий по снижению себестоимости продукции. Так, судя по отчету за 1965 г., «завод впервые достиг рентабельности металлургического производства в целом»²².

Таблица 2

Выполнение плана выпуска товарной продукции Выксунским, Кулебакским и Горьковским металлургическими заводами в 1958 — 1965 гг. %

Год	ВМЗ	КМЗ	ГМЗ
1958	101,2	111,5	105,6
1959	103,0	105,4	105,2
1960	104,2	101,3	104,5
1961	99,2	105,2	101,5
1962	111,1	108,1	102,5
1963	98,0	107,1	103,0
1964	101,7	102,7	102,6
1965	109,8	103,1	103,7

Составлена по: ГУ ЦАНО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 166. Л. 1 ; Д. 195. Л. 1; Д. 231. Л. 1; Д. 267. Л. 2; Д. 303. Л. 1; Д. 336. Л. 1; Д. 359. Л. 1; Д. 387. Л. 1; Ф. 1250. Оп. 7. Д. 494. Л. 2 ; Д. 512. Л. 2 ; Д. 545. Л. 2 ; Д. 568. Л. 2; Д. 593. Л. 2 ; Д. 616. Л. 1 ; Д. 662. Л. 2 ; Д. 707. Л. 2 ; Ф. 2593. Оп. 4. Д. 57. Л. 1 ; Д. 70. Л. 1 ; Д. 87. Л. 1 ; Д. 105. Л. 1 ; Д. 123. Л. 1 ; Д. 147. Л. 1 ; Д. 174. Л. 1.

К сожалению, на работу ГМЗ по-прежнему влияли негативные факторы, трудно разрешимые при существовавшей системе хозяйствования. В частности, переход ГМЗ на новую марку стали давал годовую заводскую экономию 200 т никеля. Однако это было явно невыгодно заводу при существовавшей в то время системе планирования. Выступая 11 марта 1960 г. на пленуме Горьковского городского комитета КПСС, главный инженер ГМЗ отмечал следующее: «Если мы это мероприятие, проводимое вместе с автозаводом, проведем, наш завод окажется в самом тяжелом положении. Прежде всего, у нас уменьшится на 18 млн валовая продукция, а отсюда пострадают и остальные показатели (себестоимость)»²³. Из вышесказанного следует, что складывалась абсурдная ситуация как с экономической точки зрения, так и с позиции здравого смысла, однако ее решение было вне компетенции дирекции завода.

За 1957 — 1965 гг. значительно повысился технический уровень отечественной черной металлургии. Только за годы семилетки (1959 — 1965 гг.) было построено 18 новых доменных печей, из них 9 имели полезный объем по 2 тыс. м³ и 1 — 2 300 м³; средний полезный объем доменной печи увеличился с 838 до 1 034 м³, а максимальная емкость мартеновской печи повысилась с 500 т в 1958 г. до 900 т в 1965 г.; средняя емкость одной электропечи возросла на 37 %²⁴.

По состоянию на 1 января 1966 г. на ВМЗ насчитывалось 59 промышленных печей (из них 6 — мартеновских), 13 печей, или 22,0 % от их общего количества, имели возраст до 10 лет; 12, или 20,3 % — до 20 лет и 34, или 56,7 % — свыше 20 лет (табл. 3)²⁵. Таким образом, за вторую половину 1950-х — первую половину 1960-х гг. на заводе было пущено в эксплуатацию на одну единицу данного вида промышленного оборудования больше, чем в предшествующее десятилетие.

Таблица 3

Количество и возраст основного оборудования Выксунского металлургического завода на 1 января 1966 г.

Оборудование	Всего, шт.	Возраст					
		до 10 лет, шт.	%	от 10 до 20 лет, шт.	%	свыше 20 лет, шт.	%
Промышленные печи (мартеновские и проч.)	59	13	22,0	12	0,3	34	56,7
Прокатное	27	13	44,0	3	1,0	11	45,0
Подъемно-транспортное	173	87	50,3	46	6,3	40	23,4
Металлорежущее	373	122	32,6	61	1,8	190	45,6
Кузнечно-прессовое	134	54	40,3	14	0,4	66	49,3
Литейное	16	9	55,5	—	—	7	44,5
Деревообделочное	57	14	22,8	14	2,8	29	54,4

Составлена по: ГУ ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 707. Л. 44 об.

На 1 января 1966 г. на ВМЗ имелось 27 прокатных станов, из которых 13, или 44,0 % были в возрасте до 10 лет; 3, или 11,0 % — до 20 лет и 11, или 45,0 % — свыше 20 лет²⁶. В данном случае складывалась иная ситуация — количество установленного

оборудования начиная со второй половины 1950-х гг. превышало показатель предшествующего поколения вдвое — 44,0 %. Оборудование по прокатке стали обновлялось более быстрыми темпами, чем по ее выплавке.

В 1965 г. на КМЗ насчитывалось 39 промышленных печей, из них 10, или 26 % имели возраст до 10 лет; 13, или 33 % — до 20 лет и 16, или 41 % — свыше 20 лет²⁷. Таким образом, во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. на КМЗ был установлен больший процент нового оборудования данного типа, чем на ВМЗ, но существенно меньший, чем во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. На КМЗ в 1965 г. имелось 5 прокатных станков, из них 1 эксплуатировался менее 10 лет, остальные — более 20 лет²⁸. Таким образом, 80 % технологического оборудования данного типа было установлено на заводе не позднее 1945 г., что, к сожалению, являлось гораздо худшим показателем по сравнению с Выксунским заводом.

В 1965 г. на ГМЗ насчитывалось 4 промышленных печи, из них 2 имели возраст до 10 лет и 2 — свыше 20 лет²⁹. Таким образом, во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. оборудование данного вида на заводе не обновлялось. Однако следует отметить, что 50 % промышленных печей на ГМЗ было установлено в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. Это превысило соответствующие показатели ВМЗ и КМЗ. Правда, количество печей на ГМЗ по сравнению с двумя другими предприятиями было очень невелико и объяснялось существенно меньшими объемами производства. При этом следует учесть, что и на ВМЗ, и на КМЗ мартеновские печи составляли лишь небольшую часть от общего количества промышленных печей. Большое значение для ГМЗ имел также пуск установки непрерывной разливки стали, что позволило повысить производительность труда на 12 %³⁰.

Из 5 прокатных станков ГМЗ только 1 имел возраст менее 10 лет, остальные 4 — свыше 20 лет³¹. Этот явно неудовлетворительный показатель ставил ГМЗ на один уровень с КМЗ.

На начальном этапе реформы системы управления промышленностью основное внимание на ГМЗ уделялось получению наибольшей отдачи от уже имевшихся производственных мощностей путем их модернизации и внедрения новых технологических процессов. Так, в Очерках истории ГМЗ отмечалось следующее: «На протяжении последних 8 — 10 лет новых мощностей здесь совершенно не вводилось. Выпуск продукции рос только за счет предельного использования резервов действующего оборудования, рационального использования существующих площадей, за счет внедрения новой техники и технологий, применения автоматики, поточных линий и, самое главное, за счет малой механизации и улучшения условий труда. И это принесло свои плоды. Завод увеличил выпуск продукции в 1958 году по сравнению с 1950 годом по стали — на 60, по прокату — на 42, по инструменту — на 150 процентов»³².

На основании вышесказанного можно отметить, что в 1957 — 1965 гг. в сменности промышленных печей (в том числе мартеновских и электропечей на ГМЗ) и прокатных станков первенство принадлежало ВМЗ, примерно на том же уровне находился и КМЗ. ГМЗ, уступая в количестве оборудования вышеуказанного вида, обновил его за годы экономической реформы в наименьшей степени (в процентном отношении) по прокатным станкам и в наибольшей — по промышленным печам. В целом тенденции нарастания замены основного промышленного оборудования новым не наблюдалось.

На всех трех металлургических заводах большое внимание уделялось модернизации оборудования с целью автоматизации трудоемких процессов и увеличения выпуска продукции. Так, на ВМЗ в 1958 г. была проведена существенная работа по модернизации прокатного стана мелкосортного цеха³³, а в 1960 г. — мартеновской печи № 6 в цехе № 2³⁴. Однако основным мероприятием по модернизации завода, проведенным в первой половине 60-х гг., была его газификация. В 1965 г. в мартеновских печах на природном газе было выплавлено 628 тыс. т стали (вся сталь, выплавленная на заводе)³⁵. В 1965 г. расход газа увеличился в 2,3 раза по сравнению с 1963 г.³⁶ Газификация ВМЗ была фактически завершена, что являлось этапным событием в истории развития завода.

На КМЗ в 1960 г. была реконструирована мартеновская печь № 2³⁷, в 1960 — 1961 гг. проведена механизация производственных процессов в прокатных цехах завода³⁸. Однако имелись определенные проблемы, связанные с монтажом нового оборудования. Средства, ассигнованные на модернизацию, осваивались медленно. Так, при реконструкции листопрокатного цеха в 1959 г. из выделенных 2 200 тыс. руб. было освоено 866 тыс. руб. на общестроительные работы, монтаж же технологического оборудования был фактически сорван; в 1960 г. из 5 466 тыс. руб. освоили только 736 тыс. руб., опять же в основном эти средства пошли на общестроительные работы³⁹.

На КМЗ, как и на ВМЗ, активно проводилась газификация производства. В 1962 г. на эти цели было израсходовано 160 тыс. руб. (при этом неосвоенной осталась еще 71 тыс. руб.). 27 июня 1962 г. на окраине Кулебак вспыхнул первый газовый факел, а 15 ноября в 9 ч 30 мин главный энергетик завода В. В. Глебов доложил о готовности завода к приему газа. На газе стала работать обжигательная печь № 5 огнеупорного цеха⁴⁰. Полная газификация КМЗ тормозилась неиспользованием газа в должной мере «ввиду ограничения в его потреблении»⁴¹. На 1 января 1965 г. было газифицировано 11 цехов и 34 промышленные печи, т. е. можно было говорить о почти полной газификации завода⁴². В 1965 г. КМЗ было использовано 125,2 млн м³ природного газа, потребность на 1966 г. определялась 135 млн кубометров⁴³.

Центральным событием в реконструкции и внедрении новых технологий на ГМЗ, несомненно, являлся пуск установки непрерывной разливки стали (УНРС). Еще до завершения ее монтажа отмечалось следующее: «Новая установка, хотя и не превышает по своей мощности работающую в Сормове, зато во многом превзойдет ее в техническом отношении. Машина будет разливать обыкновенные и легированные стали. При этом жидкий металл станет вакуумироваться, то есть разливка его будет производиться в разреженной атмосфере. Это необходимо для удаления вредных газов в жидкой стали. Для лучшего управления всеми процессами предусмотрено сооружение сложных автоматических устройств и телевизионных камер»⁴⁴. Уже в 1965 г. объем разливки стали на УНРС составил 45,054 тыс. т при годовом плане 44 тыс. т⁴⁵.

Новые технологии внедрялись и на других производственных участках ГМЗ. Так, только в 1965 г. объем выплавки стали в электропечах с применением кислорода значительно превысил запланированный: было выплавлено 15,195 тыс. т при плане 10 тыс. т; выплавка стали в мартеновских печах с применением природного газа составила за год 61,189 тыс. т при плане 60 тыс. т; внедрение алмазного инструмента из синтетических алмазов дало возможность использовать 1,381 тыс. карат при

плане 0,6 тыс. карат. Общий годовой экономический эффект от внедрения мероприятий по новой технике составил 368 775 руб.; полностью были выполнены все 14 мероприятий по новой технике и научно-техническим работам (из них 12 выполнялись по плану, утвержденному совнархозом, и 2 — ГМЗ)⁴⁶.

Модернизация оборудования на ВМЗ, КМЗ и ГМЗ не противоречила общей тенденции развития отечественной черной металлургии. В 1957 — 1965 гг. на металлургических заводах в широком масштабе проводилась работа по комплексной механизации и автоматизации ряда операций в доменном производстве (автоматизация теплового режима в мартеновских печах и др.), внедрялось применение природного газа. Все это давало весомые результаты. Так, на Кузнецком металлургическом комбинате в результате механизации и автоматизации производственных процессов и трудоемких операций за семилетку было высвобождено около 2 200 чел., а на Магнитогорском комбинате — более 2 700 чел. К концу семилетки с применением природного газа работали 86 доменных печей вместо 14 в 1958 г. В результате коэффициент использования полезного объема доменных печей увеличился с 0,775 в 1958 г. до 0,671 в 1965 г.⁴⁷

Очень многое в деятельности промышленного предприятия зависит от того, в каком состоянии находится его основное оборудование, насколько своевременно производится его ремонт и как налажено обеспечение запасными частями. Например, на ВМЗ в объяснительной записке к годовому отчету за 1957 г. отмечалось следующее: «состояние основного оборудования завода удовлетворительное. Оборудование поддерживается в надлежащем состоянии, благодаря существующей на заводе системе планово-предупредительных ремонтов»⁴⁸. Однако это вовсе не означало, что аварийных ситуаций на данном заводе не возникало. В 1958 г., например, произошло 25 аварий, от которых сумма убытков составила 340 тыс. руб. Наибольшее количество аварий было в прокатных цехах «в основном за счет поломок прокатных валков, по причинам нарушения технологии проката»⁴⁹. В должной мере эти показатели не снижались и в последующие годы. Так, в 1960 г. в допустимый процент простоев оборудования уложились только 2 цеха завода: мартеновский № 2 и трубный № 1. Несмотря на то что количество простоев стало меньше по сравнению с предыдущим 1959 г., этот показатель оставался выше, чем предусматривалось планом в ряде цехов (мелкосортном, кровельном и трубном № 2)⁵⁰. Однако это не повлияло на то, чтобы сделать следующий вывод: «оборудование поддерживается в надлежащем порядке»⁵¹, что справедливо лишь в тех случаях, когда аварийность вызвана нарушениями технологической дисциплины, а не техническим состоянием оборудования.

На КМЗ в объяснительной записке к отчету по основной деятельности предприятия за 1956 г. отмечалось удовлетворительное состояние оборудования и его содержание по основным цехам. Чтобы поддерживать оборудование на должном уровне, завод затрачивал немалые средства. Так, общая стоимость капитального ремонта технологического оборудования КМЗ в 1956 г. составила 2 770,2 тыс. руб., а в 1959 г. уже 4 758 тыс. руб.⁵² Однако эти затраты были оправданными и неизбежными.

На ГМЗ в 1965 г., завершающем году реформы, состояние технологического оборудования основных цехов на различных участках производства оценивалось как «хорошее» или «удовлетворительное», а именно: состояние мартеновской печи —

«удовлетворительное», электропечи № 1 — «...хорошее, в июне 1965 года произведен капитальный ремонт», электропечи № 2 — «удовлетворительное», состояние всех узлов и механизмов УНРС и прокатного оборудования также было признано удовлетворительным⁵³. Это позволяло говорить о том, что на ГМЗ проблема модернизации оборудования решалась успешно.

Таким образом, комплексный анализ исторических источников, и в первую очередь архивных документов, показывает, что в период реформы управления промышленностью в 1957 — 1965 гг. ускоренного развития производства за счет изменения принципов управления промышленностью не произошло. Отмечаемый рост производительности труда не сопровождался повышением процента перевыполнения плановых заданий по сравнению с предыдущими годами, при этом рост производительности труда стабильно опережал рост заработной платы работников. За указанный период частично обновлялась техническая база заводов, внедрялись новые технологии, оборудование планомерно модернизировалось и поддерживалось в исправном состоянии. Однако несомненно то, что наиболее важная часть модернизации — газификация металлургических заводов Горьковской области — была бы произведена и без проведения реформ в связи с газификацией региона.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Щербакова Т. И.** Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957 — 1964 гг. // Вестн. Нижегород. ун-та. 2011. № 4 (1). С. 206.
- ² См.: Черная металлургия СССР (1917 — 1967) / А. С. Балакин [и др.]. М., 1967. С. 70.
- ³ ГУ ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 449. Л. 3 ; Д. 472. Л. 2 ; Д. 494. Л. 2 ; Д. 512. Л. 2 ; Д. 545. Л. 2 ; Д. 568. Л. 2 ; Д. 593. Л. 2 ; Д. 616. Л. 1 ; Д. 662. Л. 2 ; Д. 707. Л. 2.
- ⁴ Там же. Д. 449. Л. 3. Д. 568. Л. 2 ; Д. 707. Л. 2.
- ⁵ Там же. Д. 545. Л. 3, 9 — 10 ; Д. 707. Л. 3.
- ⁶ Там же. Д. 449. Л. 2 ; Д. 568. Д. 4 ; Д. 593. Л. 2 об.
- ⁷ Там же. Д. 616. Л. 1.
- ⁸ Там же. Д. 494. Л. 12 ; Д. 517. Л. 13 ; Д. 545. Л. 14 ; Д. 568. Л. 11 ; Д. 593. Л. 12 ; Д. 616. Л. 16 ; Д. 662. Л. 12 ; Д. 707. Л. 12.
- ⁹ Там же. Д. 568. Л. 11 об. ; Д. 616. Л. 16.
- ¹⁰ Там же. Д. 568. Л. 50 ; Д. 593. Л. 51 ; Д. 707. Л. 25.
- ¹¹ Там же. Д. 568. Л. 50 ; Д. 593. Л. 51 ; Д. 616. Л. 100 ; Д. 662. Л. 57 ; Д. 707. Л. 25.
- ¹² Там же. Д. 472. Л. 52 ; Д. 494. Л. 44 ; Д. 517. Л. 43 об. ; Д. 545. Л. 47 об. ; Д. 593. Л. 52 ; Д. 616. Л. 103 ; Д. 662. Л. 58 ; Д. 707. Л. 26 об.
- ¹³ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 126. Л. 1 — 2 ; Д. 145. Л. 1 — 2 ; Д. 166. Л. 1 ; Д. 195. Л. 1 — 2 ; Д. 231. Л. 1 — 2 ; Д. 267. Л. 2 ; Д. 303. Л. 1 — 2 ; Д. 336. Л. 1 — 2 ; Д. 359. Л. 1 — 2 ; Д. 387. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Д. 126. Л. 2 ; Д. 145. Л. 2 ; Д. 166. Л. 2.
- ¹⁵ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. М., 1980. Т. 7. С. 273.
- ¹⁶ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 785. Л. 110.
- ¹⁷ ГУ ЦАНО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 267. Л. 18 ; Д. 303. Л. 25 ; Д. 336. Л. 64 ; Д. 359. Л. 85.
- ¹⁸ Там же. Д. 145. Л. 72 ; Д. 166. Л. 72 ; Д. 195. Л. 80 ; Д. 231. Л. 72 ; Д. 267. Л. 73 ; Д. 303. Л. 70 ; Д. 336. Л. 104 ; Д. 359. Л. 105 ; Д. 387. Л. 48.
- ¹⁹ Там же. Ф. 2593. Оп. 3. Д. 232. Л. 47 ; Оп. 4. Д. 87. Л. 1 ; Д. 105. Л. 1 ; Д. 123. Л. 1 ; Д. 147. Л. 1 ; Д. 174. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 232. Л. 47 ; Оп. 4. Д. 87. Л. 1 ; Д. 105. Л. 1 ; Д. 123. Л. 1 ; Д. 147. Л. 1 ; Д. 174. Л. 1.
- ²¹ Там же. Оп. 3. Д. 87. Л. 18 ; Д. 105. Л. 18 ; Д. 123. Л. 23 ; Д. 174. Л. 24.

- ²² Там же. Оп. 3. Д. 174. Л. 118.
²³ ГОПАНО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 7. Л. 27.
²⁴ См.: Черная металлургия СССР... С. 68.
²⁵ ГУ ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 707. Л. 44 об. — 45.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 387. Л. 87.
²⁸ Там же. Ф. 2593. Оп. 4. Д. 174. Л. 48.
²⁹ Там же.
³⁰ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 47.
³¹ ГУ ЦАНО. Ф. 2593. Оп. 4. Д. 174. Л. 48.
³² См.: **Гладышев В. Н.** Завод и люди : Очерки по истории Горьк. металлург. завода. Горький, 1960. С. 139.
³³ ГУ ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 494. Л. 23.
³⁴ Там же. Д. 545. Л. 18.
³⁵ Там же. Д. 707. Л. 17.
³⁶ См.: Славная история : Очерки истории Выксун. ордена Ленина металлург. завода. Горький, 1967. С. 381.
³⁷ ГУ ЦАНО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 231. Л. 26.
³⁸ Там же. Д. 267. Л. 25.
³⁹ ГОПАНО. Ф. 2355. Оп. 28. Д. 10. Л. 214.
⁴⁰ См.: Приокские зарницы : Очерки истории завода 1866 — 1966 гг. Горький, 1972. С. 104.
⁴¹ ГУ ЦАНО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 303. Л. 79 — 80.
⁴² Там же. Д. 359. Л. 57.
⁴³ Там же. Д. 387. Л. 79.
⁴⁴ См.: **Гладышев В. Н.** Завод и люди. С. 140.
⁴⁵ ГУ ЦАНО. Ф. 2593. Оп. 4. Д. 174. Л. 29 — 30.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ См.: Черная металлургия СССР...
⁴⁸ ГУ ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 7. Д. 472. Л. 25.
⁴⁹ Там же. Д. 494. Л. 11.
⁵⁰ Там же. Д. 545. Л. 10 об.
⁵¹ Там же. Л. 23.
⁵² Там же. Д. 126. Л. 45 ; Д. 195. Л. 33.
⁵³ Там же. Ф. 2593. Оп. 4. Д. 174. Л. 50.

Поступила 07.03.2012 г.

УДК 338.436.33(470.4/.5)

*Е. Н. Бикейкин**Е. N. Vikeyin*

**ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА В 1970-е гг.: ПУТИ, МЕТОДЫ И СРЕДСТВА
(По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

**INTENSIFICATION OF AGRICULTURAL PRODUCTION
IN THE 1970s: WAYS, METHODS AND MEANS
(According to materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)**

Ключевые слова: комплексная механизация, электрификация, химизация, мелиорация, сельскохозяйственное производство.

В статье рассматривается одна из проблем реализации генеральной линии аграрной модернизации в СССР в 1970-х гг. — интенсификация сельскохозяйственного производства.

Key words: overall mechanization, electrification, use of chemicals, amelioration, agricultural production.

The intensification of agricultural production as one of the problems of the realization of the general line of agricultural modernization in the USSR in the 1970s is analyzed in the article.

Интенсификация сельскохозяйственного производства, объявленная на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, продолжала оставаться генеральной линией в аграрной модернизации на протяжении 1970-х гг. В этот период ускоренными темпами осуществлялось техническое перевооружение сельскохозяйственного производства территорий. Поставки техники имели целью не только укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов (как это было прежде), но и решение проблемы трудовых ресурсов.

Уровень и динамика механизации трудоемких процессов в сельскохозяйственном производстве Марийской, Мордовской и Чувашской АССР представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

**Механизация трудоемких работ в растениеводстве в колхозах и совхозах Марийской,
Мордовской и Чувашской АССР в 1970-е гг., % от общего объема данного вида работ**

С.-х. работы	1970 г.			1975 г.			1979 г.		
	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сев и посадка овощей	67,0	94,0	44,0	62,5	69,0	57,0	80,5	84,0	70,0
Сенокосение	60,0	70,0	76,0	81,0	97,0	83,0	88,0	89,0	85,0
Стогование сена	16,0	53,0	26,0	19,0	69,0	34,0	40,0	67,0	41,0

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Стогование соломы	50,0	64,0	—	76,0	78,0	—	82,0	83,0	—
Теребление льна	—	—	—	87,0	—	—	98,0	—	—
Уборка овощей	7,0	—	2,0	12,0	—	12,0	12,0	—	3,0
Копка картофеля	84,0	90,0	55,0	100,0	97,0	70,0	98,0	90,0	64,0
Погрузка картофеля	6,0	7,0	—	34,0	68,0	—	27,0	15,0	—
Уборка сахарной свеклы комбайнами	—	46,0	—	—	59,0	—	—	53,0	—

Составлена по: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах : юбилейн. стат. сб. Йошкар-Ола, 1980. С. 12 ; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) : стат. сб. Саранск, 1981. С. 31 ; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) : стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 20.

Таблица 2

Механизация трудоемких работ на животноводческих фермах и в комплексах колхозов, межхозяйственных сельскохозяйственных предприятий и совхозов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1970-е гг., % к поголовью скота данного вида

С.-х. работы	1970 г.			1975 г.			1979 г.		
	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР
Доение коров	23	32	31	92	78	55	96	87	69
Подача воды на фермах:									
КРС	59	66	61	84	80	78	96	84	83
свиноводческих	73	62	62	94	99	91	94	94	84
птицеводческих	90	78	41	99	97	95	100	100	99
Раздача кормов на фермах:									
КРС	4	5	5	16	14	12	31	20	20
свиноводческих	28	19	27	66	46	51	68	58	58
птицеводческих	31	34	18	77	52	66	97	100	95
Очистка помещений от навоза на фермах:									
КРС	13	38	13	39	71	34	60	81	49
свиноводческих	35	45	29	77	86	67	81	87	74
птицеводческих	35	33	18	86	72	80	98	93	95
Комплексная механизация на фермах и комплексах:									
КРС	2	4	3	15	13	10	31	20	18
свиноводческих	25	16	13	64	46	42	67	58	52
птицеводческих	27	20	11	44	46	41	97	67	95

Составлена по: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. С. 12 ; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки... С. 32 ; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 20 ; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 52. Д. 1289. Л. 3, 25 — 26.

Как видно из табл. 1, показатели механизации растениеводческих работ в 1970 — 1979 гг. в колхозах и совхозах рассматриваемых республик были неравномерными. Так, если механизация сева и посадки овощей в 1979 г. по сравнению с 1970 г. существенно возросла в Чувашской и Марийской АССР соответственно на 26,0 и 13,5 %, то в Мордовской АССР она уменьшилась на 10,0 %; показатель механизации работ по сенокосению за аналогичный период свидетельствует о росте во всех трех республиках: в Марийской — на 28,0, Мордовской — 19,0 и в Чувашской АССР — на 9,0 %; по стогованию сена соответственно на 24,0, 14,0 и на 15,0 %; по стогованию соломы — на 32,0 и 19,0 % (по Чувашской АССР данные отсутствуют); механизация работ по тереблению льна представлена данными лишь по Марийской АССР за вторую половину 1970-х гг., согласно им, в период 1975 — 1979 гг. этот показатель увеличился на 11,0 %; механизация работ по уборке овощей в рассматриваемый период в Марийской и Чувашской АССР возросла соответственно на 5,0 и 1,0 % (по Мордовской АССР данные отсутствуют); механизация работ по копке картофеля в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР увеличилась соответственно на 14,0, 0, и 9,0 %; механизация работ по погрузке картофеля в Марийской и Мордовской АССР (по Чувашской АССР данные отсутствуют) увеличилась на 21,0 и 8,0 %; показатель механизации работ по уборке сахарной свеклы комбайнами представлен данными лишь по Мордовской АССР, согласно им, за весь рассматриваемый период он увеличился на 7,0 %.

Механизация только отдельных трудоемких процессов не могла дать высокого экономического эффекта. Так, по подсчетам экономистов Марийской АССР, скашивание и обмолот составляли лишь 13 % от общей трудоемкости, а трудоемкость очистки, сушки зерна и уборки соломы — 87 %¹. Например, использование в колхозе «Большевик» Советского района Марийской АССР двух автопогрузчиков для загрузки семян в сеялки позволило в 1975 г. сократить время загрузки в общей сложности до 2 ч на агрегат. Если учесть, что всего в колхозах и совхозах Марийской АССР в указанном году использовалось около 100 автопогрузчиков, обслуживавших 220 агрегатов, то это дало возможность высвободить на другие работы 450 работников и ежедневно засеять за счет сэкономленного времени более 500 га².

Примером умелого применения комплексной механизации с рациональной организацией производства и использования достижений науки являлся совхоз «Семеновский» Медведевского района Марийской АССР, где все основные и вспомогательные операции выполнялись с помощью машин и механизмов при минимальных затратах. Например, в целях повышения производительности сортировальных пунктов КСП-15 и сокращения простоя транспорта под загрузкой картофеля была применена специальная конструкция бункеров-накопителей, что дало большой экономический эффект. Полностью были механизированы возделывание и уборка зерновых и зернобобовых культур. Весенний сев завершался за 5 дней, поля очищались от соломы за 20 дней, подготовка земли проводилась поточным методом. Все это способствовало тому, что среднегодовой сбор зерна с 1 га за девятую пятилетку составил 29 ц. В 1975 г. 1 ц зерна обошелся в 8 руб. 91 коп. с затратой на него 1,4 чел.-ч. В отдельных совхозах республики на производство 1 ц зерна тратилось до 8 чел.-ч, а себестоимость доходила до 22 руб.³

В то же время в Марийской АССР были слабо или совсем не механизированы такие работы, как заправка сеялок семенами, уборка с полей соломы, уборка льна,

погрузочно-разгрузочные и другие работы. Так, в 1974 г., например, погрузка зерна и картофеля была механизирована на 8 — 30 %, скирдование соломы — 73, уборка льна — 2, сортирование картофеля — на 15 %⁴.

Что касается механизации трудоемких работ на животноводческих фермах рассматриваемых республик, то, согласно данным табл. 2, этот показатель по доению коров в 1979 г. по сравнению с 1970 г. вырос в Марийской, Мордовской и в Чувашской АССР соответственно на 73, 55 и 38 %; по подаче воды на фермах КРС — на 37, 18 и 22 %, на свиноводческих фермах — на 21, 32 и 22 %, на птицеводческих фермах — на 10, 22 и 58 %; по раздаче кормов на фермах КРС — на 27, 15 и 15 %, на свиноводческих фермах — на 40, 39 и 31 %, на птицеводческих фермах — на 66, 66 и 77 %. Наиболее существенно в исследуемых республиках в аналогичный период возрос процент механизации работ по очистке помещений ферм от навоза: в Марийской, Мордовской и Чувашской республиках на фермах КРС он увеличился соответственно на 47, 43 и 36 %, на свиноводческих фермах — на 46, 42 и 45 %, на птицеводческих фермах — на 63, 60 и 77 %. Можно также констатировать значительный рост комплексной механизации на фермах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР: на фермах КРС он составил соответственно 29, 16 и 15 %, на свиноводческих фермах — 42, 42 и 39 %, на птицеводческих фермах — 70, 47 и 84 %⁵.

В то же время приведенные данные свидетельствуют о низком уровне механизации отдельных наиболее трудоемких процессов, а также комплексной механизации. Это было вынуждено признать и руководство республик. Так, Председатель Совета министров МАССР В. С. Учайкин, выступая в ноябре 1978 г. на 2-й конференции историков-аграрников Среднего Поволжья в г. Саранске, сказал следующее: «Велика еще доля ручного труда в овощеводстве и кормопроизводстве. Имеющиеся тракторы еще не все полностью обеспечены нужным комплексом машин и оборудования»⁶.

Стоит отметить, что механизация сельскохозяйственного производства в республиках часто носила технологически несовершенный характер. Например, низкие урожаи (6 — 7 ц/га) за пятилетку были получены в совхозах «Старосиндровский» и «Краснослободский» Краснослободского района Мордовской АССР, малоплодородные земли которых требовали внесения большого количества удобрений, а тракторный парк не обновлялся с 1960-х гг. Так, в совхозе «Краснослободский» половина гусеничных тракторов была 1963 г. выпуска⁷.

Общую картину мало изменял и рост поставок сельскохозяйственной техники в колхозы и совхозы республик, в частности Мордовской АССР (табл. 3).

Несмотря на то что государство затрачивало большие средства на производство и совершенствование сельскохозяйственной техники, ее эксплуатация на селе не всегда осуществлялась в полной мере. Следует учитывать то, что во второй половине 1970-х гг. хозяйства Мордовской АССР оснащались не просто отдель-

Таблица 3
Поставки сельскохозяйственной техники колхозам и совхозам Мордовской АССР в 1970-е гг., тыс. шт.

С.-х. техника	1971 — 1975 гг.	1976 — 1980 гг.
Тракторы	9,1	13,0
Комбайны зерноуборочные	3,2	4,5
Автомобили грузовые	4,6	5,7

Составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки... С. 67.

ными машинами, а сельскохозяйственными комплексами: появились мощные высокоскоростные тракторы, широкозахватные агрегаты, грузоподъемные и уборочные средства. Однако, по подсчетам специалистов, в конце 1970-х гг. у трактористов производительно затраченное время составило 52,6 %, у комбайнеров — 54,7 %. Почти половина неиспользованного сменного рабочего времени была потеряна без уважительных причин: у трактористов — 22,8 %, у комбайнеров — 23,1 %⁸. В результате выработка на 1 условный эталонный трактор существенно снизилась: если в целом по Мордовской АССР в 1971 г. она составила 1 403 га, то в 1975 г. — 1 367 га, а в 1978 г. — 1 320 га⁹; в Чувашской АССР в 1975 г. годовая выработка на 1 условный эталонный трактор в колхозах составила 1 385 условных эталонных га при коэффициенте сменности 1,2, в 1980 г. эти показатели составили соответственно 1 252 и 1,1¹⁰.

Кроме того, достаточно часто техника не была готова к основным сельскохозяйственным работам. Так, к началу уборочных работ 1973 г. в 77 колхозах Мордовской АССР оказались неисправными 11 % тракторов, 5 % зерноуборочных комбайнов, из них 4 % тракторов и 2 % комбайнов не участвовали в уборочных работах¹¹. Не изменили кардинально ситуацию и повсеместно создаваемые звенья мастеров-наладчиков сельскохозяйственной техники. В 1971 г. они были созданы в 113 хозяйствах республики, к 1974 г. их число увеличилось, охватив еще 200 колхозов и совхозов¹².

В Марийской АССР в ряде случаев допускалось низкое качество ремонта и технического обслуживания. На механизированных работах часто не было налажено двухсменное использование машин, агрегаты нередко простаивали по различным причинам, в том числе по состоянию аварийного износа. Неправильное хранение техники приводило к ее преждевременному выходу из строя и списыванию. Несмотря на это колхозы и совхозы располагали большими возможностями повышения производительности сельскохозяйственной техники. Так, в 1974 г. в Марийской АССР дневная выработка на 1 условный эталонный трактор составляла в среднем 5,6 условных эталонных га, в хозяйствах Горномарийского и Параньгинского районов — 6,5, в то же время в колхозах и совхозах Килемарского, Юринского, Сернурского и Куженерского районов она равнялась 4,1 — 4,8 условных эталонных га¹³.

В республиках часто допускалось преждевременное списание техники и разукрупнение машин. Например, в колхозе им. Мичурина Вурнарского района Чувашской АССР в 1974 г. были преждевременно списаны трактор Т-38 (выпуск 1969 г.) и два прицепа ИТУ-4 (выпуск 1970 г.); в совхозе «Мир» этого же района были списаны трактор Т-38 (выпуск 1969 г.) и прицеп ЗИТС-4 (выпуск 1970 г.). В 1974 г. в целом по республике были досрочно списаны 7 тракторов, 2 комбайна, 93 сенокосилки, 11 рядковых жаток и разукрупнены 74 единицы машин. Имевшиеся в колхозах и совхозах республики гаражи, сараи и навесы обеспечивали нормальное хранение только 9 — 10 % тракторов и 10 — 12 % сложных сельхозмашин, остальная техника хранилась на открытых площадках¹⁴.

Необходимо отметить, что в рассматриваемых республиках проводили значительную работу по устранению недостатков в механизации сельскохозяйственного производства, внедрению современных методов технического обслуживания и хранения машин. С целью оказания помощи Чувашскому республиканскому объединению «Сельхозтехника» в создании новых и реконструкции действующих ремонтных предприятий последние были закреплены за промышленными предприятиями

республики, оказывавшими содействие в разработке технологической документации, необходимой для перевода ремонтных мастерских на промышленные методы ремонта сельскохозяйственной техники, в изготовлении технологической оснастки, в укомплектовании инструментами и нестандартным оборудованием, в передаче неиспользуемых станков и разного оборудования для оснащения реконструируемых мастерских¹⁵.

В Мордовии для расширения и улучшения работы по техническому обслуживанию тракторов, комбайнов и автомобилей силами и средствами «Сельхозтехники» были приняты дополнительные меры по специализации ремонтных предприятий и станций технического обслуживания. Создавался необходимый фонд узлов и агрегатов для обслуживания машинно-тракторного парка колхозов и совхозов республики, в каждой ремонтной мастерской организовывался участок по эксплуатационному ремонту оборудования ферм¹⁶.

Однако работа многих районных объединений «Сельхозтехники» оставляла желать лучшего. Так, предприятия чувашской «Сельхозтехники» в 1975 г. провели обслуживание только 6 % комбайнов, 13 % тракторов, 21 % автомобилей и менее 50 % средств механизации животноводческих ферм колхозов и совхозов. В результате во многих хозяйствах республики на уход за машинами, устранение неисправностей и другие вспомогательные работы механизаторы расходовали до 40 % сменного времени. Из-за таких потерь в 1973 г. выработка на 1 условный эталонный трактор за смену составила в среднем 75 % нормы. Особенно неудовлетворительно использовался в этом отношении машинно-тракторный парк в Аликовском, Марпосадском, Янтиковском и Вурнарском районах¹⁷.

С целью рационального использования производственных площадей и повышения качества ремонта сельскохозяйственной техники в Марийской АССР были одобрены предложения республиканского объединения «Сельхозтехника» по специализации ремонтных предприятий на 1969 — 1971 гг. на строительстве при ремонтных объединениях «Сельхозтехники» комбайновых депо и станций технического обслуживания автомобилей. При райобъединениях «Сельхозтехники» были созданы технические обменные пункты с полнокомплектными тракторами. Для высокоэффективного использования и долгой сохранности машин был проведен двухмесячник по благоустройству машинных дворов, ремонту и постановке техники на зимнее хранение в колхозах и совхозах и районных объединениях «Сельхозтехники»¹⁸.

В сельском хозяйстве Марийской АССР почти 30 % трудовых затрат и более половины всех энергетических мощностей использовались на транспортные работы. С ростом производства продукции в хозяйствах республики, особенно в растениеводстве, значительно увеличился объем перевозок. Так, если в 1970 г. в колхозах Марийской АССР на 1 га пахотной земли приходилось 13,9 т грузоперевозок, то в 1974 г. — уже более 18 т¹⁹.

Во многих хозяйствах рассматриваемых республик организация технического обслуживания и ремонт грузовых автомобилей находились на низком уровне; неудовлетворительная техническая готовность автопарка колхозов и совхозов и высокая себестоимость осуществляемых им перевозок приводили к его низкой производительности. Так, если в совхозах им. Мосолова и «За мир» Мари-Турекского и «Казанский» Сернурского районов Марийской АССР выработка на 1 автомобиль в год составляла 1,4 — 1,7 тыс. т, то в совхозах «Маяк» Куженерского, «Суртовский» Мед-

ведевского и «Новая жизнь» Новоторъяльского районов и других каждый автомобиль перевозил за год всего 0,8 — 1,2 тыс. т²⁰.

В то же время отдельные хозяйства Марийской АССР благодаря четко налаженному техническому обслуживанию добивались значительных показателей. Так, в совхозе «Семеновский» Медведевского района в условиях высокой организации эксплуатации и ремонта техники выработка на 1 грузовой автомобиль в год составила 2,1 тыс. т, а себестоимость 1 тонно-километра — 8 коп.²¹

Для улучшения технического обслуживания машинно-тракторного парка, грузовых автомобилей и животноводческих ферм было принято предложение районных и Волжского городского комитетов КПСС о строительстве в Марийской АССР станции технического обслуживания животноводческих машин и механизмов (по одной в каждом районе с организацией там специализированной службы). Так, создание специализированного треста «Марсельхозмонтаж» позволило более успешно проводить работу по сборке, монтажу, наладке машин и оборудования на строящихся животноводческих фермах и комплексах. Для организации специализированного надзора и повседневного технического ухода за машинно-тракторным парком на подготовительных курсах республиканской школы для каждого района готовилось необходимое количество мастеров, механиков, слесарей и наладчиков. Районные и городские комитеты КПСС создали в районах технические советы, призванные координировать работу по техническому обслуживанию. В 1975 — 1976 гг. в каждом районе было намечено возвести станции технического обслуживания грузовых автомобилей и иметь передвижную диагностическую установку, а по республике — радиостанции «Полоса-2» для межрайонной связи²².

Поступление в республики прицепных сельскохозяйственных орудий (плугов, культиваторов, сеялок и др.) значительно отставало от темпов поступления тракторов, что отрицательно сказывалось на их производительном использовании. Эту ситуацию наглядно иллюстрируют данные о состоянии парка сельскохозяйственной техники в Чувашской АССР во второй половине 1970-х гг. (табл. 4).

Таблица 4

**Парк сельскохозяйственной техники в колхозах
и совхозах Чувашской АССР в 1976 — 1981 гг., на начало года**

С.-х. техника	1976 г.	1981 г.	1981 г., % к 1976 г.
Тракторы физические, тыс. шт.	9,2	12,2	132,6
Плуги тракторные, шт.	4 425,0	5 403,0	121,1
Сеялки тракторные, шт.	5 083,0	5 336,0	104,9
Культиваторы тракторные, шт.	5 033,0	5 310,0	105,5
Зерноочистительные машины, шт.	1 254,0	2 151,0	171,5
Картофелеуборочные комбайны, шт.	207,0	345,0	166,6
Силосоуборочные комбайны, шт.	690,0	949,0	137,5
Дождевальные и поливальные установки, шт.	736,0	743,0	100,9

Составлена по: Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 41.

Данные табл. 4 свидетельствуют об увеличении в 1981 г. по сравнению с 1976 г. поставок в Чувашскую АССР зерноочистительных машин и картофелеуборочных

комбайнов; неизменным оставалось снабжение дождевальными и поливальными установками, тракторными сеялками и культиваторами. Несмотря на увеличение поставок тракторных плугов, сельское хозяйство испытывало в них недостаток.

В 1970-е гг. продолжалась электрификация колхозов и совхозов в рассматриваемых республиках (табл. 5).

Таблица 5

**Основные показатели электрификации колхозов и совхозов
в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1970-е гг.**

Показатель	1970 г.			1975 г.			1979 г.		
	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР	Марий- ская АССР	Мор- довская АССР	Чуваш- ская АССР
<i>Колхозы</i>									
Потреблено электро- энергии, млн кВт·ч	41,5	81,9	99,8	60,2	116,2	126,4	89,4	152,1	143,4
В том числе на про- изводственные цели	24,1	47,8	47,4	41,7	108,5	111,8	76,4	145,6	137,3
Мощность электро- двигателей, тыс. кВт	43,3	82,6	85,8	72,1	210,1	155,8	94,1	161,6	202,2
Число колхозных дво- ров, пользовавшихся электроэнергией, % к кол-ву дворов	99,3	99,0	—	100,0	98,0	—	100,0	100,0	—
<i>Совхозы</i>									
Потреблено электро- энергии, млн кВт·ч	17,0	31,8	30,6	67,3	52,1	64,8	112,0	75,3	122,9
В том числе на про- изводственные цели	11,9	20,6	16,6	54,9	46,4	59,2	99,4	68,3	114,3
Мощность электро- двигателей, тыс. кВт	27,0	31,2	29,8	86,1	61,6	96,3	125,2	99,2	176,4
Число колхозных дворов, пользовав- шихся электроэнер- гией, % к кол-ву дворов	98,0	99,0	—	100,0	100,0	—	100,0	100,0	—

Составлена по: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. С. 13 ; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки... С. 33 ; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 21 — 22.

По данным табл. 5, потребление электроэнергии в колхозах и совхозах исследуемых республик за период 1970-х гг. существенно возросло. Так, в 1979 г. по сравнению с 1970 г. в колхозах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР этот показатель составлял соответственно 215,4 % (увеличение на 47,9 млн кВт·ч), 185,7 % (увеличение на 70,2 млн кВт·ч) и 143,6 % (увеличение на 43,6 млн кВт·ч); в совхозах — 658,8 % (увеличение на 95 млн кВт·ч), 236,7 % (увеличение на 43,5 млн кВт·ч) и 401,6 % (увеличение на 92,3 млн кВт·ч). При этом электроэнергия расходовалась преимущественно на производственные цели.

щественно на производственные цели, что, естественно, вело к интенсификации производства, его количественному и качественному росту. Так, в 1979 г. по сравнению с 1970 г. потребление электроэнергии на производственные цели в колхозах Марийской АССР возросло на 317,0 % (увеличение на 52,3 млн кВт·ч), Мордовской АССР — 304,6 % (увеличение на 97,8 млн кВт·ч), в Чувашской АССР — на 289,6 % (увеличение на 89,9 кВт·ч); в совхозах аналогичный показатель составил соответственно 835,2 % (увеличение на 87,5 млн кВт·ч), 331,5 % (увеличение на 47,7 млн кВт·ч) и 688,5 % (увеличение на 97,7 млн кВт·ч).

Еще одним показателем развития НТР в хозяйствах исследуемых республик был рост числа домов рабочих и служащих, в которых использовалась электроэнергия. Их количество уже в начале 1970-х гг. приближалось к 100 % (98 — 99 %), составив к концу десятилетия 100 %.

Определенную роль в развитии сельскохозяйственного производства в 1970-е гг. сыграла его химизация. В эти годы существенно возросло использование минеральных удобрений в хозяйствах республик. Например, в Чувашской АССР поставка минеральных удобрений (включая кормовые фосфаты) с 1970 по 1980 г. увеличилась со 132 усл. ед. до 445, или в 2,5 раза²³; в Мордовской АССР — с 1 569 тыс. т до 2 613, или в 1,6 раза²⁴. Одновременно повысились дозы внесения удобрений на 1 га земельных угодий. Так, если в 1965 г. на 1 га посева вносилось 16 кг минеральных удобрений, то в 1979 г. — 77 кг, или в 4 раза больше²⁵. Предпринимались серьезные шаги по известкованию кислых почв. Для их реализации из бюджета Мордовской АССР ежегодно выделялось более 2,5 млн руб. На этой основе только за 1976 — 1978 гг. в республике было произвестковано 233,4 тыс. га²⁶.

Особую роль в химизации сельского хозяйства играла государственная агрохимическая служба. Так, в комплексной программе развития Нечерноземья отмечалось следующее: «...в организационном отношении дело химизации надо поставить на твердый фундамент, использовать прогрессивный принцип специализации и межхозяйственного кооперирования»²⁷. В результате в республиках были образованы производственные объединения по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства и соответствующие районные и межрайонные объединения на хозяйственном расчете. Это значительно сокращало собственные транспортные и трудовые затраты колхозов и совхозов на внесение удобрений, но увеличивало расходы на них. Так, в Марийской АССР в 1974 г. было создано «Марагрохимобъединение»²⁸. Оно полностью осуществляло химическую защиту растений, что позволило сохранить значительное количество сельскохозяйственной продукции, известкование и фосфоритование почв, выполняло 70 % общереспубликанского объема заготовки и вывоза органических удобрений, вносило на поля до 70 % минеральных удобрений. Постепенно колхозы и совхозы республики основной объем агрохимических работ передали специализированным предприятиям.

Материально-техническую базу Марийского агрохимобъединения составляли 14 районных спецотделений, 3 межрайонные базы по накоплению и распределению минеральных удобрений (в г. Аксаматове, Шелангере и Чебоксарах) и 54 межхозяйственных агрохимических пункта со складами и взлетными площадками. В его распоряжении на конец 1975 г. находилось 662 физических трактора, 690 автомашин и необходимый набор сельскохозяйственных машин для внесения минеральных, органических удобрений и ядохимикатов²⁹.

В. Я. Кузнецов, работавший в 1970-е гг. 1-м секретарем Атяшевского райкома КПСС Мордовской АССР, о создании в республике агрохимического объединения говорил следующее: «Для обеспечения более эффективного использования минеральных, известковых, органических удобрений, химических средств защиты растений и для совершенствования агрохимического обслуживания совхозов и колхозов в Мордовской АССР было создано республиканское производственно-научное агрохимическое объединение. Его Атяшевское отделение пока еще лишь разворачивает свою деятельность, однако колхозы и совхозы района уже начинают ощущать помощь „Агрохимобъединения“. В 1978 году оно поставило хозяйствам минеральных удобрений на 2 миллиона 300 тысяч рублей, перевезло своим автотранспортом 141,7 тысячи тонн грузов, механизированный отряд вывез на поля 171 тысячу тонн навоза, внес минеральные удобрения на 8,5 тысячи гектаров полей, 5 тысяч гектаров произвел и на 7 тысячах провел операции химической защиты растений»³⁰.

Спецотделения «Чувашагрохимтреста», созданные во всех районах Чувашской АССР, в 1976 г. выполнили 86 % работ по вывозу минеральных удобрений, 77 % — по заготовке и вывозу органических удобрений, 52 % — по известкованию кислых почв³¹. В 1979 г. объединение «Чувашсельхозхимия» выполнило работы по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства на 17 156,6 тыс. руб. при плане 16 742,0 тыс. руб., что составило 102,2 % плана. По сравнению с 1978 г. объемы агрохимических работ были увеличены: вывоз на поля органических удобрений — на 667 тыс. т, внесение минеральных удобрений — 17,3 тыс. га, известкование кислых почв — на 8,2 тыс. га³².

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О создании единой специализированной агрохимической службы в стране» агрохимические объединения были переименованы в «сельхозхимию». В целом работу этих служб руководство республик оценивало высоко. Например, Председатель Совета министров МАССР В. С. Учайкин деятельность агрохимической службы охарактеризовал следующим образом: «В республике создано научно-производственное объединение по агрохимическому обслуживанию, включающее в свой состав и республиканскую проектно-изыскательную станцию химизации сельского хозяйства. Оно выполняет работы по агрохимическому обслуживанию хозяйств республики, складированию, хранению, транспортировке и внесению минеральных удобрений на поля колхозов и совхозов»³³.

Значительный размах в 1970-е гг. в республиках получили мелиоративные и оросительные работы, проводившиеся на основе реализации постановления майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур». В материалах пленума отмечалось следующее: «Достигнутый уровень развития экономики страны позволяет в этих целях осуществить в комплексе меры как в общегосударственном масштабе, так и в каждом колхозе и совхозе по повышению плодородия почв и культуры земледелия, широкой мелиорации земель»³⁴. В соответствии с постановлением партийные и государственные органы республик приняли ряд решений по проведению мелиоративных и оросительных работ, значительно увеличив объемы капиталовложений в мелиорацию.

В результате показатели использования орошаемых и осушенных сельскохозяйственных угодий с 1970 по 1980 г. возросли многократно: в Марийской АССР оро-

шаемые угодья увеличились с 0,2 до 38,7 тыс. га, осушенные — с 4,7 до 8,0 тыс. га³⁵; в Чувашской АССР соответственно с 0,2 до 51,2 и с 10,1 до 14,6 тыс. га³⁶. В 1970-е гг. площадь орошаемых угодий в Мордовской АССР выросла почти в 30 раз, осушенных — на более чем 60 %. Осушение заболоченных мест позволило хозяйствам дополнительно вовлечь в сельскохозяйственный оборот свыше 15 тыс. га новых земель. Только в десятой пятилетке в эксплуатацию было введено 40,8 тыс. га орошаемых и осушенных земель. На площади 53 тыс. га были проведены культурно-технические работы³⁷.

Об экономической эффективности мелиоративных работ можно судить по показателям хозяйств, в которых они активно проводились. Так, в колхозе «Красный Октябрь» Зубово-Полянского района Мордовской АССР мелиорированные земли составляли 73 % от общей площади пашни. При затратах на мелиорацию 109 тыс. руб. колхоз ежегодно получал от реализации сельскохозяйственной продукции не менее 190 тыс. руб. чистой прибыли. В колхозе «Путь к коммунизму» удельный вес осушенных земель составил 24 % от всех сельхозугодий и 30 % — от площади пашни. До мелиорации большая часть этих земель зарастала кустарником, а в 1973 г. колхоз получил с них по 32 ц/га зерна, 203 ц/га овощей, 180 ц/га картофеля, 650 ц/га кормовых корнеплодов, 400 ц/га кукурузы на силос, 38 ц/га сена многолетних трав³⁸. Об эффективности мелиоративных работ в ряде колхозов упоминал В. Я. Кузнецов: «Примером хозяйственного подхода к использованию мелиорируемых земель в нашем районе можно назвать колхозы имени Горького, где в среднем за последние три года на них собрали с гектара зерновых культур на 6,5 и зеленой массы сеяных трав на 42 центнера больше, чем с богарных земель, „Искра“ имени Дзержинского. Однако не все хозяйства правильно эксплуатируют обновленные земли. В колхозе „Восход“, например, в 1977 году было коренным образом улучшено 240 гектаров малопригодных земель. На крутых распаханых склонах требовалось немедленно посеять травы, но в хозяйстве не сделали этого, в итоге большие участки земель смыло ливнями и вешними водами. Эта бесхозяйственность руководителей колхоза стала предметом обсуждения на бюро райкома партии»³⁹.

Орошение земель в Чувашской АССР также являлось одной из важнейших эффективных мер по увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Так, в 1971 — 1974 гг. орошение земель в республике в среднем повысило урожай зерновых культур на 4,4 ц/га, или на 22,4 %, овощных культур — 38,3 %, кукурузы — 17,8 %, кормовых корнеплодов — 39,9 %, хмеля — 27,2 %, многолетних трав — 53,2 % и однолетних трав — на 9,9 %⁴⁰.

В 1973 г. в колхозе «Победа» Яльчикского района на 40 га орошаемых земель было собрано по 1 153 ц/га кормовых корнеплодов, а на богаре — по 904 ц/га, т. е. на 249 ц меньше. Примером правильного использования орошаемых земель при возделывании овощных культур являлся колхоз им. Ленина Чебоксарского района. Здесь на пойме р. Рыкши была построена простая оросительная система, благодаря которой в 1972 г. с каждого гектара собрали: капусты — по 263,2 ц, огурцов — 180,5 ц, моркови — по 146 ц и т. д. От реализации овощей колхоз получил чистой прибыли 29,5 тыс. руб., окупив затраты на строительство оросительной системы менее чем за один год. В 1975 г. в колхозе им. Ленина Красноармейского района на орошаемых участках с каждого гектара собрали по 500 ц зеленой массы люцерны и 450 ц кормовых корнеплодов. В колхозах им. Коминтерна Красночетайского и

«Гвардеец» Чебоксарского районов на орошаемых культурных пастбищах с каждого гектара было получено по 770 — 781 ц зеленой массы трав; бригада А. А. Николаева из колхоза «Цивиль» Канашского района собрала с орошаемого участка 1 514 ц кормовой свеклы. Широкое применение орошение нашло в хмелеводстве. В 1975 г. в Чувашской АССР орошалось 325 га хмельников. Опыт совхозов «Кугеевский» Мариинско-Посадского района, «Россия» — Урмарского и «Аниш» — Козловского свидетельствовал, что применение орошения повысило урожай шишек хмеля на 3 — 4 ц/га. В системе мелиоративных мероприятий немаловажное место отводилось осушению. Так, в 1975 г. площадь осушенных земель в республике составила 15 тыс. га, ее основная доля приходилась на сенокосы, пастбища, а также под кормовые культуры⁴¹.

Опыт работы колхозов и совхозов Марийской АССР показал, что на мелиорированных землях урожайность сельскохозяйственных культур и трав значительно выше. Звено А. Я. Парфенова из колхоза «Коммунизм верч» Советского района Марийской АССР в 1975 г. с каждого гектара с орошением собрало по 337 ц зеленой массы, тогда как в других хозяйствах с неполивных участков сбор трав был в 4 раза меньше⁴².

Достижения мелиорации способствовали повышению эффективности молочного животноводства за счет укрепления кормовой базы. Так, в совхозе «Семеновский» Медведевского района Марийской АССР имелось 550 га долголетних культурных пастбищ, с каждого из которых получали по 180 — 200 ц зеленой массы. В результате производство молока из убыточной отрасли превратилось в прибыльное дело, дав только в 1970 г. 182 тыс. руб. прибыли, а себестоимость 1 ц молока за 9 месяцев составила 18 руб. 36 коп.⁴³ Мелиорация оказала существенное влияние на повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур. Так, в 1975 г. на орошаемых землях колхозы Горномарийского, Моркинского и других районов получили с каждого гектара по 34,8 ц яровой пшеницы, 24,3 ц ячменя, 21,5 ц озимой ржи, 308,7 ц картофеля, 273,5 ц корнеплодов и 250 ц сахарной свеклы. На опытном участке сельскохозяйственного факультета Марийского государственного университета урожайность гороха составила без орошения 10,9 ц/га, с орошением — 29,8 ц/га, а на орошаемых участках с использованием минеральных удобрений — 37,2 ц/га⁴⁴.

Мелиоративным работам республиканские власти уделяли большое внимание. Показателем этого является тот факт, что в республиках уже в начале 1970-х гг. отделы мелиорации и водного хозяйства при советах министров республик были реорганизованы в самостоятельные министерства мелиорации и водного хозяйства.

Таким образом, рассмотренные меры по укреплению материально-технической базы, развитию механизации, химизации и мелиорации производства дали возможность сельскому хозяйству Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в течение ряда лет обеспечить наращивание производства продукции полеводства и животноводства.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мар. правда. 1975. 1 июля.

² Там же. 1976. 19 февр.

³ См.: Сухин В. И. Сельское хозяйство Марийской АССР в годы девятой пятилетки (1971 — 1975 гг.) // Вопросы аграрной истории Марийской АССР : сб. ст. Йошкар-Ола, 1984. С. 72.

- ⁴ Там же.
- ⁵ ГА РМЭ. Ф. 1-П. Оп. 28. Д. 20. Л. 127 – 129 ; ГАСИ ЧР. Ф. 1-П. Оп. 23. Д. 730. Л. 10-12 ; ЦГА РМ. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 3. Л. 197.
- ⁶ **Учайкин В. С.** Осуществление современной аграрной политики КПСС и проблемы дальнейшего развития сельского хозяйства Мордовской АССР // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С.11.
- ⁷ ЦГА РМ. Ф. П-609. Оп. 11. Д. 2. Л. 13.
- ⁸ См.: **Беляев П. И.** Резервы использования фонда рабочего времени работниками сельскохозяйственного производства // Социально-экономическое развитие сельского хозяйства в системе агропромышленного комплекса Мордовской АССР. Саранск, 1984. С. 126. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 75).
- ⁹ ТАМЭ РМ.
- ¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 50. Д. 1160. Л. 33.
- ¹¹ ТАМЭ РМ.
- ¹² ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 8. Д. 36. Л. 16 ; Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 2410. Л. 152 ; Оп. 2. Д. 330. Л. 183.
- ¹³ См.: **Паршин Г. Н.** Руководство Марийской областной партийной организации интенсификацией сельскохозяйственного производства после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС // Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940 — 1960 гг. Йошкар-Ола, 1981. С. 87.
- ¹⁴ ГИА ЧР Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 163. Л. 2.
- ¹⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1-П. Оп. 28. Д. 738. Л. 64.
- ¹⁶ ЦГА РМ Ф. 269-П. Оп. 8. Д. 10. Л. 62 — 64.
- ¹⁷ ГИА ЧР Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 102. Л. 2 — 3.
- ¹⁸ ГА РМЭ. Ф. 1-П. Оп. 29. Д. 30. Л. 84 — 86.
- ¹⁹ См.: Мар. правда. 1976. 4 февр.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. 1975. 30 сент.
- ²³ См.: Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) : стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 58.
- ²⁴ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки (1971 — 1975 гг.) : стат. сб. Саранск, 1976. С. 48 ; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) : стат. сб. Саранск, 1981. С. 67.
- ²⁵ См.: **Учайкин В. С.** Указ. соч. С. 11.
- ²⁶ Там же. С.12.
- ²⁷ Комплексная программа развития Нечерноземья. М., 1977. С.14.
- ²⁸ ГА РМЭ. Ф. Р-781. Оп. 20. Д. 7. Л. 118 — 119.
- ²⁹ См.: **Паршин Г. Н.** Указ. соч. С. 91.
- ³⁰ **Кузнецов В. Я.** Будни района. М., 1980. С. 123 — 124.
- ³¹ См.: Под знаменем Великого Октября. Чебоксары, 1978. С. 104.
- ³² ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 3249. Л. 15.
- ³³ **Учайкин В. С.** Указ. соч. С. 12.
- ³⁴ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 — 1971 гг.). М., 1971. С. 137.
- ³⁵ См.: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах : юбилейн. стат. сб. Йошкар-Ола, 1980. С. 41.
- ³⁶ См.: Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 55 — 56.
- ³⁷ См.: Советская Мордовия в десятой пятилетке : Делегату XXV Мордов. обл. парт. конф. Саранск, 1980. С. 68.
- ³⁸ См.: **Комаров В. К.** Состав и современное состояние сельскохозяйственных угодий в колхозах Мордовской АССР // Исследования по экономике и организации сельскохозяйственного производства Мордовской АССР. Саранск, 1977. С. 82 — 83. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 60).
- ³⁹ **Кузнецов В. Я.** Указ. соч. С. 123.

⁴⁰ См.: Федоров В. Г. Мелиорация сельскохозяйственных земель в Чувашии // Экономика народного хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. С. 52.

⁴¹ См.: Шорников А. М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашской АССР. Чебоксары, 1990. С. 82 — 83.

⁴² См.: Полит. информация. [Йошкар-Ола]. 1976. № 9. С. 7.

⁴³ ГА РМЭ. Ф. Р-781. Оп. 1. Д. 8. Л. 60 — 61.

⁴⁴ См.: Сухин В. И. Указ. соч. С. 72.

Поступила 12.03.2012 г.

УДК 323.1

А. А. Пелин

A. A. Pelin

СИСТЕМА Н. И. ИЛЬМИНСКОГО КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

N. I. ILMINSKY'S SYSTEM AS THE METHOD OF SOLUTION OF THE NATIONAL QUESTION IN RUSSIA

Ключевые слова: национальный вопрос, современная Россия, межнациональные отношения, межнациональные конфликты, мультикультурализм, история национального вопроса в России, «обрусительная» система, «система Н. И. Ильминского» по просвещению инородцев, обучение мигрантов из стран СНГ по «системе Н. И. Ильминского».

В статье рассматриваются проблемы формирования современной национальной политики в связи с просветительским опытом Н. И. Ильминского относительно инородческого населения России во второй половине XIX в.; высказывается предположение, что просвещение трудовых мигрантов из стран СНГ, предложенное в предвыборной статье по национальному вопросу В. В. Путиным, возможно, станет более успешным, если при этом будет учитываться исторический опыт «системы Н. И. Ильминского».

Key words: the national question, modern Russia, interethnic relations, interethnic conflicts, multiculturalism, history of the national question in Russia, the „Russianizing“ system, „N. I. Ilminsky's system“ of education for non-Russians, training of migrants from the CIS countries by means of „N. I. Ilminsky's system“.

The problems of the formation of modern national policies in relation to the educational experience of N. I. Ilminsky regarding to the non-Russian population of Russia in the second half of the XIX century are considered in the article; the idea that education of working migrants from the CIS countries, proposed by V. V. Putin in his the pre-election article on the national question, will probably be more successful if the historical experience of „N. I. Ilminsky's system“ is taken into account, is suggested.

Одна из предвыборных статей В. В. Путина, вызвавшая большой общественный резонанс, посвящена национальному вопросу, который является одним из главных в современной России. Эта тема заслуживает особого внимания уже потому,

что с проблемой массовой миграции извне Россия не сталкивалась еще никогда за все время своего существования. В. В. Путин отметил, что «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне»¹. Однако в данном случае президент России говорит о внутренней жизни государства, о гражданах одной страны, которых совместное проживание на ее территории просто обязывало находить точки соприкосновения, и возникновение такого уникального образования как «российский народ», стало возможным лишь потому, что этот процесс продолжался многие столетия, в него было вовлечено не одно поколение россиян. Национальная политика Российской империи в связи с этим была направлена на то, чтобы, по словам Ивана Ильина (их В. В. Путин приводит в своей статье), «не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [Путин В. В. Россия...].

К сожалению, события первой трети XX в. наглядно показали, что национальное равновесие очень легко нарушить, и стрелки весов, раскачиваемые теми или иными политическими деятелями в угоду своим амбициям, могут хаотически колебаться очень долго. Пример этому — резко негативное отношение к современной России стран, которые на протяжении веков были частью Российской империи — Польши, Латвии, Литвы и Эстонии. Не меньший вред межнациональной стабильности был нанесен в конце XX в. после распада СССР и образования ряда суверенных национальных республик, которые сейчас принято называть странами ближнего зарубежья. Политика борьбы за суверенность, проводимая большинством их руководителей, строилась, как правило, на отрицании предыдущего опыта совместного существования, отрицании русской истории, русского языка и русской культуры, часто проводимом под знаменем религиозной нетерпимости. Когда же, наконец, правители и народы стран ближнего зарубежья осознали, что без тесного сотрудничества с Россией им не обойтись, то оказалось, что многие из точек былого соприкосновения почти безвозвратно потеряны.

Одна из самых острых проблем последнего времени, с которой столкнулось население и руководство Российской Федерации, связано с многомиллионной волной трудовых мигрантов — «гастарбайтеров», хлынувшей в Россию из государств Средней Азии и Закавказья. Вследствие безвизового режима, существующего между государствами СНГ, на протяжении более чем 10 лет эта миграция была нелегальной и во многом остается такой по сей день. Проникновение в российское общество миллионов людей, порой совсем не знающих русского языка или знающих его очень плохо, малограмотных относительно российского законодательства и культуры, привело к резкому росту ксенофобских настроений и межнациональной напряженности. Причин тому несколько: во-первых, это традиционно-неприятное отношение россиян к «чужакам», которые не хотят или не могут интегрироваться в принявшее их общество; во-вторых — заметный рост числа преступлений и правонарушений, совершенных приезжими, и поэтому выделяющихся из общего числа. Это, в свою очередь, привело к появлению и активизации радикальных националистических

группировок. Как это ни печально, жестокие преступные действия националистов порой встречают поддержку во многих слоях российского общества, поскольку, как пишет В. В. Путин, «люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность»; это «...попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места, социальные блага...» [Там же].

В своей статье В. В. Путин приводит два варианта решения национальных проблем, получивших наибольшее распространение в современном мире: «мультикультурализм», отрицающий интеграцию через ассимиляцию и декларирующий «право меньшинства на отличие», и «поликультурность» — интеграцию инокультурного элемента в общество, неконфликтное, гармоничное взаимодействие различных культур, религий и этнических групп. Первый вариант в полной мере доказал свою несостоятельность, что можно видеть на примере недавних событий в Европе, когда замкнутые этнические группы переселенцев из стран Азии и Африки под знаменем борьбы за равные права начали активно выступать против власти, дестабилизируя обстановку в принявших их государствах. Второй вариант более приемлем для такой многонациональной страны, как Россия, но для его претворения в жизнь необходимо приложить определенные усилия, разработать и принять государственную национальную программу (в отличие от политики «мультикультурализма», реализующейся, по сути, путем элементарного невмешательства государства в дела национальных меньшинств). О практической реализации интеграционного процесса В. В. Путин говорит следующее: «Нам важно, чтобы мигранты могли нормально адаптироваться в обществе. Да, собственно, элементарным требованием к людям, желающим жить и работать в России, является их готовность освоить нашу культуру и язык. Со следующего года необходимо сделать обязательным для приобретения или продления миграционного статуса экзамен по русскому языку, по истории России и русской литературе, по основам нашего государства и права. Наше государство, как и другие цивилизованные страны, готово сформировать и предоставить мигрантам соответствующие образовательные программы» [Там же].

Роль образования (и русского языка в частности) в решении национального вопроса В. В. Путин ставит на одно из первых мест: «Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, „всемирной отзывчивостью“, по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет „нацменов“, а принцип распознавания „свой — чужой“ определяется общей культурой и общими ценностями.

<...> Огромная роль здесь принадлежит образованию. Выбор образовательной программы, многообразие образования — наше несомненное достижение. Но вариативность должна опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире. Гражданская задача образования, системы просвещения — дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история — естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур» [Там же].

В связи с этим традиционный для России вопрос «Что делать?» дополняет другой не менее важный — «Как это сделать?». Воспитание в общеобразовательной системе советского времени (если не принимать в расчет деятельность пионерской и комсомольской организаций) было во многом основано на чтении и изучении художественной литературы. После распада Советского Союза из программ средних школ государств ближнего зарубежья вследствие перевода образования исключительно на родные языки были практически полностью убраны произведения «иностраных» авторов, под которыми в большинстве подразумевались произведения русской литературы. В результате из системы воспитания были полностью исключены духовно-моральные ценности, заложенные в этих книгах. Люди старшего поколения, еще помнящие русскую и советскую литературу и содержащиеся в ней общечеловеческие идеи, будучи поставлены перед проблемой элементарного выживания, в первую очередь были озабочены поиском хоть какого-то заработка. Это до предела сокращало возможность передачи сохранившихся знаний об интернациональном общении и русской культуре их детям на неформальном семейном уровне. В настоящий момент возраст людей, окончивших в советское время как минимум начальную школу — более 30 лет. Все, кто моложе, практически совсем не знают русского языка.

Казалось бы, при выборе образовательных программ, о которых говорит В. В. Путин, нужно лишь скопировать опыт образования в национальных школах республик бывшего СССР и начинать с обучения мигрантов русскому языку, но проблема заключается в том, что одно лишь знание русского языка не может обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности, опирающейся «...на нашу культуру, историю, тип идентичности» [Там же]. Главная трудность заключается в том, что учебный процесс по реализации этих образовательных программ, должен быть непродолжительным. Не секрет, что мигранты приезжают в Россию прежде всего на заработки. Введение обязательного экзамена «для приобретения или продления миграционного статуса» [Там же] подразумевает создание неких образовательных курсов, на которых приезжие могли бы изучать русский язык, историю России, русскую литературу, основы Российского государства и права. Встает несколько резонных вопросов: на чьей территории будут располагаться эти курсы, кто будет оплачивать проживание и содержание учащихся? Крайне маловероятно, что эту нагрузку возьмут на себя правительства стран, чьи граждане едут на заработки в Россию, равно как и в бюджете Российской Федерации вряд ли найдутся средства, чтобы обеспечивать питание и проживание такого количества «гостей», а речь, напомним, идет о миллионах людей. Разумеется, часть мигрантов, уже трудоустроенных в России, вполне может персонально оплачивать свое обучение на этих курсах, чего трудно ожидать от тех, кто приезжает и регистрируется в первый раз, а это, опять же, десятки и сотни тысяч человек ежегодно. Если же вспомнить классическое соотношение 1 учитель на 30 учеников, то возникает еще один не менее важный вопрос: кто будет оплачивать труд десятков тысяч педагогов, которые будут преподавать на этих курсах? Говоря только об их заработной плате, неизбежно придется оперировать миллиардными суммами. Конечно, вопрос финансирования проще переложить целиком на плечи мигрантов по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», но часть «гастарбайтеров» просто не сможет оплатить свое обучение, а часть изыщет все возможности, чтобы как-то обойти и курсы, и сдачу экзамена (что при

сегодняшнем уровне коррупции будет сделать нетрудно). В итоге мы получим то же, что имеем сейчас: нелегальную миграцию и бескультурных мигрантов.

Выход из этой сложной ситуации может быть только один: курсы по обучению мигрантов русскому языку и прочим вышеназванным предметам должны быть краткосрочными (два-три месяца). Однако при этом возникает следующая проблема: за такой короткий период времени можно научить человека говорить по-русски на общие темы, но практически невозможно рассказать об истории России, ее культуре и законодательстве так, чтобы ученик усвоил эти знания в полной мере и смог подтвердить их на экзамене.

Таким образом, приходится признать, что ни одна из существующих в России образовательных программ не рассчитана на передачу подобного объема знаний в столь ограниченный период времени. Между тем более 100 лет назад уже была разработана методика, которая при умелом применении вполне может решить эту проблему.

В середине XIX в., когда территория Российской империи начала активно «прирастать» землями Средней Азии и Кавказа, встал вопрос об образовании проживавших там инородцев. В то время основу процесса обучения составлял так называемый обрусительный метод, согласно которому преподавание в национальных школах велось только на русском языке. Однако довольно скоро выяснилось, что порой даже отличники, уверенно «отбарабанивавшие» на экзамене обязательную «словесность» («Кто есть Государь Император?» и т. д.), лишь повторяли заученный текст, не понимая при этом значения многих слов и выражений. Тем не менее эти школы давали ученикам необходимый минимум знаний государственного языка, арифметики, истории и географии, позволявший им общаться с представителями русской администрации.

Несмотря на то что «обрусительная» система в целом выполняла свою задачу (это признавали даже ее противники и критики), уже в конце 1860-х гг. была разработана и применена на практике форма обучения инородцев, предложенная профессором Казанской духовной академии и Казанского императорского университета Н. И. Ильминским. Он настаивал на том, чтобы в основе просвещения и обучения инородцев лежал их национальный язык (на этом языке должны были объясняться смысл школьных предметов, моральная трактовка законов, значение исторических событий). Благодаря этому методу ученик понимал суть сообщаемых ему знаний, а не пытался слепо излагать материал на незнакомом ему русском языке путем заучивания наизусть незнакомых слов. В данном случае русский язык преподавался в таком объеме, чтобы обеспечить возможность вербального общения с другими носителями этого языка и при желании выразить своими словами смысл полученных в школе знаний.

Практическое применение «системы Н. И. Ильминского» было предельно логичным. Так, если выпускник инородческой школы продолжал жить в родном селе, не имея возможности в дальнейшем практиковаться в русском языке и даже начиная его забывать, то знания, полученные в школе на родном языке, сохранялись в его памяти и он мог излагать их на родном языке. Если же выпускник решал ассимилироваться в русское общество, то постоянная языковая практика и пополнение словарного запаса, ложась на азы полученных в школе уроков русского языка, по прошествии определенного времени приводили к тому, что русский язык становился для него вторым родным языком. При этом обрусевший инородец по-прежнему мог

пользоваться знаниями, полученными на родном языке, с легкостью переводя их смысл с одного языка на другой.

Не отрицая «обрусительной» системы, Н. И. Ильминский утверждал, что «главный интерес обучения инородцев состоит не в русском языке, а в развитии общечеловеческих понятий, нравственных начал и убеждений и русских симпатий; естественно, русский язык сам по себе имеет второстепенное, хотя важное же значение»². Эту идею поддерживали и развивали сотрудники и ученики Н. И. Ильминского по Казанской духовной академии. Например, А. А. Воскресенский отмечал, что при использовании лишь «обрусительной» системы «...понятия духовные и отвлеченные... невозможно передать инородцам без явного ущерба...<...>...речь идет не просто об изучении русского языка, а о перестройке всего мировоззрения инородцев на русское»³. О том же самом, хотя и в других выражениях, говорит в своей статье и В. В. Путин, по мнению которого, для обеспечения межнационального согласия «необходимо... <...> ...нахождение общих для всех ценностей» [Путин В. В. Россия...].

* * *

Надо отметить, что Н. И. Ильминский был не просто одним из педагогов-теоретиков. В этом убеждает его биография.

Николай Иванович Ильминский родился 22 апреля 1822 г. в г. Пензе в семье священника. В 1842 г., окончив с отличием Пензенскую духовную семинарию, он поступил на 1-й курс только что открывшейся Казанской духовной академии, где в полной мере раскрылся его талант в изучении языков. Кроме древних языков (славянского, греческого и латинского), Н. И. Ильминский изучил французский, немецкий, арабский, татарский и турецкий. Еще будучи студентом, с благословения архиепископа Григория (Постникова) Н. И. Ильминский путешествовал по селам Казанской губернии для ознакомления с бытом татар и особенностями местных наречий. После успешного окончания Казанской академии Священный синод командировал молодого ученого в Турцию, Сирию, Палестину и Египет с целью изучения восточных языков и древних памятников.

По возвращении из путешествия, которое продолжалось 2,5 года, Н. И. Ильминский некоторое время преподавал восточные языки и историю религий (в частности историю возникновения ислама) в Казанской духовной академии. Со временем он мог стать одним из первых российских исламоведов, но по наветам некоторых преподавателей, обвинивших молодого ученого в чрезмерной снисходительности к студентам во время лекций по истории вероучения ислама, Н. И. Ильминскому пришлось оставить Казанскую академию. Он выехал в г. Оренбург, где почти 2 года был переводчиком (драгоманом) в частях пограничной стражи, в совершенстве изучив язык киргизов.

В г. Оренбурге Н. И. Ильминский занимался народно-просветительской деятельностью (в конце 1860-х г. в киргизской степи были начаты преобразования, направленные на усиление русского влияния). Профессору Н. И. Ильминскому как одному из ведущих экспертов в образовании малых народов было поручено рассмотреть методику преподавания в башкирских и киргизских школах с русским направлением. Он рекомендовал не устраивать для киргизов русских школ, которые,

скорее всего, будут встречены ими с недоверием, а вести обучение на их родном языке. Он настаивал, чтобы киргизские школы существовали отдельно от русских, советовал не только не уничтожать национальные школы, открытые при степных укреплениях, но и умножать их по степным аулам, заботиться о составлении специальных киргизских учебников.

Вернувшись в г. Казань, Н. И. Ильминский продолжил дело образования инородцев, сосредоточив усилия на просвещении крещеного татарского населения Казанской губернии. Он составил алфавит на базе кириллицы, которым до сих пор пользуются татары, руководил составлением первых азбук и букварей для других народов Поволжья: чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы. В 1872 г. Н. И. Ильминский был утвержден на должность директора созданной им Казанской инородческой учительской семинарии, которая готовила учителей для начальных народных училищ (особенно для тех, где обучались крещеные инородцы).

Школы, в которых обучение велось по «системе Н. И. Ильминского», получили широкое распространение. Благодаря им в конце XIX — начале XX в. значительно повышался уровень грамотности в селах и деревнях Поволжья с преобладающим нерусским населением, формировалась первая национальная интеллигенция, закладывались основы письменности на национальных языках.

Рассмотреть все аспекты «системы Н. И. Ильминского» в одной статье невозможно. Достаточно привести несколько цитат из трудов ученого, чтобы убедиться в том, что его идеи как нельзя лучше отражают понимание национального вопроса в России начала XXI в., поскольку речь в них идет именно о тех народах, которые составляют в настоящее время большинство трудовых мигрантов (100 лет назад киргизами называли почти все коренное население Средней Азии: казахов, калмыков, таджиков, киргизов и др.):

«если я настаиваю на киргизском языке для киргизских школ, как и вообще я стою за родные языки для обучения инородцев, то не как за образовательное средство, а как за орудие, самое естественное и удобное для сообщения инородцам новых понятий и научных фактов»;

«русское образование киргизов должно состоять в том, чтобы развивать в населении степном общечеловеческие понятия и русские симпатии... <...> Поэтому оно должно носить не только учебный, но и воспитательный характер! <...> Нужно скорее заготавливать образовательные книги, развивающие ум и воспитывающие естественно чувства, доступные и занимательные, примененные к киргизскому народу и на чистом киргизском языке»⁴.

«Система Н. И. Ильминского» успешно применялась на практике, и была официально принята на государственном уровне. Под руководством Н. И. Ильминского было издано более 100 наименований книг на русском, татарском, чувашском, марийском, мордовском, удмуртском, киргизском, алтайском, бурятском, гольдском и тунгусском языках (многие из этих книг выдержали несколько переизданий). В их числе были не только буквари, но и такие работы, как «Грамматика монголо-бурятского разговорного языка», «Правила образования инородцев» и др.

Профессор Казанской духовной академии и Императорского Казанского университета, действительный статский советник, член-корреспондент Российской академии наук Н. И. Ильминский был признан одним из величайших просветителей малых народов Поволжья.

В ближайшее время стоит ждать опубликования некоторого числа образовательных программ, призванных решить вопросы, поставленные В. В. Путиным в его статье. Среди них, вероятно, будет нечто подобное «обрусительной» методике XIX в., и это неудивительно, поскольку ее сущность, на первый взгляд, кажется весьма привлекательной. В изложении ее сторонников она представлена следующим образом:

«русский язык является общеупотребительным, государственным языком страны, в которой живут малые народы и благами которой они пользуются. Государственное значение русского языка в особенности подчеркивается представителями этого направления»;

«не зная русского языка и не зная России, малые народы не могут понять русских. Только основательно изучив русский язык, они могут войти в самую глубину души русской, понять ее, полюбить, стать близкими и родными...»⁵.

Не будем касаться того, что «обрусительная» система с точки зрения педагогики является достаточно резкой и психотравматичной. Она требует весьма значительного количества учебного времени, так как в программу обучения (как видно из статьи В. В. Путина) будет входить не только русский язык, но и история России, русская литература, основы государства и права. Если обучение всем этим дисциплинам будет вестись на русском языке, то преподавателям придется, по выражению А. А. Воскресенского, «объяснять неизвестное неизвестным (языком. — А. Пелин)»⁶, а это быстро не делается. Если необходимый минимум русского языка еще можно усвоить на краткосрочных курсах, то доходчиво объяснить за это время содержание и смысл морально-духовных ценностей русского народа, не используя родной язык мигрантов, просто невозможно. «Система Н. И. Ильминского», напротив, дает эту возможность. Она существенна также в решении другого очень важного вопроса — подготовки преподавательского состава для работы с мигрантами. При использовании «обрусительной» системы учитель, даже будучи очень талантливым педагогом, не сможет донести до своих учеников необходимые знания, если он не будет в достаточной степени владеть их родным языком. В свое время Н. И. Ильминский придавал личности учителя в национальных школах очень большое значение: «Если это будет чиновник, хотя исполнительный и честный и аккуратный, но именно чиновник и формалист, то школа не приобретет никакого одушевления. На это место нужно брать киргиза... <...>... здравомыслящего, даровитого, симпатичного, искренне сочувствующего русскому образованию»⁷. Возможно ли это сделать в настоящее время? Вне всякого сомнения — да. В странах ближнего зарубежья проживает достаточное число людей старшего поколения, многие из которых (особенно руководители среднего и низшего звена, а также представители интеллигенции) до сих пор свободно владеют русским языком и позитивно настроены по отношению к русскому народу и русской культуре. Именно эти люди могут стать проводниками поликультурности, заняв места учителей в школах для мигрантов. Тем более этим смогут заняться русские, проживающие в странах ближнего зарубежья и достаточно хорошо владеющие местными языками (многие из них — педагоги с многолетним стажем, после распада СССР оставшиеся без работы). В настоящее время люди этих категорий, как правило,

вынуждены работать не по специальности. В случае реализации мероприятий, предложенных В. В. Путиным, эти люди, получив официальную оплачиваемую работу на территории России, будут трудиться с максимальной отдачей. В связи с тем что число безработных интеллигентов в ближнем зарубежье весьма велико, желающих занять места педагогов на образовательных курсах будет более чем достаточно, что позволит замещать вакансии на конкурсной основе, тем самым повышая уровень преподавательского состава и, как следствие, уровень образования обучаемых. Этот фактор делает «систему Н. И. Ильминского» еще более реализуемой, поскольку в его время первым этапом системы являлась подготовка учителей из местного населения, а в нашем случае они уже есть, и их подготовка может быть ограничена кратковременными курсами «для освежения памяти».

Что же мы получим, если для решения проблемы обучения современных «инородцев» будет применена «система Н. И. Ильминского»? Знания, сообщаемые ученикам педагогами, во всей полноте владеющими родным языком обучаемых, будут усваиваться более легко и полно. Это позволит мигрантам усвоить весь объем рекомендованных знаний за короткое время, что подразумевает сокращение расходов на образование мигрантов со стороны государственного и личного бюджетов. Кроме того, процесс обучения не будет психологически восприниматься мигрантами как насильственное обрусение и покушение на их национальное самосознание, что практически неизбежно в том случае, если занятия будут вести назначенные «сверху» русские педагоги при помощи переводчиков. Все это вместе сделает процесс обучения необременительным и более качественным. По словам В. В. Путина, «привлекательность образования и его ценность — мощный рычаг, мотиватор интеграционного поведения для мигрантов в плане интеграции в общество» [Путин В. В. Россия...].

Разумеется, кто-нибудь из критиков, услышав имя Н. И. Ильминского, не преминет заметить, что его система предполагала обязательное приобщение учеников к православию. Эти критики, вероятно, приведут слова из статьи В. В. Путина о том, что «любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности» [Там же]. Все это правильно, но универсальность «системы Н. И. Ильминского» заключается как раз в том, что она не базируется и не заиклена на православии. Она служила (и сегодня может послужить) прежде всего проводником основных духовно-моральных ценностей, а они — в традиционных мировых религиях, в том числе в исламе (а именно его исповедует большинство мигрантов). Как пишет В. В. Путин, «...мы рассчитываем на активное участие в таком диалоге традиционных религий России. В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма — при всех различиях и особенностях — лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. Эти ценностные ориентиры невозможно чем-либо заменить, и их нам надо укреплять» [Там же]. Есть данность, которая не обсуждается, а именно: тот факт, что православие в той или иной степени исповедует более половины населения России. Чтобы жить в мире с этими людьми, мигранты должны знать, на чем именно базируются их жизненные ценности и поведение. Это часть тех самых основ «...гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа», населяющего Россию, а «...тот, кто приезжает в регионы с другими культурными, историческими традициями, должен с уважением

относиться к местным обычаям. К обычаям русского и всех других народов России» [Там же].

Таким образом, «система Н. И. Ильминского», исходя из вышеизложенного, во-первых, применима к сложившейся ситуации с национальным вопросом в современной России; во-вторых, легко реализуема на практике и не требует значительных финансовых затрат. Все это позволяет рекомендовать именно ее для выполнения задач, поставленных В. В. Путиным.

Библиографические ссылки

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс]. URL:http://www.ng.ru/politics/2012-01-1-23/1_national.html (дата обращения 25.08.2012). Далее ссылки в тексте: [Путин В. В. Россия...].

² Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litres.ru/nikolay-ilminskiy/> (дата обращения 26.08.2012).

³ Воскресенский А. А. Система Ильминского в ряду других мероприятий к просвещению инородцев // Ильминский Н. И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. 21.

⁴ Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений...

⁵ Витевский В. Н. Н. И. Ильминский — директор Казанской учительской семинарии. Казань, 1892. С. 38.

⁶ Воскресенский А. А. Указ. соч.

⁷ Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений...

Поступила 19.03.2012 г.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 902(470.345)

В. В. Ставицкий, О. В. Мясникова, А. Н. Сомкина
V. V. Stavitsky, O. V. Myasnikova, A. N. Somkina

О ДАТИРОВКЕ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ АБРАМОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

ON THE DATING OF EARLY BURIALS OF THE ABRAMOV BURIAL MOUND

Ключевые слова: Абрамовский могильник, древняя мордва, погребальный инвентарь, хронология.

В статье анализируются материалы ранних погребений Абрамовского могильника, которые расположены компактной группой в северо-западной части раскопа. Данные материалы находят близкие аналогии в древностях рязано-окских и древнемордовских могильников конца III — начала IV в., что позволяет на полвека удревнить хронологию могильника.

Key words: the Abramov burial mound, the ancient Mordvins, funeral equipment, chronology.

The materials of early burials of the Abramov burial mound, which are located compactly in the north-west part of the excavation, are analyzed in the paper. These materials have close analogies in antiquities of the Ryazan-Oka and Old-Mordovian burial mounds of the late III — the early IV century, which makes it possible to date the history of the cemetery back for a half-century earlier.

Изучение древностей Абрамовского могильника имеет обширную историографию, несмотря на то, что его материалы до сих пор полностью не опубликованы. В той или иной степени к хронологии могильника обращались М. Ф. Жиганов¹, В. В. Гришаков², Н. А. Акимов³, А. В. Богачев⁴, В. И. Вихляев⁵, В. Н. Шитов⁶ и др. Сегодня на датировку Абрамовского могильника имеется несколько точек зрения. В. В. Гришаков относит время появления ранних погребений ко второй половине IV в., а наиболее поздних — к VII в.⁷ По мнению В. И. Вихляева, А. А. Беговаткина, О. В. Зеленцова и В. Н. Шитова, Абрамовский могильник датируется концом IV — серединой VIII в.⁸

В северо-северо-западной части могильника отмечаются захоронения, вещевые комплексы которых датируются временем не позже конца III — первой половины IV в. Причем данные захоронения имеют ориентировку с отклонением к востоку, тогда как последующие погребения в основном ориентированы на север.

К раннему хронологическому периоду существования могильника относятся захоронения 58, 78 — 81, 85, 86 — 88, которые составляют два верхних (северных) ряда

в раскопе № 3. Судя по ориентировке могильной ямы, к этой группе захоронений относится и погребение 57, которое вклинивается в третий ряд. К более поздним захоронениям данного участка относится погребение 83, перекрывающее погребение 84. Одним из наиболее ранних захоронений здесь было погребение 85, в котором найдена бронзовая пряжка с рамкой арочной формы, округлого сечения, незначительно утолщенная в передней части с язычком прогнутым посередине, не выступающим за пределы рамки (рис. 1,8). По мнению А. К. Амброза, пряжки с язычком подобной формы также характерны для северокавказских древностей III в.⁹ Вторая пряжка из данного погребения отличается тем, что сечение передней рамки уплощенное, а на язычке имеются фасетки (рис. 1,9). Прототипы подобных пряжек, с прогнутым в средней части язычком, известны в позднесарматских материалах Нижнего Поволжья. Здесь утолщение передней рамки появляется в начале III в., получая распространение в его второй половине. При этом пряжки этого типа, как правило, имеют язычки с выраженным уступчиком у основания¹⁰. В целом это характерно уже для пряжек последующего времени Абрамовского могильника¹¹. Наиболее вероятное время бытования пряжек из погребения 85 — середина III в. В этом же погребении найдены нож с покатою спинкой и стамеска. Их аналоги имеются в ранних погребениях Кошибеевского могильника, которые И. Р. Ахмедов относит к периоду IВ и датирует II — началом III в.¹²

Ранний облик имеют также предметы погребения 58. Аналоги перстню со спиралевидным щитком (рис. 1,3) имеются в погребениях Ражкинского и Шемышейского могильников, которые В. В. Гришаков датирует серединой III в.¹³ Перстень подобной формы найден и в Тарасовском могильнике, в той его части, которая датируется II — III в.¹⁴ В 2000-е гг. такой же перстень был обнаружен в Рязанской области в кладе, содержащем височные кольца¹⁵, аналогичные кольцам из ранних погребений Кошибеевского могильника¹⁶. В погребении 58 также были найдены: обломок серебряного колечка, две сюлгамы с завернутыми концами, не выступающими за ширину кольца, две железные пряжки, бронзовая пряжка с железным язычком и бронзовое тордированное височное кольцо, вероятно, сделанное из обломка гривны (рис. 1,2). По мнению И. Р. Ахмедова, в рязано-окских могильниках тордированные гривны и браслеты, выполненные из их обломков, получают распространение на рубеже III — IV вв.¹⁷

В погребении 57 найден наконечник, состоящий из двух бронзовых круглых пластинок, плоской и полусферической формы, с отверстиями в центре, и соединяющих их бронзовых спиралек (рис. 1,15). Наконечник, включающий круглые полированные бляшки с отверстием в центре, известен из захоронений Шемышейского могильника (погребение 11), которое датируется первой половиной III в.¹⁸ Полированные пластинчатые бляшки были зафиксированы еще в ряде погребений Шемышейского и Ражкинского могильников, где точное их использование неизвестно¹⁹. Пластинчатые бляшки с отверстием в центре известны также в ряде ранних погребений Тарасовского могильника, где их использовали в качестве накладок²⁰. При этом погребение 57 имеет ориентировку, противоположенную общепринятой на Абрамовском могильнике, что является характерной чертой ряда ранних древнемордовских (Шемышейский, Ражкинский) и рязано-окских (Кошибеевский, Польно-Ялтуновский) могильников²¹.

Следует отметить, что другие погребения данного хронологического участка также не содержат поздних вещей, нижнюю границу бытования которых можно было

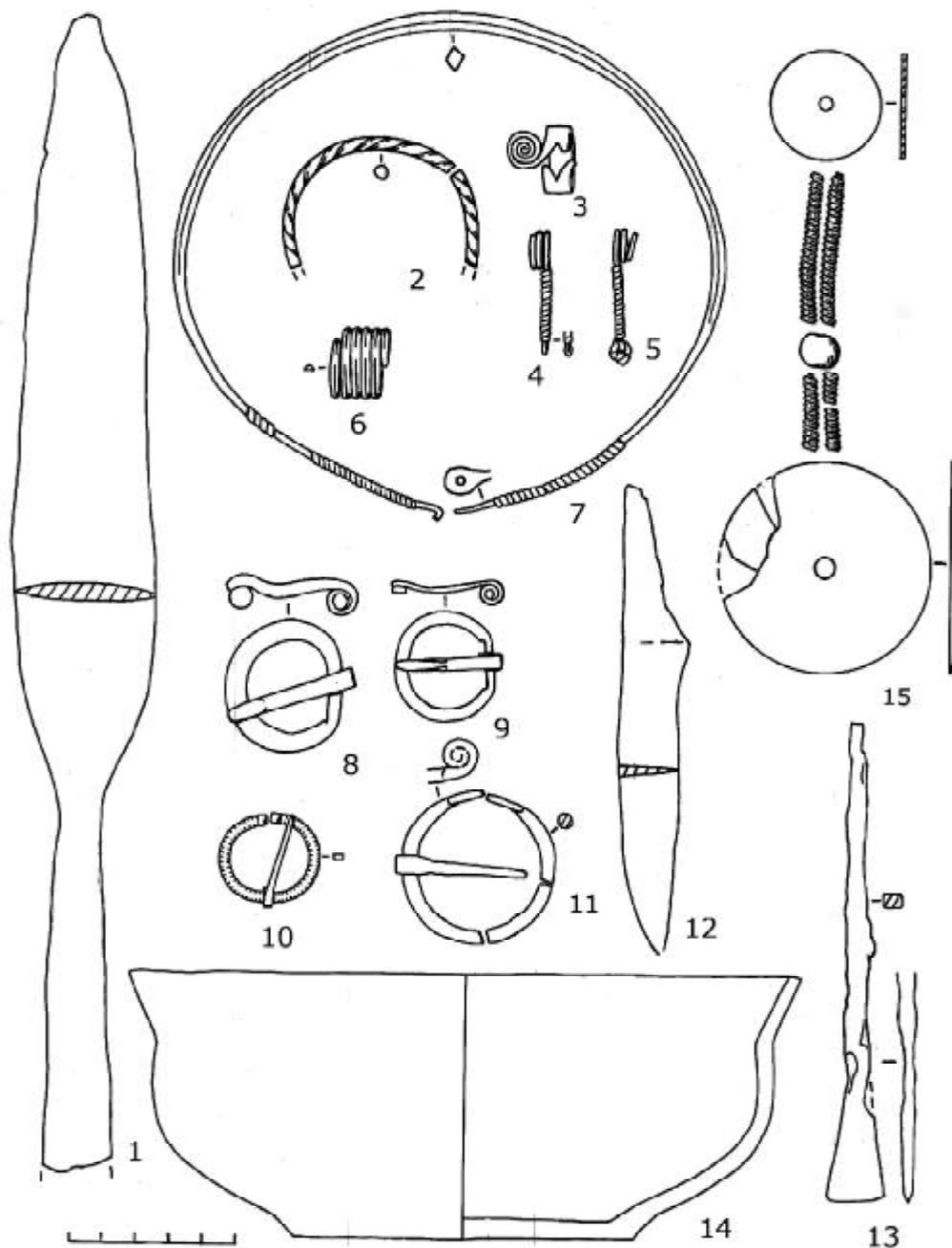

Рис. 1. Погребальный инвентарь Абрамовского могильника первого хронологического участка: 1, 11 — погребение 80; 2, 3 — погребение 58; 4, 5, 6, 10 — погребение 86; 7, 8, 9, 12, 13 — погребение 85; 14 — погребение 78; 15 — погребение 57.

бы определить второй половиной IV в. Для захоронений рассматриваемой части могильника характерны сюлгамы со скрученными в трубочку концами, не выступающими за пределы кольца (рис. 1,10). Имеются также крупные железные застёжки (рис. 1,11), которые, по мнению И. Р. Ахмедова, являются ведущими формами середины III — начала IV в. в погребальных комплексах рязано-окских могильников²². В Абрамовском могильнике они встречаются и в захоронениях более позднего периода, но заметно уменьшаются в размерах. Находки шейных украшений представлены здесь гривнами круглого и ромбического сечения, которые имеют замок в виде простого крючка, расположенного в плоскости гривны, и небольшого округлого или овального щитка с отверстием (рис. 1,7). Появление круглодротовых гривен П. П. Ефименко относит к стадии А рязано-окских могильников, они же продолжают встречаться и на последующих стадиях²³. Этот тип гривен встречается и в более поздних захоронениях Абрамовского могильника. Аналоги гривне ромбического сечения имеются в Кошибеевском могильнике²⁴. Концы абрамовской гривны обернуты проволокой, последнее, по мнению И. В. Белоцерковской, характерно только для периода 2а рязано-окских могильников конца III — первой половины IV в.²⁵ В погребении 80 найдено копье с массивным листовидным пером с расширением в нижней части и короткой втулкой (рис. 1,1). Наконечники копий подобных пропорций относятся к наиболее ранним типам в материалах рязано-окских могильников²⁶, а их прототипы известны в захоронениях Андреевского кургана²⁷.

Особенностью ранних погребений Абрамовского могильника является единичность находок бронзовых височных подвесок с бипирамидальным грузиком и спиралью, которые зафиксированы в большинстве женских погребений последующих стадий. В погребении 86 найдены две подобные подвески (рис. 1,4,5). У одной из них сохранился крючок из проволоки. На второй подвеске был грузик из белого сплава. В рядах, расположенных южнее следующего хронологического участка, найдены подвески с грузиком в виде пирамидки (погребение 5). Вместе с тем в ранних захоронениях обнаружены височные украшения, не характерные для древнемордовских могильников. В погребении 58 найдено тордированное височное кольцо, вероятно, сделанное из обломка гривны. В погребении 16, относящемся к следующему хронологическому участку, найдены пластинчатые подвески с иглой в виде крючка и округлыми лопастями с выступающей шишечкой в центре (рис. 2,3), имеющие аналоги в верхнеокских древностях. Складывается впечатление, что на данном этапе происходило сложение комплекса височных украшений, ставшего впоследствии одним из основных этнокультурных признаков древнемордовских древностей.

Для этой группы захоронений весьма характерны приземистые сосуды мисковидной формы (рис. 1,14), которые, по мнению В. В. Гришакова, являются наиболее ранними среди материалов памятников бассейна р. Теша²⁸. Таким образом, наиболее вероятным временем совершения на Абрамовском могильнике первых захоронений является рубеж III — IV вв.

Следующая хронологическая стадия на могильнике представлена двумя последующими рядами погребений раскопа № 3, которые, видимо, имеют продолжение в северной обособленной (угловой) группе захоронений раскопа № 4. В этих рядах зафиксировано мало погребений с выразительным инвентарем, что затрудняет определение их хронологии. По логике вещей они должны относиться к первой половине

IV в. Вместе с тем заметные различия в ориентировке этих погребений с захоронениями первого участка не исключают наличия между ними определенного хронологического разрыва. Поскольку на остальной части могильника можно наблюдать плавное и постепенное изменение ориентировки погребений с северной на северо-северо-западную. Возможно, что часть недостающих погребений осталась за северо-западной стенкой раскопа.

Для второй стадии могильника характерно наличие ряда вещей, которые встречаются и в ранних погребениях. Это бронзовые сюлгамы с не выступающими за пределы кольца концами, крупные железные сюлгамы с раскованными концами, дровые гривны с замком в виде крючка и округлого щитка с отверстием (рис. 2,4). Две железные пряжки из погребений 17 и 9 имеют прямые язычки (рис. 2,5). В погребении 111 найдена бронзовая обувная пряжка со слабо прогнутым, коротким язычком и квадратной площадкой у основания, с длинным трапециевидным щитком, заканчивающимся овалом (рис. 2,10). По форме щитка и рамки данная пряжка находит близкие аналоги в погребении 20 Селикса-Трофимовского могильника, которое В. В. Гришаков датирует первой половиной IV в.²⁹ Отличия абрамовской пряжки заключаются в наличии фасеток по краю рамки и в оформлении щитка более мелкими и многочисленными выпуклинами, что может свидетельствовать о ее более поздней датировке. Стилистически близка к абрамовской пряжка с удлиненным щитком из погребения 69 Кузьминковского могильника. По мнению И. В. Белоцерковской, подобные пряжки в рязано-окских могильниках, по аналогам в мазунинских и поздне-сарматских древностях, следует датировать III — началом первой половины IV в.³⁰ К этому же времени относятся и найденные в погребении 111 двучастные подвески-наконечники к обувным ремням с округлым завершением на конце, с насечками по краям и жемчужным орнаментом (рис. 2,2)³¹. Здесь также найден фрагмент головного венчика, состоящий из спиральных пронизок, скрепленных бронзовыми обоймами с прикрепленными к ним кольцами (рис. 2,12), аналогичный венчику из погребения 29 Селиксенского могильника, которое В. В. Гришаков датирует второй половиной III в.³²

В ранних погребениях данного участка, расположенных в раскопе № 3, не найдено ни одной височной подвески с грузиком, которые есть в четырех сравнительно поздних погребениях этого же участка из раскопа № 5 (рис. 2,7), зато в погребении 16 зафиксированы височные кольца с лопастью (рис. 2,3).

Найденные в двух погребениях браслеты имеют овальное сечение средней части и раскованные концы, которые у одного браслета заходят друг за друга (рис. 2,6,11). В. В. Гришаков отмечал малочисленность браслетов в третьей хронологической группе погребений пензенских могильников³³.

В погребениях 16 и 84 найдены пластинчатые бляхи с большим круглым отверстием и подвижным язычком посередине, которые имеют разную конструкцию. У бляхи из погребения 84 в средней части язычка есть небольшое расширение в виде круглой крышечки. Эта бляха относится к наиболее ранней разновидности украшений данного типа, поскольку ее периметр образован отдельными лепестками подтреугольной формы, тогда как более поздние типы блях подобного облика уже не имеют лепестков, о которых напоминают только треугольные прорезы на округлом диске (рис. 2,8). В пензенских могильниках подобные бляхи, по мнению В. В. Гришакова, появляются во второй половине IV в.³⁴ Бляха из погребения

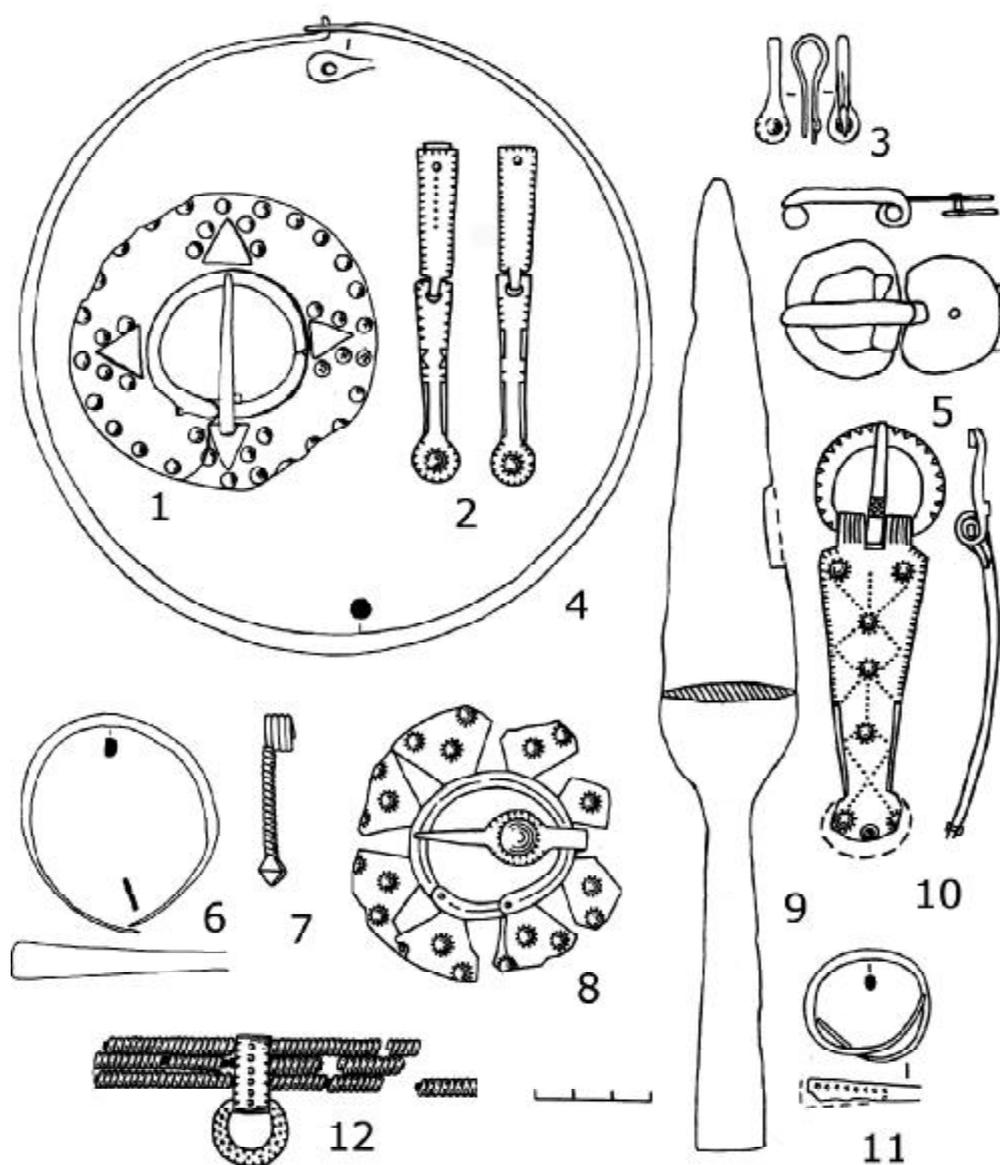

Рис. 2. Погребальный инвентарь Абрамовского могильника второго хронологического участка: 1, 3, 4, 6 — погребение 16; 2, 10, 12 — погребение 111; 5, 9 — погребение 17; 7 — погребение 101; 8 — погребение 84; 11 — погребение 35.

16 изготовлена из пластины с вырубленными в ней четырьмя треугольными прорезями, а ее щиток украшен выдавленными шишечками. Прообразы подобной бляхи есть в захоронениях Кошибеевского и Кузьминского могильников³⁵, и их появление отно-

сится к IV в. В погребении 17 найден наконечник копья с массивным пером подтреугольной формы, пропорции которого к длине втулки составляют 1 : 6 (рис. 2,9).

В целом облик описанных материалов не противоречит их датировке первой половиной IV в., когда, вероятно, на могильнике и были совершены первые захоронения.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Жиганов М. Ф.** Память веков : Изучение археол. памятников мордов. народа за годы Совет. власти. Саранск, 1976. 112 с.
- ² См.: **Гришаков В. В.** Керамика Абрамовского могильника // Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия нашей эры. Саранск, 1988. С. 44 — 62. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 93) ; **Его же.** Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993. 204 с.
- ³ См.: **Акимов Н. А., Гришаков В. В.** Бусы Абрамовского могильника // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990. С. 3 — 20. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 99).
- ⁴ См.: **Богачев А. В.** Процедура-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992. 207 с.
- ⁵ См.: **Вихляев В. И.** Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. 131с.
- ⁶ См.: **Шитов В. Н.** Погребения с фибулами из Абрамовского могильника : (по материалам раскопок Н. Ф. Жиганова) // Исследования М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения проф. М. Ф. Жиганова. Саранск. 2006. Ч. 2. С. 29 — 40.
- ⁷ См.: **Гришаков В. В.** Хронология мордовских древностей III — IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2008. Вып. 2. С. 103.
- ⁸ См.: Хронология могильников населения I — XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Вихляев В. И. [и др.]. Саранск, 2008. С. 153.
- ⁹ См.: **Амброз А. К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1 // Совет. археология. М., 1971. № 2. С. 100.
- ¹⁰ См.: **Малашев В. Ю.** Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 199 — 206.
- ¹¹ См.: **Шитов В. Н.** Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1988. С. 42, табл. VII, 12; IX, 7; XII, 6. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 93).
- ¹² См.: **Ахмедов И. Р.** Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007. С. 153, рис. 1,10. (Раннеславянский мир ; № 9).
- ¹³ См.: **Гришаков В. В.** Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск, 2005. Рис. 20,5.
- ¹⁴ См.: **Голдина Р. Д.** Тарасовский могильник I — V вв. на Средней Каме // Материалы и исследования камско-вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2003. Т. 2. С. 449, табл. 447.
- ¹⁵ См.: **Гаврилов А.** Три окских клада III века и их историческое значение // Домонгол : альм. древней культуры и искусства. М., 2010. Вып.1. С. 126 — 127.
- ¹⁶ См.: **Шитов В. Н.** Кошибеевский могильник... С. 35, табл. V, 11; XI, 18; XIII, 2.
- ¹⁷ См.: **Ахмедов И. Р.** Указ. соч. С. 142.
- ¹⁸ См.: **Гришаков В. В.** Население верховьев Мокши и Суры... С.10.
- ¹⁹ Там же. С. 66, рис. 1,2,3 ; с. 73, рис. 8,12 ; с. 85, рис. 20,3.
- ²⁰ См.: **Голдина Р. Д.** Указ. соч. Табл. 122, 16 ; 294, 84 — 86; 564, 9, 12.
- ²¹ См.: **Гришаков В. В.** Население верховьев Мокши и Суры...С. 7; **Шитов В. Н.** Кошибеевский могильник... С. 5.
- ²² См.: **Ахмедов И. Р.** Указ. соч. С. 139.
- ²³ См.: **Ефименко П. П.** Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии / Гос. Рус. музей. Л., 1926. Т. 3, вып. 1. С. 59 — 84.

- ²⁴ См.: Шитов В. Н. Кошибеевский могильник... Табл. V, 13.
²⁵ См.: Белоцерковская И. В. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа... С. 192.
²⁶ См.: Ахмедов И. Р. Указ. соч. С. 137.
²⁷ См.: Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. С. 149, рис. 24,б. (Археология Евразийских степей ; вып. 7).
²⁸ См.: Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен... С. 86.
²⁹ См.: Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей... С. 132, рис. 16,17.
³⁰ См.: Белоцерковская И. В. Указ. соч. С. 199.
³¹ Там же. С. 199 — 200.
³² См.: Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей... С. 125, рис. 9,3.
³³ Там же. С.102.
³⁴ Там же. С. 101.
³⁵ См.: Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941. Табл.VIII, 2 ; XV, 12.

Поступила 14.05.2012 г.

УДК 392.51(=511.152):34

Т. А. Чужайкина
T. A. Chuzhaykina

**«ОЧЕРК ЮРИДИЧЕСКОГО БЫТА МОРДВЫ» В. Н. МАЙНОВА
В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ**

**«THE ESSAY OF THE JURIDICAL WAY OF LIFE OF THE MORDVINS»
BY V. N. MAYNOV IN THE CONTEXT OF STUDYING
OF WEDDING RITUALS**

Ключевые слова: В. Н. Майнов, мордва, исследование, обряд, свадьба, обычай.

В статье раскрывается значение свадебного обряда в жизни мордовского народа; описываются элементы свадебной обрядности, впервые наиболее полно представленные в работе В. Н. Майнова.

Key words: V. N. Mainov, the Mordvins, a study, rite, wedding, custom.

The paper reveals the value of a wedding ceremony in the life of the Mordovian people, the elements of wedding rituals, which were firstly represented in the most complete form in the work by V. N. Maynov, are described here as well.

В. Н. Майнов является одним из первых российских этнографов, обратившихся к исследованию обрядовой сферы мордовского народа. Его монография «Очерк юридического быта мордвы» (1885) уже при жизни ученого получила признание специалистов, став «первым опытом систематического описания мордвы»¹, и до настоящего времени представляет научный интерес.

Раскрывая внутрисемейные бытовые взаимоотношения патриархальной общины, Майнов уделил особое внимание браку и свадебным обрядам мордвы, «боль-

шая часть которых или не имела никогда, или уже потеряла прежнее юридическое значение»². Исследователь описал обряд во всей пестроте многочисленных языческих суеверий, представив его как самое значительное событие в жизни крестьянской семьи. Прделав большую работу (опросы респондентов проходили в 22 местах), ученый привел примеры и сравнил свадебные обряды в разных регионах, сопоставил обрядность мокши и эрзи, восходящую к древности, отметил изменения, произошедшие в брачной церемонии. По мнению отечественных исследователей (В. А. Юрченкова, В. И. Рогачева и др.), в мордовской дореволюционной этнографии подобного достоверного описания свадьбы трудно найти.

Серьезный подход к браку у мордвы был залогом ее благополучной жизни. Редкость браков «по взаимному влечению» Майнов объяснял строем жизни мордовского населения. Мысли мордовского мужчины прежде всего были о хозяйстве, об обеспечении себя и будущего своей семьи, а уже потом о «взаимной привязанности»³. По мнению исследователя, жена для мордвина, как новый работник в доме, должна была стать надежной помощницей и хорошей матерью: «сам строй жизни заставляет мордвина прежде всего подумать о приискании себе доброй помощницы, на которую бесстрашно можно было бы возложить все тягости домоводства, а также и такой женщины, которая дала бы ему новых работников, будучи способна к деторождению» [Майнов, с. 195].

При выборе спутника жизни существенное значение придавалось физическому и умственному здоровью юноши и девушки. Индикатором физической и умственной полноценности в народе традиционно считалась внешняя привлекательность. При изучении антропологии мордовского народа Майнов отметил, что если мордва хотела «выхвалить красоту девушки», то обязательно говорила: «ноги, как дубы» («вследствие особенности вкуса мордвин любит, чтобы у девушки были толстые ноги; но дебелисть и дородство никогда не нравятся ему, особенно в женщине, тем более что мордовки ею и не отличаются») [Там же, с. 58]. У мордвы даже существовал обычай, согласно которому женщины, не имевшие этого достоинства, обертывали свои ноги в «бесчисленное количество разных полотняных и даже суконных онуч», чтобы «слыть красивой» [Там же, с. 137]. В большей степени о внешней красоте заботились девушки-невесты. Родители охотно поощряли стремление своих дочерей выглядеть красивыми, так как в рассматриваемый период они составляли предмет торговли, для выгодной продажи которого семья должна была показать «свой товар лицом». Майнов писал, что «девке, когда она на выдаче, и платок купят поярче, и лент не пожалеют, и вообще стараются держать ее в холе, в особенности старается о ней мать, которая чует близкую разлуку и всячески за нею ухаживает» [Там же]. Вместе с тем следует отметить, что внешняя красота ценилась лишь в сочетании с личными и деловыми качествами, в ряде которых особое место занимало трудолюбие (цебярь ървясь — аф мазы, а ёню — «хорошая жена — не красавица, а умница», павазсь аф мазышиса, павазсь покодемаса — «счастье не в красоте, а счастье в труде», гласили мокша-мордовские поговорки). Патриархальная семья с обретением снохи рассчитывала не только на «дополнительные руки», но и по возможности на улучшение своего имущественного положения: «... невеста из богатого дома составляет в особенности предмет исканий деревенских женихов, но зажиточность не составляет *conditio sine qua non*». В большинстве случаев мордвин ценил в девушке ее крепкое телосложение и способность к деторожде-

нию: «В лашаса пеит — стырса келинт пакархт» («В лошади — зубы, а в девке — широкие кости») [Там же, с. 58].

Многодетность мордовской семьи была гарантом ее процветания и достойного существования. В связи с этим способность женщины к деторождению рассматривалась мордвой как основная составляющая брака: «...недаром многодетные семьи пользовались всеобщим уважением. И наоборот, бездетную жену муж должен был выгнать»⁴; мордва «до сих пор продолжает смотреть на брак как на средство к воспроизведению себе подобных работников; прямою целью брака считает детопроизведение...» [Майнов, с. 64].

Именно такая точка зрения на суть брака объясняет суждение Майнова относительно девственности невесты, вызвавшее бурю негодования среди многочисленных исследователей мордовского народа. Если подходить к наследию Майнова объективно, основываясь на принципах историзма этнических явлений и феноменов, тогда суждения исследователя относительно несоблюдения невестой девственности вполне оправданны. Аргументом того, «почему девке нет стыда родить», является бытовавшее в народе представление, согласно которому «женщина только тогда начинает что-нибудь значить в семье, когда она забеременеет, так как эрзя и мокша убеждены вполне, что „мужику почет растет с бороною, а бабе — с брюхом“» [Там же, с. 193]. Таким образом, как мужчина получал полную правоспособность в момент половой зрелости, так и женщина становилась правоспособной в тот момент, когда доказывала свою половую зрелость. Несоблюдение девушкой целомудрия до брака, по свидетельству Майнова, вовсе не являлось для жениха причиной отказа от нее: «не беда, если девушка не смогла уберечь себя, так как венец все покрывает. Мордвин смотрит на детопроизведение как на доброе подспорье по хозяйству: любезна ему жена, которая даст ему много сыновей, не дурна и та, что дочерей нарожает — все-таки помощницы будут. Девушка, которая увлеклась и родила, только доказала этим, что она не будет бездетна, а стыда в этом нет — виноват тот, кто „крандаша айдясь — пильгеки кадась“, т. е. „на телеге проехал — следы оставил“» [Там же, с. 58]; «это не великая беда, если девушка увлечется до замужества и принесет в дом нагульного ребенка: новая рабочая сила — дому подспорье, а стыда ей ничуть нет, так как всякий охотно на ней женится»; «Тракс арды — вазась кудъзырти» («Корова гуляет — теленок хозяину»), — подсмеивается мокшанин по-своему; эрзянин перенял на этот предмет поговорку у русского человека и заодно с ним уверяет, что «чей бы бычок ни скакал, а теленочек наш» [Там же]. Однако это касалось только тех мест проживания мордвы, где русское влияние еще не успело изменить сложившееся мировоззрение: «Вследствие того что девственность не требуется в виде неперемennого условия, несоблюдение ее не влечет решительно никаких последствий как для самой невесты, так и для ее родителей. Непременным условием порядочности молодого мордва считает то, чтобы он скрыл недевственность молодой, и вообще нам решительно нигде не удавалось встретить что-либо похожее на то прославление девственности, которое так развито в среде русского крестьянства» [Там же].

Поскольку брак был не просто социальным, но биосоциальным явлением, то существенным условием выбора супругов являлось достижение человеком соответствующего возраста. В связи с этим браки между малолетними среди мордвы полностью исключались (на это указывает и отсутствие преданий). Тем не менее

тмечал Майнов, существовал обычай, согласно которому жених должен быть старше невесты: «так, например, среди эрзи считается достаточным, чтобы жених достиг 19-летнего возраста и дозволительным даже сватать его на 19 году, тогда как невесте должен быть 17-й год...» [Там же, с. 63]. Мокша к возрасту жениха и невесты подошла иначе и «узаконила, чтобы, напротив того, женщина была старше мужчины, так как, дескать, мужчина скорее старится» [Там же].

В брачно-семейных обычаях мордвы существовали возрастные ограничения, которые выражались в соблюдении очередности вступления в брак. Право заключения брака первым, согласно обычаю, предоставлялось старшему из детей в семье. Это правило действовало по отношению как к дочерям, так и к сыновьям. Основным брачным табу в семейной правовой сфере мордвы был запрет на вступление в брак молодых, состоящих в близком родстве, и в отдельных случаях — в свойстве. Так, «...мокша полагает, что от браков между родственниками дети будут уродами...» [Там же, с. 55]. Однако духовное родство, по мордовским воззрениям, не влияло на возможность брака (только в Нижегородском уезде Нижегородской губернии, отметил исследователь, сообщили следующее: «есть крест — нет брака») [Там же, с. 60]. Широкое распространение у мордвы получил обычай сорората (женитьбы на родной сестре своей жены после смерти последней). Более того, овдовевший супруг мог даже требовать свояченицу в замужество. О существовании такого обычая говорит приведенное Майновым свидетельство К. Мильковича: «...в его время (1783 г.) мордва редко пользовалась отсутствием запрещения многоженства. Когда умирала жена, то мордва охотно женилась на свояченицах (вероятно, ради поддержания семени)»; «если же, кто получит в том отказ, то кладет тихонько на стол маленький хлебец и говорит: „промысли мне свояченицу“, после сего обращается он в бег и, ежели его настигнут, то бьют немилосердно; если же уйдет, то выдают беспрекословно за него помянутую свояченицу...» [Там же, с. 81].

Мордовская свадьба праздновалась в такое время, которое, согласно народным представлениям, считалось наиболее счастливым или же удобным вследствие хозяйственных соображений. Охотнее всего, как отмечал Майнов, эрзя заключала браки перед Масленицей и после Радуницы. На это время приходились праздники в честь Ведявы — богини воды и совокупления. Эрзя «верит, что богиня в это время особенно заботится о людской судьбе, не будучи еще сама оплодотворена» [Там же, с. 74]. После Петрова дня снова наступало удобное и счастливое для браков время, так как праздновали день Чимпаза (Бога солнца), строителя счастья и порядка на земле.

Ни один из периодов заключения брака нельзя объяснить хозяйственными соображениями, так как в это время у земледельца-мордвина денег было меньше всего. Мокша в отличие от эрзи словно «отчуралась» от своей мифической старины и в избрании времени для браков руководствовалась в основном хозяйственными соображениями, «предпочитая пировать свадьбы в октябре месяце, когда в доме бывает больше всего достатка» [Там же, с. 75]. Только один обычай мокша соблюдала крайне строго: ни одна свадьба не могла состояться в день рождения жениха или невесты, «а не то молодой и за себя при родах достанется, да и за мать» [Там же].

Отличительной чертой мордовской жизни, отмечал Майнов, являлись браки увозом (умыканием), или «самокрутки» («лизесь», как называла их мордва): «как ни старалось начальство искоренить их, до сих пор не покинуты народом, и последний до такой степени облюбил этот способ сочетаться браком, что платит огромные

деньги за то, чтобы священник согласился повенчать самокрутку» [Там же, с. 65 — 66]. Доказательством того, что раньше «лизесь» совершался без согласия девушки, служило ее сопротивление во время «похищения». У эрзи браки-самокрутки встречались значительно реже, и это обстоятельство Майнов связывал с влиянием русского соседства: «эрзя оставляет этот самобытный обычай; русские смеются над самокрутками, считая их безбожными, совершаемыми „не по христианской, а по мордовской вере“, а эрзя хочет казаться христианами» [Там же, с. 67]. Ученый отмечал, что такая форма вступления в супружество преимущественно была характерна для мордвы Пензенской губернии, в Самарской и Нижегородской губерниях самокрутки встречались реже. Их причину, писал Майнов, определить трудно, так как их существование нельзя объяснить ни экономическими, ни религиозными требованиями: «...за самокрутку приходится заплатить священнику гораздо дороже, нежели за обыкновенную свадьбу, а затем, по совершении обряда, на пропой уходит опять-таки более денег, так как родители молодой артачатся и спаиваются весьма старательно» [Там же, с. 68]. Поэтому причину самокруток, сделал вывод исследователь, следует искать в глубокой древности, в былых мифологических воззрениях народа. Так, согласно обычаю, отец похищенной дочери делал вид, что не хочет входить в избу своего свата, «ломался», шумел и требовал обратной выдачи своей дочери; с поклонами и уговорами выходил к нему навстречу отец молодого, упрашивал не сердиться. Тут же у дверей выпивали, отец похищенной смягчался и его под руки уводили в дом. То же самое повторялось и с матерью молодой, которую уговорить окончательно по обычаю было нельзя, и ее силой вносили в избу или братья, или приятели молодого. «Жалоб никто не запомнит, — говорит исследователь, — да и некому и жаловаться, так как первая инстанция — старики — и слушать не станут жалобщиков, находя самокрутку вполне естественною и даже желательною для своих дочерей» [Там же, с. 68].

Браки умыканием, или самокрутом, были дополнительной, экстраординарной формой создания супружества. Решение о заключении брака в большинстве случаев принималось обязательно при согласии родителей юноши и девушки, выражавшемся в благословении молодых на брак («без родительского благословения брак считался немислимым, невозможным») [Там же, с. 65]. Неопровержимый авторитет и статус родителей предоставляли им существенную власть в устройстве жизни своих детей. Широкие правомочия родителей в отношении выбора будущего спутника жизни для сына или дочери объяснялись и тем, что молодая супружеская пара не составляла отдельной хозяйственной единицы, а была только частью большой патриархальной семьи, обеспечивавшей молодых и устраивавшей их быт и хозяйство. Выработанные веками требования и условия заключения брака позволяли родителям сделать наиболее правильный выбор, о чем свидетельствовали в большинстве своем дружелюбные, теплые отношения между молодоженами и редкость развода⁵.

Свадьба, являясь одним из самых значительных событий в жизни народа, одновременно предстает и самым сложным ритуальным действием, вобравшим в себя исторический опыт многих поколений. Обрядовая преемственность, составляя основу свадебной церемонии мордвы, являлась связующим звеном между прошлым и настоящим. Неслучайно за устройство мордовской свадьбы «по исстари заведенному обычаю» брались особые лица, «которые знают все обычаи доподлинно..., как сваха и дружка, знают, где поклониться, где помолиться» [Майнов, с. 75].

Свадебный обряд включал три основных этапа: предсвадебный (от сватовства до дня венчания), непосредственно свадебный (от дня венчания до брачной ночи включительно) и послесвадебный (в течение года после свадьбы). На первом этапе имели значение обряды, направленные на получение официального согласия на брак (сватовство, переговоры о выкупе и рукобитие). Инициатором заключения брака выступала сторона юноши: родственники жениха принимали решение относительно выбранной девушки, направляли сватов в ее дом для достижения соглашения о будущем супружестве.

Первым и одним из наиболее существенных моментов всего свадебного ритуала было сватовство, поскольку успех переговоров на этом этапе означал получение официального согласия родителей девушки на брак, отказ от которого в дальнейшем исключался. Сватовству предшествовал сложный период предварительных переговоров, которые, как правило, вели либо родители жениха, либо его родственники, причем самые старшие. Майнов отмечал, что во время переговоров мордва никаких письменных заверений не признавала на том основании, что сказанное слово было гораздо важнее («сказал во время свадьбы — сказал во время смерти»), т. е. свадебный договор был также важен и непреложен, как и последняя воля умирающего [Там же, с. 71].

Согласно ритуалу, сватам (посланцам) нужно было скрыть подлинный смысл их прихода в дом невесты, чтобы не навлечь на дом и жениха с невестой сглаза, или порчи, поэтому процесс сватовства носил завуалированный характер. Так, согласно обычаю, родственники жениха шли в дом невесты в будничной одежде и «употребляли все средства, чтобы никто не догадался о цели их прихода»; если так случилось, что встречный человек говорил им: «знаю, за чем вы идете» или «вы идете сына сватать», то сваты возвращались назад и выбирали другой день для сватовства, так как «человек этот послан и действует от шайтана» [Там же, с. 85].

Издалека отец жениха заводил речь о том, что «недурно было бы им породниться», и как только узнавали цель прихода, родителей жениха пересаживали на самое почетное место в избе — на передней скамье под матицей. Во время переговоров стороны жениха и невесты обговаривали материальную сторону предстоящего обряда, а именно: настольные подарки («венец, сустуг и другие части женского туалета»), договаривались о количестве выкупа (э., м. «питнэ»), платившегося родней жениха за невесту [Там же, с. 72]. У эрзи выкуп отдавали отцу невесты в качестве «вознаграждения за понесенные им расходы на снаряжение невесты, на ее приданое»; у мокши — невесте, на который она «делала себе постель, шубу и более ценные вещи...». Майнов привел также обычай, когда выкуп платил муж жене после первой ночи [Там же]. Вопрос о цене невесты играл главную роль при обговаривании условий брака, неслучайно сватовство нередко называли «торгом о невесте» [Там же, с. 84]. Выкуп в брачно-семейных обрядах мордвы понимался как плата, которую родители девушки получали за разрешение вступить в брак с их дочерью, а также являлся определенной формой компенсации за потерю семьей работника. Размер платы устанавливался по взаимному соглашению сторон. Поскольку брачный договор по своей сущности составлял сделку, то каждая из сторон, «расхваливая» свой товар, старалась добиться для себя наиболее экономически выгодных условий, иными словами, повысить или снизить цену. В конце XIX — начале XX в. цена девушки, как правило, была в пределах 100 руб.: «калым простирается от 60 — 70 до 100 руб.

ассигнациями и до 3 ведер водки, а в пользу самой невесты выговаривают обыкновенно новую овчинную шубу, черный суконный кафтан и сапоги»; в зависимости от возраста цена за девушку изменялась — «обыкновенно за невесту от 20 до 25 лет платят 75 — 100 руб.» [Там же, с. 87]. В качестве платы сторонами принимались одежда, пища, скот и другое имущество.

Еще более сложными и продолжительными были переговоры о приданом (приданой), причем, как отмечал Майнов, определялась даже добротность каждой получаемой невестой вещи. По мнению исследователя, мордовское слово приданой «приданое» мордва заимствовала у русских. Возможно, это и не совсем так. Однако, тот факт, что часть приданого (скот) особо не оговаривали и не давали в приданое деньги, является свидетельством того, что институт приданого у мордвы был недостаточно развит.

Во время сватовства назначался день пропой — «проксиммэ» (м., э. симан «пить»). Пропой, или рукобитие, был одним из «решительных» моментов свадебного обряда. По свидетельству Майнова, такое название обряда возникло следующим образом: «будущие сваты хватались левыми руками за матицу и ударяли по рукам, выговаривая условную формулу: „кед кошкэк“, т. е. „отсохни рука“; теперь просто ударяют по рукам, не держась за матицу, хотя в одном мокшанском селении удержался еще этот обычай во всей его полноте» [Там же, с. 93]. Рукобитие окончательно санкционировало договор о браке. На основательность такого предположения указывают все составные части этого обряда.

Непременную часть запой составлял пир, известный под названием «озоритые пироги». В определенный день на пироги съезжались в дом жениха его родственники, выпивали большое количество вина и пива, затем ехали длинным поездом в дом невесты (жениха при этом не было). В телеге везли вино, пиво и «озоритые» пироги, «чуть не во всю печь печенные, без всякой начинки — каждый аршина в полтора длиною и в пол-аршина шириною» [Там же, с. 90]. Согласно мордовским обычаям, если «озоритые» пироги принимались родственниками невесты, то «...дев-ка никак не могла выйти за другого замуж, какие бы ни встретились впоследствии обстоятельства» [Там же]. С той минуты родители называли свою дочь «ихой», т. е. принадлежавшей родне жениха. На другой или на третий день после «озоритых» пирогов отец жениха шел в дом невесты договариваться о дне свадьбы.

Существенный момент брачного обряда составлял девичник (э. тейтерень пир, м. стирень пир). По мнению Майнова, был заимствован мордвой у русских, так как «даже у эрзи нет... девичника в настоящем значении слова» [Там же, с. 95]. Это был период времени между пропоем и свадьбой, в который устраивались разные пиры, причем у невесты собирались исключительно ее подруги, а у жениха — его друзья и приятели. У мокши такие предсвадебные молодежные собрания назывались «пособляма», что указывает на их практическую основу, а не на какой-либо старинный мотив. Совсем иначе относилась к девичнику мордва-эрзя, признавая его «особенным пиром, составляющим непременный установленный стародавним обычаем момент брачных обрядов» [Там же, с. 103]. Там, где девичник не утратил своего символического значения, он начинался с раннего утра за день до свадьбы. Невеста, «едва вставши и нарядившись в самое простое платье», без украшений, отправлялась приглашать своих подруг «помочь ей и разделить с нею посетившее ее горе» [Там же]; «...у невесты ноги обмотаны до

такой степени, что она едва может двигаться... платье на ней не праздничное» [Там же, с. 106].

Майнов отмечал, что свадьба хотя и утратила прямое значение увоза из родительского дома силой, тем не менее сохранила в народном воспоминании «отпечаток совершавшегося прежде насилия», а, следовательно, само понятие о выходе замуж исключало возможность ходить в праздничной одежде и радоваться [Там же]. Подтверждением сказанного проникнут каждый ритуал прощания невесты с девичеством. Так, выходя из дома, невеста должна была трижды пригнуться к земле со словами: «Мастыр! Мастыр! Кирдямак! Варма, Варма! Ускамак!» («Земля, земля! Держи меня! Ветер, ветер, неси меня!»). Обычай выноса невесты из дома на руках также указывает на «акт насилия, лежавший в основе древнего мордовского брака» [Там же].

В основе обряда прощания с девичеством лежали оплакивание и причитания невесты, которые начинались с первой ночи после назначения дня свадьбы. Так, в Казанской губернии, согласно обряду, «помолвленная девушка всякий день со свадьбы собирала у себя подруг и с ними плакала... вой и вопли невесты бывали нестерпимы» [Там же, с. 102].

Одним из важных обрядовых действий накануне свадьбы у мордвы было посещение невестой бани, так называемая девичья баня. По свидетельству М. Е. Евсевьева, для мордвы это был сравнительно новый обряд, заимствованный, по-видимому, от русских⁶. Посещение бани невестой также сопровождалось причитаниями. В них невеста давала наказы своим родным: отцу — купить на базаре доски для гроба, матери — испечь поминальные блины, другим родственникам — сделать мерку для гроба, собрать родных на поминки. Таким образом невеста приравнивала свое будущее замужество к смерти [Майнов, с. 124].

Второй этап заключения брака составлял непосредственно свадьбу (прощание с косой, родительское благословение, венчание, приезд в дом жениха или невесты, привоз приданого, перемена головного убора; брачная ночь). Свадьба, как в доме жениха, так и в доме невесты, начиналась с приготовления обрядовых блюд. Предметно-атрибутивная часть ритуала оформляла обряд внешне и наполняла его смыслом, философией крестьянской жизни, соединяя воедино материальную и духовную культуру⁷. Каждый момент свадьбы продумывался до деталей. Например, чтобы у будущей матери было молоко, одновременно со свадебными пирогами пекли пироги, по форме напоминающие женскую грудь — «одирвань потть» («груды молодушки»), гладкие, без украшений, начиненные творогом и яйцами.

В назначенный день свадьбы в доме жениха формировался свадебный поезд, состав его участников четко устанавливался, согласно обычаям. В конце XIX — начале XX в. поезжане представлялись родителям невесты «купцами», приехавшими «купить» невесту. Этот обычай ярко отражал распространение брака-купли как основной формы заключения супружеского союза. Элементы торговли и одаривания сопровождали каждый этап отношений между сторонами жениха и невесты (вхождение в дом, получение места за столом и др.). Перед тем как ехать за невестой, отец жениха совершал домашнее моление и благословлял сына хлебом (символом достатка, жизни) и иконой. Майнов отмечал, что ему «ни разу не случалось слышать, чтобы мать благословляла когда-нибудь сына...» [Майнов, с. 136]. Символично благословение невесты, во время которого девушка просила прощения у родителей. Исследователь сделал предположе-

ние, что это связано с ранее бытовавшим обычаем, обусловленным самовольным уходом невесты из родительского дома, «самокруткой» [Там же, с. 138].

Встреча жениха у дома невесты сопровождалась ритуальным преграждением входа в ворота ее дома (пережиток ранее бытовавшей формы брака увозом). В этом обряде прослеживалась реминисценция истории мордовского народа, долгое время боровшегося с золотоордынским, а затем казанско-ханским господством, и сопротивлявшегося похищению татарами мордовских женщин и девушек⁸. Неслучайно жених и его поезжане представлялись невесте ногайцами. Так, невеста причитала: «Ногайцы приехали, башкиры! Их полная изба, не могу я с ними говорить, не знаю их языка...» [Майнов, с. 125].

Со встречи свадебного поезда и до завершения обряда обручения голову невесты покрывала фата. Смысл этого обычая также сводится к бытовавшему ранее умыканию, наложению социального табу (стремлению отделить невесту от родни мужа) и характеристики его как криптического обряда, т. е. обычая, скрывающего, защищающего от сглаза, или порчи⁹. Согласно обычаю, «убранную» невесту «во всю мордовскую сряду» из родительского дома должны были вынести к свадебному поезду на руках ее братья или кто-то из ближайших родственников жениха. При этом невеста «всячески отбивалась от несущих, щипалась, царапалась и т. п.» [Майнов, с. 138]. У мордвы Нижегородского уезда существовал обычай, согласно которому невеста при выносе ее из дома должна была трижды хвататься за дверной косяк [Там же]. В основе этого обычая также лежат отголоски брака увозом. В современной интерпретации это означает, что чем сильнее невеста оказывала «сопротивление», тем более прославляли ее ловкость, увертливость и любовь к родительскому дому [Там же, с. 139].

Во время совершения обряда венчания свекровь раздавала всем участникам свадебной церемонии красные яйца — символ плодородия [Там же, с. 132]. После обряда невесту, накрытую «попоняхой», сажали вместе со свекровью, дружкой и свахой; жених в это время украдкой выходил из церкви, «садился в первую попавшуюся телегу и мчался...» до дома, прятался у кого-нибудь из соседей, «зарывался в сено или садился в угол курятника» [Там же, с. 132 — 133].

У ворот дома жениха новобрачная зажигала «отцово благословение — штатол», чтобы «со своим светом войти в чужой двор» [Там же, с. 133]. Невесту встречала родственница жениха, одетая поверх праздничного наряда в шубу, вывернутую мехом вверх; обсыпала молодую хмелем, являвшимся символом достатка и плодородия.

Вечером, когда гости расходились, начинали искать «молодого» и, найдя, вели его в амбар к «молодой», говоря при этом: «Вот тебе волк!» [Там же, с. 134]. Утром, по древнему мордовскому обычаю, стучали в дверь амбара поленом со словами: «Свыкайтесь, свыкайтесь!» [Там же]. Один из старших членов семейства ударял со всего размаха по стене выше дверного косяка, оставляя на ней зарубку. Она символизировала появление нового члена семейства, и каждая женщина имела свою зарубку [Там же, с. 119].

На другой день брака молодая приносила жертву богиням Баняве и Ведяве, «кладя первой под банный полог, а второй, кидая в реку, — деньги, холст, хлеб и соль» [Там же, с. 135]. Так как Ведява была также богиней деторождения, то новобрачные молились ей о даровании детей: «...оба новобрачных, тайно от всех... ходили на реку и бросали в жертву Ведьазыраве хлеб, соль, говядину и холст...» [Там же].

Третий, послесвадебный, этап включал в себя обряды очищения, имянаречения и надевания волосника. Так, по свидетельству Майнова, во всех «местностях, населенных мокшею», существовал обряд «выхода молодой на реку» — обряд очищения. Как правило, после «выхода на реку» следовал обряд имянаречения. Свекровь давала молодой новое имя, называя ее или «Ветшай» (Любезная), или «Мазай» (Красивая), или «Павай» (Счастливая) и т. д. На шестой неделе после замужества старшая в доме женщина надевала невестке на голову женский убор, символизовавший замужнюю женщину, — волосник. Надевание волосника происходило согласно следующему обряду: старшая в доме женщина влезала на крышу, открывала в крыше «хайло» для пропуска дыма и через него подавала молодой волосник со словами: «бабынкэ сэ преаса путняз — тэтэ путняма мэръгасът» («бабушки-предки такую надевали — тебе надеть приказали»).

«Свадьба — цепь», «свадьба сковала — никто не может расковать» — в этих и в других пословицах мордва выражала свой взгляд на «полную невозможность расторжения брака» [Там же, с. 149], в отдельных случаях предпочитая лучше «устроить худой мир», чем прерывать отношения.

Таким образом, «Очерк юридического быта...» В. Н. Майнова стал фактически первым монографическим исследованием, в котором свадебная обрядность мордовского народа представлена наиболее полно. Рассматривая свадебный обряд, автор уделил особое внимание национальным предпочтениям в выборе спутника жизни, возможности существования у мордвы добрачных отношений, возрастным и социальным ограничениям брачующихся, подробно описал каждый этап свадебного обряда.

Библиографические ссылки

¹ Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 103.

² Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве. Саранск, 2005. С. 10.

³ Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. Саранск, 2007. С. 57. Далее ссылки в тексте: [Майнов, с.]

⁴ Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. С. 10.

⁵ См.: Мокшина Ю. Н. Указ. соч. С. 76.

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-267. Арх. М. Е. Евсевьева.

⁷ См.: Рогачев В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор : (Ист.-этногр., мифол., регион. и язык. аспекты). Саранск, 2004. С. 280.

⁸ См.: Мокшина Ю. Н. Указ. соч. С. 98.

⁹ См.: Кагаров Е. С. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8. С. 163 — 164.

Поступила 26.03.2012 г.

УДК 39(=511.131)

А. Е. Загребин, В. С. Чураков

A. E. Zagrebin, V. S. Churakov

**ВКЛАД М. Т. МАРКЕЛОВА
В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ УДМУРТОВ***

**CONTRIBUTION OF M. T. MARKELOV
TO THE STUDY OF ETHNOGRAPHY OF THE UDMURTS**

Ключевые слова: М. Т. Маркелов, этнография, удмурты, полевые исследования.

В статье рассматривается деятельность известного финно-угроведа М. Т. Маркелова, направленная на организацию и проведение этнографических экспедиций к удмуртам в середине 1920-х — начале 1930-х гг.

Key words: M. T. Markelov, ethnography, the Udmurts, field studies.

The activity of well-known scholar in Finno-Ugric studies M.T. Markelov, directed toward organization and conducting of ethnographic expeditions to the Udmurts in the middle of 1920s — the early 1930s, is reviewed in the article.

Первые десятилетия советской власти — период активизации научной работы среди российских финно-угров, вместе с другими народами страны, включившихся в эксперимент по ускоренной модернизации «внутренней периферии». Финно-угроведение тех лет стало частью исследовательских инициатив, исходящих от местных краеведческих обществ и центральных научных учреждений, заинтересованных в сведениях об этнических традициях и степени проникновения в них инноваций.

Раннее советское финно-угроведение рассматривалось властью в качестве одного из научных направлений с особыми идеологическими задачами¹. Дело в том, что ученые часто являлись проводниками идей культурной революции. Еще одной функцией науки было определение количества и распределения этнических групп, актуализировавшейся при создании национально-территориальных автономий. Этнографам не могла не импонировать роль наблюдателя эволюции народов лишь в малой степени затронутых влиянием буржуазии. Власти хотели руководить процессом осовременивания и в этих условиях люди науки должны были принять предлагаемые темпы культурных изменений, переключая внимание с народных традиций на классы (даже там, где их не было). Вместе с тем значительный прирост эмпирических данных не позволял окончательно облечь их в жесткую оболочку свыше одобренных умозаключений.

Процесс национально-государственного строительства, развернувшийся в 1920-е гг. в форме автономизации населенных финно-угорскими народами областей

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования»).

России, нуждался в научном обосновании законодательных и административных решений советской власти. Вопросы коренизации управленческого аппарата, проведения границ автономий, взаимоотношений этнических групп и языковая политика стали сферой социальной активности этнографов. Примечательно, что идеологические задачи до времени не вступали в противоречие с интересами ученых, ощущавших поддержку их патриотических замыслов. Власти также не препятствовали открытому обсуждению проблем этничности и диалогу между различными течениями в этнологии.

Этнографические инициативы местных «просвещенцев» находили поддержку со стороны центральных научных учреждений и институтов власти. В течение двух первых советских десятилетий при содействии органов исполнительной власти на территории Волго-Уральского региона работали экспедиции Центрального музея народоведения, Института народов Востока, Института истории материальной культуры, возглавляемые известными учеными, среди которых выделяются имена Н. Я. Марра, Н. М. Маторина, М. Г. Худякова, В. П. Налимова и К. П. Герда². Ученые из московских и ленинградских научных центров не только выполняли сугубо научную миссию, но и способствовали укреплению этничности во вновь образованных восточно-финских автономиях. В те годы был собран богатый этнографический и фольклорный материал, лишь частично введенный в научный оборот, в силу наметившейся на рубеже 1920 — 30-х гг. тенденции к занижению роли этнографии и репрессивных действий по отношению к организаторам науки³.

Одним из ученых, много сделавших в эти годы для этнографического изучения удмуртского народа, был М. Т. Маркелов*, посетивший районы расселения удмуртов в 1925, 1930 и 1931 гг. Первое его знакомство в полевых условиях с традиционным бытом удмуртов Марийской и Вотской автономных областей было связано с началом работы Восточно-финской экспедиции, учрежденной при Центральном музее народоведения. Последующие исследования, проводившиеся членами экспедиции совместно с сотрудниками Ижевского музея местного края, охватили значительное число ёросов** Вотской автономной области, а также территорию проживания удмуртов в пределах Башкирской республики и Уральского края.

Михаил Тимофеевич Маркелов (10.02.1899 — 9.11.1937) родился в с. Синенькие Петровского уезда Саратовской губернии (ныне Петровского района Саратовской

* Далее биографические сведения приводятся по следующим публикациям: **Белицер В. Н.** М. Т. Маркелов (из воспоминаний этнографа) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Саранск, 1970. С. 15 — 25. (Тр. / НИИЯЛИЭ; вып. 3); **Мокшин Н. Ф.** Вклад М. Т. Маркелова в этнографическое изучение финно-угорских народов // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР: науч.-темат. сб. Саранск, 1973. Ч. 2. С. 119 — 132. (Сер. ист. наук); **Его же.** М. Т. Маркелов и этнографическое изучение финно-угорских народов // Этногр. обозрение. 1994. № 6. С. 130 — 136; **Его же.** М. Т. Маркелов — исследователь этнографии восточно-финских народов // К изучению жизни и творчества Кузубая Герда: сб. ст. Ижевск, 2002. Вып. 3. С. 60 — 67; **Кузнецов Н. С.** Из мрака... Ижевск, 1994. С. 107 — 110, 303 — 304; **Ковычева Е. И.** Жизненные ценности интеллигенции периода сталинизма: (На материалах переписки ученого М. Т. Маркелова и художников И. С. и Н. Я. Ефимовых) // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Иск-во и дизайн. 2006. № 12. С. 25 — 38.

** В период с лета 1929 г. по 11 марта 1934 г. административные районы Вотской (с 1932 г. Удмуртской) автономной области назывались «ёросами» (удм. ёрос 'район; округ').

области) в семье крестьянина-эрзи Т. К. Маркелова. По завершении курса духовного училища окончил четыре общеобразовательных класса Саратовской духовной семинарии. В 1918 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Саратовского государственного университета. В годы учебы особое влияние на М. Т. Маркелова в выборе будущего направления его исследовательской работы оказал преподаватель этнографии и фольклора Б. М. Соколов, под руководством которого М. Т. Маркелов познакомился с музейным делом, участвовал в работе этнографического семинара, выезжал в фольклорно-этнографические экспедиции. В 1922 г. увидела свет первая большая работа молодого ученого «Саратовская мордва», опубликованная в первом выпуске «Саратовского этнографического сборника», изданного Отделом национальных меньшинств Саратовского губернского исполнительного комитета под редакцией Б. М. Соколова. Через два года, в 1924 г., Б. М. Соколов был назначен директором вновь созданного в г. Москве Центрального музея народоведения — будущего Музея народов СССР*. Немногочисленный штат музея составили и некоторые из учеников Б. М. Соколова, в том числе М. Т. Маркелов, избравший объектом своего изучения преимущественно финно-угорские и отчасти тюркские народы Поволжья и Приуралья. Уже в 1925 г. под общим руководством Б. М. Соколова к работе приступила Восточно-финская экспедиция музея, этнологический отряд которой возглавил М. Т. Маркелов⁴. В период с 1 июля по 1 сентября отряд, в работе которого принимал участие удмуртский поэт и этнограф К. П. Герд, принятый в штат музея после окончания Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова, посетил различные районы Марийской и Вотской автономных областей⁵. В общей сложности участники экспедиции (Б. М. Соколов — руководитель, И. Я. Бондяков, Б. А. Васильев, М. И. Веткин, К. П. Герд, М. Т. Маркелов, М. Я. Феноменов) посетили около 100 населенных пунктов. Членами экспедиции по заранее составленным программам был собран богатый материал по духовной и материальной культуре марийского и удмуртского народов, сделано большое количество фотографий и фонографических записей. Часть собранного материала ныне хранится в личном фонде Б. М. и Ю. М. Соколовых в Российском государственном архиве литературы и искусства. В числе прочих документов в фонде представлена и рукопись М. Т. Маркелова «Краткий отчет о работах в разных пунктах Восточно-финской экспедиции под руководством Б. М. Соколова»⁶. Более 300 экземпляров различных материалов, собранных экспедицией, впоследствии были выкуплены К. П. Гердом для формирования этнографической коллекции Ижевского музея.

Деятельность М. Т. Маркелова была разносторонней. Например, когда в 1927 — 1928 гг. в удмуртской деревне Нижние Юри Большекибынской волости Можгинского уезда киностудия «Межрабпом-Русь» снимала художественно-этнографический фильм «Соперницы», в котором московские кинематографисты старались показать жизнь удмуртской деревни, большую помощь своими консультациями им оказал М. Т. Маркелов. Фильм был создан и оценен как одно из лучших произведений раннего советского кинематографа⁷.

* В 1948 г. фонды Центрального музея народоведения были переданы в Государственный музей этнографии, который вследствие этого был переименован в Государственный музей этнографии народов СССР, с 1992 г. — Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург).

В летние месяцы 1930 г. сотрудниками Центрального музея народоведения и Областного краеведческого музея было организовано совместное изучение этнографии удмуртов Вотской АО. В работе удмуртской экспедиции, которую возглавил заведующий финским отделом Центрального музея народоведения М. Т. Маркелов, участвовали сотрудница этого же учреждения В. Н. Белицер, заведующий Удмуртским областным музеем Г. Ф. Сидоров и московский художник И. С. Ефимов. Цели и задачи экспедиции были освещены в газетной статье ее руководителя⁸. В частности, предполагалось изучение хозяйства и общественных отношений в удмуртской деревне в разрезе советского строительства, а также специально по заданию секции докапиталистических формаций Института истории Коммунистической академии сбор сведений относительно «разложения родового общества удмуртов». В ходе работы, продолжавшейся три с половиной месяца, участники научной экспедиции посетили селения Малоपुरгинского, Можгинского, Шарканского, Дебесского, Балезинского и Глазовского ёросов Вотской АО. Был собран богатый материал по хозяйству и материальной культуре удмуртов, общественным отношениям и религиозным верованиям. И. С. Ефимов сделал более ста рисунков из быта удмуртов. Предварительные итоги экспедиции были освещены в статье В. Н. Белицер⁹. В 1931 г. в проспекте трудов экспедиции отмечалось, что «все собранные экспедицией материалы могут быть оформлены в количестве 20 печ. листов»¹⁰.

Вспоминая впоследствии о работе экспедиции, В. Н. Белицер писала: «Экспедиция присутствовала на многих, „даже особо важных“ ночных молениях, происходящих в священных рощах — „лудах“ и родовых „куалах“. Михаилу Тимофеевичу удалось записать сроки и назначения молений, тексты молитв, ритуал жертвоприношений, выяснить роль жрецов и т. д. Он всегда был почетным гостем на жертвенных обедах и неизменным участником веселых праздничных гуляний»¹¹. Знакомство с дневником М. Т. Маркелова, оригинал* которого в настоящее время хранится в его личном фонде в Мордовском объединенном республиканском краеведческом музее (Ед. хр. 3191/10), подтверждает правоту этих слов¹². В дневнике представлена уникальная информация о локальной традиции проведения в д. Верхние Юри современного Можгинского района и д. Средние и Нижние Юри современного Малоपुरгинского района Удмуртии праздника, по времени проведения соотносимого с Троицей. В тексте дневника название праздника не указано, однако современными жителями этого микрорегиона праздник называется Гырон быдтон — «Окончание пахоты»). Он описывался в сопоставлении с особенностями родовой организации местных жителей. Записи М. Т. Маркелова по содержательности можно сравнить со столь же подробным описанием локальной бытовой и религиозной традиций «удмуртов Варзятчинского края» (современный Алнашский район Удмуртии), которое было опубликовано в 1927 г. вятским историком П. Н. Лупповым¹³.

В летний полевой сезон 1931 г. М. Т. Маркелов, В. Н. Белицер и И. С. Ефимов вновь сосредоточили свое внимание на изучении этнографии удмуртов. Уже в конце марта доцент М. Т. Маркелов будучи заведующим отделом народов Урала и

* Дневник представляет собой фабричный блокнот небольшого размера (10 × 14 см), разлинованный в клетку. Записи сделаны простым карандашом. Полная страница включает по 14 строк текста. Рукопись содержит один рисунок и одну карту-схему. Авторская пагинация арабскими цифрами начинается с 6-го листа и указывает порядковые номера последующих.

Поволжья Центрального музея народоведения, обратился с письмом к председателю Удмуртского облисполкома Т. И. Иванову с просьбой оказать содействие в продолжении работы сотрудников музея по этнографическому изучению удмуртов Вотской АО и удмуртов, проживающих за пределами области в Уральском крае и Башкирии. Приехав в г. Ижевск 1 июня, ученый выступил с докладом перед местными научными работниками и учителями, в котором рассказал об итогах экспедиции 1930 г.¹⁴ Непосредственно в Удмуртии в 1931 г. этнографический отряд Центрального музея народоведения изучал удмуртов западных и северо-западных ёросов области: Селтинского (с. Селты, д. Гора-Селты), Юкаменского (д. Чурашур, Останопиево, Усть-Лекма, Шамардан, Абашево), Ярского (д. Кушманская, Мосеево) и Понинского (д. Золотарево). О ходе работы экспедиции ее участники сообщали в местной периодической печати¹⁵.

На фоне про шумевшего на всю страну «Лудорвайского дела»¹⁶ проявленный членами экспедиции интерес к «пережиткам» в быту удмуртов вызвал явно негативный отклик властей Удмуртии. В 1931 г. М. Т. Маркелов, Г. Ф. Сидоров и В. Н. Белицер опубликовали сборник «Удмурты»¹⁷, подвергшийся критике в местной печати. В печати появилась статья В. Зеленцова, в которой в резкой форме изобличался «ненаучный» характер экспедиции. В частности, автор писал: «Задача научной экспедиции в том, чтобы всю работу подчинить целиком интересам социалистического строительства, дать марксистско-ленинское описание действительности... А политичное изучение и освещение хозяйственной и культурной жизни как прошлого, так и настоящего, где вопросы рассматриваются вне связи с классовой борьбой, нужно признать не только не допустимыми, но и вредными»¹⁸. Как справедливо отмечает Н. Ф. Мокшин, этот пасквиль, возможно, охладил энтузиазм членов экспедиции и монографическое исследование так и не было опубликовано. Очевидно, по той же причине и в статьях («Этнографическое изучение удмуртов» к десятилетию Вотской автономной области¹⁹ и «О пережитках родового строя в современном быту удмуртов»²⁰), в которых М. Т. Маркелов использовал экспедиционные материалы, основное внимание было сосредоточено на описании положительного влияния советских преобразований на быт удмуртских крестьян, тогда как описание «досоветской» традиции было сведено к минимуму (при этом последняя статья носит на себе явный отпечаток соответствующего редактирования). Собранные полевые материалы в последующем использовала В. Н. Белицер²¹.

На протяжении всей своей недолгой жизни М. Т. Маркелов помимо музейной, экспедиционной и педагогической деятельности принимал самое активное участие в работе разнообразных этнографических комиссий и конференций, публиковал статьи и рецензии, издал ряд популярных брошюр. Особо следует упомянуть его работу «Системы родства у угро-финских народностей»²², в которой, в том числе на примере удмуртской терминологии родства, дана взвешенная критика поисков профессором И. Н. Смирновым следов «коммунального брака» у волго-камских финно-угров.

Однако воплотить большинство своих замыслов, среди которых помимо предполагавшегося комплексного описания быта современной ему удмуртской деревни, было издание исследований «Песни мордвы», «Одежда мари-черемис», разработка увлекшей его в сибирской ссылке темы «Рабство в Сибири в XVII — XVIII вв.», М. Т. Маркелову было не суждено. 14 января 1933 г. он был арестован по обвинению

в участии в националистической контрреволюционной организации «СОФИН», сконструированной усилиями следователей Нижегородского ОГПУ²³. Решением Коллегии ОГПУ в июле 1933 г. М. Т. Маркелов был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, вскоре замененных пятью годами административной ссылки в г. Томск.

С 1934 по 1937 г. М. Т. Маркелов являлся доцентом Томского государственного университета и директором университетского этнолого-археологического музея. Срок высылки должен был закончиться в январе 1938 г., но 27 октября 1937 г. М. Т. Маркелов вновь был арестован и уже 9 ноября того же года постановлением «тройки» УНКВД по Новосибирской области приговорен к расстрелу. Жизнь его прервалась 9 (по другим данным 16) ноября 1937 г. В 1956 г. ученый, внесший большой вклад в советское финно-угроведение и становление этнографического изучения удмуртов, был реабилитирован.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Загребин А. Е., Куликов К. И.** Советское финно-угроведение 1920-х — начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX вв. Тарту, 2011. С. 149.

² См.: **Чураков В. С.** Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20-е — 30-е гг. XX в. // Ежегодник финно-угор. исслед. 2010. Вып. 2. С. 102 — 115.

³ См.: **Загребин А. Е.** Этнографические материалы 1920 — 1930-х гг.: к проблеме источников по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 6. С. 255.

⁴ См.: **Бахтина В. А.** Восточно-финская экспедиция Б. М. Соколова // Народные культуры Русского Севера: материалы рос.-фин. симп. (3 — 4 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 40 — 45.

⁵ См.: **Ермаков Ф. К.** Кузубай Герд: (Жизнь и творчество). Ижевск, 1996. С. 51.

⁶ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 3066.

⁷ См.: **Федорова И. М.** Фильм «Соперницы» как этнографический источник: обзор и анализ // Связующая нить этнокультуры: сб. ст. Ижевск, 2009. С. 193 — 199.

⁸ См.: **Маркелов М. Т.** Экспедиция Центрального музея народоведения по изучению быта удмуртов // Ижев. правда. 1930. 3 июня.

⁹ См.: **Белицер В. Н.** К работам этнографической экспедиции Центрального музея народоведения (Две недели работы в Вотобласти) // Там же. 25 июня.

¹⁰ См.: Удмурты: проспект тр. этногр. экспедиции Центр. музея народоведения и Вотского обл. музея. М.; Ижевск, 1931. С. 68.

¹¹ **Белицер В. Н.** М. Т. Маркелов (из воспоминаний этнографа). С. 22.

¹² См.: **Чураков В. С.** Экспедиционный дневник М. Т. Маркелова — новый источник по этнографии удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2008. № 1. С. 94 — 110.

¹³ См.: **Луппов П. Н.** Из наблюдений над бытом удмуртов Варзи-Ятчинского края Вотской автономной области // Тр. науч. о-ва по изучению Вотского края. Ижевск, 1927. С. 81 — 114.

¹⁴ Институт: история и современность: К 70-летию Удмурт. ин-та ист., яз. и лит. Урал. отд. Рос. акад. наук. Ижевск, 2001. С. 371.

¹⁵ **Белицер В. Н., Чирков.** Работа этнографической экспедиции в УАО // Ижев. правда. 1931. 21 июля. С. 4.

¹⁶ См.: **Родэн Д.** Лудорвайское дело. М.; Л., 1929; **Куликов К. И.** «Лудорвайское дело» и «Великий перелом» в Удмуртии // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917 — 1937 гг. Ижевск, 1991. С. 109 — 169.

¹⁷ См.: Удмурты. 63 с.

¹⁸ **Зеленцов В.** Культурническая прогулка или научная экспедиция? // Ижев. правда. 1931. 28 июля.

¹⁹ См.: Этнография. 1930. № 4. С. 71 — 80.

²⁰ См.: Совет. этнография. 1931. № 3 — 4. С. 59 — 69.

²¹ См.: **Белицер В. Н.** Народная одежда удмуртов : (Материалы к этногенезу). М., 1951. 142 с. (Тр. / Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер. ; Т. 10)

²² См.: Этнография. 1928. № 1. С. 44 — 78.

²³ См.: **Куликов К. И.** Дело «СОФИН». Ижевск, 1997. С. 236.

Поступила 31.01.2012 г.

УДК 39(=511.151)

Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов, А. А. Иванов

G. N. Ayplatov, A. G. Ivanov, A. A. Ivanov

ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МАРИЙЦЕВ В 20 — 30-х гг. XX в.

STUDY OF MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE OF THE MARI PEOPLE IN THE 20 — 30s OF THE XX CENTURY

Ключевые слова: мари́йцы, история, этнология, материальная культура, духовная культура, Марийское общество краеведения.

В статье рассматриваются основные направления в изучении материальной и духовной культуры мари́йского народа в 20 — 30-х гг. XX в., а также вклад Марийского общества краеведения и активных его деятелей в исследование проблем истории и этнографии мари́йцев.

Key words: the Mari, history, ethnology, material culture, spiritual culture, the Mari society of local history.

The main directions in the study of material and spiritual culture of the Mari people in the 20 — 30s of the XX century, as well as the contribution of the Mari society local history and its active figures to the study of the problems of history and ethnography of the Mari people are analyzed in the paper.

20 — 30-е гг. XX в., называемые «золотым десятилетием» советского краеведения¹, занимают особое место в истории изучения материальной и духовной культуры мари́йского народа. Это было время интенсивной организации в Марийском крае первых научных очагов, поисков наиболее целесообразных форм и методов исследовательской работы, борьбы за быстрое развитие историко-краеведческих изысканий на новой методологической основе, подготовки научных кадров из коренного населения, распространения краеведческих знаний среди трудящихся.

В 20-х гг. XX в. заметно усилился интерес к истории народов, расширился круг лиц, занимавшихся историческим краеведением, наметились шаги к организационному

оформлению краеведческой работы как массового научно-исследовательского и общественного движения. Образование Марийской автономной области в 1920 г. создало условия для организационного оформления этой работы. В 1923 г. в г. Краснококшайске было создано организационно неоформленное Марийское областное общество краеведения, основателями которого стали местные краеведы-любители и общественные работники. В первые годы существования общество испытывало трудности из-за отсутствия материальной базы и средств, подготовленных кадров, а также навыков исследовательской работы. Деятельность общества строилась главным образом на энтузиазме и инициативе его членов. Вскоре оно было вынуждено прекратить существование.

27 апреля 1926 г. состоялось учредительное собрание по организации Марийского общества краеведения². Как полноценное учреждение оно начало свою деятельность в 1927/28 бюджетном году. Марийский областной исполнительный комитет принял общество на специальный бюджет. Кроме того, ежегодные субсидии выделял народный комиссариат просвещения РСФСР. С этого времени началась систематическая и планомерная деятельность Марийского общества краеведения.

Вначале оно было малочисленным. Его членами-учредителями были следующие известные деятели: В. А. Мухин, В. М. Васильев, А. В. Спасский, Е. П. Ермаков, М. В. Пайбердин, М. Н. Янтемир, М. И. Веткин, М. И. Коротков, А. С. Воздвиженский, П. К. Карпов. На учредительном собрании, в котором участвовало около 50 человек, был утвержден устав общества, зарегистрированный 29 мая в административном отделе облисполкома. В бюро общества были избраны В. А. Мухин, Е. П. Ермаков, В. М. Васильев, М. В. Пайбердин, А. В. Спасский, кандидатами в члены бюро — М. Н. Янтемир, Е. Г. Тарасова, Д. Н. Китаев. Членами ревизионной комиссии были избраны А. С. Воздвиженский, М. И. Коротков, М. И. Веткин, кандидатами — А. К. Эшкинин, Д. Т. Федоров.

В октябре 1927 г. состоялось годовое собрание краеведческого общества, на котором было отмечено, что «до сих пор деятельность общества направлялась главным образом на собрание материала без их достаточно углубленной научной проработки», что «чувствовалась некоторая оторванность общества краеведения от других подобного рода организаций в соседних районах и республиках, а также слабая связь местного общества краеведения с центральным», что «необходимо принять меры к расширению деятельности общества не только на сам город Краснококшайск, но и на другие кантоны — в первую очередь на Козьмодемьянский»; что «необходимо начать подготовку к созыву совещания краеведческих организаций области, где были бы представлены и местные организации и группы»³.

Через год общество краеведения насчитывало всего 15 человек. О необходимости дальнейшего развертывания краеведческой работы и вовлечения в нее широких слоев трудящихся свидетельствовали следующие основные задачи в области краеведения: «1) Работу краеведческих организаций надо сдвинуть с мертвой точки. 2) Причины, препятствовавшие и продолжающие препятствовать краеведческой работе по настоящее время (отсутствие средств, недостаток подготовленных работников, слабая связь с плановыми организациями), должны быть устранены. 3) В работу краеведческих организаций необходимо вовлечь широкую массу, имея в виду, что крестьянские слои возможно вовлечь в научную работу, главным образом, через краеведение»⁴;

В первые годы деятельности общества плодотворную и активную работу вели М. Н. Янтемир, составивший подробное описание восьми кантонов области⁵; В. М. Васильев, изучавший историю возникновения марийской секты «Кугу сорта»⁶; Ф. Е. Егоров, посвятивший цикл статей древней и дореволюционной истории марийцев⁷; Т. Е. Евсевьев, внесший большой вклад в изучение этнографии мари⁸ и т. д. В процессе историко-краеведческой работы к обществу краеведения приобщилось все большее число представителей коренной национальности.

В 1927 г. на заседании общества были заслушаны доклады Т. Е. Евсевьева о марийской одежде, В. М. Васильева — о верованиях марийского народа и об обрядовой стороне секты «Кугу сорта». Здесь же была составлена программа для собирания этнографических сведений среди марийского народа.

Учебно-методический совет Марийского облоно в 1926/27 уч. г. издал «Описание Маробласти» М. Н. Янтемира. К книге был приложен список использованной литературы и карта Марийской А.О.⁹ Л. Горемыка, рецензируя книгу М. Н. Янтемира, назвал ее «фактом, крайне знаменательным», «единственным источником, по которому можно судить о современном состоянии Маробласти», «капитальной работой, посвященной выяснению положения народа мари в послереволюционное время», «документом, свидетельствующим о культурном росте самого народа». «Являясь пока что единственным наиболее обширным источником, по которому можно изучать современное состояние народа мари, — отмечал он, — „Очерк“ бесспорно заслуживает самого признательного внимания не только тех, кто интересуется бытом, нравом, экономикой и культурой мари, но всех тех, для кого положение национальных меньшинств после революции является одним из признаков, характеризующих наши достижения и недостатки на фронте строительства социализма»¹⁰. Здесь же рецензент подчеркнул, что М. Н. Янтемир сумел глубоко раскрыть суть многих сторон хозяйственно-бытовой жизни марийцев. Отметив некоторые недостатки и фактические неточности, Л. Горемыка высоко оценил книгу М. Н. Янтемира и выразил недоумение по поводу оценки, данной этой книге Н. Ф. Гусевым на страницах журнала «Марий Эл» (1929, № 1 — 2).

Через год появилась рецензия В. А. Мухина, который также высоко отозвался об этом издании. Он писал, что очерк является чрезвычайно ценным не только для краеведов и работников просвещения советских организаций и учреждений, но и для специалистов по всем отраслям народного хозяйства: агрономов, кооператоров, транспортников, строителей, рабочих «с точки зрения ориентировки при построении рабочих планов на основе местных условий и обстановки». Автор не только привел цифровые сведения, хотя бы даже иллюстрирующие «динамический рост всех сторон строительства области», он «стремился обосновать их в историческом, бытовом, перспективном и т. д. разрезах, что невольно заставляет пользующегося книгой над многими фактами не только „просто призадуматься“, но серьезно взглянуть в них, распознать, анализировать их, обобщать для новых выводов... Труд М. Н. Янтемира читается, благодаря своеобразной манере изложения, с живым неослабным интересом... Автор проявил максимум трудолюбия в сборе материалов и умение изложить их достаточно систематично». В то же время В. А. Мухин, сделав немало критических замечаний и постраничных уточнений по ряду вопросов, также отметил необъективный характер критики книги со стороны Н. Ф. Гусева: «касясь рецензии Гусева об этом очерке, я считаю тон ее неудоб-

ным, — писал он. — Что же касается замечаний Гусева, то их нельзя признать принципиальными и значительными»¹¹.

С первых лет советской власти краеведы обращали внимание на необходимость выявления и изучения археологических памятников Марийской АО. Ф. Е. Егоров — один из активистов краеведческого движения, отмечал, что Марийская область «богата памятниками древности, особенно археологическими — курганами, могильниками, городищами; также не редкость встретить в ее дремучих лесах стоянки и пещеры. Все эти памятники, кроме единичного случая, никем тщательно не обследованы, а между тем они с каждым годом гибнут и разрушаются как от действия самой природы, так от невежественных рук кладоискателей и других хищников»¹².

В июне 1926 г. члены общества принимали участие в работе экспедиции Центрального музея народоведения под руководством профессора Б. И. Соколова. С 1 июля по 15 августа того же года была организована научная экспедиция с целью сбора материалов по истории, археологии и этнографии марийцев, проживающих не только в Марийской АО, но и в пределах Татарской, Башкирской АССР и Уральской области. Ее работой руководили Т. Е. Евсевьев и В. М. Васильев.

В июле 1922 г. научные сотрудники общества краеведения В. М. Васильев и Ф. Е. Егоров провели осмотр археологических памятников, во время которого они зарегистрировали 20 курганов, 5 городищ и 1 пещеру¹³.

Из года в год росла численность членов общества, о чем свидетельствуют следующие данные: в 1927 г. оно насчитывало 50 чел., в 1928 г. — 90, а в 1929 г. — 609¹⁴, и это не считая 100 чел., объединяемых Марийским союзом охотников, вступивших в общество краеведения на правах коллективного юридического члена. Таким образом, за первые три года численность членов общества увеличилась в более чем 100 раз. Членами его были служащие государственных учреждений (80 %), работники просвещения (14 %) и учащиеся (6 %). Общество имело семь кантонных отделений в г. Козьмодемьянске и Звенигове и с. Торьяле, Сернуре, Мари-Туреке, Юрине, Оршанке. Кантонные филиалы строили свою работу в соответствии со специально разработанными программами и анкетами по изучению различных сторон жизни края, рассылаемыми областным обществом краеведения.

Краеведческие кружки были созданы и в школах, преимущественно в городских, при педагогическом техникуме в г. Йошкар-Оле, при сельскохозяйственном техникуме в с. Мари-Турек, а также при марийских землячествах, вузах г. Москвы, Ленинграда и Казани. Общество систематически заслушивало доклады, из них наиболее интересными были признаны следующие: «Марийское национальное движение на переломе (из истории революционного движения в Марийском крае в эпоху революций 1917 года)», сделанный доцентом Казанского университета М. Корбутом; «Марийская литература 1917 г.», с которым выступил аспирант Института народов Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) В. А. Мухин; «О жилищных условиях населения Маробласти», автором которого был член экспедиции по изучению зоба в МАО П. А. Мехоношин. После обсуждения доклады были опубликованы в печатном органе общества — «Марий илыш» («Марийская жизнь») и журнале облисполкома «Марий Эл».

Обществом были организованы две научные экспедиции: историко-этнографическая и лингвистическая. Работой последней руководил академик Н. Я. Марр. С

целью сбора краеведческого материала общество предоставляло своим членам научные командировки в разные районы Марийской АО.

Обществу удалось наладить издательскую деятельность. Результаты проделанных работ публиковались преимущественно в виде статей на страницах указанных журналов. Наряду с этим издавались отдельные монографии, преимущественно по этнографии и фольклору («Обряды и религиозные верования мари» М. В. Васильева); марийские сказки, легенды и предания («Злая красавица. Марийская сказка»), «Богатыри. Марийская народная легенда», «Отчего бледна луна и живуч марийский народ. Легенда», «Тихое озеро. Легенда» А. Риттера, изданные в Йошкар-Оле в 1928 г.) т. д.

Марийское областное общество краеведения в своей работе было тесно связано с местным краеведческим музеем в г. Йошкар-Оле, Центральным бюро краеведения, научно-исследовательским институтом народов Востока РАНИОН, Государственным гидрологическим институтом в г. Ленинграде, с краеведческими организациями соседних автономных республик и областей — Татарской АССР, Чувашской АССР и Вятской АО. Это, несомненно, плодотворно сказалось на деятельности Марийского общества краеведения¹⁵.

Таковы основные направления историко-краеведческой работы в 1920 — 30-х г. в Марийской АО. Следует отметить, что в массовой краеведческой работе были и недочеты. Во-первых, общество краеведения недостаточно привлекало в свою деятельность комсомольцев и учащуюся молодежь, поэтому неслучайно одной из первоочередных задач краеведения в 1929 г. было признано «доказать комсомолу, что борьба за хозяйственное и культурное возрождение края не будет достаточно успешной, если комсомол не будет знать всесторонне свой край, вовлечь комсомол в свои краеведческие ряды и опираться на него в своей массовой работе в деревне»¹⁶; во-вторых, оно слабо руководило работой кантонных филиалов (это было отмечено в постановлении Президиума Марийского облисполкома от 25 января 1929 г.); в-третьих, общество не имело тесной связи с Вятским научно-исследовательским институтом краеведения, образованным еще 3 февраля 1922 г. по инициативе группы научных работников.

Д. Н. Китаев в статье «Общие вопросы краеведения», формулируя основные задачи Марийского краеведческого общества, отмечал, что «развитие народного хозяйства в МАО с особой выпуклостью выдвигает на повестку дня вопросы краеведения; нормальное развитие народного хозяйства ставит в первую очередь изучение вопросов производительных сил экономики и самого человека. Без этого изучения мы не можем наметить перспективы дальнейшего строительства вообще»¹⁷. Обратив внимание краеведческого общества на необходимость и рациональное использование природных богатств края, автор одновременно подчеркнул важность исследования вопросов языка, литературы, истории и быта марийского народа с целью его приобщения к активному участию в социалистическом строительстве. «Эти вопросы, — писал он, — встают и должны вставать с особой настойчивостью в связи с проведением в жизнь национального вопроса... Втягивание трудящихся мари в социалистическое строительство выдвинуло и поставило вопрос о создании своей истории»¹⁸. В качестве основных задач исторического краеведения Д. Н. Китаев выдвинул следующие: охрана археологических памятников и курганов близ с. Юрино, Морки и Помары, от разрушения в результате любительских раскопок, производимых

кладоискателями; улучшение работы местного краеведческого музея по изучению археологических памятников и сбору вещественного материала; сохранение и реставрация зданий старинной архитектуры; привлечение широких слоев трудящихся к сбору краеведческого материала, охрана памятников истории и культуры и, наконец, создание научной истории марийского народа. Д. Н. Китаев писал: «Нужно прямо отметить, что писанную историю мы еще не имеем. Совершенно не изучены вопросы национально-революционного движения мари. Перед нами стоит задача с привлечением всех сил развернуть исследовательскую работу и сбор материалов по истории мари. В связи с вопросом по созданию истории особенно серьезное внимание мы должны уделить вопросам материальной культуры, что дало бы нам возможность заглянуть в глубь далекого прошлого мари»¹⁹.

В краеведческую работу включились школы. В частности, краеведческая деятельность была хорошо поставлена в Куженерской и Ронгинской школах, в Нартаском сельскохозяйственном техникуме²⁰. Интересная работа по историческому краеведению проводилась в Марисолинской школе первой ступени.

С 1928 г. общество краеведения стало создавать на местах отделения, филиалы и ячейки. С этой целью в Моркинский, Сернурский, Мари-Турекский, Торъяльский кантоны Марийской АО и соседние районы Татарской АССР выезжали В. М. Васильев и Ф. Е. Егоров. В селах были проведены собрания, основной целью которых являлось знакомство слушателей с задачами краеведческой работы, а также с инструкцией и программой сбора историко-этнографического материала.

Краеведы принимали деятельное участие в съемке кинофильма о марийцах, производимой киноэкспедицией «Вост-Кино» (г. Москва) под руководством П. Р. Приймака. Консультантами в процессе киносъемок были В. М. Васильев, Ф. Е. Егоров, Т. Е. Евсевьев и Ф. Д. Данилов. В различных селениях Моркинского, Звениговского и Козьмодемьянского кантонов были сняты языческие моления с жертвоприношением, марийская свадьба со всеми соответствующими обрядами и марийский пейзаж. Музей подготовил к изданию альбом образцов марийских вышивок, состоящий из 50 листов.

В 1928 г. Марийский облисполком выделил обществу краеведения 1 500 руб. Эти средства были использованы для организации научных экспедиций и издания краеведческой литературы, в частности, книги Ф. Е. Егорова «Материалы для истории мари» и У. Гольмберга «Мировоззрение марийцев».

В том же году в историко-краеведческой работе в качестве первоочередных были признаны следующие десять тем: революционное движение среди мари в 1905 — 1906 гг., участие марийских трудящихся в движении С. Разина, яфетическая теория и марийский язык, мифология марийского народа, влияние окружающих народов на мари, юринские раскопки и классовое расслоение марийской деревни²¹. Краеведческое общество на собрании, состоявшемся 24 февраля 1928 г., признало необходимым создать орган (помимо журнала «Марий Эл») для систематического освещения своих работ и провести в ближайшие годы областную краеведческую конференцию.

В 1929 г. Марийское общество краеведения разработало перспективный план научно-исследовательской работы в области изучения природных богатств, экологии, истории и культуры марийского народа²². Эти мероприятия были утверждены областным плановым отделом. План предусматривал разработку актуальных проблем истории края, в том числе изучение революционного движения среди мари, выявление, изучение и охрану памятников истории и культуры, изучение марийской литера-

туры, фольклора и музыки, остатков родового быта и обычного права марийцев. Кроме того, предполагалось изучение положения марийской женщины (брачного возраста, семейных и общественных условий ее жизни и т. п.); составление паспорта деревни в целях выявления и описания всех характерных черт населенных пунктов области, изучение «историко-географической номенклатуры» Марийской АО, названий марийских селений (по материалам местных говоров); подготовка к изданию подробной карты Марийской АО, составление библиографического указателя литературы о марийском народе с древнейших времен. Была поставлена задача изучения классов и групп в марийской деревне; «экономического ущерба», наносимого населению; отправления религиозных обрядов, как христианских, так и языческих; состояния охотничьего промысла и пчеловодства и их значения в крестьянском хозяйстве; проведения учета стоимости серебряных украшений мариек в связи с «реформированием» национальной одежды и др.

В феврале 1927 г. состоялся краеведческий съезд в с. Вятка, в мае 1928 г. — Всечувашский съезд краеведов. На них присутствовали представители Марийской АО: на первом — Т. Е. Евсевьев, на втором — Л. Я. Мендияров. На повестку дня был поставлен вопрос о созыве съезда краеведов Марийской АО. По этому поводу один из корреспондентов журнала «Марий Эл» писал: «Нам кажется, — что созыв съезда сейчас, как никогда, своевременен и необходим. Необходимость созыва Все-марийского краеведческого съезда вызывается не только объединением методической исследовательской работы в области, но и теми задачами, которые сейчас поставлены ходом событий перед исследовательскими силами МАО в отношении экономики и культуры Маробласти»²³. Съезд должен был определить основные направления массовой краеведческой работы в Марийской АО.

Итоги работы Марийского краеведческого общества были подведены на первой Марийской областной конференции общества краеведения, состоявшейся 25 — 28 января 1930 г. В конференции участвовало 70 человек. Был избран совет краеведческого общества. В бюро совета вошли семь человек: П. Е. Куклин (председатель), М. Н. Янтемир (отв. секретарь), Г. И. Пирогов, Н. М. Орлов, Н. Ф. Гусев, С. Ф. Стрелков, Я. Е. Кириллов. На конференции были обсуждены следующие вопросы: пятилетний план хозяйственного и культурного строительства Марийской АО (докладчик И. Г. Антюнин); состояние Марийского областного общества краеведения и его очередные задачи (П. Е. Куклин); краеведческая работа в учреждениях народного образования (Н. М. Орлов); организация научно-исследовательского учреждения в Марийской АО (А. Ф. Эшкинин); социально-бытовые и санитарные условия марийского населения по данным экспедиции (профессор В. В. Милославский) и т. д.

После обсуждения доклада А. Ф. Эшкинина участники конференции приняли резолюцию об организации научно-исследовательского учреждения в Марийской АО²⁴, которое было открыто в октябре 1930 г. (ныне — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл).

На первой краеведческой конференции Марийской АО была поставлена задача массового развертывания краеведческой работы. С этой целью в 1930 г. Марийское областное общество краеведения издало разработанную М. Н. Янтемиром «Программу описания деревни М.А.О.», рассчитанную прежде всего на сельских краеведов. «Общество считает, — говорилось в объяснительной записке к программе, —

что описание деревни, особенно когда оно будет проведено по всей Марийской области, явится весьма важной и полезной работой краеведа: выясняя все особенности деревни, района и всей области, оно окажет содействие делу строительства новой жизни»²⁵. Данный документ, нацеливал ученых на комплексное изучение истории, жизни и быта населения Марийской АО.

Большим событием в культурной и научной жизни области явилось открытие научных учреждений. Как ужк отмечалось, в 1930 г. был создан Марийский НИИЯЛИ. В октябре 1931 г. был открыт Марийский педагогический институт, которому в 1933 г. было присвоено имя Н. К. Крупской. Вначале институт имел четыре отделения (общественно-литературное, химико-биологическое, физико-техническое и политехническое), на которых обучалось всего 110 студентов. В 1933/34 уч. г. был открыт исторический факультет. В 1932 г. был образован лесотехнический (позже — политехнический) институт (ныне — Марийский государственный технический университет).

С 1930 г. в общесоюзном масштабе началась кампания по вовлечению в краеведческое движение как можно большего числа трудящихся и увязыванию его с задачами социалистического строительства. К сожалению, практическое осуществление новых веяний совпало по времени с тенденцией чисто административного руководства деятельностью краеведческих организаций, осуществлявшихся без учета их потребностей и реальных возможностей. Интерес краеведа к истории своего края и народа объявлялся стремлением «уйти в прошлое», «окопаться в тиши древних памятников и пыльных архивных хранилищ», поэтому в научной критике того времени появились необоснованные обвинения в адрес лиц, занимавшихся изучением истории, археологии и этнографии марийцев. Так, один из авторов журнала «М.А.О.» — орган Марийского научно-исследовательского института, областной плановой комиссии и областного бюро краеведения, характеризуя областное общество краеведения, писал: «В его прошлом мы замечаем попытки старых краеведов повернуть краеведение лицом к прошлому, не видя или даже отрицая настоящее. Одни из них (Егоров), идеализируя старое, воскрешали из гроба своих марийских князей, другие (Васильев) упорно проводили в своих работах идеалистическое мракобесие (религиозная секта „Кугу сорта“), третьи (Риттер) стремились заменить подлинное народное творчество фольклорным шарлатанством („марийские легенды“), наконец, были и такие, которые в музейной практике всячески избегали показать достижения социалистического строительства (Евсевьев)»²⁶. В обиход начали входить слова «безответственные учреждения», «прочная мысль», «белиберда», «гнилая интеллигентская дребедень». Опытные краеведы (Ф. Е. Егоров, В. М. Васильев, Т. Е. Евсевьев и др.) были объявлены вдохновителями и сторонниками «старого краеведения» и арестованы, а их труды названы «извращениями в краеведческом движении» и изъяты из общественного пользования.

В 1931 г. журнал «Марий Эл» был закрыт. Вместо него стал издаваться журнал «М.А.О. (Марийская автономная область)». Ответственным редактором был назначен В. А. Мухин, в редколлегию входили работники партийно-административного аппарата Эльчибаев, Никифоров, Власов, Андреев и Витте.

В 1934 г. Марийское общество краеведения, было преобразовано в Общество изучения МАО²⁷, объединившее все направления краеведческого движения под девизом «Без краеведения мы бессильны», которое пробуждало у широких трудящихся масс интерес к родному краю, изучению материальной и духовной культуры народа мари.

Итак, 20 — 30-е гг. XX в. в Марийском крае — время интенсивной организации первых научных организаций, поисков целесообразных форм и методов исследовательской работы, борьбы за развитие историко-краеведческих изысканий на новой методологической основе, подготовки научных кадров из коренного населения и возрождение широкого общественного интереса к краеведению, имеющему огромный воспитательный потенциал.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Шмидт С. О.** «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество : краевед. альм. М., 1990. Вып. 1. С. 11 — 27.
- ² ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 — 8.
- ³ См.: Марий Эл. [Краснококшайск]. 1927. № 10 — 12. С. 200 — 201.
- ⁴ Там же. 1928. № 7 — 8. С. 154 — 155 ; **Мухин В. А.** К задачам краеведческой работы // М.А.О. (Марийская автономная область). 1931. № 1 — 2. С. 88 — 92.
- ⁵ **Янтемир М. Н.** Описание Маробласти (с приложением списка населенных пунктов кантонов). Краснококшайск ; Йошкар-Ола. 1926 — 1929.
- ⁶ **Васильев В. М.** Марийская религиозная секта «Кугу сорта». Краснококшайск, 1928. 83 с.
- ⁷ **Егоров Ф. Е.** Ассимиляция народа мари с другими племенами // Марий Эл. 1927. № 7 — 9. С. 125 — 132 ; **Его же.** Древние насельники Марийской автономной области // Там же. 1928. № 11. С. 32 — 59 ; **Его же.** Очерк культурно-экономической жизни народа мари до XIX века // Мар. хоз-во. 1924. № 4. С. 124 — 129 ; **Его же.** Торговля народа марий // Там же. 1925. № 5. С. 114 — 117.
- ⁸ См.: **Евсевьев Т. Е.** Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. 1927. № 1 — 3. С. 108 — 115 ; **Его же.** Одежда марийцев // Там же. № 10. С. 25 — 154 ; **Его же.** Важнейшие моменты правового и обычного права марийского народа // Там же. 1928. № 5 — 6.
- ⁹ См.: Бюл. Госплана. 1927. № 3 — 4 ; Вятско-Ветлужский край. [Вятка]. 1927. № 3.
- ¹⁰ Марий ылыш. 1929. Вып. 1. С. 134.
- ¹¹ Там же. 1930. Вып. 2. С. 100, 108.
- ¹² **Егоров Ф.** Об учете, регистрации и охране археологических памятников древности : Инструкция для описания городищ, курганов, пещер и мелких случайных находок // Мар. хоз-во. 1924. № 5. С. 120 — 123.
- ¹³ См.: Марий Эл. 1928. № 11. С. 69.
- ¹⁴ См.: Марий ылыш. 1929. Вып. 1. С. 119.
- ¹⁵ См.: **Озеров П.** Краеведение в Марийской области: итоги обследования работы Марийского областного общества краеведения по поручению Центрального бюро краеведения летом текущего 1929 г. // Там же. С. 120 — 121.
- ¹⁶ Там же. С. 124.
- ¹⁷ Там же. С. 5.
- ¹⁸ Там же. С. 7.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: Мар. хоз-во. 1926. № 7 — 9. С. 225.
- ²¹ См.: Марий Эл. 1928. № 12. С. 108 — 109.
- ²² Там же. 1929. № 11 — 12. С. 55 — 57.
- ²³ Там же. 1928. № 7 — 8. С. 155 — 157.
- ²⁴ Марий ылыш. 1930. Вып. 2. С. 91 — 92
- ²⁵ См.: Программа описания деревни М.А.О. Йошкар-Ола, 1930. 36 с.
- ²⁶ М.А.О. (Марийская автономная область). 1931. № 1 — 2. С. 88 — 92.
- ²⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 — 11 ; Д. 37. Л. 1 — 30.

Поступила 12.03.2012 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.511.152

*О. Е. Поляков**O. E. Polyakov*ОБЩЕМОРДОВСКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННЫЕ
МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗTHE COMMON MORDOVIAN LANGUAGE AND MODERN
MORDOVIAN LANGUAGES: COMPARATIVE ANALYSIS

Ключевые слова: общемордовский язык, звуковая система, лексика, заимствование, морфология, синтаксис, предложение, подлежащее, сказуемое.

В статье анализируются звуковая система, лексика, морфология и синтаксис общего языка предков мокши и эрзи.

Key words: the common Mordovian language, the sound system, vocabulary, loan word, morphology, syntax, sentence, subject, predicate.

The sound system, vocabulary, morphology and syntax of a common language of ancestors of the Moksha and the Erzya are analyzed in the paper.

Общемордовский язык является языком мордовского народа до разделения последнего на две этнические группы — мокшу и эрзю. Он относится к волжской группе уральской языковой семьи. Язык древней мордвы не зафиксирован письменными источниками, однако, если использовать материалы мокшанского и эрзянского языков, диалектные материалы, данные других родственных языков, то его в определенной степени можно восстановить.

Согласно археологическим и лингвистическим данным общемордовский язык существовал с начала I до V — VII вв. н. э.¹ Носители общемордовского языка занимали обширную территорию: с севера на юг — от современного г. Нижнего Новгорода до лесостепи, с востока на запад — от р. Волги до р. Цны. Подтверждение этому можно найти и в языковых материалах². Так, от современного г. Нижнего Новгорода до лесостепи встречаются названия рек, озер, городов и деревень, которые по происхождению являются мордовскими, например: р. **Чуварлей** (**чувар** «песок» + **лей** «река»), г. **Арзамас** (**эрзянь** «эрзянский» + **мастор** «земля»), р. **Нелей** (**ине** «большая» + **лей** «река»), р. **Сарма** (**сар** «заболоченное место», этот корень содержится и в названии р. **Инсар**, г. **Саранск** и **Инсар**), р. **Вад** (**ведь** «вода») и др. На востоке территория проживания предков мордвы доходила до р. Волги (древняя мордва называла ее **Рав**). В Волгу впадает р. **Мордовка**. На берегу

Волги находится село с тем же названием. Здесь же расположены древние могильники **Мордовские Мары** (**мар** «бугор», «холм»). На западе территория проживания мордвы достигала р. Оки. Сегодня здесь не так уж много рек и сел, названия которых имеют мордовское происхождение (**Лашма** — **лашма** «низкое место», **Кадом** — **кадомс** «оставить», **Нарма** — **нор**, **нора** «луг» и др.). Названия типа **Каргале́й** (**карга** «журавль» + **лей** «река»), **Чиберле́й** (**цебяр** «хороший» + **лей** «река»), **Урляйка** (**ур** «белка» + **ляй** «река») и другие свидетельствуют о том, что древняя мордва занимала территорию современной Пензенской области. Названия мордовского происхождения встречаются и на территории современной Тамбовской области, например: **Алкужи** (**ал** «нижний» + **кужа** «поляна»), **Пичер** (**пиче** «сосна») и т. д.³

В древние времена мордва соседствовала с тюркскими племенами (IV в. н. э.), гуннами, булгарами (IX в. н. э.), хазарами (VII в. н. э.), татарами, чувашами, а с V в. — со славянами, что очевидно обусловило появление в мордовских языках соответствующих заимствований⁴.

Звуковая система. Современный мокшанский язык насчитывает семь гласных (**а, о, у, и (ы), э, ä, ъ**), эрзянский — пять (**а, о, у, и (ы), э**). В фонетической системе общемордовского языка было шесть гласных (**а, о, у, и (ы), э, ä**), которые встречались в первом слоге, в других слогах — только **у, и (ы), а**. Анализ звуковой системы других финно-угорских языков свидетельствует о том, что в общемордовском языке употреблялся гласный переднего ряда **ä**, например: м. **t'ä**, э. **t'э**, фин. **tämä** «этот»; м. **кäd'**, э. **кэд'**, фин. **käsi** «рука» и т. д. Однако в общемордовском языке, как и в эрзянском, нет гласного среднего ряда среднего подъема **ъ**. В мокшанском языке он употребляется, например: ***кандумс** > э. **кандомс**, м. **кандъмс**; ***с'изимс** > э. **с'из'имс**, м. **сиз'ъмс**.

В современных мордовских языках в настоящее время употребляются следующие согласные: в мокшанском — **б, п, м** (губно-губные); **в, ф** (губно-зубные); **т, т', д, д', ц, ц', с, с', з, з', н, н', л, л', Л, Л', ч, ш, ж, р, р', Р, Р'** (переднеязычные); **й, Й** (среднеязычные); **г, к, х** (заднеязычные); в эрзянском — **п, б, м** (губно-губные); **в, ф** (губно-зубные); **т, т', д, д', ц, ц', с, с', з, з', н, н', л, л', ч, ш, ж, р, р'** (переднеязычные); **й** (среднеязычный); **г, к, ч** (заднеязычные). В общемордовском языке насчитывалось 27 согласных: **б, п, в, м, д, т, з, с, ц, л, р, н, д', т', з', с', ц', л', р', н', ж, ш, ч, й, г, к, н'**.

В настоящее время в речи мокшан и эрзян редко употребляется твердая свистящая аффриката **ц**, в уральском языке-основе ее так же не было. В речи предков мордвы эта аффриката употреблялась в определенных формах, например: **кадомс** «оставить» — **кадса** (каца) «я его оставлю», **куд** «дом» — **кудоц** (кудыц) «его дом» и т. д. В общемордовском языке не было глухих сонорных. Они появлялись перед глухими согласными, чаще — перед **-т**, например: **мар** «бугор» — **мархт** «бугры»; **марь** «яблоко» — **марьхть** «яблоки»; **кал** «рыба» — **калхт** «рыбы», **каль** «ива» — **кальхть** «ивы»; **куй** «змея» — **куйхть** «змеи»; **лов** «снег» — **лофт** «снега», **кэв** «камень» — **кэфт** «камни». Процесс образования глухих сонорных и **ф** происходил следующим образом, например: ***куйит** > **куйт** > **куйхть**.

В речи древней мордвы в начале слова не употреблялись звонкие смычные и взрывные согласные. Эта древняя особенность сохранилась в речи мокшан Ковылкинского и Инсарского районов Республики Мордовия, например: **кавкстъмс**

«гавкнуть», **сойнамс** «шуметь», **шивой** «живой»; в мокшанском литературном языке — **гавкстомс**, **зойнамс**, **живой**.

В начале общемордовского слова не было сочетаний согласных. Они, как свидетельствуют диалектные и фольклорные материалы, появились относительно недавно. Так, у современной мордвы есть слова **пси** «горячий» и **стамс** «шить», но в диалектах — **писи**, **сустамс**. Не случайно в заимствованных словах начальные сочетания нарушаются: **срэда** > м. **сэр'ада**, э. **сер'еда** и т. д. Не было сочетаний согласных и в исходе общемордовского слова (между основой и суффиксом в наличии был гласный), например: **кудт** «дома», **саразсь** «эта курица» восходят к древним формам ***кудот**, ***саразось**. Общемордовское слово обычно имело следующую структуру: гласный + согласный + гласный + согласный или согласный + гласный + согласный + гласный.

Вероятно, в исходе общемордовских сложных слов употреблялись глухие согласные, например: **сарас** «курица», **вэнэш** «лодка»; в исходе односложных слов — звонкие, например: **куз** «ель», **кәж** «зло». Экспериментальный анализ, проведенный в фонетической лаборатории Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета свидетельствует о том, что мокшане и эрзяне в конце односложных слов произносят краткий гласный: **куз^ь**, **каж^ь**⁵.

Многие современные мокшанские и эрзянские сложные слова возникли из общемордовских словосочетаний, например: м. **калмоланга**, э. **калмоланго** «кладбище» от общемордовского **калмань ланга**.

Ударение в общемордовском языке падало в основном на первый слог слова (как и в современном мокшанском языке), например: **вәрма** «ветер», **күлу** «зола», **сбдамс** «знать». Если в первом слоге были гласные **у**, **и**, **а** в следующих — **а**, **ә**, они перетягивали ударение на себя, например: **вүдимс** «сеять» — **вид'ян** «я сею»; **үдумс** «спать» — **удат** «ты спишь»⁶.

Лексический состав. Общемордовский язык формировался на основе словарного состава финно-волжского языка-основы. Однако при этом в языке наших предков благодаря морфологическим и семантическим процессам образовывались и новые слова типа **урьва** «сноха» < **уре** «раб» + **ава** «женщина», **тонаши** / **тоначи** «загробный мир» < **тона** «потусторонний» + **ши** / **чи** «день» и т. д.

Многие современные сложные слова были образованы из словосочетаний, например: м. **щава** («бабушка (по матери)») > ***чиче ава** «старая женщина»; м. **щятя** («дедушка (по матери)») > ***чиче атя** «старый дед»; м. **кевгод** «печь» > ***кевонь куд** «каменный дом». Вероятно, много слов было образовано с помощью суффиксов **-кс**, **-кш**, **-ли**, **-ка**, например: **визькс** «стыд» < **виздемс** «стыдиться», **атякш** «печух» < **атя** «старик», **авака** «самка» < **ава** «женщина» и т. д.

Лексика общемордовского языка включила заимствования из иранского языка, например: **узерь** / **узере** «топор» < ***vazra** «молоток», **меш/мекш** «пчела» < **maksas** «муха», **кшни** «железо» < ***kardta** «нож», **сырне** «золото» < ***zarny**, **сяда** / **сядо** «сто» **sata** — «сто» и т. д. В мордовских языках насчитывается около двух десятков слов балтийского происхождения, например: **сура/суро** «урожай» < др. прус. **syrgne** «урожай», **пейль** / **пейель** «нож» < литов. ***peilis** «нож», **шна** / **кшна** «ремень» < литов. ***siksna** «выделенная кожа» и др. Тесные отношения древней мордвы с булгарами, по мнению Х. Паасонена, а также А. П. Феоктистова, повлия-

яли как на культуру, так и на язык мордвы⁷. К болгарским заимствованиям можно отнести, например, слова **сюма** «корыто» и **синдемс** «сломать». Известно, что в мордовских языках довольно много татарских и чувашских заимствований. В результате контактов со славянами, а позже с русскими в мордовские языки вошли целые пласты лексики славянского и русского происхождения.

Некоторые современные мокшанские и эрзянские слова, имеющие общий корень, в какой-то мере свидетельствуют о том, что существовал единый словарный фонд, например: **ава** «женщина», **аля** «мужчина», **ал** «низ», **лама** / **ламо** «много», **ащемс** / **аштемс** «находиться», **инзама** / **изамо** «борона», **кужа** / **кужо** «поляна», **пача** / **пачалксе** «блин», **пинем** / **пинеме** «овес». Однако в мордовских языках есть и разнокоренные слова, появившиеся в период самостоятельного развития мокшанского и эрзянского языков: м. **сембе** — э. **весе** «все», м. **кунара** — э. **умок** «давно», м. **уча** — э. **реве** «овца», м. **шалхка** — э. **судо** «нос», м. **оцю**, — э. **покш** «большой», м. **тракс** — э. **скал** «корова» и др. Как они возникли в мордовских языках? Во-первых, общие слова в одном из мордовских языков стали обозначать разные понятия, например: эрзяне для обозначения понятия «корова» используют слово **скал**, мокшане — **тракс**, в то же время для обозначения понятия «сливочное масло» мокшане употребляют сочетание **скал вай** «букв.: коровье масло». Во-вторых, для обозначения какого-то одного понятия входили слова из разных языков, например: для обозначения понятия «волна» в мокшанский язык вошло русское слово **волна**, а в эрзянский — татарское **толкун**. В-третьих, некоторые слова в мокшанском и эрзянском языках изменили звуковой состав, например: м. **пайге** — э. **баяга** «колокол», м. **шобда** — э. **чопода** «темный», м. **маця** — э. **мазя** «мелкий», м. **аф-кукс** — э. **алкукс** «действительно».

Морфология. В современных мордовских языках, как и в общемордовском, существует 3 склонения: определенное (основное), неопределенное (указательное) и притяжательное. Определенное склонение в других финно-угорских языках отсутствует. Неопределенное склонение в мокшанском языке имеет тринадцать падежей, в эрзянском — двенадцать. В общемордовском языке их было намного меньше. В основном формы мокшанских и эрзянских падежей очень близки, различия носят фонетический характер, например: именительный падеж — м. **куд**, э. **кудо** «дом»; родительный — м. **кудонь**, э. **кудонь**; дательный — м. **кудонди**, э. **кудонень**; отложительный — м. **кудта**, э. **кудодо** и т. д. Притяжательное склонение в мокшанском и эрзянском языках имеют довольно большие различия, например: именительный падеж — м. **кудозе**, э. **кудом** «мой дом», родительный — м. **кудозень**, э. **кудонь**; дательный — м. **кудозти**, э. **кудонень**. Как свидетельствуют материалы других родственных языков, более древней является эрзянская форма **кудо-м** (сравните: мар. **ола-м** «мой город», удмурт. **гурта-м** «в моем селе»). В общемордовском языке иначе звучали некоторые падежные формы, например: м. **куду**, **вели** — э. **кудов**, **велев** образовались из форм ***кудонг**, **веленг** (**веленг** > ***велей** > **вели**). В настоящее время в говорах приалатырской эрзи можно встретить слова типа **базаронг** «на базар», **кудонг** «домой» и т. д.

Не было в речи древней мордвы звательных форм (современное м., э. **ялгай** «друг мой» от **ялга** «друг»; м. **тядяй**, э. **авай** «мать моя» от **тядя**, **ава** «мать»). Эти формы вошли в мордовские языки из татарского.

В общемордовском языке несколько иными были глагольные формы. Современные формы м. **кундалень**, э. **кундавлинь** «поймал бы я»; м. **кандолень**, э. **кандовлинь** «принес бы я» образовались из древних форм ***кундай улень** и ***канды улень**; **кундамак / кундымик** — из ***кундаймак**, а **кундатьядязь / кундатадызь** — из ***кундатадайзь**. Современные формы желательного наклонения типа м. **суваксолень**, э. **совиксэлень** «я хотел было зайти» в общемордовском языке представляли собой сочетание ***сувайкс улинь** «букв.: заходящим был». Причастные формы **сокаф** и **видеф** в общемордовском языке звучали как **сокавт**, **видевт**, так они звучат теперь в эрзянском языке.

Степени сравнения в общемордовском языке образовывались без грамматических показателей, например: м. **сяда мазы** («более красивый»), э. **сехте мазы** («самый красивый»).

Синтаксис. В общемордовском языке употреблялись два типа простых предложений: с одним главным членом и с двумя главными членами (подлежащим и сказуемым). Наиболее употребительными являлись именные предложения, в которых не было глагольных форм, например: м. **Тя шуфтсь — тума**, э. **Те чувтось тумо** («Это дерево — дуб»). Очень много примеров подобных предложений в мордовском фольклоре, например: *Колма бугорго ветрянканзо. Печурать маласа мазы роцаньясь. Роцать кучкаса кудряв келуньясь* («На трех буграх ветрянки. Красивая роща у Печуры. В середине рощи кудрявая березка»).

В общемордовском предложении подлежащее, называющее конкретный, определенный предмет, располагалось всегда в начале предложения, например: *Кальсь цератненди ашезь кундав* («Рыбу парням не удалось поймать»); *Мялензон колазень ялгац* («Его желания разрушил друг») и т. д. Сказуемое в древности употреблялось в исходе предложения. Это подтверждают формы типа **ваныелень** («я был сторожем»), **пархтоleme** («мы были хорошими»), где **ваныелень** < **ваный улень**, **пархтоleme** < **пархт уleme** и т. д. В современных мордовских языках подлежащее и сказуемое могут находиться в начале, в середине и в конце предложения, например: *Тусть цератне вири кстыс; Цератне тусть вири кстыс; Тусть вири кстыс цератне.*

Можно предположить, что слова в общемордовском предложении стояли в определенном порядке, например: м. **акша ал**, э. **ашо ал** («белое яйцо»); м. **ала куд**, э. **ало кудо** («нижний дом»). Если слова поменять местами, сочетание приобретет другой смысл: м. **ал акша**, э. **ал ашо** («желток»), м. **куд ала**, э. **кудо ало** («место под домом»).

Что касается сложных предложений, то сначала появились сложносочиненные. Они образовались, видимо, от простых, следующих друг за другом предложений, например: м. *Сась кизось. Авась тусь велестонза* («Наступило лето. Женщина ушла из своего села»), стало: *Сась кизось, и авась тусь велестонза* («Наступило лето, и женщина ушла из своего села»). Вместо современных сложноподчиненных предложений в древности, возможно, употреблялась прямая речь, например: м. *Стирнясь марьгсь: — Сявомак мархтот* («Девушка сказала: — Возьми меня с собой»), стало *Стирнясь марьгсь, штоба сон сяволезе мархтонза* («Девушка сказала, чтобы он взял ее с собой»). Следует также отметить, что в мордовских языках сложные предложения развились под влиянием русских

сложных предложений. На это, в частности, указывает тот факт, что союзы в первых в основном русские. По структуре они также близки к русским: *И «юнкерссь» нозордавсь, бта ваясь варяс* («И „юнкерс“ рванул, будто в дыру провалился»).

Таким образом, сопоставительный анализ языка древней мордвы и современных мордовских языков показал, что фонетическая, лексическая и морфологическая системы последних в ходе эволюции претерпели незначительные изменения, синтаксис же развивался под влиянием русского языка.

Условные обозначения

др.-прус. — древнепрусский
литов. — литовский
м. — мокшанский
мар. — марийский
э. — эрзянский
удмурт. — удмуртский

Библиографические ссылки

¹ См.: **Поляков О. Е.** Общемордовский язык // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С.116.

² См.: **Поляков О. Е.** Мордовия многонациональная: взаимоотношения народов — взаимоотношения языков. Саранск, 1993. С. 10 — 12.

³ См.: **Поляков О. Е.** Атянь-атяньке и синь кяльсна. Саранск, 1991. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ См.: Современные мордовские языки. Фонетика. Саранск, 1993. С. 145 — 162.

⁶ См.: **Смирнов А. П.** Этногенез мордовского народа по данным археологии XV в. н. э. // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 334.

⁷ См.: Этногенез мордовского народа. С. 331 — 343.

Поступила 28.02.2012 г.

УДК 811.511.152.1`367.335.2

О. Ю. Цыплякова

O. Yu. Tsyplyakova

ПОРЯДОК КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

THE ORDER OF COMPONENTS OF THE COMPOUND SENTENCE IN THE ERZYA LANGUAGE

Ключевые слова: эрзя-мордовский язык, синтаксис, сложноподчиненное предложение, структура предложения, порядок компонентов.

В статье рассматривается порядок расположения компонентов сложноподчиненного предложения в эрзянском языке.

Key words: the Erzya Mordovian language, syntax, compound sentence, the sentence structure, the order of components.

The article is devoted to the order of components in the compound sentence of the Erzya language.

В семантическом отношении сложноподчиненное предложение (СПП) представляет собой интонационно-смысловое единство, так как выражает какую-либо определенную, законченную мысль и отображает определенное явление действительности. По грамматической структуре оно состоит из двух (или более) компонентов, двух (или более) предикативных центров, связанных между собой. Если нарушить эту связь, употребив каждую из частей отдельно, то распадется состав каждого компонента предложения. Все это свидетельствует о том, что составные компоненты исследуемых конструкций находятся в тесном диалектическом единстве и взаимосвязи. Они не являются отдельными предложениями, так как не обладают ни смысловой, ни структурно-грамматической, ни полной интонационной самостоятельностью.

В эрзянском литературном языке компоненты СПП связываются между собой специальными элементами, формальными показателями взаимосвязанности частей. Основными из них являются подчинительные союзы и союзные слова, в качестве сопутствующих основным выступают соотносительные слова, интонация, контактные слова (в присловных предложениях) и порядок расположения частей. На последнем элементе остановимся подробнее.

Порядок расположения компонентов сложного предложения (СП) как и порядок слов в простом предложении, является одним из способов выражения синтаксических отношений. Мордовские (мокшанский и эрзянский) языки допускают возможность изменения порядка компонентов, но более ограниченную, чем, например, русский язык.

В процессе исторического развития в мордовских языках различные типы придаточных компонентов заняли определенные локальные позиции по отношению к глав-

ному компоненту. В изъяснительных СПП порядок расположения компонентов относительно свободный. Поскольку при обычном порядке слов управляемое слово следует за стержневым, придаточные компоненты, управляемые сказуемыми главных компонентов, чаще следуют за главными, например: *Эзинь фатя, кода / Лов вельтизе прям, / Сормавскесэ кодавсь, / Ялгинеть, чамам*¹ («Не заметила, как / Снег покрыл мою голову, / Морщинками покрылось (букв.: сплелось), / Друзья, лицо»); *Федянь нись эзь чарькоде, мезде кортасть эзятне, котьмась каштом икеле ды шкань-шкань мизолдозь кайсесь вановтонзо сынст пелев*² («Жена Федора не понимала, о чем говорили эрзяне, суетилась у печи и время от времени бросала взгляд в их сторону»).

Если требуется привлечь усиленное внимание к мысли, выраженной придаточным компонентом, то он ставится перед главным, например: — *Кода бизныть мекитне, тон несак? Ярсамопель анокстыть теленень, — мерсь Прокопыч*³ («— Как жужжат пчелы, ты видишь? Еду готовят к зиме, — сказал Прокопыч»); *Ки вельти видечинть эйсэ, / Кадык свал кирди седейсэ: / А вельтяви видечись — / Келей, валдо сонзэ кись*⁴ («Кто скрывает правду, / Пусть всегда помнит (букв.: держит в сердце): / Не скроется правда — / Широкая, светлая у нее дорога»).

Придаточные компоненты, выражающие указанные отношения, также могут занимать интерпозицию, например: — *Ведявадонть тандадыть? — ды неезь, кода калтнень потмосто берек лангс овтокс чалгась крежа рунго асодавикс ломань, Уля венченмень озавсь*⁵ («— Ведявы (богиня воды) испугалась? — и, видя, как из ивняка на берег медведем ступил здоровый телом незнакомый человек, Ульяна присела в лодку»); *Константин Павлович наказась цёркатнень, штобу сын ковгак самозонзо авольть тукино, сонсь лиссь кудостонть, мерсь курохсто сан*⁶ («Константин Павлович наказал мальчикам, чтобы они никуда до его прихода не уходили, сам вышел из дома, сказал скоро придет»).

Атрибутивные придаточные компоненты всегда располагаются в постпозиции по отношению к контактному слову главного компонента, поэтому могут находиться внутри главного, например: *Верань вайгелезэ, конасонть сон ёвтнесь бригадань прятонть эрямодонзо, яла жойнесь цёранть пилесэ*⁷ («Голос Веры, которым она рассказывала о жизни бригадира, до сих пор звенел в ушах мужчины»); или после него: *Сон кода-бути прок полавтовсь, ульнесь аволь се Федякс, конань марто сон (Таня) ютавтызе од поранзо ды конань ильтякшнызе кавто иеде икеле армияв*⁸ («Он как-то словно изменился, был не тем Федей, с которым она [Таня] провела молодость и которого проводила два года назад в армию»).

В поэтической речи в целях соблюдения ритмомелодики между определяемым словом главного компонента и придаточным компонентом могут быть другие слова, например: *Се трёшникесь питней, кона честна добовазь*⁹ («Та копейка дорога, которая честно добыта»).

Придаточные места и времени могут находиться как в препозиции, например: *Косо кеняркиномо а маштыть, / Тосо уцяскав ойметь а раштыть*¹⁰ («Где радоваться не умеют, / Там счастливые души не рождаются»); *Зярдс сыль*

*тундонь мазый шкась, Ёга валске стяжиньль зоря ланга ды мартон капшиль вивев нармунень кунсолемо*¹¹ («Когда приходила красивая весенняя пора, Егор утром вставал на заре и со мной спешил в лес слушать птиц»), так и в постпозиции, например: *Таня валгсь штурвалонть экиштэ ды чиезь тусь икелев, косо Черников яла спорясь комбайнеронть марто* [Мартынов, 1977, с. 95] («Таня встала из-за штурвала и бегом побежала вперед, где Черников все спорил с комбайнером»); *Пек вечкелизь цёратне радионть кунсолемс чокшине ланга, зярдю прядьдлизь роботаст ды аштекинесть толбандя вакссо*¹² («Очень любили мужчины слушать радио вечером, когда заканчивали работу и отдыхали у костра»); реже — в интерпозиции, например: *Васоло-васоло, косо леесь менелентень токиль, таго аштесть тусто вирть ды крута чиреть* [Доронин, с. 296] («Далеко-далеко, где река соприкасается с небом, опять стояли густые леса и крутые склоны»).

Придаточные компоненты, выражающие причинные, целевые, условные и уступительные отношения, могут занимать по отношению к главному компоненту препозицию, например: *Штобу истямо покш хозяйствасо дисциплина кирдемс, талант эряви*¹³ («Чтобы в таком большом хозяйстве дисциплину держать, талант нужен»); *Бути тонсь берянят, парокс кияк а ловтанзат* [УПТМН, с. 173] («Если сам плохой, хорошим тебя никто не сочтет») и постпозицию, например: *Фима музгорди, мекс авазо эзь пиде кулага*¹⁴ («Фима ворчит, почему мама не сварила кулагу [жидкую мучную кашу, приготовленную в печи с калиной или с сушеными яблоками]»); *Бояронть управляющеезэ алтась тень тунда максомс кемень пондт суро, бути Инечис карман ракиа мельга якамо* [Ключагин, с. 20] («Управляющий боярина обещал дать мне весной десять пудов хлеба, если до Пасхи буду пасти (букв. ходить за) животных»).

Придаточные компоненты, выражающие сравнительные и следственные отношения, чаще всего находятся в постпозиции по отношению к главному компоненту, например: *Сэредькс сон [Сауш Алексеев] эзь маря, дивамодонть ансяк келес панжовсть сельмензэ, прок лакиведьсэ жойкадизь* [Доронин, с. 348] («Боли он [Сауш Алексеев] не чувствовал, от удивления только широко раскрылись глаза, словно кипятком облили»); *Ней шкась маней, пиземеть умок арасельть, секс теитне цитнить валдосто* [Абрамов, 1989, с. 139] («Теперь время ясное, дождей давно не было, поэтому звезды светят ярко»); редко — в препозиции: *Кода килейстэ од лопинесь прась, / Тонь эйстэ истя свежачись ёмась*¹⁵ («Как с березы молодой листок упал, / С тебя так свежесть пропала»).

Постпозиция придаточной части — характерная черта СПП с придаточными количественными (меры и степени) и образа действия, например: *Великой постонть прядовома малав авась истя берякадыль, натоу сельмензэ латкс прыльть*¹⁶ («По прошествии Великого поста женщина так худела, даже глаза в глубь уходили»); *Алашась зяро чоп а уски, зяро тон кандат сявдикс лангсо вейке чис* [Коломасов, с. 14] («Лошадь столько за день не перевезет, сколько ты перенесешь на горбу за целый день»); *Лиза ней ветясь прынзо истя, буту сынь вастовствь васенцеде*¹⁷ («Лиза теперь вела себя так, будто они встретились впервые»).

Таким образом, в эрзянском языке сложился определенный порядок расположения компонентов СПП. Однако по степени устойчивости порядка частей СП не-

однородны. Более устойчивым порядком компонентов характеризуются СП, в которых компоненты связаны союзами, и зависимый компонент относится ко всему содержанию главной части. В некоторых СПП (например с придаточными следствия) изменение порядка частей невозможно, так как оно приводит к изменению смысла высказывания.

Библиографические ссылки

- ¹ **Люлякина С.** Моронь гайть : стихть, сказт, морот. Саранск, 1982. С. 20.
- ² **Абрамов К.** Олячинть кисэ : роман. Саранск, 1989. С. 72. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, 1989, с.].
- ³ **Коломасов В.** Лавгинов : роман. Саранск, 1996. С. 180. Далее ссылки в тексте: [Коломасов, с.].
- ⁴ **Батыйкин И.** Валдаське : стихотвореният ды баснят. Саранск, 1981. С. 68.
- ⁵ **Доронин А.** Кузьма Алексеев : роман. Саранск, 2001. С. 173. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1989, с.].
- ⁶ **Мартынов А.** Тетятнень киява : повесть. Саранск, 1967. С. 92.
- ⁷ **Калинкин И.** Васоло ки лангсо : повесть. Саранск, 2000. С. 68.
- ⁸ **Мартынов А.** Розень кши : роман. Саранск, 1977. С. 188. Далее ссылки в тексте: [Мартынов, 1977, с.].
- ⁹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, кн. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967. С. 137. Далее ссылки в тексте: [УПТМН, с.].
- ¹⁰ **Журавлев Ч.** Арсемат ды ёжот : валмеревкст, стихть. Саранск, 1999. С. 305.
- ¹¹ **Ключагин П.** Цёканька : ёвтнемат. Саранск, 1997. С. 66. Далее ссылки в тексте: [Ключагин, с.].
- ¹² **Эркай Н.** Килей ведь : повесть. Саранск, 1969. С. 60.
- ¹³ **Брыжинский И.** Василинка : роман. Саранск, 1963. С. 32.
- ¹⁴ **Абрамов К.** Эрзянь цёра : роман. Саранск, 1971. С. 66.
- ¹⁵ **Моро А.** Тундо : стихть ды поэма. Саранск, 1959. С. 36.
- ¹⁶ **Брыжинский А.** Сув : повесть. Саранск, 1982. С. 8.
- ¹⁷ **Брыжинский А.** Оймень моро : повесть, ёвтнемат. Саранск, 1994. С. 190.

Поступила 07.11.2011.

УДК 811.511.152`373.211.1(470.345)

А. Н. Келина

A. N. Kelina

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА МОРДОВСКАЯ ПИШЛЯ РУЗАЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

INFORMAL NAMES OF THE INHABITANTS OF THE VILLAGE MORDOVSKAYA PISHLYA OF THE RUZAEVKA DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: неофициальное именование, прозвище, уличное имя, суффикс субъективной оценки.

В статье анализируются неофициальные именованья (прозвища) мордовского населения жителей села Мордовская Пишля Рузаевского района Республики Мордовия. Дается лексико-семантическая классификация лично-индивидуальных прозвищ.

Key words: informal name, nickname, street name, suffix, subjective estimations.

The paper analyzes the informal names (nicknames) of the Mordovian population of the village Mordovskaya Pishlya of the Ruzaevka District of the Republic of Mordovia. Lexical and semantic classification of personal-individual nicknames is given.

Известно, что кроме официальной фамилии, закрепленной юридически, почти каждая отдельно взятая мордовская семья имеет так называемое уличное имя, которое служит для выделения этой семьи из ряда других. Данное явление очень распространено в мордовских селах Республики Мордовия. Общее неофициальное именование охватывает всех членов семьи, например: семья Аверкиных — Аверькась (глава семьи), Аверька Маря (жена), Аверька Коля и Паша (сыновья) и т. д. Одни исследователи¹ уличные имена рассматривают отдельно от прозвищ, другие² — не разграничивают их. Мы также считаем, что грань, отделяющая уличное имя от прозвища, постепенно стирается, и они воспринимаются как прозвища.

Прозвище — это «дополнительное имя, даваемое человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии»³. Прозвища привлекают исследователей тем, что, как правило: 1) сохраняют мотивацию; 2) эмоциональны (в отличие от других классов собственных имен); 3) разнообразны по спектру семантических признаков, положенных в основу прозвищного именованья⁴.

Зафиксированные нами прозвища жителей с. Мордовская Пишля Рузаевского района Республики Мордовия представляют интерес в плане изучения их метафорического и словообразовательного разнообразия. Они разделены на несколько групп.

1. В основу прозвища положено личное имя, заимствованное из русского языка, например: **Акуль** — Акулина; **Андерькс, Андяпа, Андю** — Андрей; **Асю** — Ксе-

ния; **Алёнка** — Елена; **Арьша** — Арина; **Алду** — Евдокия; **Алёчи** — Алексей; **Анок** — Анна; **Белай** — Беляй (др.-рус. язык.); **Битю** — Дмитрий; **Болага**, **Полага** — Пелагея; **Больма** — Поля; **Бърькос**, **Бърьтя**, **Бърьгорь** — Борис; **Вала**, **Валой**, **Ольдем** — Володя; **Валята** — Валя; **Ванчѣк**, **Ванчер**, **Ванчерай**, **Ванькоф**, **Ваньжой**, **Ваньда**, **Чървань**, **Ванчър** — Ваня; **Васян**, **Василь**, **Васюр** — Василий; **Витляй** — Витя; **Грёна**, **Лёня**, **Лёняча** — Леонид; **Груня** — Агриппина, Аграфена; **Горь**, **Ягор** — Егор; **Гара** — Герасим; **Гостя** — Гостяй (др.-рус. язык.); **Гъня** — Игнатий; **Дарьма** — Дарья; **Дапъч**, **Дапѣ**, **Петро** — Петя, Пётр; **Дрянга** — Гавриил; **Дърьга** — Дрига (Гриша); **Дянгай** — Янгай (дохристиан. морд.); **Ефе** — Ефим; **Ёдор**, **Фода** — Федор; **Женягай** — Женя; **Зофа** — Софья; **Ильча** — Илья; **Иванта**, **Иваж** — Иван; **Ипка**, **Иптур** — Дмитрий; **Каман**, **Канапа** — Кантай; **Кукоян** — Николай; **Канор** — Никанор; **Кузѣк** — Кузьма; **Катерьма** — Екатерина; **Киря** — Кирилл; **Кольдерь**, **Кольба**, **Лялѣкоч** — Коля; **Ларѣкоч**, **Ларя** — Илларион; **Ласи** — Власий; **Луде** — Владимир; **Льпа** — Иппатий; **Мотя** — Матвей; **Милентий** — Милентий; **Морячка**, **Марян**, **Марьчу**, **Марьги**, **Маку**, **Марѣк**, **Маря** — Мария; **Мъштай**, **Мъшур**, **Миши**, **Пиша** — Миша; **Михал** — Михаил; **Микол** — Николай; **Ната** — Наталья; **Наста** — Настя; **Надѣж** — Надежда; **Оръги** — Георгий; **Проня** — Прокопий; **Пашатя** — Паша; **Потап** — Потап; **Санда** — Александр; **Савелич** — Савелий; **Сѣмти** — Семен; **Стѣпи** — Степан; **Старка** — Старка / Старко (др.-рус. язык.); **Сына**, **Шаня** — Саня; **Тола** — Толя; **Тита** — Тит; **Тимоч** — Тимофей; **Торпа** — Торопка (др.-рус. язык.); **Фици** — Физа; **Фъдул** — Феодул; **Чирькоп** — Черапа (дохристиан. морд.); **Шанжой** — Шонжава (Саша); **Яку** — Яков; **Ячи** — Яша. Сюда же можно отнести именование по женской линии, например: **Алю Ваня** — Эльва (дохристиан. морд.), **Анча Валяня** — Анна; **Агунтань Шурась** — Агафья; **Дарянь Полясь** — Дарья; **Дашка Вова** — Даша; **Лѣса Ваня** — Александра; **Ольгань Верась** — Ольга; **Паларя Володя** — Палю; **Петр**, **Параж Сѣма**, **Параша Даря** — Параша, Параскева; **Сѣмкаря Матя** — Семен + рясь «жена Семена» и т. д.

Иногда женское уличное имя заменяется производным от имени мужа, при этом добавляются морфема «**ръвья**» и формант определенности **-сь**, указывающий на конкретность лица, например: **Микижерясь**, **Микарясь** — Никифор + ря «жена Никифора»; **Осярясь** — Ося + ря «жена Оси»; **Питарясь** — Петя + ря «жена Петра»; **Симикарясь** — Серафим + ря «жена Серафима» и т. д.

Зафиксировано два наименования, обозначающих двойное имя — одно церковное, данное при крещении, другое — по паспорту, паспортное имя, например: **Нина-Маря** — Нина и Мария, **Яш-Паш** — Яша и Паша.

2. В основу прозвища положено слово тюркского происхождения, например: **Амай** < тюрк. Мамай или же Акмай < татар. *māмай* «сладости, сладкое»; **Абдул** < тюрк. < араб. Абдулла «раб Аллаха»; **Аблай**, **Абля** < тюрк. < араб. аб + -лай аффикс; **Баеч** < тюрк. бай «богатый, богач»; **Бата** < тюрк. батай «сгорбленный» или монгол. бата «твердый, крепкий»; **Батман** < тюрк. батман «мера веса»; **Башла** < тюрк. баш «голова, вершина; глава, вожак»; **Бъдой** < др.-тюрк. бод «тело, стан»; **Бътрай** < др.-тюрк. бутар «нити основы при выделке ткани»; **Забир** < тюрк. саб + ер ~ ир «муж, мужчина» или персид. забир < араб. дабир «твердый; сильный»; **Кася** < тюрк. < араб. касим «распределяющий, разделяющий»⁵, **Качкай** < тюрк. (башкир.)

Кач⁷кай — ласкательная форма собственного имени⁶; **Китуш** < тюрк. Китай⁷; **Орай** < возможно удмурт. Корай или к др.-тюрк. кор «убыток, ущерб»; **Салай** < тюрк. саям < араб. с⁸алам «привет, поклон»; **Салик** < тюрк. < араб. салик «идущий»; **Салма** < тюрк. < араб. салман «мирный» или тюрк. салма «голушка»⁸; **Сардай** < тюрк. Сардай⁹; **Ютай** < тюрк. < юрт «дом, здание, усадьба»; **Цямар** < тюрк. зямар < ямь + ар ~ эр ~ ир «мужчина; муж»; **Шишань** < тюрк. шишену «опухать, пухнуть, отекает»¹⁰.

Следует отметить, что такие именованья, как: **Зафар** < возможно, узбек. Зафар со значением «победа»¹¹, **Курка** < возможно, удмурт. Курка < курка «индюк» < тюрк.; **Чана** < возможно, удмурт. Чана < чана «галка»¹².

3. Прозвища с суффиксами субъективной оценки. В эту группу вошли как личные имена, образованные от личных имен, так и прозвища, которые образованы от нарицательных существительных с помощью русских суффиксов. Они потеряли уменьшительно-ласкательное значение и приобрели оттенок уничижительности/пренебрежительности. Основными носителями являются следующие форманты, например:

— исконно-мордовский суффикс **-ня**: **Архуня** — Аркадий; **Алёня** — Алена; **Аляксяня** — Алексей; **Борня** — Борис; **Ванёконя** — Ваня; **Валяня** — Валя; **Васяня** — Вася; **Гульманя** — Акулина; **Ильгяня** — Илья; **Лиданя** — Лида; **Ляпоня**, **Лепе** — Евсевий; **Матяня**, **Матя** — Матрена; **Марьяня** — Мария; **Пятаня** — Петя; **Просаня**, **Проса** — Прасковья; **Сёканя** — Фекла; **Стёпаня** — Степан; **Катоня** — ката; **Киськоня** — киське «кожа»; **Копаня** — копа «опухоль»; **Тувоня** — тува «свинья»;

— заимствованные из русского языка суффиксы, например: **-ушк**, **-юш** (**-юшк**), **-ошк**, **-шок**, **-ок**: **Андрюш** — Андрей; **Аннушка** — Анна, **Алдошка** — Евдокия; **Блюшка** — Полюшка; **Гаврюшка** — Гаврила; **Ванишок** — Ваня; **Порушка** — Пруса, Прасковья; **Пашок** — Паша;

— суффикс **-ка**: **Васька** — Вася; **Василька** — Василий; **Варка** — Варя; **Верочка** — Верочка; **Горка** — Георгий (Егор); **Дадика** — Дмитрий; **Зючка** — Зоя; **Мьярка** — Митя; **Оська** — Ося; **Петька** — Петр; **Сёмка** — Семен; **Улька** — Ульяна; **Шурка** — Шурка; **Яшка** — Яшка и т. д.

— суффикс **-чик**: **Тончик** — Тоня; **Кольчик** — Коля и т. д.

4. Прозвища, связанные с профессией или родом занятий, например: **Агрономсь** — агроном (работал агрономом); **Анциня Маруськась** — анцемс (просила подаяние); **Бачка** — бачка (возможно предки были священнослужителями); **Бровсь** — бурав (владел инструментом для сверления); **Калдун** — колдун; **Коновал** — коновал (выкладывал лошадей); **Лавошник Марясь** — лавочник (работала в магазине продавцом); **Моряксь** — моряк (служил моряком); **Медичкась** — медсестра; **Монашкась** — монашка (отпевала умерших); **Почтанясь** — (работала заведующей почтой); **Почта Верась** — почтальон (разносила почту); **Фильти** — фитиль (ложил печи) и т. д.

5. Прозвища, имеющие сопричастность с именами исторических лиц, деятелей культуры, науки и т. д. Иногда образ реально жившего известного человека становится метафорическим обозначением кого-либо. Наряду с метафорическими параллелями иногда наблюдается именованье — внешнее сходство, например: **Борма** — Борман, **Геболь** — Геббельс, **Гоголь** — Гоголь, **Калча** — Колчак,

Мичурин — Мичурин (ходил всегда в шляпе, как Мичурин), **Пушкин** — Пушкин (кудрявый, как Пушкин).

6. Прозвища, отражающие характер, привычки человека, например: **Азё** — от э. азё «иди» (эрзянка, жившая среди мокшан, часто употребляла это национальное слово); **Атяма** — атям (злой, как гром); **Баба** — баба (бабник); **Бъзгу** — бьзыга (суетливый); **Бъло** — (любил говорить русское слово было); **Босай** — (ходил босой); **Буржуй** — (имел буржуазные наклонности); **Вяшки** — вяшкомс (любил свистеть); **Гуй** — змея (злой); **Жулик** — (любил жульничать); **Заботлю** — (заботливый); **Зуну** — зюня (часто ходил грязный); **Карай** — карамс (любил копать); **Кафист** — кафолдомс (непоседа); **Калдорсь** — кальдерьдемс (очень много говорил); **Калоша** — (ходил в калошах); **Лодырь** — (лодырь); **Лайка** — лайка (любил ругаться); **Лъбън** — (любил насмехаться); **Лъпахай** — лъпнамс (ходил переваливаясь); **Потерянный** — потерянный; **Порись** — поремс (любил поест); **Покись** — покамс (трудолюбивый); **Святой** — (тихий); **Търгас** — (играл на гармонии, как бы дергая ее); **Тюрьте** — тюремс (драчун); **Хитрайсь** — (хитрый); **Шустрай** — (шустрый); **Шлюндерь** — (хвостун); **Шуфтонь Дарясь** — шуфтомомс (тихая, безобидная); **Цяфтай** — цяфамс (любил громко хохотать); **Шляпа** — шляпа (ходил в шляпе); **Эскусь** — эска (лез во все дела).

7. Прозвища, соотносящиеся с физическими недостатками человека, например: **Барабан** — барабан, **Боцька** — бочка (очень полный, с большим животом); **Горбон**, **Гарбан** — горб (горбатый был); **Немой** — немой; **Кептерь** — кошель (толстый); **Мокорь** — мокорь (толстый, как чурбак); **Нолафсь** — нолаф (будто облизанный); **Палкась** — палка (сухой, худой); **Похмель** — похмелье (всегда был с похмельем); **Перавсь** — перяв (глухой); **Поколь** — (на лице были наросты); **Таяк** — таяна (тихий); **Тарысь** — таромс (трястись); **Трактор** — трактор (крупный и сильный); **Храмойсь** — (хромой); **Чудра** — чудо (очень страшный, некрасивый). Сюда можно отнести прозвища, данные по внешнему признаку человека, например: **Бегай** — пегий; **Негра** — негр (из-за темной кожи); **Рыжай**, **Тюжась**, **Мазысь**, **Шямонь** — рыжий и т. д.

8. Прозвища, образованные от этнонимов, например: **Башкир** — башкир; **Каллык** — калмык; **Карейка** — корейка (или была замужем за корейцем), **Каря** — кратко от кореец; **Немец** — (много воровал); **Рузава** — русская; **Цыганочка** — смуглая; **Черкес** — черкес и т. д.

9. Прозвища-зоонимы, обозначающие сходства черт характера с животными, птицами, насекомыми и др., например: **Бька** — бык (сильный); **Бульдог** — бульдог (похож на бульдога); **Боранць** — баран (упрямый); **Куйгоз** — змея (имел змеиные повадки); **Керьси**, **Керьгата** — (с длинным как у дятла носом); **Нарвай** — клушка (заботливая); **Нумол** — (заяц, трусливый); **Пинень аннись** — пине + андомс «кормящий собак» (из армии приехал, его спрашивали: кем служил, он отвечал, а ему не верили и дразнили, ты, мол, собак там кормил); **Понжам** — муравей (заботливый, как муравей); **Тракс** — корова (полный); **Чавка** — галка (любил везде бродить); **Ярка Маша** — ярка «еще не ягнившаяся овца» (не выходила замуж, не имела детей) и т. д.

Несколько прозвищ такого рода имеют как исконный, так и русский вариант, например: **Вьръгаз**, **Волксъ** — волк; **Ката**, **Кошка** — кошка; **Коц** — кот; **Сява**, **Каза** — коза и т. д.

10. Прозвища — фитонимы, обозначающие связь с растениями, например: **Бебок** — бебок (завязь плода, побег, бутон); **Капста** — капуста (очень любил есть капусту); **Каньця** или **Канцёр** — конопляное семя (высокий, тонкий как конопля); **Чеснок** — (часто ел чеснок) и т. д.

11. Прозвища, соотносимые с продуктами питания, например: **Кика** — конфета (любила конфеты); **Булка** — булка (лицо было вытянутое); **Батон** — батон (напоминал телосложением) и т. д.

12. Прозвища, соотносимые с соматическими словами, например: **Бокън** — пупок (имел крупный пупок); **Куворь** — каворь «хрящ» (ходил сгорбившись); **Лёфки** — легкий (ходил легко); **Шама** — лицо (с крупным лицом) и т. д.

13. Прозвища, соотносимые с возрастом и родственной характеристикой человека, местом рождения или временного пребывания, например: **Атярясь** — (жена деда); **Буе** — (большая семья); **Дедась** — (дед); **Од эряй** — (новый житель); **Чужой** — (из другой деревни) и т. д.

14. Прозвища, обозначающие, каким по счету был рожден ребенок, например: **Пяток** — пятак (так часто называли пятого ребенка в семье); **Търятяк** — Третьяк (очень распространенное в старину не церковное имя. Им обычно называли третьего ребенка в семье, если это был мальчик)¹³ и т. д.

15. Прозвища-аббревиатуры, например: **Кидяз** — краткое от кие тяза? («кто тут?»); **Кикстонь** — кратко от кикс туф? («в кого пошел?»); **Котъль** — от числительного кота «шесть» (ел пироги, спросили: сколько съел? ответил: кота «шесть») и т. д.

16. Прозвища, этимология которых не ясна, т. е. признак, который лег в основу их наименования стерся или вовсе исчез, например: **Абушка** — (возможно, от уменьшительной формы имени Абашка — Абакум), **Бирот** (возможно, прозвали так из-за неряшливого вида), **Башла**, **Апой**, **Бънда**, **Барандай** (возможно, был маленького роста), **Вати Гори**, **Гарень**, **Дёдись**, **Дёбор**, **Жебей**, **Жобон**, **Запка**, **Заень**, **Кужул**, **Кишир** — (возможно, был озорником), **Кошмань**, **Кадоль**, **Коркма**, **Къларня**, **Лица** (возможно, от Лиза), **Мълькай** (возможно, от русского слова «мелькать»), **Опань**, **Палиш**, **Пипин**, **Чиле**, **Чалдон**, **Штуля**, **Штуця**, **Шичара** (возможно, от мордовского дохристианского имени Чичадей) и т. д.

Итак, на исследуемой территории основой прозвищ в большинстве случаев являются усвоенные от русских православные имена или заимствования из тюркских языков. Позитивные прозвища среди односельчан встречаются реже, чем прозвища, ассоциирующиеся с негативными характеристиками человека. Последние в основном имеют уничижительно-пренебрежительный оттенок.

Условные обозначения

- др.-рус. язык. — древнерусский языческий
- дохристиан. морд. — дохристианский мордовский
- тюрк. — тюркский
- татар. — татарский
- араб. — арабский
- монгол. — монгольский

др.-тюрк. — древнетюркский
персид. — персидский
удмурт. — удмуртский
узбек. — узбекский

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Ширманкина Р. С.** Неофициальные именованья у мордвы // Ономастика Поволжья : Материалы IV конференции по ономастике Поволжья. Саранск, 1974. С. 51 — 55 ; **Сурдин В. К.** Канонические имена и их деривационные варианты в мордовских языках // Современные проблемы мордовских языков. Саранск, 1991. С. 93 — 96. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 105).
- ² См.: **Никонов В. А.** Имя и общество. М, 1974. 278 с. ; **Харченко В. К., Черникова Е. М.** Лингвогенеалогия : Имя собственное в жанре семейных родословных. М. 2010. 192 с.
- ³ **Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 115.
- ⁴ См.: **Харченко В. К., Черникова Е. М.** Указ. соч.
- ⁵ См.: **Атаманов М. Г.** Удмурт нимбугор : слов. личных имен удмуртов. Ижевск, 1990. 396 с.
- ⁶ См.: **Халикова Р. Х.** Антропонимы в башкирских документах XVIII в. // Ономастика Поволжья : Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973. С. 113 — 114.
- ⁷ См.: **Мокшин Н. Ф.** Тайны мордовских имен. Саранск, 1991. 112 с.
- ⁸ См.: **Атаманов М. Г.** Указ. соч.
- ⁹ См.: **Мокшин Н. Ф.** Указ. соч.
- ¹⁰ См.: **Атаманов М. Г.** Указ. соч.
- ¹¹ См.: **Никонов В. А.** Указ. соч.
- ¹² См.: **Атаманов М. Г.** Указ. соч.
- ¹³ См.: **Федосюк Ю. А.** Русские фамилии : попул. этимол. слов. М., 2002. 240 с.

Поступила 02.03.2012 г.

УДК 811.161.1`243`373.46

Н. Д. Десяева, Л. Н. Березина

N. D. Desyaeva, L. N. Berezina

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ В УСТНОЙ НАУЧНО-УЧЕБНОЙ РЕЧИ
(СИТУАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ)**

**FUNCTIONING OF LINGUISTIC TERMS
IN SPOKEN SCIENTIFIC AND ACADEMIC LANGUAGE
(THE SITUATION OF NATIONAL RUSSIAN BILINGUISM)**

Ключевые слова: термин, устная научно-учебная речь билингва.

В статье рассматриваются особенности употребления лингвистических терминов родного и русского языков в устной речи, продуцируемой в ситуации обучения.

Key words: term, spoken scientific and academic language of a bilingual person.

The peculiarities of using of linguistic terms of the native and Russian languages in the speech, produced in the situation of training, are considered in the article.

В современной лингвистике научный термин определяется как «языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстантивного характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования, хранения и передачи профессиональной информации»¹. При этом отмечается, что именно в речи термины «создаются и проявляют себя как один из инструментов познания действительности и трансляции результатов этого познания»². Несмотря на то, что в современном терминоведении достаточно активно развивается функциональное направление³, до настоящего времени малоизученной остается проблема употребления термина в ситуации национально-русского двуязычия, где наблюдаются более сложная система номинации научных понятий, упрощение системы общенаучной лексики, своеобразие иллюстраций и т. д. Наиболее ярко данные тенденции проявляются в устной научно-учебной речи (лекция, учебный доклад, объяснительная речь учителя и др.).

Как любое произведение научного стиля жанры устной речи в ситуации обучения характеризуются насыщенностью терминами: система понятий, раскрывающих тему, представлена с помощью системы соответствующих терминов, отбираемых автором из собственно научной, справочной и учебной литературы. В то же время данные жанры предполагают «проявления авторского „я“ и проникновение эмоциональных элементов»⁴ в текст, что неизбежно ведет к взаимодействию терминологии, отражающей сущность темы, с иными номинациями научных понятий и к актуализации связей между ними. При этом термины функционируют в особых смысловых единицах научного текста — «развернутых вариатив-

ных повторах»⁵, взаимодействуют с различными косвенными номинациями понятий и подобными.

Анализ объяснительных текстов, адресованных студентам и ученикам — билингвам, позволяет определить особенности употребления в устных информативных жанрах терминов, раскрывающих содержание предмета научно-учебной речи, их взаимодействие с другими типами номинации компонентов учебного материала и аспектов речевой ситуации. Данные особенности связаны: 1) с владением аудиторией терминосистемами двух языков и возможностью их использования для проведения аналогий, сравнительного анализа фактов и т. д.; 2) с особыми связями терминосистем русского и родного языков (наличие заимствований, интернациональной лексики и т. д.); 3) с особенностями национальной языковой картины мира, в которой те или иные фрагменты представлены с помощью особых связей терминов и косвенных номинаций понятий (например, таких понятий, как «язык» и «речь»); 4) с явлениями интерференции в употреблении русской лингвистической терминологии билингвами.

Обратимся к материалу, который позволит проиллюстрировать каждый из указанных аспектов, определяющих специфику функционирования терминов в ситуации национально-русского двуязычия. В приведенном примере очевидно сосуществование и взаимодействие двух систем терминов: терминов — русского и эрзянского языкознания: *Предлог/ это одна из служебных/ частей речи// Он выражает/ зависимость// Зависимость слов/ в словосочетании/ и в предложении/ от других слов// Предлоги/ сочетаются с существительным/ с местоимением// как послелогов в родном языке// Только послелогов/ замещают надежные форманты/ а предлоги/ дополняют их//** Подобные явления — рассмотрение проблем русистики во взаимодействии с анализом особенностей родного языка — достаточно частотны в ситуации мордовско-русского двуязычия. В приведенном примере очевидна особая форма взаимодействия терминов русского и родного языков — проведение межъязыковых аналогий (под формой взаимодействия терминов здесь понимается использование данных единиц в пределах одного высказывания для решения одной коммуникативной задачи: объяснения того или иного понятия, той или иной закономерности). Идея о взаимодействии терминов в тексте неоднократно высказывалась в лингвистике в связи с необходимостью привлекать единицы той ли иной терминосистемы для «истолкования многозначных, редких и вновь вводимых... терминов», обеспечения «одной из стилевых доминант научной речи — ясности изложения»⁶.

Следует отметить, что в условиях национально-русского двуязычия активно используется и форма межъязыковых противопоставлений, например: *Следующее/ окончание//Окончание/ это морфема/ которая/ имеет особые свойства// Это морфема/ которая находится вне основы// Она выделяется/ только в изменяемых словах// Конец слова/ часто/ служит /ориентиром для выделения окончаний// Мокшанский термин «валбе»/ тоже означает «окончание»// Но зна-*

* Здесь и далее в качестве примеров использованы фрагменты лекций по лексике, морфологии, морфемике, стилистике и синтаксису; фрагменты объяснительной речи учителей русского языка в национальной школе. В анализируемых материалах сохранены формулировки авторов.

чения этих терминов/ нельзя рассматривать/ как одинаковые//Мы прекрасно знаем/ что окончаний в мокшанском языке/нет// В конце слова/в мокшанском языке/ могут встречаться/ суффиксы/ частицы/но только не окончания//. Из приведенного примера следует, что в ситуации национально-русского двуязычия актуально истолкование вновь вводимых терминов с помощью терминов родного языка, установление преемственной связи между знаниями о системах родного и русского языков.

Положение о том, что одним из основных свойств содержания научной речи является преемственность его компонентов, представленных в текстах определенной научной области, в современной науке является бесспорным⁷. Ученые выделяют несколько приемов актуализации преемственности (установления отношений между старым и новым знанием): идентификацию, характеристику, акцентуацию, оценочность и др.⁸ Результаты наблюдений свидетельствуют, что в устной информативной научно-учебной речи актуализируется прием идентификации. Так, в тексте лекции наблюдается отождествление знания, излагаемого автором, с уже имеющимся знанием адресата. При этом термин, употребляясь в конструкциях, определяющих понятие и вводящих известное знание с помощью слов **вы знаете, вам известно, что; как известно; хорошо известно, что; всем известно, что** и т. д., является ключевым словом того структурно-смыслового компонента текста, в котором идентифицируется старое и новое знание, уточняется актуальный компонент содержания обучения, например: *Диатеза/ образуется/ антонимами/которые соединяются специальными/ «противопоставляющими»/ средствами// Это или частицы/ НЕ-НИ/ или противительные союзы А-НО// И смотрите/ тут данные средства / позволяют утвердить/ противоположные явления//Не красавец/НО и не дурной наружностью//Помните/ у Гоголя?// Противительные союзы/ русского языка/ позволяют передать/ эту семантику//Как известно/ в мокшанском/ для названия таких союзов/ употребляется термин/ КРАНЬ-КАРШЕК АРАФТОВИ СОЮЗ/ / Дословный перевод/ «друг против друга стоящий союз»// Так вот/ русские противительные союзы/также указывают/ прежде всего на несходство явлений// А в фигурах речи/ выполняют более сложные/ функции//.* Такие структурно-смысловые компоненты — обязательная составляющая устной научно-учебной речи.

Следует отметить, что к терминосистеме родного языка в процессе изложения материала автор обращается для смыслового выделения важных, по его мнению моментов содержания текста, привлечения к ним внимания⁹, пояснения того или иного положения. Подобное смысловое выделение характеризуется в лингвостилистике как проявление категории акцентности. При этом в поле данной категории выделяются микрополя уточнения, усиления, оценки и категоричности/некатегоричности изложения. Уточнение и усиление представлены в текстах лекции с помощью системы акцентуаторов (частиц, союзов, местоимений и вводных конструкций), которые позволяют оформить изложение так, чтобы адресат обратил внимание на связи лингвистических понятий в терминах русского и родного языков. При этом сами термины находятся преимущественно в рамках одного структурно-смыслового компонента высказывания, в котором проводятся сопоставление или противопоставление соответствующих понятий и закономерностей.

Микрополя оценки категоричности/некатегоричности изложения приобретают в устном учебном информативном жанре в условиях билингвизма определенную специфику. В лингвистике характеризуются средства и способы выражения смягченности, некатегоричности оценок в жанрах собственно научной устной речи. К ним относят следующие: «нарочитое подчеркивание автором возможной субъективности оценки» (модальные слова, вставные конструкции); подчеркивание неполной уверенности автора в своей оценке («сочетания с существительными, глаголами и прилагательными, имеющими значение неуверенности, сомнения, спорности»); указание на возможность альтернативных решений; подчеркивание объективной невозможности избежать отмеченных недостатков из-за трудности, неясности положения дел; «внесение в текст „смягчающих добавок“, наречий, выражающих незначительность, умеренность интенсивности качества»; эпизодичность, редкость и выборочность наличия данного качества, снижающих интенсивность отрицательной оценки, выраженной прилагательными, существительными и глаголами¹⁰.

Е. С. Троянская, рассуждая о связи оценок с жанром, отмечает, что оценка обусловлена «коммуникативно-стилистическим заданием жанра... и композиционно... занимает вполне определенное место»¹¹.

В условиях билингвизма, наряду с описанной выше тенденцией, актуальна и обратная. Она заключается в следующем: подчеркивании автором объективности оценки и полной уверенности автора в объективности своей оценки. Это проявляется не только в использовании различных номинаций уверенности и категоричности («безусловно», «прекрасно знаем» и т. д.), но и, с одной стороны, в наличии большого количества дословно повторяющихся фрагментов высказывания; с другой — в семантической недостаточности речи (например, в отсутствии повторов опорного слова в терминологическом словосочетании).

Семантически недостаточные и семантически избыточные фрагменты речи воспринимаются носителями национально-русского двуязычия как объективные. Объясняется это тем, что в тексте все понятно, автор стремится донести до адресата свою позицию, т.е. категоричность и лаконичность изложения рассматриваются как свойства научной речи, которые обеспечивают незатрудненное общение.

Известно, что лингвистическая терминология мордовских языков представляет собой в настоящее время развивающуюся систему, в которой заимствованные из русского языка компоненты постепенно заменяются собственно эрзянскими и мокшанскими, например: эрзянские слова **предложения** «предложение», **побудительной наклонения** «побудительное наклонение» были заменены собственно эрзянскими словами **валрисьме** и **серьгедемань наклонения**¹². Осознание динамичности терминосистемы родного языка оказывает влияние и на структурно-семантические особенности объяснительных научно-учебных текстов, посвященных русскому языку. В них включаются структурно-смысловые компоненты, в которых характеризуется та или иная специальная номинация явлений родного языка, например: *Соединительные союзы/ используются в русском языке/ для указания на одновременность явлений//Для указания на их сходство/ или на их связь/ логическую связь/ между ними//И сердце бьется/ в упоеньи// И для него/ воскресли/ вновь/и божество/и вдохновенье/ и жизнь/ и слезы/ и любовь// В*

мокшанском языке/ есть термин/ с таким же/значением// «**сотксонь союз**» («соединительный союз»)//Значение русского и мокшанского терминов/ «**сотксонь союз**»/ и «соединительный союз»/ полностью совпадают//. Подобные комментирующие фрагменты устной речи, не связанные непосредственно с темой объяснительного монолога учителя, достаточно часты в условиях мордовско-русского двуязычия. Представляется, что они отражают определенную интенцию автора — стремление утвердить ценностное отношение к родному языку.

Функционирование терминов в условиях национально-русского двуязычия сопровождается явлением интерференции — отрицательного влияния владения родным языком на культуру русской речи. Так, достаточно часто при грамматическом разборе русских глаголов вместо термина **сослагательное наклонение** используется номинация «**желательное наклонение**». В эрзянском языкознании термин **желательной наклонения** обозначает категорию, передающую «желаемое, но не исполненное действие»¹³. Данный термин интересен тем, что он образован от русского глагола **желать**, который имеет следующее значение: 1) иметь внутреннее стремление к осуществлению чего-н., обладанию чем-н., хотеть...; 2) хотеть найти, искать, требовать...¹⁴. При этом эрзянские слова **арсемс** со значением: 1) думать, мыслить; 2) полагать, предполагать; 3) намереваться; 4) желать; 5) пытаться; 6) мечтать¹⁵ и **мель** — 1) желание, стремление, намерение; 2) мнение; 3) мысль¹⁶ не стали мотивирующими для соответствующего термина. Явление смешения русского и эрзянского терминов в данном случае поддерживается семантикой сослагательного наклонения, которое «обозначает предполагаемый, возможный или желаемый процесс»¹⁷. Поскольку именно «мотивированность... связывается прежде всего с национальным характером терминологии»¹⁸, термин **желательной наклонения** можно считать немотивированным в эрзянском языке. Вместе с тем он имеет мотивировку в ситуации билингвизма, активного владения русским языком эрзян. Думается, именно данное обстоятельство приводит к ошибкам в употреблении терминов русского языка.

Наблюдения показывают, что наиболее частотны недочеты в употреблении общенаучной терминологической лексики. При характеристике единиц данной семантической группы в лингвистической литературе выделяется несколько подгрупп, в частности — общенаучные глаголы со значением общей связи (**связываться**), свойства (**обозначать, заключаться**), функции (**употребляться, использоваться, играть роль**), структуры (**включать, состоять**), отношения тождества (**быть, являться, представлять собой**), отношения деления понятий (**делиться, бывать, относиться**), отношения условной квалификации предмета (**называться**), отношения аналогии (**соотноситься**) и др.¹⁹ В устной речи билингва семантика подобных единиц часто учитывается не сразу, поэтому речь педагога включает корректирующие высказывания, например:

— *В синтаксисе/ **находятся/ выделяютя**/ следующие модели... вместо («существуют следующие модели»);*

— *Союз/это служебная часть речи// Она **обозначает**[выражает] связь между словами/ в составе словосочетания/в составе предложения/ и между частями сложного предложения/ и между предложениями в тексте//Союз **оформляет** эту связь//;*

— Происхождение /данного фразеологизма [Притча во языцех] и **показывает**/ его стилистическую окраску// Объясняет/ почему он так/ окрашен//;

— В семантике слов/ морфологических форм/ синтаксических конструкций/ в семантике **разных единиц языка** (сравнить: в семантике единиц языка разных уровней)/**определяется/ выделяется** / дополнительный/ эмоционально-оценочный компонент// Что выражают/ пометы «разг.»/ «ирон.»/ и «неодобр.»?// **Посмотрите/ я записала пометы/которые даются в словаре/ к слову «разлететься» //Они /выражают/ означают/ что это слово/ у него есть / сниженная стилистическая окраска//«разг.»// Далее/это слово/ отрицательно оценивает предмет речи// «неодобр.»// Отрицательно оценивает / это действие// И еще//Автор речи относится к этому действию/ с иронией// «ирон.»//.**

Таким образом/ в семантике языковых единиц/ может **находиться/ сохраняться/ стилистическая окраска**// Она имеет/ оценочный характер// И она/ может совмещаться/ со значением выражения/ определенных /положительных/ или отрицательных /эмоций// В толковых словарях/**показаны** [даны] пометы/ указывающие на семантику шуточного отношения/ на значение фамильярности/ презрения/ на значение пренебрежения/ иронии// Иногда/ данные значения/ даже трудно разделить// Вот/ как/ например/в слове разлететься//Именно поэтому /подобная стилистическая окраска/ **относится к.../ называется** /эмоционально-оценочной//.

Приведенные интерферентные недочеты представляют собой употребление одного слова вместо другого, что квалифицируется в современной методике как «употребление слова в несвойственном значении», «смешение слов». Анализ подобных явлений обычно осуществляется с опорой на известную концепцию лексических ошибок Л. П. Крысина. Согласно этой концепции, смешение слов, в результате которого возникает лексическая «неправильность», происходит на основе некоторой семантической асимметрии, при таком соотношении их значений, при котором они находятся в отношении включения или пересечения (объемный и объемистый, целый и полный и т. д.)²⁰. Подобный подход может быть применен и при анализе нарушений норм культуры русской научно-учебной речи. Очевидно, что при анализе таких нарушений необходимо учитывать соотношение семантики русских глаголов, смешение которых приводит к «неправильности», и их аналогов в мордовских языках. Причем в речи билингва встречаются ошибки, возникающие в результате смешения достаточно далеких по семантике слов. Эти слова объединяют сфера употребления, речевая ситуация и отнесенность к определенной подгруппе слов ментального поля: к глаголам, выражающим или отношения между компонентами знания, или действия по установлению этих отношений.

Сложность употребления данных единиц усугубляется тем, что многие общенаучные глаголы приобретают в научной речи особое значение, например: **определить** «дать научную, логическую характеристику, формулировку какого-н. понятия, раскрыть его содержание»; **рассмотреть** «разобрать, проанализировать»; **существовать** «иметься, быть в наличии»; **находиться** «иметь место, быть, пребывать»; **заключаться** «содержаться, находиться внутри чего-н.»; **оформлять** «придать чему-н. законченный внешний вид, форму, структуру»; **обозначать**

«отмечать что-нибудь чем-н., сделать знак, метку на чем-н.»; **объяснять** «рас-толковывать, сделать ясным, понятным»; **показывать** «разъяснить, сделать ясным, доступным» и т. д.²¹. Очевидно, что семантическая асимметрия как основа лексических неправильностей в устной научной речи билингва имеет особенности: значения общенаучных глаголов, смешение которых приводит к ошибкам или неточностям, могут пересекаться не только между собой, но и с семантикой третьего, вспомогательного, компонента, в качестве которого выступает или русский глагол, или глагол родного (в данном случае — эрзянского) языка.

Ошибочное употребление общенаучных глаголов в научно-учебной речи опасно и тем, что оно создает у слушающих ощущение возможности включения данных единиц в различные синонимические ряды (семантическая невыделимость — семантическая нерасчлененность; полифункциональность — многофункциональность; опорные написания — стабильные написания и т. д.). «Нежелательностью и даже недопустимостью замены терминов синонами»²² достигается точность научного изложения — стилевая черта научной речи.

Таким образом, существуют определенные тенденции употребления терминов в устной научно-учебной речи в ситуации двуязычия: терминологическая плотность текста (возникает в результате частотности повторов терминов), выражение в речи связей понятий русского и родного языка (с помощью сопоставления или противопоставления терминов русского и родного языков) и использование терминов родного языка в качестве средства акцентуации.

Библиографические ссылки

¹ Лемов А. В. Актуальные проблемы функционирования лингвистической терминологии в условиях национально-русского двуязычия. Саранск, 2008. С. 17.

² Там же.

³ См.: Воробьева М. Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература. М., 1985. С. 49 — 56; Алексеева Л. М. Термин как категория общего языкознания // Рус. филол. вестн. М., 1998. № 1. С. 17 — 35.

⁴ Хлупачова К. Лексические особенности номинаций в УНР // Современная русская устная научная речь. М., 1995. С. 140.

⁵ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 316.

⁶ Москвин В. П. Стилистика русского языка : теорет. курс. Ростов н/Д, 2006. С. 576.

⁷ См., напр.: Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь... С. 242 — 247; Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М., 2008. 279 с.

⁸ См.: Котюрова М. П. Актуализация преемственности знания в научном тексте // Стилистика научного текста : (общие параметры). Пермь, 1996. С. 87.

⁹ См.: Иванова Т. Б. Категория акцентности // Стилистический энциклопедический словарь... С. 120.

¹⁰ Там же.

¹¹ Троянская Е. С. Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии : (К вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле) // Язык и стиль научного изложения : Лингвометод. исслед. М., 1983. С. 22.

¹² См.: Грамматика мордовских языков / под ред. проф. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1980. С. 65.

¹³ Там же. С. 299.

- ¹⁴ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2006. С. 216.
- ¹⁵ Эрзянь-рузонь валкс=Эрзянско-русский словарь / под ред. Серебренникова [и др.]. М., 1993. С. 58.
- ¹⁶ Там же. С. 374.
- ¹⁷ Современный русский литературный язык / под ред. В. Г. Костомарова [и др.]. М., 2003. С. 448.
- ¹⁸ Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина. Саранск, 2000. С. 62.
- ¹⁹ См.: Кожина М. Н. Функционирование некоторых семантических групп глаголов в научных текстах XVIII — XX вв. // Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь, 1991. Т. 1. С. 115 — 130 ; Котюрова М. П. Экстралингвистические основания стилистики научного текста и принципы его функционально-стилистической интерпретации // Там же. 1996. Т. 2. С. 89 — 111.
- ²⁰ См.: Крысин Л. П. К типологии лексических «неправильностей» // Словарь и культура русской речи. М., 2001. С. 221 — 230.
- ²¹ См.: Ушаков Д. Н. Указ соч.
- ²² Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь... С. 246.

Поступила 20.03.2012 г.

УДК 811.161.1`373.46

Е. В. Глазкова
E. V. Glazkova

ТЕРМИНЫ-ИСТОРИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

HISTORICAL TERMS IN LITERARY WORKS BY A. A. BESTUZHEV-MARLINSKY

Ключевые слова: научный термин, историзм, лексический историзм, семантический историзм.

В статье приводится классификация терминов-историзмов, выявленных в художественных произведениях А. А. Бестужева-Марлинского. Особое внимание уделяется случаям неоднозначного толкования анализируемых слов в различных словарях современного русского языка.

Key words: scientific term, historical term, lexical historicism, semantic historicism.

A classification of historical terms, found in the literary works by A.A. Bestuzhev-Marlinsky is given in the article. Special attention is paid to the cases of ambiguous interpretation of the analyzed words in various dictionaries of modern Russian.

Развитие общества, науки, культуры, изменение обычаев и быта народа приводят к появлению в языке не только новых, но и устарелых слов. Научная терминология является составной частью лексики, поэтому ей также свойствен переход из активного запаса в пассивный. В зависимости от причин перехода слов в разряд устарелых различаются архаизмы и историзмы.

Историзмы — это слова и выражения, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением или неактуальностью обозначаемых ими понятий. Выделяются лексические, или полные (одно- и многозначные слова, вышедшие из активного употребления и не используемые для номинации новых реалий), и семантические, или частичные (устаревшие значения многозначных слов, совмещающих в своей семантике исторические и актуальные значения), историзмы¹.

При выявлении терминов-историзмов использовался «Словарь русского языка» (в 4 т. М., 1999; далее — СРЯ). Часть терминов в связи со значительной степенью устарелости или по другим причинам не фиксируется в данном словаре. В этих случаях использовались иные источники.

В произведениях А. А. Бестужева-Марлинского обнаружены термины, являющиеся в основном *лексическими историзмами* (18). Среди них большинство составляют однозначные слова: **алхимия** (средневековое мистическое учение, предшествовавшее научной химии, направленное на отыскание «философского камня» как чудесного средства для превращения простых металлов в золото, для лечения всех болезней и т. п.), **вече** (народное собрание в древней и средневековой Руси для обсуждения общих дел в некоторых городах (Новгород, Псков), являвшееся высшим органом власти), **миннезингер** (немецкий средневековый поэт-певец, представитель рыцарской, преимущественно любовной, лирики, возникшей в XIII в.), **оброк** (натуральный или денежный сбор, взимавшийся при крепостном праве с крестьян помещиком), **орвиетан** (особый эликсир от всех болезней, названный по имени лекаря Фероата из Орвието; впоследствии — название всякого шарлатанского лекарства²), **подать** (налог, взимавшийся с крестьян и мещан в дореволюционной России), **униат** (последователь церковной унии, существовавшей до 1946 г.), **флогистон** (по представлениям химиков конца XVII — XVIII вв.: «начало горючести», гипотетическая составная часть веществ, которую они якобы теряют при горении и обжиге. Эта гипотеза была опровергнута трудами А. Лавуазье³), **Autodafé** (аутодафе — публичное сожжение на костре еретиков, еретических сочинений по приговорам инквизиции в Средние века).

Часть терминов является многозначными: **волтерианец** (вольтерьянец — последователь Вольтера; в конце XVIII — начале XIX в.: свободомыслящий человек, вольнодумец), **оранжисты** (ирландские протестанты в Англии, ставшие в 1689 г. на сторону Вильгельма Оранского; приверженцы Оранского дома в Бельгии⁴), **стрипчий** (название некоторых должностных лиц в Русском государстве XVI — начала XVIII в., выполнявших разные хозяйственные обязанности при царском дворе; чиновник по судебному надзору в России в XVIII — первой половине XIX в.; частный поверенный и ходатай по делам в дореволюционной России), **титло** (надстрочный знак над сокращенно написанным словом или над буквой, употребляемой в значении цифры, в древней и средневековой письменности — греческой, латинской и славянской; то же, что титул — почетное владетельное или родовое звание, требующее соответствующего титулования (величество, высочество)).

Выявлены также словосочетания, являющиеся лексическими историзмами: **континентальная система** (континентальная блокада — торговая блокада Великобритании, объявленная Наполеоном I в 1806 г. и запрещавшая всем союзным и подвластным Франции государствам вести торговлю, поддерживать почтовые и другие сношения с Британскими островами⁵), **тайный суд** (Аренбургский; существовал в

Средние века в Германии, с рыцарством перешел в Ливонию⁶), **торговая казнь** (публичное наказание кнутом на людных площадях в царской России до 1845 г.), **философский камень** (по представлениям средневековых алхимиков: вещество, которое может превращать металлы в золото, излечивать все болезни, возвращать молодость и т. д.).

Обращает на себя внимание толкование в словарях юридического термина **майорат**. Так, в СРЯ он представлен как лексический историзм (в дореволюционной России и в некоторых капиталистических странах: феодальный порядок наследования, при котором земельное владение переходит к старшему сыну или к старшему в роде, а также само земельное владение, поместье, на которое распространяется такое право наследования). В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 2001; далее — СОШ) он дан с пометой «специальное»: система наследования, при которой недвижимое имущество (земельное владение) переходит безраздельно к старшему сыну или к старшему в роде; недвижимое имущество, на которое распространяется такое право наследования.

Особо следует сказать о литературоведческих терминах **идиллия** (небольшое поэтическое произведение, изображающее идеализированную, безмятежную жизнь сельских жителей на лоне природы), **мадригал** (небольшое лирическое хвалебное стихотворение, обычно посвященное даме) и **ода** (стихотворение в торжественном, приподнятом тоне в честь какого-либо значительного события или лица), которые, на наш взгляд, характеризуются определенной степенью устарелости. Однако современные словари русского языка не фиксируют это. Только в «Словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (М., 2006) слово **мадригал** (небольшое лирическое стихотворение, посвященное обычно даме и восхваляющее ее) дается с пометой «историзм».

Следующая группа терминов-историзмов — *семантические* (8): **адьюнкт** (историческое значение — 'в дореволюционной России и в Западной Европе: младшая ученая должность в некоторых научных учреждениях, а также лицо, занимающее эту должность', современное — 'аспирант высшего военно-учебного заведения'), **конфедерат**, **конфедерация** (историческое значение — 'временный союз в феодально-крепостнической Польше шляхты, создававшийся для достижения определенных политических целей', современные — 'объединение каких-либо организаций' и 'союз государств, сохраняющих свою независимость и объединяющихся лишь для осуществления определенных, преимущественно внешнеполитических и военных, целей'), **статут** (историческое значение — 'закон, правительственное постановление о чем-либо в ряде стран Западной Европы' (например, статут Казимира Великого), современные — свод правил, определяющих порядок исполнения или применения чего-либо' (например, статут ордена Славы) и 'положение, устав, определяющие организационные принципы и порядок деятельности какой-либо организации, учреждения'), **уния** (историческое значение — 'объединение православной и католической церкви под властью папы римского с сохранением православной церковью своих обрядов и богослужения на родном языке, существовавшее до 1946 г.', современное — 'объединение, союз государств'), **ярлык** (исторические значения — 'жалованная грамота средневековых монгольских и тюркских правителей' и 'письменное распоряжение о выдаче чего-либо', современные — 'наклейка на предмете, товаре с указанием количества, места изготовления, номера или других сведений' и 'шаблонное прозвище, наименование, формально характеризующее кого- или что-либо').

Семантические историзмы **артикул** и **аудитор** не имеют единого толкования в словарях. Так, историческое значение слова **артикул** (военно-уголовный устав 1715 г.) зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка» (М. ; Л., 1948. Т. 1; далее — ССРЛЯ) и «Словаре русского языка» (М., 1957. Т. 1). Кроме того, выделены два устарелых значения: 'отдельная статья, глава или параграф в законах, распоряжениях, договорах и других официальных актах' и 'то же, что артикль — статья в повременном издании'. СРЯ (1999) отражает только одно устарелое значение — 'отдельная статья...' и дает современное — 'тип или род изделия, товара, а также его цифровое или буквенное обозначение'.

Слово **аудитор** имеет два исторических значения, которые приведены в ССРЛЯ: 'должностное лицо, исполнявшее в военных судах обязанности прокурора и судебного следователя' и 'в дореформенной семинарии или бурсе — ученик, назначенный учителем для выслушивания уроков своих товарищей'. В СРЯ (1999) это слово отсутствует. Иная трактовка слова **аудитор** представлена в СОШ. Здесь даны современные значения (с пометой «специальное») — 'лицо, на основе специального контракта проверяющее финансово-хозяйственную деятельность компании, учреждения' и 'в некоторых странах: присяжный заседатель или особое должностное лицо в суде' и историческое — 'в некоторых учебных заведениях: ученик, которому учитель поручает выслушивать уроки других учеников'. Исходя из этого слово **аудитор** можно отнести к историзмам особого рода — называющим реалии, исчезнувшие из жизни носителей языка (значения 'должностное лицо, исполнявшее в военных судах обязанности прокурора и судебного следователя' и 'в некоторых учебных заведениях: ученик, которому учитель поручает выслушивать уроки других учеников'), но актуальные в жизни других современных народов (значение 'в некоторых странах: присяжный заседатель или особое должностное лицо в суде'), и смыкающимся поэтому с экзотизмами.

Итак, подавляющее большинство научных терминов, выявленных в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского (1 328, или 89 %), относится к активному словарному запасу. Часть терминов (21 гуманитарный, 1 естественно-научный, 1 общенаучный и 3 лженаучных — всего 26, или 2 %) является историзмами.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Русский язык : энциклопедия. М., 2003. С. 159 — 160.
- ² См.: **Бестужев-Марлинский А. А.** Соч. : в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кулешова. М., 1981. Т. 1. С. 471.
- ³ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
- ⁴ См.: Объяснительный словарь иностранных слов. М., 1891.
- ⁵ См.: Большой энциклопедический словарь : в 2 т. М., 1991. Т. 1.
- ⁶ См.: **Бестужев-Марлинский А. А.** Указ. соч. С. 107.

Поступила 22.08.2011 г.

УДК 821-95(470.345)

И. И. Шеянова

I. I. Sheyanova

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИТИКА МОРДОВИИ

MODERN LITERARY PROCESS AND THE CRITICISM IN MORDOVIA

Ключевые слова: литературный процесс, критика, литературоведение, мордовская литература, жанр.

В статье рассматривается состояние современного литературного процесса и критической мысли в Мордовии.

Key words: literary process, criticism, literary criticism, Mordovian literature genre.

The situation in modern literary process and the critical thought in Mordovia is considered in the article.

Литературный процесс Мордовии

Литературный процесс — это историческое существование, функционирование и эволюция художественной литературы как в определенную эпоху, так и на всем протяжении ее зарождения, формирования и развития, иными словами, динамика литературы в большом историческом времени. В каждую историческую эпоху литературный процесс включает в себя как сами словесно-художественные произведения, социально, идеологически и эстетически разнокачественные (от образцов устно-поэтического народного творчества до разновременных произведений собственно литературного происхождения), так и формы их общественного бытования (отдельные издания; публикации, фиксируемые в научной, просветительской и мемуарной литературе; литературная критика; читательские отзывы и другие разновидности печатных откликов о произведениях или явлениях истории словесно-художественной культуры народа).

Расширяющиеся идейно-эстетические аспекты современной мордовской литературы по-своему проявляются в двуединой антиномии «история и современность», отношения между которыми, как показал процесс развития, были не столь гармоничными, как этого хотелось бы. Вопросы преемственности и обновления — это проблемы не только научные, но и жизненно практические. Время обрывает некоторые изжившие себя нити преемственности и рождает новые начала и традиции. Это — процесс естественный, хотя и не безболезненный и противоречивый и появление в нем крупных творческих личностей можно рассматривать как показатель художественного прогресса духовной культуры народа в целом, как интеллектуальный фактор ее развития. Пройденный мордовской литературой путь развития является свидетельством этого нелегкого движения к обновлению идейно-

эстетических и художественных традиций. При этом фиксировать достижения мордовской литературы — дело литературной критики, объективность которой зависит от того, насколько выверены ее собственные критерии и насколько прочна ее теоретическая и эстетическая основа, в особенности в рассуждениях о современной литературе.

Мордовский литературный процесс по типологии исторического формирования относится к смешанному типу национально-культурных процессов. На всем протяжении его зарождения и становления в нем отчетливо были выражены признаки различных видов исторического развития национальных литератур: прерванного, эволюционно-поступательного и ускоренного. На этой основе в общей истории возникновения и развития мордовского литературного процесса выделяют четыре основных периода: досистемный (XVIII в. — 70-е гг. XIX в.), период формирования в непрерывно развивающемся явлении (80-е гг. XIX — начало XX в.), кодификационный (1917 — 1984 гг.) и период современного системного переустройства (с 1985 г. по настоящее время).

Исходя из этого научное изучение мордовской литературы проходило две основные стадии, характерные для эволюции любого научного знания: начальную, или эмпирическую, когда литературный процесс или отдельные факты рассматривались с точки зрения их характерных свойств и качеств, и теоретическую, когда стал преобладать анализ причинных моментов литературного развития.

Как непрерывно развивающееся явление культурной жизни литературный процесс Мордовии начал складываться во 2-й половине XIX в. на основе литературы трех народов — мокши, эрзи и русских. До 1917 г. литературный процесс каждого из этих народов имел свои особенности возникновения и функционирования. Мордовская литература вплоть до революции ввиду отсутствия книгоиздательской базы выпускались в основном в г. Москве, Петербурге и Казани. Основными разновидностями ее функционирования были спорадически появляющиеся коллективные сборники учащихся духовных училищ и семинарий, переводные издания Евангелий, первые произведения духовно-светской литературы, произведения устно-поэтического творчества, рассказы, повести и стихи русскоязычных мордовских литераторов.

Особенностью формирования мордовского литературного процесса является включение в него многих писательских имен и произведений спустя лишь большой промежуток времени после их создания или первой публикации (дореволюционные стихи З. Ф. Дорофеева, рассказы и повести С. В. Аникина, С. В. Кондурушкина, А. И. Завалишина и др.).

Другой специфической особенностью мордовского литературного процесса стали явления, которые в масштабах истории литературы Мордовии длительное время были изъяты из сферы литературного творчества по идеологическим причинам. Таким было, например, отношение к переводной мордовской литературе христианского просвещения, к зачаткам литературы духовно-светского характера, к печатным образцам так называемой народной литературы и русскоязычной мордовской литературе конца XIX — начала XX в.

В историко-литературном смысле литературный процесс как таковой в Мордовии первоначально стал осознаваться лишь в 60-е гг. XX в. В трехтомной «Истории мордовской советской литературы» (Саранск, 1968 — 1974) понятие о нем

связывалось лишь с литературой советского времени. С конца XX в. мордовский литературный процесс стал рассматриваться в целостности, т.е. со времени возникновения мордовской письменности и книгоиздательского дела на мокша- и эрзя-языке с учетом двухстадиальных особенностей (фольклорно-художественной и литературно-художественной) его формирования и развития. В частности это было отражено в трудах таких литературоведов Мордовии, как Н. И. Черапкин¹, В. В. Горбунов² и Б. Е. Кирюшкин³. Все это свидетельствовало о расширении и углублении историзма современного мордовского литературоведения, которое в основе своей первоначально начало складываться в недрах зарубежной и русской науки, будучи обусловленной межнациональными историко-культурными связями.

В эволюции литературного процесса большое значение имеет наследование литературно-художественных традиций, что дает основание говорить о литературном процессе в целом. Игнорирование этой особенности в конечном счете приводит к искажению характера исторической преемственности в литературном развитии словесно-художественной культуры народа. Так, в советскую эпоху почти на всем протяжении XX в. было принято считать, что до 1917 г. мордва не имела ни письменности, ни литературы. Со временем литературоведение Мордовии постепенно пересмотрело эту концепцию и отсчет истории мордовской литературы начался с XVIII в., от первых публикаций устно-поэтического народного творчества. В 80 — 90-е гг. XX в. с расширением круга исследовательских задач, историками литературы А. П. Феоктистовым⁴, Н. И. Черапкиным⁵, В. В. Горбуновым⁶, А. В. Алешкиным⁷ и С. А. Алешкиной⁸ стали активно разрабатываться проблемы национального историко-литературного процесса XVIII–XIX вв. Этот вопрос для мордовского литературоведения приобрел важное историческое значение, так как от того или иного понимания литературного прошлого мордовского народа непосредственно зависят концепции и принципы современных обобщающих трудов по типологии исторического развития мордовской литературы от ее истоков до современности.

Неотъемлемой частью литературного процесса Мордовии являются межнациональные и международные связи, в частности с русской литературой и литературами российских и зарубежных финно-угорских народов. Усиление и углубление этих связей способствует расширению национально-эстетического своеобразия мордовской литературы.

Включение русской литературы Мордовии в общую динамику формирования литературного процесса в мордовском крае произошло в конце XVIII — начале XIX в., когда из среды русского населения края стало выделяться первое поколение русских писателей, среди которых был поэт и издатель Н. М. Струйский, открывший в 1788 г. собственную типографию в с. Рузаевка.

В XX в. в Мордовии стало функционировать книжное издательство, была открыта республиканская типография и сформировалась писательская организация Мордовии (1934) и литературный процесс в республике стал функционировать как постоянное, непрерывно развивающееся явление. Развитие русской литературы Мордовии XX в. определилось прежде всего творчеством видных русских поэтов и писателей нового времени: Н. С. Клементьева, И. Г. Осьмухина, И. А. Янюшкина, П. Я. Машканцева, Б. С. Соколова, А. А. Соболевского, А. Ф. Косенкова; критиков и литературоведов И. Д. Воронина, С. С. Конкина, М. М. Бахтина, Н. Л. и Л. Г. Васильевых

и др. Литературоведы П. А. Николаев («Историзм в художественном творчестве и литературоведении», 1983), («Советское литературоведение и современный литературный процесс», 1987) и С. М. Петров («Русский исторический роман 19 века», 1984) стали широко известными в академическом российском литературоведении.

В конце 1980-х гг. литературное «трехъязычие» (мокшанский, эрзянский и русский) в республике дополнилось татарским языком. В более ранние периоды, в том числе в XIX в., татарские писатели публиковались в г. Казани, Москве и Петербурге. Татарская литература Мордовии является неотъемлемой частью всей многонациональной культуры России. Она базируется на развитом устном народном творчестве и классическом наследии тюркоязычных поэтов, прозаиков и драматургов. В XX в. заметный вклад в развитие литературного процесса Мордовии и татарской литературы в целом внесли такие татарские писатели — уроженцы Мордовии, как журналист и поэт, погибший в годы Великой Отечественной войны, А. С. Симаев, Ф. Агиев. Ш. Камал, поэт Х. Такташ, прозаик и драматург А. Абсалямов. В современных условиях традиции татарской культуры Мордовии активно развивают видные общественные деятели Ш. З. Бикмаев и И. Д. Биккинин, являющиеся членами Мордовского республиканского общества татарской культуры «Якташлар» («Земляки»), функционирующего с 1999 г. В целях развития татарской культуры и литературы в Мордовии выпускается «Татарская газета», способствующая развитию татарской литературы в республике и пропагандирующая среди ее татарского населения традиции народной татарской культуры.

Таким образом, литературный процесс Мордовии — сложное многонациональное явление, неравномерно и неоднозначно развивавшееся в различные периоды истории мордовского края.

Современная мордовская литература (середина 80-х гг. XX — начало XXI в.)

При всей устойчивости главных структурных жанровых форм на современном этапе мордовская проза обогащается все новыми чертами. Широкое распространение получили жанры как «чисто» художественные, так и документальные, публицистические, мемуарные, эссеистические и др.

Особенностью литературы середины 80-х г. XX — начала XXI в. является расширение ее социального и эстетического кругозора, художественное осмысление истории России в контексте истории мордовского народа в сопряжении с важными событиями мировой истории, что привело к появлению жанровых новаций (первый мордовский политический роман-трилогия «Красный колосс» (1988 — 1989, 1993) М. Т. Петрова; романы-сказания «Пургаз» (1988) и «Олячинь кисэ» — («За волю», 1989) К. Г. Абрамова; повести «Ради братии своих» (1986) М. И. Брыжинского, «Острожок на Саранке» (1988) Г. В. Балабаева; «Алена Арзамасская» (1991) М. Т. Петрова; исторические романы А. М. Доронина «Баягань сулейть» — («Тени колоколов», 1996) и «Кузьма Алексеев») (2001); «Ды таго кирвазсь зорювась...» — («Снова восходит заря...», 2000) А. И. Брыжинского и др.

В конце XX в. появилось много новых имен, среди которых следует выделить автора книг на историческую тему — «От князя Рюрика до императора Николая II»

(1992), «Союз короны и креста» (1995), «Любовь государева» (1996) — Ю. Ф. Козлова и автора романов «Крестьяне» (1993), «Похищение орла» (1996) В. Н. Косыркина, обратившего внимание на переломное время начала XX в.

В значительной степени определяющей состояние современной мордовской прозы является жанр повести. Его движение идет по традиционным направлениям, в то же время он постоянно видоизменяется, принимая разнообразные формы. Приоритет имеет лирическая повесть, отличительной особенностью которой является не только четкая последовательность в изложении материала, но и обязательное вторжение в мир чувств переживаний и эмоций (К. Г. Абрамов, М. И. Брыжинский, И. М. Девин, И. П. Кишняков, В. И. Мишанина, А. И. Петайкин, Г. И. Пинясов, Никул Эркай и др.).

В современной мордовской прозе все большее место начинает занимать лирико-философская повесть («Ки лангса ломатть» — («Люди в дороге», 1985) В. И. Мишаниной, «В июльский долгий день» (1986) С. С. Ларионова, «Миртть-рват» — («Супруги», 1985) А. П. Тяпаева, «Хозяин» (1991) Никула Эркай и др.).

В рассматриваемый период жанровая палитра литературы Республики Мордовия пополняется другими разновидностями повести: фантастической — «Прерванное путешествие» (1996) М. Т. Петрова, «Особенные люди» (2000) Ю. Самарина (А. и К. Смородины), «Отказ от земного» (1995) Н. Я. Трemasова; мелодраматической — «Черный глаз» (1998) А. Дворецкой; эссеистской — «Распахнутое небо» (1984) В. А. Петрухина; философской — «Прощание навсегда» (1985) А. А. Соболевского и «Возвращение лодки» (1971) Г. В. Балабаева; детективной — «Схватка» (1977) В. В. Смирнова; этнофантастической — «Кирдажт» («Друзья», 2004) М. И. Брыжинского и др. Современную повесть конца XX — начала XXI в., разнообразную по тематике и жанрово-стилевым признакам, характеризует углубление психологизма в содержании, синтез публицистичности и лиризма, более мозаичный сюжет, часто склонный к лирическим и хронологическим отступлениям, в центре которого личная драма («Мера вины твоей» (1994) Ф. К. Андрианова, «Сувсто лисема» — («Выход из тумана», 1994) В. Л. Алтышкина, «Ки лангса ломатть» — («Люди в дороге», 1985) В. И. Мишаниной, «Одуванчики» (2001) Н. М. Мирской, «Крёз» — («Крест», 1990) Г. И. Пинясова, «Избранник» (1987) В. А. Петрухина, «И все-таки я тебя знаю» (2008), «Возраст, которого не было» (2005) и «Возвращение» (2008) Н. С. Рузанкиной, «Отказ от земного» (1995) Н. Я. Трemasова, «Эши» — («Колодец», 1987) А. П. Тяпаева и др.).

В жанре рассказа в современный период также происходит расширение тематического и стилового горизонтов: интенсивно развиваются жанры мемуаров и лирической миниатюры (Л. П. Седойкин, Т. С. Баргова, Е. В. Четвергов, А. В. Арапов), значительное распространение получают фантастический и детективный (Н. С. Рузанкина, А. С. Тикшайкин, М. И. Брыжинский, Е. С. Конкина и др.); постмодернистский и этнопостмодернистский (В. П. Петрухин, А. Кизяева и др.), юмористический и сатирический (П. А. Ключагин, М. С. Моисеев, Числав Журавлев и др.) рассказ и научно-художественный рассказ — эссе (М. И. Брыжинский, К. А. Тангалычев, В. А. Юрченков).

Последние десятилетия ознаменованы дальнейшим ростом мастерства мордовских поэтов, продолживших лучшие традиции своих предшественников. Лирика стала более содержательной, художественно-выразительной и разнообразной, она отли-

чается национальной самобытностью, конкретной определенностью поэтических образов. Художественному отображению злободневных проблем современности посвящены стихи следующих поэтов: А. В. Арапова, В. А. Волкова, В. А. Гадаева, А. А. Громыкина, В. Ф. Егорова, Н. И. Ишуткина, И. А. Калинкина, Р. С. Кемайкиной, С. В. Кинякина, И. Н. Кудашкина, В. А. Кригина, Е. С. Конкиной, В. М. Лобанова, П. К. Любаева, В. И. Нестерова, А. Н. Норкина, К. В. Смородина, К. А. Тангалычева, А. Н. Терентьева, Е. Тимошкина, П. К. Торопкина, А. П. Тяпаева, П. Н. Черняева, И. С. Шумилкина, В. М. Юдиной, В. Ю. Юшкина и др.

В 1980 — 90-е гг. активизировал творческую деятельность И. А. Калинин. Он — автор сборников «Зорянь мизолкс» («Улыбка зари», 1969), «Маней пиземе» («Солнечный дождь», 1972), «Сырнень сюлмо» («Золотой узел», 1977), «Черемуховый берег» (1983), «Пиче вирь» («Сосновый лес», 1985), «Зеленые костры» (1983), романа в стихах «Ава ды лей» («Женщина и река», 1995). Его поэзию отличают актуальность тематики, поиск новых форм и художественных средств. Калинин стремится создать живой образ современника, отразить его четко выраженную позицию и переживания.

В поэзии хорошо известно имя А. П. Тяпаева. В его произведениях находят отображение современная действительность, дела и заботы людей. Среди читателей популярны его книги «Клены на окне» (1970), «Искры из камня» (1974), «Рисунки на бересте» (1976) и «Эрек вель» («Живая вода», 1978). В них — лирические стихи о Родине, раздумья о времени, о долге перед прошлыми поколениями, о непрерывном обновлении жизни. Тема борьбы за счастье людей находит продолжение в поэме «Чистые глаза», где рассказывается о высоких душевных качествах молодежи⁹.

С интересом были встречены читателем сборники «Чачома ёнкс» («Родная сторона», 1972), «Од порань валдо» («Свет юности», 1984), «Велев кись юты седейгам» («Дорога в село — через сердце мое», 1988) А. М. Доронина. Естественность чувств, задушевность и свежесть поэтических образов — отличительная особенность его поэзии.

Ярким явлением последних десятилетий стала поэзия А. В. Арапова, А. И. и К. В. Смородиных, Маризь Кемаль, Н. И. Ишуткина, М. И. Малькиной, П. Алешиной, Н. С. Рузанкиной, В. А. Федосеева и др. Их творчество объединяет проникновение в духовный мир человека и вместе с тем каждый поэт неповторим. Так, в стихах А. В. Арапова особенно выразительно звучит тревожная нота о будущем страны, о судьбах живущих в ней людей; В. А. Федосеева, охваченного любовью, не покидает боль трагедии Чернобыля; стихи К. В. Смородина отличает внутренняя музыкальность, поэтому композиторы Мордовии нередко обращаются к его творчеству.

В 2002 г. вышел сборник «Поэтический голос Мордовии», в который вошли стихи как корифеев национальной поэзии, так и молодых поэтов. В нем достойно представлены наиболее важные моменты поэтического движения в Мордовии, охватывающие всю мордовскую (мокшанскую, эрзянскую) и русскую лирику.

В 1980-е гг. в литературный процесс включились писатели Ф. К. Андрианов, В. А. Гадаев, В. Ф. Егоров, Н. В. Задальская, А. В. Зевайкин, В. Л. Кижняев, А. Ф. Косенков, П. Я. Машканцев, И. Г. Осьмухин, Г. Н. Петелин, В. В. Смирнов, А. А. Соболевский, Б. С. Соколов, А. Н. Терентьев, А. П. Терешкин, А. А. Утешев,

С. Г. Фетисов, И. А. Янющкин и др. В 1982 г. при Доме культуры «Строитель» поэтом А. Н. Терентьевым была организована литературная студия «Пегас», объединившая начинающих поэтов, прозаиков и переводчиков. При «Пегасе» в 1996 г. (после смерти поэта) была создана литературно-музыкальная гостиная имени А. Н. Терентьева, которая стала заниматься организацией творческих вечеров юных авторов, записью на радио их произведений и литературно-музыкальных композиций (руководитель В. М. Юдина), а также была учреждена Литературная премия имени А. Н. Терентьева, присуждаемая молодым дарованиям. С 1994 г. в Республике Мордовия издается журнал «Странник» на русском языке.

В середине 1980-х гг. в мордовской литературе сформировалась группа поэтов и прозаиков, поднимающих остросоциальные темы современности, ведущих интенсивный поиск новых художественных форм: В. И. Мишанина (сборники рассказов и повестей «Ворота времени» (1984) и «Ки лангса ломатть» — («Люди в дороге», 1985), Г. И. Пинясов (сборник повестей «Пси киза» — («Горячее лето», 1980), А. И. Пудин (пьесы «Шава кудса ломатть» — («В пустом доме — люди», 1988), «Уроз ваймонди уженя» — («Анахореты или Угол для сирот», 1988), «Кудьюрхта» — («Очаг», 1991)), А. М. Доронин (роман «Кочкодыкесь пакся нармунь» — («Перепелка — птица полевая», 1993)) и т. д. В этом же направлении развивалось творчество М. С. Моисеева, В. И. Нестерова, И. В. Носикова, А. В. Арапова, П. А. Ключагина, М. И. Брыжинского, Н. И. Ишуткина и других поэтов и прозаиков.

С начала 1990-х гг. в Мордовии возрождаются жанры духовной литературы (жития святых — «Жизнеописание и наставления старца иеромонаха Феодора (Ушакова), восстановителя и настоятеля Санаксарского монастыря» (1992, переиздано с доп. в 1997, 1999 и 2000); «Житие святого блаженного старца монаха Филарета Ичалковского» (1999); «Святой праведный воин Феодор Ушаков — адмирал флота Российского, непобедимый. Житие. Служба» (2001); «Житие старца Серафима» (1996, репринт издания 1884 г.); стихи, поэмы Е. Дединой, А. Пенкевича, Ю. Самарина, А. Соболевского и др.; издается журнал «Саранские епархиальные ведомости» (с 1991)). В этот период возобновились прерванные эпохой атеизма традиции перевода на мордовские (мокша и эрзя) языки христианской литературы («Евангелие от Иоанна», «Евангелие от Марка», «Евангелие от Луки и Деяния апостолов», «Евангелие от Матфея», «Жизнь Иисуса», «Детская Библия» и др.). Переводами, совместно с Институтом перевода Библии, активно занимались Р. Н. Бузакова, Г. С. Девяткин, А. Н. Келина, М. И. Малькина, В. И. Мишанина, В. И. Нестеров, О. Е. Поляков, Л. В. Седова, А. П. Феоктистов и др.

В рассматриваемый период сформировался особый «сектор» историко-литературного процесса Республики Мордовии, представленный творчеством поэтов и писателей, создающих произведения на двух языках (М. И. Брыжинский, Г. И. Пинясов, В. М. Юдина, Н. Я. Трemasов, А. М. Доронин, Н. И. Ишуткин, В. А. Юрченков, Числав Журавлев, Е. Четвергов, Н. Е. Ревизов, М. Т. Петров и др.), что позволяет интегрировать несколько типов художественного мышления, проистекающих из различных мордовской и русской народной почвы.

Закономерным процессом для лирической поэзии является поиск, замена устаревших традиций новыми. С конца XX в. началось обновление поэзии Мордовии. Характерной особенностью этого стало обращение поэтов к национальной культуре (И. А. Калинин, В. А. Гадаев, А. Н. Терентьев, Э. И. Симдянова, А. В. Сульдина,

В. М. Юдина, А. А. Арапов, Н. И. Ишуткин, Маризь Кемаль, П. В. Алешина, М. И. Малькина, В. И. Нестеров, А. И. Смородина, К. В. Смородин, Ю. П. Макеев, Л. Ф. Дергачева, Л. А. Рябова, Н. В. Задальская и др.). В центре внимания поэтов находится человек, духовно-нравственное развитие, его проблемы, надежды и жизненные ценности («Мейле» — («Потом», 2006) А. В. Арапова, «Сексень кизэнь паламо» — («Поцелуй бабьего лета», 2009) Н. И. Ишуткина, «Эряфозе, кельгомазе, пингозе» — («Я живу, тревожусь и люблю», 2007) С. В. Кинякина, «Пизелонь каштаз» — («Рябиновый венок», 2005) и «Ингсот эрян» — («Из-за тебя живу», 2007) Р. К. Орловой, «Ливтязь нармунь...» — («Взлетевшая птица», 2010) Л. А. Рябовой, «Утоли моя печали» (2009), «Мне Чернобыль не снится» (2010) В. А. Федосеева и др.).

Драматургия Республики Мордовия конца XX — начала XXI в. также переосмысливает исторический опыт страны и народа. Ее успехи на современном этапе связаны с творчеством А. И. Пудина, В. И. Мишаниной, Н. Б. Голенкова и других национальных авторов, отражающих в своих произведениях насущные проблемы прошлого и настоящего в жизни мордовского народа¹⁰. Их объединяет желание проникнуть в глубину характеров персонажей, показать их нравственные особенности героев в конкретно-исторических условиях. Примечательной чертой современной мордовской драматургии является тяготение к многоплановой сюжетной композиции пьес, расширение общественно-исторической основы и эпичности. В мордовской драматургии заметно стремление не только к решению масштабных проблем, но и к психологизации драматургического действия (сборник «Еронь юромста стирня» — («Девочка из племени перепелки», 2006) В. И. Мишаниной, «Зряннь сельмоветть» — («Золотые слезы», 2005), «Тюштянь торамац» — («Труба Тюшти», 2008) и «Мокшень панар» — («Мокшанская рубашка», 2009) Н. Б. Голенкова и др.

Драматург А. И. Пудин является автором более 30 пьес, которые ставятся не только в городах России, но и за рубежом. Остротой социально-нравственных проблем отличаются его пьесы «Шава кудса ломатть» — («В пустом доме люди», 1988), «Уроз ваймонди уженя» — («Анахореты, или Угол ля сирот», 1988), «Кудьюрхта» — («Очаг», 1991) и др. Большинство героев пьес Пудина — деревенские люди, тяжело переживающие утрату нравственных ценностей в современном обществе. Основа сюжетных конфликтов его пьес — мотивы трагических человеческих судеб, позднего раскаяния и прозрения. В 1991 г. пьеса «Орда» А. И. Пудина была удостоена 1-й премии Всесоюзного конкурса драматургов, в 1995 г. «Хуторок» — 1-й премии Всероссийского конкурса драматургов.

Произведения «Кда орта лангса суви пине» — («Если на дворе воеет собака», 1990), «Тят шава, тят сала» — («Не убий, не укради», 1992), «Тройцянь карша» — («Накануне Троицы», 1993), «Куйгорож» (1995) В. И. Мишаниной сценичны, насыщены национальным колоритом, входят в репертуар Мордовского национального драматического театра, а также других национальных театров Поволжья.

Драматургия данного периода по сравнению с другими видами литературы развивается медленнее, что происходит по причине слабой связи между национальным драматическим театром и драматургами республики. Однако, несмотря на это, на театральной сцене было поставлено несколько спектаклей по пьесам С. Г. Фетисова, Ф. С. Атянина, А. П. Терешкина, А. И. Пудина, В. И. Мишаниной и др.

Следует особо отметить факт международного признания мордовской литературы: в 1997 г. эпос «Масторава» А. М. Шаронова на эрзянском языке, а в 2000 г.

роман «Кузьма Алексеев» А. М. Доронина были удостоены Литературной премии Общества М. А. Кастрена (Финляндия); в «Антологию финно-угорской лирики» (Будапешт, 1993) вошли стихи «Сенемас» И. М. Девина, «Вармась, сёксесь ляй трвати озась» («Ветер, осень на берег реки сели») В. И. Нестерова и др; в Венгрии в переводе М. Дуганчи на венгерский язык вышла «Масторава» (2011) А. М. Шаронова; в Эстонии вышла книга на эстонском языке «Сиянь ракакудня» — («Серебряная ракушка») В. И. Мишаниной, сборник «Ниле ават — ниле морот» — («Четыре женщины — четыре песни», 1998), куда вошли стихи мордовских поэтов А. А. Сульдиной, Маризь Кемаль, М. И. Малькиной и П. В. Алешинной; в Японии изданы книги на японском языке «Мифология мордвы» (2002) Т. П. Девяткиной и «Легенды и сказки Мордовии» (1992) Л. В. Седовой; на сценах театров Финляндии и Эстонии ставились спектакли по пьесам А. И. Пудина.

С середины 80-х гг. XX в. в республике значительно выросло число литературно одаренных молодых людей (Н. Рузанкина, Д. Гурьянов, А. Бажанов (Санди Саба), А. Баталов, О. Коршунов, Ж. Тундавина и др.). Об этом свидетельствуют их книги, выпущенные за свой счет или с помощью спонсоров, а также награды, полученные за отдельные произведения. Их имена известны любителям и ценителям литературы в нашей республике и за ее пределами. Так, Д. В. Гурьянов, лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Долг. Честь. Достоинство», успешно публикуется в г. Москве.

Большинство из новых имен являются воспитанниками Союза молодых литераторов г. Саранска, функционирующего в республике с 1996 г. Интерес вызывает творчество таких молодых эрзянских и мокшанских авторов, как Д. Таганов, Ю. Пальтин, А. Захаров, Л. Рябова, М. Слугина, О. Сусорева, Т. Мокшанова, М. Еремина, Ф. Матюшкин, В. Попов, П. Кирдяшкин, О. Ошкина, М. Окина, Т. Милкина и др. Выполняя требования времени, они стремятся создавать произведения, способствующие формированию гармонично развитой личности и воспитанию в людях высоких моральных качеств, творческой активности.

Проблемно-тематическую основу современной русской литературы (конец XX — начало XXI в.) образует радикальная смена общественно-экономического и социально-психологического уклада, происшедшая в России в годы перестройки и реформ. Новый «разлом» бытия, перевернувший прежнюю шкалу нравственных ценностей, обостривший конфликт человека со средой, обративший людей к поиску смысла жизни в ином измерении, пробудивший их интерес к белым пятнам истории Отечества и вызвавший переоценку многих знаковых событий и явлений Октябрьской эпохи, постепенно входит в жизнь сюжетами и героями художественного произведения. Лицо русской литературы «переходного периода» определяют творческие поиски Ю. Ф. Козлова, А. Н. Терентьева, Г. Н. Петелина, А. И. и К. В. Смородинных, А. В. Зевайкина, Н. В. Задальской, Д. Гурьянова, И. В. Капитонова и других прозаиков и поэтов, выразившиеся в новом осмыслении исторической и военной тематики, выборе художественно-изобразительных средств и приемов для создания образа положительного героя, жанровой и структурной ориентации (роман «Страницы правления государством Российским» Ю. Ф. Козлова; повесть «Методика обучения сольному пению» В. А. Петрухина; пьеса «Ныне отпускаеши...» А. И. и К. В. Смородинных; сборник рассказов «На отшибе» Г. Н. Петелина и др.).

Литературоведение и критика

Издание в 1956 г. «Очерка истории мордовской советской литературы» ознаменовало собой становление мордовского литературоведения как науки. С середины 1950-х гг. НИИЯЛИЭ стал издавать годовые очерки жанров литературы, в написании которых принимали участие опытные и молодые литературоведы и критики: Н. Г. Черепкин, А. И. Маскаев, И. К. Инжеватов, К. Т. Самородов, Б. С. Кирюшкин, В. Л. Пешонова, А. С. Алешкин, В. Е. Соколова и др. Значительным событием в развитии литературоведения республики стал выход в свет трехтомной «Истории мордовской советской литературы» (1968 — 1974), а затем «Истории мордовской литературы» (1981), где в отличие от трехтомной уже идет речь и о дооктябрьской мордовской литературе.

Со второй половины 80-х гг. XX столетия в развитии научной мысли о мордовской литературе начался новый этап, когда аспирантуры вузов Мордовии и других городов России стали активно готовить кадры профессиональных литературоведов. В это время мордовское литературоведение постепенно освобождалось от догм социалистического реализма как общего и единственно верного метода всех национальных литератур и складывалось в подвижную научную систему, связанную с другими гуманитарными науками, одни из которых стали ее методологической базой (философия, эстетика, герменевтика, или наука об интерпретации), другие были близки к литературоведению по задачам и предмету исследования (фольклористика, языкознание, искусствоведение), третьих объединяла общегуманитарная направленность как наук о духовной культуре народа (история, социология и этнология).

Начиная с 1990-х гг. в мордовском литературоведении при исследовании литературного процесса в качестве новых явлений стали отчетливо намечаться иные аспекты его изучения, учитывающие, в частности, понятие «творческая индивидуальность писателя» как один из факторов в системе литературного развития. Проблема «творческой индивидуальности» носит пока все еще постановочный характер и представляет собой одно из специфических явлений в общей структуре закономерностей, характеризующих как современный литературный процесс, так и новые явления в методологии его изучения.

В современных условиях характерной формой изучения закономерностей национальной литературы становятся работы сопоставительного характера, например: «Прозаики о прозе жизни» (1991) Н. В. Зиновьева (о С. Ларионове и М. Сайгине); «Роман И. Девина „Нардише“: два перевода» (1993) М. И. Малькиной о двух переводах романа на русский язык — Н. Богданова (1975) и Ю. Галкина (1978).

Особой разновидностью литературоведческих исследований малых жанров являются статьи проблемно-теоретического характера. Такие работы, как правило, посвящаются принципиальным вопросам изучения закономерностей мордовской литературы, например: «Проблемы движущейся эстетики» (1993) А. В. Алешкина и «Нереализованные возможности (О жанрах современной сатиры и юмора)» (1991) М. С. Моисеева и др.

Различные аспекты современной мордовской литературы разработаны В. М. Макушкиным «Обретение зрелости» (1984), А. В. Алешкиным «Эпос дружбы» (1985), «Арьсемат» («Размышления», 1989) и др. Глубокое осмысление сложных процессов развития советской драматургии нашло отражение в монографии «Драматургии

Мордовии» (1991) Е. И. Чернова. Своего рода продолжением исследования историко-литературного развития жанров мордовской прозы, начатого Б. Е. Кирюшкиным, является книга «Мордовский рассказ» (1987) Г. С. Девяткина. Определенный вклад в развитие мордовского литературоведения внесли А. Г. Борисов, А. И. Брыжинский, М. Г. Имяреков, М. И. Ломшин, Л. Г. Васильев, Г. С. Девяткин, И. Я. Калганов, Ж. А. Конакова, М. И. Малькина, А. М. Шаронов, А. М. Каторова, В. Е. Соколова, М. Ф. Ефимова, А. Н. Посадский, Т. И. Кубанцев, Н. В. Зиновьев, Е. И. Азыркина, Е. А. Жиндеева, С. Томилина, М. И. Тростина, Л. А. Тингаева, П. Н. Киричек, О. Е. Осовский, Г. С. Комарова, Е. А. Шаронова и др. Значительным событием для мордовской критики и литературоведения стало издание двухтомной «Современной мордовской литературы. 60—80-е годы» (1991 — 1993) и учебных пособий «Нень шкань мокшэрзянь литературась» («Современная мордовская литература», 1993), «Тяниень пингонь мокшэрзянь литературась» («Современная мордовская литература», 1994), подготовленных А. И. Брыжинским и М. Г. Имярековым.

В конце XX — начале XXI в. были изданы книги «Мордовское стихосложение» (1990), «Эряфть вайгяленза» («Голоса жизни», 2005) М. И. Малькиной; «Писательсь и эряфсь» («Писатель и жизнь», 1992) М. Г. Имярекова; «Вастомат» («Встречи», 1993) Г. И. Горбунова, «Современная мордовская проза. Движение жанра» (1995) и «Процессы жанрового развития мордовской прозы (50 — 90-е годы)» (1995) А. И. Брыжинского; «Человек и время» (1995) Н. В. Зиновьева; «Доктор литературы» (1996) и «Мокшэрзянь литературань антология: XVIII — XX векне» («Антология мордовской литературы: XVIII — XX века», 2003) А. В. Алешкина; «Мокшэрзянь критикась и литературоведениясь» («Мордовская критика и литературоведение», 2002) Т. И. Кубанцева; «Истоки (к проблемам исторического и филологического наследия М. Е. Евсевьева)» (2002) В. И. Рогачева; «Введение в литературоведение» (2006) А. М. Каторовой; «Формирование художественных традиций мордовской литературы в контексте социальных и историко-культурных проблем конца XIX — первой трети XX в. (на примере жанра рассказа)» (2009) О. И. Бирюковой и др.

В мордовском литературоведении особую нишу занимают работы ученых, для которых характерен теоретически и методологически выверенный взгляд на развитие национального литературного процесса, например: «Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции)» (2001) В. И. Демина; «Писатели Мордовии» (2001) А. И. Брыжинского, О. В. Пашутина и Е. И. Чернова; «Поэтический хронотоп жизненного пространства (на примере творчества З. Ф. Дорофеева)» (2005) Т. И. Кубанцева; «Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция» (2007) Е. А. Шароновой и др. Являясь посредниками между читателем и писателем, литературоведы выражают и формируют общественное мнение, создают ту духовную атмосферу, которая способна оказывать влияние на художника слова.

В Мордовии проблемы творческого взаимодействия финно-угорских литератур получили обстоятельный анализ в исследовании «Эпос дружбы» (1985) А. И. Алешкина, в котором прослежены судьбы эпической поэзии народов Среднего Поволжья. Заслуживают внимания также работы о дореволюционных русско-мордовских литературных связях Л. А. Тингаевой, статьи о мордовско-украинских литературных связях М. М. Сусуревой, мордовско-венгерских — Т. И. Кубанцева. В работах

подобного типа воедино слились литературная история, теория и критика, образовав своеобразный сплав и метод исследования процессов взаимодействия национальных финно-угорских литератур.

Отдельно надо сказать о творчестве молодых исследователей. В основном о них можно судить по кандидатским диссертациям, которые защищаются по специальностям «Литература народов Российской Федерации» (финно-угорская) и «Литература народов Российской Федерации» (мордовская). В последнее десятилетие все большее внимание диссертантами уделяется исследованию творчества отдельно взятых писателей или развития того или иного жанра, например: «Творчество А. Соболевского в контексте развития русскоязычной прозы Мордовии 1960 — 90-х годов» (2001) Е. А. Кулебякиной, «Творчество М. Сайгина (основная проблематика и ее художественное воплощение)» (2002) С. В. Добрынкиной, «А. Дорогойченко. Своеобразие идейно-эстетических принципов творчества» (2003) А. В. Курченковой, «Эволюция творчества И. Д. Пиняева» (2003) С. Н. Маскаевой, «Поэзия и проза В. А. Гадаева: художественные искания» (2006) Т. В. Тулкиной, «Творчество А. С. Щеглова в контексте развития эпических жанров прозы в мордовской литературе (1930 — 1980 годы)» (2009) О. М. Сусоровой; «Основные тенденции развития мордовской лирики на современном этапе (1980 — 90-е годы)» (2000) Е. В. Барановой, «Очерк в системе жанров мордовской литературы» (2003) Т. В. Адушкиной, «Конфликты и характеры в русскоязычной прозе Мордовии 1980 — 90-е годы (жанровый аспект)» (2003) Н. В. Чушниковой и др. В данном случае можно говорить о положительных и отрицательных моментах. К положительным относится то, что подробному анализу подвергается творчество известных писателей, рассматривается эволюция литературных жанров. Однако следует отметить, что вне поля зрения остаются многие теоретические и литературоведческие вопросы, требующие анализа. Их боятся затрагивать не столько начинающие исследователи, сколько их руководители.

Обратимся теперь непосредственно к литературной критике. Ее функции сложны и многогранны. Являясь теоретическим и философским сознанием литературы, критика представляет ее во времени и в движении. Сколько бы нас не уверяли в том, что формула В. Г. Белинского о подлинной критике как движущейся эстетике будто бы устарела, природа критики состоит именно в этом. Она — дыхание литературоведения, а не ее третья слагаемое как трактуется в мордовских учебниках. Если бы кто-нибудь назвал В. Г. Белинского или Н. Г. Чернышевского великими литературоведами, он вызвал бы смех. Они — гиганты именно критической мысли, питающей и теорию, и историю литературы.

На научную основу мордовская критика прочно встала в конце 1950-х — начале 1960-х гг., когда появились ее первые профессиональные кадры. В 1970-е гг. резко увеличился приток молодых сил, абсолютное большинство которых — с учеными званиями. Однако дело не только этом. Произошли качественные изменения, обусловленные прежде всего художественно-эстетическим ростом национальных литератур, в том числе мордовской, создавшим широкое поле для глубоких размышлений. В мордовской критике отдается предпочтение жанру творческого портрета. В нем активно работали и работают А. В. Алешкин, Л. Г. Васильев, М. Г. Имяреков, Н. В. Зиновьев, М. И. Малькина, Н. Л. Васильев и др. Этот жанр представляет собой историю идейно-эстетических и художественных исканий писателя, исто-

рию его души и личностной судьбы. Без использования в данном случае понятий реализма и творческого метода критический материал легко превращается, в сообщении хрестоматийно известных фактов, констатацию тем, идей и образов писателя и изложение ступеней его служебной биографии.

Широкое распространение в современной мордовской критике получили так называемые юбилейные статьи, связанные с какой-либо знаменательной датой в жизни писателя или каким-либо периодом развития литературы.

Однако следует отметить, что литературная критика, долгое время не была предметом серьезного внимания мордовской писательской организации. В результате накопилось немало больших и сложных проблем, методологических и теоретических недоработок. Более того, подчас в ней наблюдалось заметное снижение критериев критического анализа. В 1980 — 90-е гг. процветала комплиментарная критика, получившая меткое название «критика восклицательных знаков». Еще В. Г. Белинский назвал ее «личной критикой», «критикой добродушного невежества», «злоупотреблением критики», потому что такой критик часто бывает пристрастным, все выводит из себя, из своих представлений и вкусов, а иногда из приятельских отношений с тем или иным писателем либо автором книги. Однако эти недостатки в современных условиях легко устранимы. Гораздо важнее и сложнее другое, то, что здесь было названо снижением критериев критического анализа, а сходное явление во всесоюзной критике — поистине катастрофическим, поскольку это грозит исчезновением из критического обихода таких фундаментальных понятий, как реализм, творческий метод, художественная правда и др.

Поверхностная теоретическая оснащенность мордовской критики, желание иных критиков, минуя теорию, увидеть и позитивные и негативные стороны литературных явлений или отдельных произведений, часто приводят к утрате чувства меры в определении плюсов и минусов, в результате чего читателю критической статьи порой бывает трудно определить, что же представляют собой тот или иной писатель и его произведение. Такое нередко происходит не только из-за увлечения крайностями, но и оттого, что мордовская критика никак не может преодолеть инерцию уже достигнутого. Недостаточная теоретическая подкованность подчас приводит к опоре на труды предшественников. Однако, когда данная опора становится мерой оценки, это уже приводит к цитатничеству, свидетельствующему о творческом облике самого критика.

Профессиональный уровень критики определяется не только ее оперативным вмешательством в текущий литературный процесс, но и ее способностью видеть преемственную связь современной литературы с явлениями историко-литературного прошлого. На общем фоне интереса современной критики к явлениям историко-литературного прошлого чаще всего наблюдается безмолвие, в результате чего к некоторым явлениям и именам дооктябрьской литературной культуры мордовского народа у нас складывается неправильное отношение.

Таким образом, осмысливая путь, пройденный мордовской литературой, следует отметить, что из года в год значительно рос ее количественный и качественный потенциал, повышалась общая художественная культура писателей, динамика и профессионализация литературного процесса. Однако, несмотря на все затраченные усилия, методологически действенных типологических моделей развития литературной культуры мордовского народа, позволяющих четко выделить присущие ей закономерности, понять их историческое соотношение с общероссийским литературным процес-

сом мордовское литературоведение все еще не имеет, что существенно затрудняет изучение как закономерностей развития литературы мордовского народа, так и научных основ национальной литературоведческой мысли в Республике Мордовия.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Черапкин Н. И. Современная мордовская литература. Саранск, 1954. 208 с.
- ² См.: Горбунов В. В. Голос жизни : Заметки о соврем. морд. лит. Саранск, 1963. 59 с.
- ³ См.: Кирюшкин Б. Е. Мордовский советский роман. Саранск, 1965. 184 с.
- ⁴ См.: Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008. 392 с.
- ⁵ См.: Черапкин Н. И. Художественная литература Мордовии и всесоюзный литературный процесс // В братской семье. Саранск, 1981. С. 339 — 347.
- ⁶ См.: Горбунов В. В. Признание : литературно-крит. ст. Саранск, 1984. 152 с.
- ⁷ См.: Алешкин А. В. Реальности ускоренного развития и эстетический потенциал мордовской литературы // Аспект — 1989. Исследования по мордовской литературе. Саранск, 1989. С. 11 — 12. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 96).
- ⁸ См.: Алешкина С. А. Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса и ранних форм мордовской книжной словесности // Аспект — 1990. Исследования по мордовской литературе. Саранск, 1991. С. 17. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 102).
- ⁹ См.: Брыжинский А. И., Пашутина О. В., Чернов Е. И. Писатели Мордовии : биобиблиогр. указ. Саранск, 2001. С. 45.
- ¹⁰ Мордовия : энциклопедия : в 2 т. 2003. Т. 1. С. 296 — 297.

Поступила 16.05.2012 г.

УДК 821.511.152

О. В. Бакаева, А. М. Каторова
O. V. Bakaeva, A. M. Katorova

МАСТЕРСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В РАССКАЗЕ «СОКОР ВЕЛЕ» («СЛЕПАЯ ДЕРЕВНЯ») В. И. МИШАНИНОЙ

MASTERY OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS IN THE STORY «SOKOR VELE» («BLIND VILLAGE») BY V. I. MISHANINA

Ключевые слова: художественный психологизм, психологическая проза, психология литературного героя, психоанализ, мастерство психологического анализа, рассказ.

В статье выявляются особенности психологического анализа характеров, способы психологической обрисовки внутреннего мира персонажей, примененные народным писателем Республики Мордовия В. И. Мишаниной в рассказе «Слепая деревня». Подчеркивается, что автор чаще всего прибегает к суммарно-обозначающему способу психологического изображения, реализуемому на основе использования формы несобственно прямой внутренней речи и значимых художественных деталей.

Key words: artistic psychology, psychological fiction, psychology of a literary character, psychoanalysis, mastery of psychological analysis, story.

The peculiarities of the psychological analysis of personalities, methods of psychological description of the inner world of characters, used by the People's Writer of the Republic of Mordovia V. I. Mishanina in the story «Blind village», is revealed in the article. It is emphasized that the author often refers to the summary-designating method of psychological description, realized on basis of using of the forms of free indirect discourse and meaningful artistic details.

В начале 2000-х гг. в мордовской литературе произошли существенные сдвиги, обусловившие качественно новые свойства поэтики национальной прозы с точки зрения усиления психологизма, условности и символичности, интеллектуально-философского и лирического начала в изображении человека во взаимоотношениях с окружающим миром, актуализации системы духовно-нравственных ценностей, представлений о сущности человека, сложившихся в недрах народных традиций. Психологизм трактуется в современном литературоведении как «глубокое и детальное изображение внутреннего мира героев: их мыслей, желаний, переживаний, составляющее существенную черту эстетического мира произведения»¹, осуществляемое писателями чаще всего путем передачи мыслей героя на основе внутреннего монолога, образов памяти и воображения. Психологизм является одним из важных критериев художественности литературы. Следует подчеркнуть, что прозаические произведения мордовской литературы не всегда соответствуют указанному критерию. Исключением не является и жанр рассказа. В аспекте психологически аналитического изображения человеческих судеб и характеров в произведениях о современности, воссоздания психологии человека в разных жизненных ситуациях мордовский рассказ начал совершенствоваться в последние десятилетия. При этом основой оценки поступков литературных героев все чаще выступают народные морально-этические нормы, что можно считать качественным сдвигом и своего рода эстетической новизной литературы.

Основной целью статьи является выявление особенностей психологического анализа характеров в современном мордовском рассказе на примере произведения «Сокор веле»² («Слепая деревня») В. И. Мишаниной. Обращение к данному рассказу обусловлено следующими причинами: он обладает художественной ценностью, интересен с точки зрения осмысления социально-психологических коллизий времени, постановки актуальных проблем, изображения злободневных и социально значимых событий, жизненных и психологически тонко представленных характеров, а также модификации его жанровой формы. В произведении не только достоверно передана нравственная атмосфера современности, но и показано эмоционально-чувственное начало, свойственное человеку сегодняшнего дня.

Рассказ «Слепая деревня» состоит из 16 связанных друг с другом частей-эпизодов, каждая из которых имеет символичное название, весьма емко передающее суть изображаемого. Так, первая часть озаглавленная «Кочкамасть, мон петь-са эряфонть» — «Изберите, я улучшу вашу жизнь»^{*} знакомит читателя с традициями предвыборной борьбы. В центре повествования кандидат в депутаты Василий Павлович Канайкин, проводивший предвыборные встречи с жителями

^{*} Здесь и далее подстрочный перевод авторов.

мордовских сел одного из районов республики. Следует подчеркнуть, что представляя героя, В. И. Мишанина обращается к суммарно-обозначающему способу психологического изображения (*термин* А. Б. Есина)³, основанному на предельно кратком описании процессов, протекающих во внутреннем мире героя. Василий Павлович представлен как человек, хорошо разбирающийся в психологии людей, умеющий вести себя благоразумно в разных ситуациях: «*Сон пня лац содазе „сяда алудотнень психологияснон“: сельмос повомс сяда оцюняти, угадымс, кирдемс пря маласонза и сембе вийса няфтемс пря цебярь ширде. Но сонцьке Василий Павлович мяляфтозе инь оцю „кошардомвалть“ — лама аф симомс сяда алудотнень ингольде*» [Мишанина, с. 11] («Он очень хорошо знал психологию „нижестоящих“: попасться на глаза начальнику, угодить, держаться около него и всеми силами показывать себя с лучшей стороны. Но и сам Василий Павлович хорошо усвоил чрезвычайно важное правило — много не пить перед нижестоящими») и как начальник, заботящийся о подчиненных: «*Лятфтазе шоферонц, Витянь, сонга вачеда, эряви андомс, азсь тянь квалма велень пряти. Ся тердсь ава и указовась тянди*» [Там же] («Вспомнил о шофере, Вите, он тоже голодный, надо накормить, сказал об этом сельскому главе. Тот пригласил женщину и дал ей поручение»).

В рассказе также четко обозначена проблема вымирания российских сел и деревень. Автор при помощи значимых художественных деталей («*клубне сембе кельмот*» («клубы все холодные»); «*ломаньда пуромкшни аф лама, и синьге ванфсна кельмот*» («людей собирается мало, и у тех холодные взгляды»); «*кенкишенц туркс шавф доска*» («поперек двери забита доска»); «*шамасна сякокс кеванатольхть*» («лица словно окаменевшие»); «*шамасна кувалгодсть*» («лица вытянулись»)) еще больше акцентирует внимание читателя на этой проблеме: «*Мокшень тя велеське лятнень лаца. Аньцек клубть ашезь панжа, кле, ремонтса. Кенкишенц туркс шавф доскоть коряс няевсь: эряфське сонь потмосонза шавфоль. Ломаттнень пуроптозь школав... Алятне валхнезь вазьснон, аватне прякучказост шашфнезь пухонь руцяснон... Лямбос лямболь, но сембонь шамасна сякокс кеванатольхть*» [Там же, с. 9 — 10] («И это мокшанское село похоже на другие. Только клуб не открыли, якобы, на ремонте. По доске, прибитой к двери, видно: и жизнь в нем убита. Людей собрали в школе. Мужики снимали шапки, женщины сдвигали на затылки пуховые платки... Хоть было и тепло, но лица людей были словно окаменевшие»). Усугубляет сложившуюся ситуацию равнодушие и недоверие избирателей к кандидату. После прослушанной программы у них не нашлось ни одного вопроса к Василию Павловичу, даже таких стандартных, как: «Когда поднимут пенсии?», «Почему растут цены?», «Будут ли продавать землю?» и т. п. В связи с этим весьма примечательными являются заключительные фразы первой части рассказа: «*„Волгась“ ляпоняста токазе вастонц и эстокиге чепавтсь тялонь акшеть потмос. Курокста велесь эсь толнянзон мархта илядсь фталу. А ломаттне мртцесть кудгаст, корхтавтось артистнень и пеетькинешть Тишкань лангса. Кржа кие лятфтазе Василий Павловичень корхтаманц и сян, мезень квалма пуромкинешть*» [Там же, с. 12] («„Волга“ плавно тронулась с места и тут же нырнула в зимнюю белизну. Вскоре село со своими огоньками осталось позади. Люди возвращались домой, обсуждали выступление артистов и посмеивались над Тишкой. Редко кто вспоминал речь Василия Павловича и то, по какому поводу

собирались»). Автор тем самым отмечает, что сельчане, наученные опытом, не верят в предвыборные обещания кандидатов в депутаты.

В построении сюжета рассказа В. И. Мишанина умело использует прием перипетии. После просмотренного концерта и прослушанной предвыборной программы люди начали расходиться по домам, как вдруг один из участников встречи решил неожиданным образом открыть дискуссию. Он спросил, несмотря на сопротивление сидевших рядом с ним женщин, Василия Павловича о том, что тот ест на ужин. Потом пригласил его к себе в гости, пообещав угостить килькой. Присутствующие на встрече жители села восприняли вышедший за рамки общепринятых правил поступок Тишки как дерзкий и неумный: «*Луромфне стякшнесть вастстост, пеетькишнесть кармасть сраткшнема. Алянсь аф еру весялгофтозень. Эсь етковасть корхтасть: „Ну и Тишка, мусь вдь кинь тердемс инжик!“*» [Там же, с. 11] («Собравшиеся поднялись со своих мест, улыбаясь, стали расходиться. Мужичок не на шутку их развеселил. Между собой говорили: „Ну и Тишка, нашел ведь кого в гости пригласить!“»). Здесь автор мастерски передает психологию толпы, отличающейся единством восприятия происходящих событий. Следует подчеркнуть, что заданный Тишкой вопрос задел и Василия Павловича, который во время застолья поинтересовался, кто такой Тишка. Из диалога читатель узнает прозвище Тишки — «Алонь Петни» («букв.: Удаляющий яйца, Кастрирующий»), о его мастерстве: «*Но сонь кодямонза алонь Пети тя аймакса аш, колма велес тернесазь*» [Там же] («Другого такого специалиста по кастрации в этом районе нет, в три села его приглашают»), а также о семейных проблемах: («*Рьванц паралич токазе...*») («Его жену парализовало...»).

Прием ретроспекции, использованный Мишаниной во второй и третьей частях рассказа («Тишка», «Килькань ульмахть» — («Ловцы килек»)), помогает узнать о том, что Тишка и Канайкин не только земляки, но и одноклассники. Эпизод из их послевоенного полуголодного детства — кража в третьем классе Васей (Василием Павловичем) и Петей кильки у Тишки. Тишка, не успев дома позавтракать, принес в школу кильку в кулечке из тетрадного листа и на уроке тихонько ее поедал, тогда как сидящие на задней парте Вася с Петей глотали слюни. Когда учительница неожиданно вызвала Тишку к доске, они украли и съели кильку. В этом контексте становится понятен характер заданного Василию Павловичу вопроса, и приглашение его отужинать килькой.

Автор умело представляет в тексте самоанализ поведения Тишки: «*Тишка сонцьке содазе, тись еньфтомокс, но мезе тият, кда аш прясонза. Мезеньди сембонь ингольде лятфтазень килькатнень, сонцьке аф содасы. Вася, няк, кунара арась оцю ломанькс, най депутатокс якай. Сон, улема, Тишканьге аф меляфтсы, колмогемоньшка киза ни ашесть няе*» [Там же, с. 12] («Тишка и сам знал, поступил неразумно, но что поделаешь, если нет в голове. Зачем перед всеми вспомнило о кильке, и сам не знает. Вася, видишь, давно стал большим человеком, всегда в депутатах ходит. Он, наверное, и Тишку не помнит, лет тридцать уже не виделись»). В этом эпизоде применение Мишаниной несобственно прямой внутренней речи, имеющей как бы двойное авторство — повествователя и героя, — способствует более глубокому раскрытию характера персонажа.

Психологическое состояние Тишки позволяет понять сцена, когда он, выдавая желаемое за действительное, рассказывает своей больной жене о состоявшейся

встрече: *«Сон симдезе рьванц куцюса чайда ды сияк азондозе, кода якась депутат мархта васедема фкя класса тонафни ялганц мархта. Кода Вася, Василий Павлович, ктмордазе сонь. А сембе пуромфне токсесть фкя-фкянь бокти и тошкасть: „Ваттака, кинь мархта ялга Алонь Петнись!“ Василий Палыч пара ломанць, надияфтсь лездомс и работама васта мумс, и Танюковонь пчкафтомс...»* [Там же, с. 13] («Он из ложки напоил жену чаем и рассказал о том, как ходил на встречу с депутатом своим другом одноклассником. Как Вася, Василий Павлович, обнял его. А все собравшиеся толкали друг друга в бок и шептали: „Смотри-ка, с кем дружит Кастрирующий!“ Василий Палыч хороший человек, обещал помочь и найти работу, и вылечить Таню...»). В приведенном отрывке самыми существенными, на наш взгляд, являются использованные автором в качестве приемов психологического изображения внутреннего мира персонажа художественные детали («обнял его», «толкали друг друга в бок», «шептали»). Автор тем самым подчеркивает, насколько важно для спокойного, незлобного и несмелого Тишки, оставшегося без работы (его место ветеринара занял вернувшийся после учебы в институте шурин главы села), глубоко переживающего за больную жену, все чаще находящего утешение в выпивке, по сути, потерявшего веру в себя, показать свою значимость в глазах сельчан.

Не менее интересен с точки зрения психологизма другой персонаж рассказа — Витя, водитель служебной машины Василия Павловича. Автор акцентирует внимание на разгильдяйстве Виктора. Машина, в которой ехал в город кандидат в депутаты, остановилась на зимней дороге. Оказалось, пока Витя развлекался с Маргаритой, которой дали указание его накормить, у него украли бензин. К тому же, пытаясь показать Маргарите свою смелость и значимость, он выпил за рулем. Мало того, остановившись в поле он имел нахальство попросить у Василия Павловича выпить: *«Ванан, пакеткя мархтот тонгсть, тоса копордамс мямовок ули? Сетьки кельме, афолеме энда... — стаки еньфтомокс пеедсь церасть...»* [Там же, с. 16] («Смотрю, пакетик тебе с собой сунули, там глотнуть что-нибудь есть? Все-таки холодно, не замерзнуть бы... — по-прежнему глуповато улыбался парень...»). Такой бесцеремонности от своего водителя Василий Павлович никак не ожидал, поэтому вытащил его из машины и несколько раз ударил. В ответ неожиданно получил сдачу. Это еще одна умело использованная в тексте перипетия.

Основным средством характеристики нрава шофера выступает его речь, насыщенная вульгаризмами: *«„Тон мезе, начальник, охренел! Тон мезе, арьсят, оцюнят и тейть сембось можна!“ — сон врьгазкс низелгофтозень пеезон и ускозе Василий Павловичень эсь ширезонза...»*. *«„А-а, оцюнят, мон лихтьса тонь баяршицень! Кафта сурса пондате! Ташта айгор!..“»* [Там же, с. 17] («„Ты что, начальник, **охренел!** Ты что, думаешь, руководитель и все тебе можно!“ — он по-волчьи оскалил зубы и потянул Василия Павловича к себе...»). *«„А-а, начальник, я **вышибу** твое барство! Двумя пальцами **задушу!** **Старый жеребец!**..“»*). Метафоры *«шамасонза палыхть кяжса пяз сельмот»* («на лице горят злобой бешеные глаза»); *«врьгазкс низелгофтозень пеезон»* («по-волчьи оскалил зубы»); *«сонь сельмонза ломанень шавиеннет»* («у него глаза убийцы») подчеркивают внутреннее содержание героя. Автор подводит нас к мысли, что Виктор — человек злой, жестокий, способен убить человека. Впоследствии в части «Витя» эти качества проявились в полной мере. Шофер Василия Павловича — участник бое-

вых действий в Чечне, прозванный родным отцом «Чеченонь шави» («Убийца чеченцев»), через какое-то время осознал, что натворил (напился, прозевал бензин и избил начальника), тут же протрезвел и сильно испугался. При этом он не раскаялся, а наоборот, страх наказания привел его к мысли об убийстве шефа. Психологическое состояние персонажа, готовящегося совершить преступление, писательница вновь передает в форме несобственно прямой внутренней речи: «*Сон моли машинати, Василий Павлович валяндай или ки трваса, или веляф фталдонь озамасы и уды. Сон таргасы багажникста монтировка и калтадьсы пиле ваксти... Сяльде ласьки маластонь велес и азсы: врьгятсть лангозост ки лангса, сонь пикссезь, а шефонц шавозь...*» [Там же, с. 19 — 20] («Он подойдет к машине, Василий Павлович валяется на обочине или лежит на заднем сиденье и спит. Он достанет из багажника монтировку и ударит по виску... Потом побежит в соседнее село и скажет: на них напали на дороге, его избили, а шефа убили...»). Когда, вернувшись к машине, Виктор не обнаружил своего начальника, он зарыдал: «*И ся пингть сонцьке ашезе шарьхкоде, мезень вайгяль лиссь крьгапарьстонза, кати кенярдемась (Шкайсь ванфтозе шавомада), кати эводемась (инголе учессы пькстамгуд)...*» [Там же, с. 20] («В тот момент и сам не понял, что за возглас вышел из его горла, то ли радости (Бог уберег от убийства), то ли испуга (впереди ждет его тюрьма)...»).

На наш взгляд, данный поступок водителя художественно не совсем обоснован, поскольку, по описанию автора, Василий Павлович относился к нему хорошо, помог в получении жилья, в дальних поездках никогда не оставлял голодным, за дополнительную работу давал премии. Мишанина лишь штрихами подчеркнула чрезмерную зависть водителя: («*Сонь, Витянь, мзярдонга аф ули тняра комнатаса кудоц...*» [Там же, с. 19] («У него, у Вити, никогда не будет дома с таким количеством комнат»). Его чрезмерное самолюбие, постоянные обиды способствовали такому повороту событий.

Василий Павлович, испугавшись своего водителя, пошел другой дорогой, которая его привела в Слепую деревню (в прямом и переносном смысле), в которой обитало лишь несколько немощных стариков. Описанию пребывания героя в забытой Богом и людьми деревне посвящено шесть частей рассказа, самой удачной из которых в художественном плане и с точки зрения психологизма является «*Явсесаськ эряфоньконь, идняньконь...*» («Поплачем о нашей жизни, о детях...»). Причитания, звучащие из уст хозяйки дома вместо привычных песен, настолько насыщены чувствами, что способны разорвать сердце. Сложенные в традициях мордовского народного фольклора, называемые хозяйкой дома, приютившей Василия Павловича, «вырыванием заноз из сердца», они производят неизгладимое впечатление не только на главного героя, но и на читателя. Основным приемом психологизма выступает в данном случае монолог, воспроизводящий речевую манеру и манеру мышления героини, насыщенный обилием изобразительно-выразительных средств языка — метафорами, сравнениями, эпитетами, метонимиями, риторическими вопросами и обращениями.

Достижению психологизма в рассказе наряду с другими приемами способствует использование обилия символов. Символично описание полуразвалившегося жилого дома стариков, повествующих о своей горькой доле (редкие встречи с детьми, кража пенсии бандитами, жизнь без света и других благ цивилизации). Символично

и описание пути главного героя по безлюдному и заснеженному полю, странствия по дороге, ведущей в никуда. Василию вспомнился эпизод из детства, когда нужда заставила идти одного в поле за сеном, где он заблудился. После этого он пообещал купить матери лошадь, но, став большим человеком, забыл об этом обещании. Его мимолетное раскаяние прослеживается лишь во сне: *«Сон прась онц. И тядяц видекс озась ваксозонза и путозе конязонза ляпе лямбе кяденц... Тядяй, а мон алаша стаки ашень рама тейть... сяс и рана туть эряфста, сталмонь каннезь каладоть»* [Там же, с. 36] («Он уснул. И его мама, как наяву, села рядом, положила на лоб мягкую теплую руку... Мама, а я так и не купил тебе лошадь... поэтому ты так рано ушла из жизни, искалечилась, нося тяжести») и затем очень быстро исчезает. К сожалению, Василий Павлович в силу разных причин, иногда объективных, не выполнил обещание провести свет в Слепой деревне, навестить приютивших его стариков и оказать содействие Тишке. Вместе с тем он способствовал открытию рядом с больницей дома для одиноких престарелых, куда, однако, никто из Слепой деревни не поспешил.

В заключение отметим, что мастерство В. И. Мишаниной в достижении психологизма проявилось на разных содержательно-формальных уровнях произведения: постановки актуальных проблем, представления ярких, неоднозначных и колоритных образов, использования особых лексических пластов, живописных изобразительно-выразительных средств языка и символов, подбора значимых художественных деталей. При этом главным способом психологического изображения внутреннего мира персонажей является суммарно-обозначающий, проявляющийся в использовании особой повествовательной формы — несобственно-прямой внутренней речи. Вместе с тем автор прибегает и к таким способам, как психологический анализ и самоанализ, внутренний монолог (в литературоведении иногда называемый уединенным). Познание внутренних пластов человеческого мироощущения достигается путем организации повествования преимущественно от третьего лица.

Библиографические ссылки

¹ Есин А. Б. Психологизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. Стб. 834 — 835.

² См.: Мишанина В. И. Соко́р веле // Мокша. 2005. № 1 — 2. С. 9 — 37. Далее ссылки в тексте: [Мишанина, с.].

³ См.: Есин А. Б. Психологизм // Литературоведение. Культурология : Избр. тр. 2-е изд., испр. М., 2003. С. 69.

Поступила 16.08.2012 г.

УДК 821.511.152-343.1

Н. И. Швечкова

N. I. Shvechkova

ЖАНРОВО-ВИДОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ МОРДОВСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК

THE GENRE UNIQUENESS OF MODERN MORDOVIAN LITERARY FAIRY TALES

Ключевые слова: литературная сказка, фольклорная сказка, сюжет, жанр, жанровая форма, сказка-басня, сказка-легенда, сказка-пьеса, сказка-притча, сказка-новелла.

В статье раскрывается один из актуальных вопросов современного литературоведения — проблема определения жанрово-видовых модификаций авторской сказки; выявляются основные художественные и композиционные особенности литературной сказки, предлагается аксиологический анализ художественных образцов.

Key words: literary fairy tale, folk tale, plot, genre, genre form, a tale - fable, a tale-legend, a tale-play, a tale-parable, a tale — short story.

The article is devoted to the problem of the definition of genre modifications of authors' tales as one of the most important problems of modern literary criticism. The main literary, composition features of literary fairy tales are revealed, as well as an axiological analysis of literary characters is proposed here.

За долгие годы своего становления и развития литературная сказка стала универсальным жанром, охватывающим все явления окружающей жизни. Ее возникновению во многом способствовала развитая традиция фольклорной сказки и опыт художественной переработки сказочных сюжетов и мотивов.

В современной науке литературная сказка, к сожалению, не получила четкого жанрового определения, несмотря на наличие значительного количества работ по данной проблеме. По мнению многих исследователей (М. Н. Липовецкого, Т. Г. Леоновой, М. М. Мещеряковой, В. А. Бегак), литературная (или авторская) сказка является совершенно уникальным видовым образованием. Опираясь на древние архетипы, она ориентирована не только на жанры народной сказки, но и на ассимиляцию элементов предшествующей культурной традиции. В ней используются идейные принципы и сюжетно-композиционные модели таких литературных жанров, как повесть, философский роман, утопия, притча, басня и др. Так, М. Н. Липовецкий утверждает, что «в целом художественные миры литературных сказок всегда формируются в результате взаимодействия волшебной-сказочной жанровой памяти с моделями мира, свойственными „новым“ жанрам»¹.

По мнению В. Н. Минеева, «литературная сказка — это жанр авторского фантастического литературного произведения, берущий начало в народной сказке, заимствующий у нее концепцию „сказочной реальности“ в качестве жанрообразующего фактора и не носящий научного характера»². В данном определении подчеркивается наиболее характерный признак этого жанра — синтетичность.

Исследователи выделяют различные признаки в жанре литературной сказки. Она может быть основана на фольклорных, мифологических и эпических источниках, а может являться плодом воображения писателя, но в любом случае подчинена его воле. По мнению В. П. Аникина, «...литературная сказка может быть создана лишь при условии творческого отношения писателя к фольклору при условии проявления в сказке повествовательной и авторской индивидуальности, при условии переработки того, что донес до нас сказочный эпос, на основе глубокого изучения современной действительности — первого источника всякого творчества»³. Чудеса и волшебство помогают выстроить в сказке сюжет, охарактеризовать персонажей, воплотить их идеи и мечты. Как отмечалось выше, литературная сказка возникла на основе народной, поэтому сохранила ее основные жанровые признаки. Несмотря на то что сегодня она далека от своих фольклорных истоков, сказочное ядро в ней остается постоянным. Жанровые признаки фольклорной сказки, развиваясь и трансформируясь, сохранились в литературной сказке и являются для нее обязательными.

В современной мордовской литературе встречаются такие жанровые разновидности литературной сказки, как сказка абсурда (П. Е. Родькина); сказка-аллегория, сказка-басня (С. М. Люлякина); сказка-быль, сказка-легенда (В. И. Мишанина); сказка-новелла (П. Е. Родькина); сказка-притча (П. Е. Родькина); сказка-рассказ (В. И. Мишанина, М. А. Тарасова); сказка-сценка, сказка-пьеса (Н. Б. Голенков, С. М. Люлякина, В. И. Мишанина) и стихотворная сказка (А. Ф. Ежов, С. М. Люлякина) и т. д. Литературная сказка свободна в совмещении мифологических элементов, традиций фольклорных сказок, а также легенд, преданий и т. п., поскольку современные авторы имеют возможность творчески опираться на все достижения отечественной и мировой культуры. Отсюда и обилие видовых форм подобного повествования. При этом авторы редко обосновывают правомерность использования того или иного термина на базе выявления основных жанровых признаков.

Самобытное явление представляет собой наследие мордовской сказительницы С. М. Люлякиной⁴, основанное на продолжении традиций сказительского творчества и письменной литературы. В ее творчестве широко представлена стихотворная сказка. С. М. Люлякина, хорошо зная мордовский фольклор, характер его бытования и исполнения, свободно подходит к интерпретации сказки, насыщая ее новыми чертами, как бы заново komponуя традиционный сказочный материал. В сказках сказительницы своеобразие художественного видения и осмысления мира выражаются в особенностях языка, интонациях, средствах изображения, в эмоциональной оценке высмеиваемых явлений. Сказки-басни автора полны метких речевых характеристик (**злыдня овто** — злой медведь, **верьгиз цетмар пуло** — волк с облезлым хвостом, **сея сянго суро** — коза с острыми рогами, **кенде пеке бука** — бык со свалявшейся шерстью на боках и т. д.), за которыми стоят сатирические образы персонажей. Благодаря экономности в средствах художественной выразительности и сатирической заостренности мысли автор достигает в данных произведениях афористичности. Не только заключительные строки сказки-басни выражают басенную мысль, но и каждая строка подводит читателя к морали не назидательно, а легко и шуточно: «*Кие эри берянь тевсэ, / Ловт, эри вергизэнь превсэ* [Люлякина, с. 76] («Кто живет плохими делами, / Считай, живет волчьим умом») или «*Эх, ёжов, эзь сато превтне / Одсто кадомс берянь тевтне* [Там же, с. 96]. («Эх, хитрая, не хватило ума / В молодости оставить плохие дела»).

В волшебных сказках С. М. Люлякиной прослеживается четко сохранившаяся традиционная обрядность. Многие из них начинаются с присказки, например, сказка «Сиянь пей» («Серебряный зубок»): *«Ёвкст вельть ламо мастор лангсо, / Ёвтнить эйсэст эрва косо. / Кунсолодо тынь, монь пакшан, / Монгак ёвкс ёвтнемэ капшан»* [Там же, с. 62] («Сказок много на земле, / Рассказывают их везде. / Слушайте и вы, мои дети, / И я спешу вам сказку поведать»). В зачинах, характерных для народных сказок, автор обстоятельно и добросовестно стремился к полноте и точности в детализации описаний (т. е. не только дать общее обозначение места действия, но и конкретизировать его). Поэтика сказок-пьес С. М. Люлякиной характеризуется тем, что в них причудливо трансформируются и комбинируются фольклорные мотивы и образы, некоторые сюжеты представляют собой синтез русской и мордовской мифологий. Сказки-пьесы построены с соблюдением большинства законов драматического жанра. Действие основано на остром конфликте. В афише перечисляются все персонажи, иногда указываются их родственные связи. В ремарках даются пояснения к тексту, касающиеся обстановки, поведения и внешности действующих лиц. Реплики персонажей в основном немногословны, что обусловлено возрастными особенностями детей, внимание которых не может быть долгое время сосредоточено на одном предмете. В отличие от традиционных, драматических произведений, в сказках С. М. Люлякиной всегда присутствует *ветиця* (ведущий), произносящий свои немногочисленные реплики как на сцене, так и за кадром. Его роль сводится к толкованию отдельных моментов действия. Такой прием вполне оправдан, поскольку большая часть пьес ориентирована на зрителей-дошкольников или школьников младших классов. Произведения С. М. Люлякиной насыщены мотивами народной поэзии, свидетельствуют о прекрасном знании детской психологии; в них ставятся и успешно решаются эстетические, познавательные и воспитательные задачи.

Первым произведением из ряда литературных сказок современной мордовской писательницы В. И. Мишаниной является «Серебряная ракушка»⁵, жанр которого обозначен автором как легенда. В произведении писательница учит детей верности, честности, мужеству и доброте. Ценность сказки-легенды заключается не только в ее воспитательной, но и в познавательной функции: из нее читатель узнает много интересного о жизни предков мордовского народа, его занятиях, обычаях и традициях, представлениях о красоте и вероисповедании. Несомненный интерес вызывает сборник «Пингонь оргат»⁶ («Ворота времени»), включающий в себя несколько рассказов. Произведение с одноименным названием представляет собой «сказку в рассказе». Здесь повествование ведется от лица мудрой женщины, основной заботой которой является воспитание внучки в духе народных традиций.

В. И. Мишанина успешно работает и в жанре драмы. Ею созданы разные по идейно-тематической и сюжетно-композиционной организации три сказки-пьесы. Наибольший интерес представляет сказка-пьеса «Ёронь юромста стирня»⁷ («Девочка из племени перепелки»), в которой раскрываются современные проблемы, в частности проблема семьи и воспитания детей. Суть замысла заключается в том, что ребенок может быть до конца счастливым лишь в полноценной семье, рядом с любимыми родителями — отцом и матерью.

Около трех десятков сказок создано и опубликовано известной мордовской сказительницей П. Е. Родькиной⁸. Ее произведения созданы на стыке двух систем —

фольклора и литературы. П. Е. Родькина умело использует в своих сказках как традиционные устно-поэтические средства, так и стилевые возможности, заимствованные из арсенала книжной литературы. Именно эта творческая позиция писательницы предопределила принципиальную новизну сказок, их оригинальный художественный облик. Сказки автора удивляют разнообразием, что затрудняет выявление жанрово-родовой классификации произведений. В творчестве писательницы выделяются сказки-новеллы («Ягор атянь азксонза» — «Рассказы деда Егора»), сказки-притчи («Козя аля» — «Богатый мужик», «Баславама» — «Благословение», «Керня» — «Кузовок», «Сире алаша» — «Старая лошадь» и др.) и сказки абсурда («Ракетафтома — космосу» — «Без ракеты — в космос», «Кода рвььяфтомазь... эсьфтомон» — «Без меня... меня женили», «Азорсь букат сюци» — «Хозяин быков ругает», «Лездонь» — «Помог», «Бохаряму квасонкса» — «В погреб за квасом» и др.). Категория чудесного в сказках П. Е. Родькиной раскрывается на основе вымысла, близкого к реальному миру. В создании персонажей широко используются приемы комического. Язык сказок отличают образность, афористичность и диалогизация.

Цикл произведений «Ягор атянь азксонза» («Рассказы деда Егора») — это сказки-новеллы о необычных, но не волшебных приключениях и событиях из личной жизни рассказчика деда Егора. В них повествуется об удивительных путешествиях и опасностях, забавных и запутанных жизненных ситуациях, из которых герой выходит победителем не с помощью волшебства, а благодаря собственной изворотливости и ловкости, хитрости и уму. Творческая фантазия, выдумка в сказках этого типа носят принципиально иной характер по сравнению с волшебными: это не столько фантастическое, сколько просто удивительное и невероятное. В основу сказки-новеллы положен занимательный сюжет, изобилующий комическими ситуациями, вызывающими смех. Это свойство объясняется тем, что назначение новеллистического повествования в основном состоит в изображении неразумности и алогичности обыденной жизни.

В произведениях П. Е. Родькиной формы бытового вымысла представлены весьма разнообразно. Так, в сказке-абсурде «Кода рвььяфтомазь... эсьфтомон» («Без меня... меня женили») автор использует прием утрированного изображения глупости: молодую сноху свекровь отправила во двор за квасом. Девушка чихнула на теленка и стала просить у него прощения, а он «все головой мотает». Вслед за снохой вышла свекровь, посоветовав снохе подарить теленку сюлгамо, при этом сама встала рядом с ней на колени. Вскоре к ним присоединился свекор. Все вместе они стали просить и сына встать на колени, на что тот ответил: *«Няйсасть, вазнясь мярьгонди тейнтъ: Простушкат! А тяни прощайте, туян эздонт мастор ланга якама-шаяяма; муян ёжу ломатъ, лядан ёткозост, а кда аф муян, меки саян»*⁹ («Видите, теленок говорит вам: Простушки! А теперь прощайте, уйду от вас по белу свету ходить-бродить; найду умных людей, останусь с ними, а не найду, домой вернусь»).

Сказки-притчи П. Е. Родькиной несут в себе особую символическую наполненность, характеризуются тяготением к глубинной сущности морали и нравственности народа, особенностям его мировоззрения. Автор достаточно полно использует признаки притчи: установку на устное бытование (сказочную форму), неразвернутость сюжета, сжатость характеристик и описаний, строгую простоту композиции, лаконизм и точность выражения, опору рассказчика на некоторую предварительную ос-

ведомленность и соответствующую позицию слушающего, на его предуготованность к адекватному реагированию, интерес к жизни с выходом на универсалии человеческого бытия.

В сказках П. Е. Родькиной встречаются фольклорные афоризмы, которые позволяют автору полнее и ярче передать состояние своих героев, создать емкий художественный образ. Особое распространение в ее сказках получили эллиптические формы, т. е. такие предложения, в которых опущены некоторые связующие члены. Обилие таких структур придает фразам особую сжатость, лаконизм, динамизм и выразительность. Наибольшее распространение получают неполные предложения в диалогах, иногда целиком построенных на использовании эллипсисов.

В последние годы в жанре литературной сказки успешно работает М. А. Тарасова¹⁰. Тематически ее сказки можно объединить в две группы: сказки о спасении родного народа и земли от разрушительных сил («Чинь налт» — «Солнечные лучи», «Толонь панго» — «Огненный гриб» и др.) и сказки о великой силе любви, которая помогает преодолевать все препятствия («Чивалдоня и Лепичей», «Сэнь ведь» — «Синяя вода» и др.). Несмотря на нравоучительный характер, сказки не вызывают отторжения, напротив, придают силы бороться с инерцией жизни, противостоять тому, что негативно воздействует на человека.

Мордовские литературные сказки в стихотворной форме в последние десятилетия издаются редко. Наиболее известным современным поэтом-сказочником является А. Ф. Ежов¹¹. Он умело проникает в детскую психологию, раскрывая неповторимый мир души ребенка. Его произведения основаны на народной морали, отличаются высокой культурой слога и мысли, лирической задушевностью, выразительностью языка, разнообразием познавательного материала.

Сказки А. Ф. Ежова о животных, как отмечает региональный литературовед А. В. Еремкин, «весьма оригинальны, интересны и поучительны. Каждый из персонажей предстает перед читателем, как правило, в неожиданном ракурсе, проявляя, в зависимости от обстоятельств, те или иные качества. Однако эти качества ни в коей мере не идут вразрез с основными чертами характера, свойственными персонажам из народных сказок. Кроме того, ритмичность, напевность, легкость сказок способствуют тому, что они быстро запоминаются, в силу чего увеличивают воспитательное воздействие»¹².

Сегодня одним из плодотворных мордовских драматургов, создающих сказки-пьесы, является Н. Б. Голенков¹³. В его творчестве широко представлены такие разновидности авторской сказки, как сказки-пьесы и сказки-сценки. Все они имеют назидательно-дидактический характер. В частности, у Н. Б. Голенкова есть цикл произведений, в которых главным персонажем выступает четвероклассник Сема Нолин — нерадивый ученик-философ.

Таким образом, современная литературная сказка открывает писателям широкие возможности для жанровых экспериментов в литературе, так как она свободна в совмещении мифологических элементов и традиций фольклорных сказок, легенд, преданий, басен и других литературных жанров (отсюда и разнообразие жанровых разновидностей мордовской литературной сказки). Артистизм повествовательной организации, игровая атмосфера, широкие интертекстуальные возможности делают ее необычайно привлекательной зоной для художественного эксперимента.

Библиографические ссылки

- ¹ Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки: (на материале русской литературы 1920 — 1980-х годов). Свердловск, 1992. С. 98.
- ² Минеев В. Н. О жанровой специфике литературной сказки // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 2001. С. 48.
- ³ Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1959. С. 245.
- ⁴ См.: Люлякина С. М. Ёвтан тыненк, мезде нудеесь морась : стихть, ёвкст, морот, ёвтамот, пьесат. Саранск, 1994. 320 с. Далее ссылки в тексте : [Люлякина, с.].
- ⁵ См.: Мишанина В. И. Серебряная ракушка. 1980. 112 с.
- ⁶ См.: Мишанина В. И. Пингонь ортат // Мокша. 1980. № 5. С. 15 — 51.
- ⁷ См.: Мишанина В. И. Ёронь юромста стирня : азкст, повесть, пьесат, ёфкст. Саранск, 2006. С. 264 — 292.
- ⁸ См.: Родькина П. Е. Толгафтома атякш : ёфкс, азкст. Саранск, 1995. 95 с.
- ⁹ Там же. С. 43.
- ¹⁰ См.: Тарасова М. А. Псакань ёвкст. Саранск, 1996. 108 с.
- ¹¹ См.: Ежов А. Ф. Вирень кошьяльня : стихт, ёфкст. Саранск, 2000. 68 с.
- ¹² Еремкин А. В. Поэтика мордовской литературной сказки : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2008. С. 13.
- ¹³ См.: Голенков Н. Б. Зрнянь сельмоветть : пьесат, сценкат, азкст, пеетькст. Саранск, 2005. 153 с.

Поступила 26.03.2012 г.

УДК130.2:39(=511.1)

В. Н. Аношина
V. N. Anoshina

ПОНЯТИЕ О ДУШЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОРДВЫ И ДРУГИХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

THE CONCEPT OF THE SOUL IN THE IDEA OF THE MORDVINS AND OTHER FINNO-UGRIC PEOPLES

Ключевые слова: мордва, финно-угорские народы, душа, душа-дыхание, сознание, призрак.

В статье рассматриваются представления мордвы и других финно-угорских народов о душе как о носительнице жизни.

Key words: the Mordvins, Finno-Ugric peoples, the soul, the soul-breath, the mind, a ghost.

The ideas of the Mordvins and other Finno-Ugric peoples about the soul as a bearer of life are considered in the article.

Одним из первых обратился к исследованию идеи души в первобытной культуре английский этнограф Э. Б. Тайлор, выдвинувший анимистическую теорию происхож-

дения религии у древних людей на основе их наблюдений над явлениями сна, болезни, обмороков, смерти и т. д., порождавшими представления о «двойнике», сидящем в теле человека, способном покидать его временно или окончательно. Э. Б. Тайлор отмечал, что «дикие племена в их первоначальном воззрении на человеческую душу представляли ее себе как эфирное или парообразное существо и это воззрение занимало видное место в человеческой мысли во все века»¹. Позднее душу стали приписывать животным, растениям и неодушевленным предметам. Немецкий психолог В. Вундт предлагал различать раннее представление о душе — «телесной душе», неотделимой от тела, помещавшейся в крови, глазах, почках, фаллосе и других органах, и более позднее — о «свободной душе» (психе) в ее главных разновидностях: душа-дыхание и душа-тень, способная покидать тело². В древности у многих народов была широко распространена вера во «внешнюю душу», способную не только временно покидать человеческое тело, но и скрываться ради безопасности в постороннем предмете, в теле животного и т. д. Элементарным представлением о душе является ее отождествление с дыханием. Не менее архаично отождествление души с кровью человека и животных. Этим обусловлен строгий запрет в Библии употреблять в пищу кровь или необескровленное мясо. Вместилищем души у многих народов считается также тень, отбрасываемая человеком, его отражение в воде или в зеркале, портретное изображение и т. д. Считалось, что во сне душа покидает тело и самостоятельно путешествует, принимая при этом вид птицы, насекомого и др. Отсюда вера в вещие сны и их толкование, а также запреты неожиданно будить спящего: душа не успеет вернуться и войти в тело³.

В эрзянском мифе о сотворении человека душа отождествляется с сознанием. В человека его мог вложить как Верховный бог после сотворения его тела, так и даровать мать-богиня Анге Патяй при рождении⁴. Это означает, что сознание является не свойством мозга, а автономной мыслящей субстанцией, внесенной в него извне, переданной от Бога и имеющей нематериальное начало. Каждый человек наделен особым сознанием, благодаря чему люди отличаются друг от друга. Сознание, будучи внесенным извне, не зависит от физических и социальных свойств человека и остается на всю его жизнь качественно неизменным, хотя его содержание меняется и развивается. Качественная особенность сознания людей указывает на его предопределенность, обусловленность мировым разумом. Субъект сознания — Бог. После сотворения мира оно становится свойством всего космоса. Душа в данном случае представляется как нематериальная сущность, заключающая в себе жизнь человека, его разум, психику, образ мыслей, характер, любовь, ненависть, смелость, трусость, лень и трудолюбие; существенной составляющей души является идея Бога, который дает человеку разум либо отнимает его, определяет качественное состояние души. Душа не зависит от тела, она бессмертна. Тело прекращает свое существование, когда душа покидает его. Покинув тело человека, душа возносится на небо, к Богу.

Мифологические представления эрзян и мокшан о душе описаны У. Харвой. Материалом для его выводов послужили воззрения, отраженные в фольклорных текстах Х. Паасонена, записанных от эрзян и мокшан. Исходя из них, понятие о душе у мордвы прежде всего связано с актом дыхания. Она считала душу (м. — **вайме**, э. — **ойме**) носительницей жизни, полагая, что с прекращением дыхания душа покидает тело человека и превращается в голубое облако. Когда человек переставал

дышать и умирал, говорили: м. «*ваймоц лиссь*», э. «*оймезэ лиссь*» («душа покинула человека»)⁵. Позже появилась вера в самостоятельное загробное существование души, похожее во многом на земную жизнь людей, вера в воображаемый мир духов — тот свет (м. **тонаши** э. **тоначи**), куда якобы души умерших направляются после смерти. Вера в самостоятельное существование души отразилась в погребальных и поминальных обрядах. У. Харва отмечал, что душа в представлении мордвина есть нечто светлое, неслучайно ее самым ближайшим определителем в народной поэзии является слово **валдо** («светлый»). Мордва верила, что душа умирающего человека может перейти в ребенка, которому предстоит родиться, или в лоно женщины, которая затем забеременеет. Для продолжения человеческой жизни кроме души, уход которой из человеческого тела непременно означает смерть, необходимо э. **арнэ** («сила, мощь»)⁶. Первоначальное значение этого чисто эрзянского слова не известно. У. Харва обратил внимание на существование у мордвы, как и у большинства восточно-европейских народов, обычай ставить возле умирающего человека стакан или блюдо с водой — (м. **вайме ведь**, э. **ойме ведь**), в которой, как предполагали, умывается душа, только что покинувшая тело умершего. В воду опускали металлическую монету, чтобы задобрить душу. Возле стакана клали лепешку или пирог, с целью накормить ее. Верующие люди рассказывали, что некоторые даже видели, как в стакане или чашке плескалась вода, а значит, умывалась душа⁷. Этот обычай прибалтийско-финские народы, очевидно, переняли у русских⁸.

Как и многие другие народы, мордва считала душу существом материальным, имевшим повседневные людские потребности. Поэтому в дом умершего родные и соседи приходили с различной пищей, хлебом-солью, пуре и деньгами. Ссылаясь на А. Н. Минха, У. Харва отмечал, что мордовские женщины, услышав о смерти кого-либо из жителей селения, спешили приготовить одно или несколько праздничных блюд, которые несли в дом, где находился покойник⁹. В гроб с умершим клали необходимые душе в загробном мире утварь (чашки ложки и др.), орудия труда (топор, серп, кочедык, лапотные колодки, напильник), деньги, брагу или вино, даже трубку, если покойник курил; с умершим ребенком — орехи, игрушки и т. д.¹⁰

У. Харва представления о душе сопоставлял также и с представлениями о призраках умерших. Призрак умершего эрзяне и мокшане называют **чопача**. Если ему люди не приносили жертву в виде поминовений, то он становился странствующим призраком. Душа-призрак (чопача) могла посещать живых в поминальные дни в виде птицы, летающей в вечерних сумерках, величиной и по виду напоминающей кукушку. Кроме значения **чопача** (призрак), душа имеет еще несколько других значений (например, картина, фотографическое изображение и т. д.).

Религиозные верования, связанные с представлениями о душе и о ее загробном существовании, тесно соприкасаются с культом предков, получившим особое развитие в патриархальном обществе и выражавшимся в поклонении душам предков, которым приписывали возможность влиять на жизнь потомков.

Сходные представления о душе есть у всех финно-угорских народов. Удмурты полагали, что у человека две души — **лул** и **урт**. Смерть наступает после того, как душа **лул** покидает тело, а душа **урт** превращается в летучую мышь или в ночную бабочку, поэтому бабочкам старались не причинять вреда. Марийцы представляли душу в виде **чоп** (**йанг** — у горных марийцев) и **орт**. Душа **чон** связывалась с

дыханием, поэтому считалось, что она выходит при последнем выдохе. По представлениям марийцев, душой **чон** обладают лишь люди и живые существа, в то время как душой **орт** — и предметы. **Чон** в значении души марийцами представлялось как реальное явление, способное покинуть тело человека при сильном волнении, во время сна и перед смертью. В марийском фольклоре душа **чон**, покидающая человека во время сна, изображалась ящерицей. У обских угров нет единого мнения о сущности души или душ и их взаимосвязи. Однако и у них существовало представление о двух душах — душе-дыхании **лиль** (хант.), **лили** (манс.) и душе-тени **ис**, **илып** (ханты.), **ис**, **исхор** (манс.). Новорожденным душу **лиль**, **лили** давала богиня Калтась. В представлении восточных хантов душа **лиль** обычно невидима, но, покидая тело человека во время сна, обморока, тяжелой болезни, при наступлении смерти, могла принимать облик ящерицы или жука, по другим данным, она антропоморфна¹¹. У коми-зырян и коми-пермяков бытовали единые представления о том, что у человека две души: душа-дыхание **лов** и душа-тень (душа-двойник) **орт** (**урес** — у ижемских коми-зырян, **оушенька** — у печерских). После ухода души-дыхания **лов**, т. е. с прекращением дыхания, человек умирал. Душа **орт** сопровождала человека всю жизнь, при этом была невидимой. Видеть ее могли лишь некоторые колдуны, а также те, кто прошел под гробом или под мордой лошади, везущей покойника¹². У коми видимая душа **орт**. Душой **орт** считалась также птица или белка, залетевшая или забежавшая в дом¹³. В мифологии венгров душа-дыхание **ле-лек**, покидала тело лишь со смертью, и душа-тень **исц**, которая могла покинуть человека во время сна¹⁴. По воззрениям венгров, душа-тень **исц** способна принимать образ мыши¹⁵.

В понятии о душе связывались между собой различные жизненные проявления и мысли, несравненно более сложные, чем дыхание. С целью избежать запутанности были сделаны попытки определить и классифицировать более точно понятия, связанные с душой, при помощи предположения, что в человеке заключено множество душ, или образов, которым соответствуют различные отправления организма. Исследователь религиозных верований обских угров В. Н. Чернецов выделил у мужчин пять душ: уходящую, сонную, путешествующую во время сна в образе глухарки (**улус ис**), реинкарнирующуюся (т. е. возвращающуюся), силу и еще одну реинкарнирующуюся душу. У женщин были только первые четыре души. Рождение, здоровье, болезнь, сон, обморок, смерть, потусторонняя жизнь — все это связывалось с наличием, временным или окончательным уходом либо с разрушением души (жизненной силы). Важнейшей причиной заболевания считалось «попадание в беду» одной из душ, отделившейся от тела. Ее могли увести умершие родственники, духи нижнего мира или другие духи, желающие причинить человеку зло¹⁶.

Итак, как и многие другие финно-угорские народы, мордва считала душу носителем жизни. Она полагала, что когда душа покидает тело человека (через рот) временно, то он засыпает, если же прекращается дыхание, душа уходит совсем — человек умирает. Со временем появилась вера в самостоятельное загробное существование души, похожее во многом на земную жизнь людей, вера в воображаемый мир духов — «тот свет», куда якобы души умерших направляются после смерти. Вера в самостоятельное существование души отразилась в погребальных и поминальных обрядах.

Библиографические ссылки

- ¹ **Тайлор Э. Б.** Первобытная культура. М., 1989. С. 228.
- ² См.: **Вундт В.** Миф и религия. СПб., 1912. С. 416.
- ³ См.: Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1980. Т.1. С. 414.
- ⁴ См.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 44, 82.
- ⁵ См.: **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 21.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid. S. 24.
- ⁸ Ibid. S. 25 — 26.
- ⁹ Ibid. S. 25.
- ¹⁰ Ibid. S. 37 — 38.
- ¹¹ См.: **Айхенвальд А. Ю.** К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. М., 1982. С. 183 — 184.
- ¹² См.: **Семенов В. А.** Некоторые архаичные представления коми по материалам погребального обряда. Сыктывкар, 1985. С. 173 — 174.
- ¹³ См.: Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1 : Мифология Коми. М., ; Сыктывкар, 1999. С. 55 — 56.
- ¹⁴ См.: **Юрченкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009. С. 169.
- ¹⁵ См.: **Айхенвальд А. Ю.** Указ. соч. С. 185 — 186.
- ¹⁶ См.: **Черенцов В. Н.** Представления о душе у обских угров // Исследования по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 114 — 156. (Тр. по истории и этнографии ; т. 51).

Поступила 02.04.2012 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ*

Энциклопедия

И

ИВАН ГРОЗНЫЙ, персонаж мордов. легенд и преданий, восходящий к реальному лицу — рус. царю 16 в. По мнению мордвы, И. Г. имел черты мудрого правителя. Его уважали воины, и он прислушивался к их словам. Во время похода на г. Казань он советовался с мордов. старейшинами и следовал их советам. В ист. песнях мордвы И. Г. — «родимый батюшка», «свет», «великий государь». Он мыслился не только как рус. царь, но и как свой, мордов., правитель. В образе И. Г. мордва видела и изображала гос. рук., достойного подражания, противопоставляя его тат. ханам. В то же время И. Г. был резок, груб, вспыльчив, моментально впадал в гнев, был готов наказать. По мнению А. И. Маскаева, он напоминает «царя-гонителя в сказках, где царь даёт герою трудные поручения, грозя отрубить ему голову, если он не справится с царским заданием» (Маскаев А. И., Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, с. 305). Однако, понимая свою неправоту, И. Г. быстро отходил, награждал отличившихся. При этом награда была всегда

весомой — это не только деньги, но и определённые льготы.

С И. Г. в мировосприятии мордвы связано её вхождение в состав Рус. централизов. гос-ва, в поэтич. форме отраж. в мордов. песне «На горах на Дятловых». В ней повествуется о том, как при подходе к г. Н. Новгороду рус. царь (мурза) видит на Дятловых горах молящуюся мордву: «На горах, на горах-то на Дятловых / Мордва богу молится, / Земле-матушке на восток поклоняется» (УПТМН, т. 1, кн. 2, с. 15). Царь посылает молящимся два бочонка с золотом и серебром. Старики принимают дар, а после молитвы думают, что им «мурзе послать, в дар ему дать» (Там же, с. 16). Они посылают хлеб, соль и мёд с юношами. Устав в дороге, те садятся отдохнуть и съедают дары мордов. старейшин, решив, что они не узнают об этом. Затем, наложив в блюда земли и песка, посланники подносят их моск. государю. «Мурза землю и песок честно принимает, / Крестится, бога благословляет: / — Слава тебе, боже царю! / Что отдал в мои руки мордовскую землю!» (Там же, с. 18). Поднесение земли и песка воспринимается как символ покорности и добровольной передачи мордов. земель И. Г.

* Начало в № 2, 2011 — 2, 2012.

Образ И. Г. является составной частью неск. фолькл. сюжетов, тематически связ. с походами царя на г. Казань.

Первый сюжет — И. Г. и проводники его воинов. Среди проводников царя мордов. предания наз. братьев Чукай, Андрея, Игната, Качая и Кизая, а также крестьян Калея и Кужендея. Как правило, первонач. И. Г. не доверяет проводникам, однако после того как те проводят войско правильной дорогой, указывают брод через реку и т. п., он жалует их вместе с потомством землей, лесами и бортными ухажаями, а также освобождает от уплаты налогов. По преданиям, практически все проводники становятся основателями насел. пунктов: Кужендей основал с. Кужендеево, Чукай — Чукалы, Андрей — Андреевку, Игнат — Игнатово, Качай — Качаево. В миропонимании мордвы проводники И. Г. тесно связаны с нар. историей. Так, Кужендей представлялся братом Ерзи, к-рый с женой Масьей, основал город Арзамас — столицу эрзи. Предания о проводниках И. Г. приземлены, в них много бытовых деталей и событийных ходов, напр. награждение мордвина Калея вызывает зависть у жителей близлежащих селений, к-рые убивают и грабят его.

Второй сюжет — спасение И. Г. от заговора и внезапного ночного нападения. Согласно преданию «Девичьи Горы», царя спасает мордов. девушка, случайно узнавшая о планах его убийства. Она предупреждает об опасности, но сама погибает. Благодарный царь приказывает с почётом похоронить свою спасительницу, построить на её могиле церковь и насыпать холм.

Третий сюжет — взятие г. Казани и роль мордвы в штурме. В ист. песнях мордов. девушка Саманька (др. варианты — Сашайка, Сашенька, Саман) помогает И. Г. штурмовать город, к-рый

он не может взять в течение семи лет. Девушка просит царя выделить ей воинов («дай мне пятьдесят человек с человеком») и воинский припас («дай мне с порохом пятьдесят бочонков с бочонком»), делает подкоп под крепостные стены и взрывает их. Кульминацией событий является момент, когда свечи, выступающие в качестве своеобразного индикатора, догорают, а взрыва не происходит, и И. Г. уже готов казнить Саманьку: « — Ох ты, красная девка! / Голову сниму с тебя долой, / Что надсмеялась надо мной» (Там же, с. 24). Девушка смело отвечает: « — Но, великий государь, / На воле свечки горят скорей, / Нежели как они тают под землей». В этот момент «дошли свечки до каждого бочонка. / Взяли Казань рвать, / Взяли стену метать» (Там же). И. Г. сразу меняет гнев на милость и спрашивает, чем жаловать девушку. Та отвечает: « — Ничем, государь, меня не жалуй, / А позволь нам лицо твоё колоти / Да на своих лбах носить» (Там же, с. 22). Комментируя эти слова, П. И. Мельников писал: «Мордовки прикалывают серебряные монеты и носят их на лбу (кумбо). Повсеместно у мордвы предание, что Иоан Грозный во время Казанского похода за службу мордвы позволил жёнам их прикалывать монеты и носить на себе» (Там же, с. 308). Иная интерпретация сюжета содержится в преданиях, где в качестве авторов идеи взрыва стен и её реализации выступают мордов. воины Марезь и Эрмезь. При этом в ряде вариантов преданий вместо пороха фигурирует «эрзянское оружие» — бочки с кислым молоком: «Ды секскак мерить народсонть, што чапамо ловсось Казань янги» — «Не зря в народе говорят, что кислое молоко Казань рушит» (Там же, т. 10, с. 63, 66). В песнях и преданиях о взятии г. Казани прослеживается интерес к делу И. Г. со стороны мордов. на-

селения Ср. Поволжья. Так, приводится характерная бытовая деталь: мордов. девушка Саманька на посиделках в бане выражает беспокойство тем, что царь семь лет пытается взять Казань, много льёт крови, но не может овладеть городом. Подруги внимательно слушают её.

Четвёртый сюжет — топонимич. предания об основании отд. насел. пунктов мордов. края. Типичным является предание об основании с. Каменный Брод Ельниковского р-на Мордовии. Согласно ему, переходя через р. Мокшу, царь заставил своё войско набрать камней и сделать из них дорогу, поэтому и стали говорить: «Каменный Брод». Нек-рые топонимы предание связывает с окружением И. Г. Так, назв. г. Ардатово возводится к имени приближённого царя Ардашки, к-рый во время борьбы с татарами был послан за подкреплением в г. Рязань.

В одной из сказок мордвы-мокши образ И. Г. трансформируется в сказочный — *Ивашки Приметлева*, богатыря, возвращающего народам солнце, луну и звёзды, похищ. злыми силами.

В мордов. лит-ре образ И. Г. использован М. И. Уездиным в поэме «Буря над Мокшей». Переработав предание о проводниках И. Г., поэт создал образ старика Аблая, указывающего брод через р. Мокшу. Уездин представил этнографически вывер. сцены мордов. моления, воспроизвёл неск. легенд. Ист. песни о Саманьке и И. Г. легли в основу нац. эпоса «Масторава». В изобразит. иск-ве следует отметить работы худ. Н. С. Макушкина, служащие иллюстрациями к «Мастораве».

Тексты: Рус. вестн. 1867. № 68; Нижегород. губерн. ведомости. 1887. № 7; **Мельников А.** Девичьи Горы. Из местных преданий // Там же. 1891. № 40; **Размадзе А. С.** Волга от Нижнего Новгорода до Астрахани.

Киев, 1896; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1: Мокшанские сказки. Саранск, 1966; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1, кн. 2: Исторические песни XVI—XVIII вв. Саранск, 1977; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск, 1983; Легенды и предания / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1996. (Сказание о мордвях; т. 1); Мифы древней Волги: Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времён до наших дней. Саратов, 1996; Легенды и предания Волги-реки / сост. В. Н. Морохин. Н. Новгород, 2002; Масторава: Мордов. нар. эпос. Саранск, 2009; Масторава: мордовский народный эпос. Саранск, 2011; Масторава: эрзя-мокшонь раськень эпос. Саранск, 2011.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981; **Примеров А.** Село Каменный Брод Краснослободского уезда: (Ист.-стат. описание прихода) // Пенз. епарх. ведомости. 1871. № 21; **Миллер В. Ф.** Русские и инородческие предания о Казанском походе Ивана Грозного // Этногр. обозр. 1913. № 1 — 2; **Марков А. В.** Отношения между русскими и мордвой в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени // Изв. Тифлис. высших жен. курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1, вып. 1; **Корсаков И. М.** Русско-мордовские связи в фольклоре // Литературная Мордовия. Саранск, 1960. № 19 — 20; **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964; **Ватанина М. Ф.** Поэтический язык мордовских исторических песен. Саранск, 1968; **Её же.** Мордовские исторические песни об Иване Грозном. Песни о Павле I // Учён. зап. Мордов. ун-та. Сер. Яз. и лит-ра. Саранск, 1968. № 64; **Уездин М. И.** Буря над Мокшей. Саранск, 1979; **Ефимова М. Ф.** Мордовские исторические песни. Саранск, 1980; **Власова З. И.** Фольклор о Грозном у П. И. Мельникова и Н. К. Миролюбова // Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. (Русский фольклор;

т. 20) ; Красная Слобода. Саранск, 2008 ;
Юрчѐнков В. А. Грозный царь, его противники и сторонники // Странник. [Саранск]. 2012. № 3.

В. А. Юрчѐнков.

ИВА́НОВ ДЕНЬ (И в а н К у п а л а ; м. **Купальня**, э. **Иван Купала**), летний нар. праздник языч. происхождения. Имеет старинную традицию празднования практически по всей Европе. До распространения христианства был связан с летним солнцестоянием (20 — 22 июня). С принятием христианства обрядовая часть праздника была приурочена к Рождеству Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечи) — 24 июня по старому стилю. С переходом на новый стиль эта дата сдвинулась на 7 июля и праздник потерял астрон. соответствие солнцестоянию.

Обряды, совершаемые в канун И. д. («ночь накануне Ивана Купалы»), составляют сложный обрядовый комплекс, включающий сбор трав и цветов, плетение *венков*, украшение зеленью построек, разжигание костров, перепрыгивание через них или через букеты зелени, обливание *водой*, *гадание*, отслеживание *ведьмы*, ночные бесчинства и др. Осн. часть обрядов проводилась ночью. По поверьям крестьян, в Купальскую, самую короткую, ночь нельзя спать, т. к. оживает и становится особенно активной нечистая сила — *ведьмы*, оборотни, русалки, колдуны, домовые, водяные, лешие. Поэтому содержанием стержнем всей купальской обрядности является мотив изгнания нечистой силы.

Обязательным обычаем И. д. было массовое купание, т. к. с этого дня из рек выходила вся нечисть, поэтому вплоть до *Ильина дня* можно было купаться без опасений. Кроме того, воде в И. д. при-

писывались магич. свойства, способные наделить человека жизн. силой и здоровьем.

Гл. особенность Купальской ночи — очищающие костры. Вокруг них плясали, через них прыгали: кто удачнее и выше прыгнет, тот будет счастливее. В нек-рых местах через купальский огонь прогоняли домашний скот для защиты от мора. Считалось, что купальский костёр обладает магич. силой, способной отогнать всю нечисть, прежде всего ведьм как наиболее опасных в это время: они могли украсть молоко у коров или испортить хлеб на полях. Помимо разжигания костров в нек-рых местах поджигали колёса и смоляные бочки, к-рые затем скатывали с гор или носили на шестах, что совершенно очевидно связано с символикой солнцеворота.

Характерная примета И. д. — многочисл. обычаи и предания, связ. с растительным миром. Травы, собр. в этот день, сушили и берегли, считая их целебными. Ими окуривали больных, а также боролись с нечистой силой, употребляли для разжигания любви или для «отсушки». Особое место в купальском реквизите занимали венки, использовавшиеся преим. для ряжения девушек и гадания. Потом венки бросали в костёр, в воду, разрывали на части, относили в огород, забрасывали на крышу, а также сохраняли и использовали для лечения или магич. действий. Гл. растением в И. д. становился папоротник, с к-рым повсеместно связывали предания о кладах. Согласно поверью, с цветком папоротника, расцветающим всего на неск. мгновений в полночь на И. д., можно увидеть все клады, как бы глубоко в земле они ни находились.

В культуру мордов. этноса празднование И. д. вошло с принятием христианства. По свидетельству П. И. Мельникова: «В Иванов день у мордвы бы-

вает большое празднество Нишке-пазу, богу неба, солнца, света и тепла, которого отождествляют то с Иоанном Предтечей, то со спасителем» (Мельников П. И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы, Саранск, 1981, с. 58). Мордва верила, что в ночь на И. д. на всех травах горят свечи, а на одном цветке — двенадцать свечей, к-рые видны только честным людям. Тот, кто оторвёт от этого цветка хоть один лепесток, будет знать язык всех зверей, змей и птиц. В эту ночь клад, зарытый в земле, по представлениям мордвы, выходил в виде серебристого коня с золотой дугой, при этом звон золотого колокольчика мог слышать только достойный человек. По И. д. мордва судила о предстоящем лете: если на Ивана Купалу ясно — лето будет хорошее, если дождь — ненастное.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Славянская мифология: энц. слов. М., 2002 ; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981.

Д. Ф. Ильин.

ИВАШКА ПРИМЁТЛЕВ, персонаж мокш. сказки, запис. в 1948 в с. Карсаевка Поимского р-на Пензенской обл. от 72-летней А. С. Аляпкиной. Образ И. П. восходит к реальному лицу — *Ивану Грозному*. В связи с этим показательна концовка сказки: « — Цебярь ёфксце, Анна бабай. — Цебярь, татаронь пингсь эсонза» — « — Хороша сказка, бабушка Анна. — Хороша, про татарщину в ней сказано» (УПТМН, т. 3, ч. 1, с. 95, 100).

По сюжету сказки, в одном царстве злые силы похищают солнце, луну и звёзды и «сто, а может, и триста лет не было

в том царстве никакого светила» (Там же, с. 95). Тогда царь обращается к народу за помощью, однако только И. П. высказывает желание отправиться на поиски. Царь дважды отказывается от помощи, ссылаясь на то, что И. П. «недавно сам родился, ещё и верхом на коне не сидел», и лишь в третий раз даёт согласие. В ходе поиска светил И. П. сталкивается с семейством змей Прямяряля, убивая поочерёдно пяти-, семи- и девятиглавого змеев. Следом он избавляется от их вдов, пытающихся с помощью колдовства расправиться с ним и вернуть светила. В дороге герой встречается с девичьим полком, полком молодых и стариком, которые, объединившись, отнимают у него солнце, месяц и звёзды и создают ему доп. препятствия. И. П. вынужден искать бабу *Бурьягу*, сватать её дочь и менять её на светила. В конце концов он возвращается домой, женится на дочери Бурьяги и становится царём, а солнце, месяц и звёзды начинают вновь освещать мир.

Сказка насыщена сказочно-мифол. символикой. И. П. только в третий раз получает согласие царя на поиск светил, убивает трёх змеев, встречает три противодействующие силы, у него три пом. (охладитель горячих бань, считатель рыб и звездочёт). Комментируя сказку, А. И. Маскаев отмечал: «Поиски героем исчезнувших небесных светил — явление для мордовской сказки редкое. В данной сказке понятие исчезновения небесных светил осознаётся в переносном значении, как исчезновение социальной, исторической правды, исчезновение света, национальной свободы, наступление иностранного иноплеменного ига...» (Там же, с. 372 — 373).

Образ И. П. попытались представить худ. Л. В. Попов и Ю. В. Смирнов при иллюстрировании кн. «Мордовские народные сказки» (1985).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985.

Лит.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Мордовское народное устно-поэтическое творчество : очерки. Саранск, 1975.

В. А. Юрчёнков.

ИГЛА́ (м. **Салмокс**, э. **Салмуке**), предмет домашнего обихода, используемый в нар. магии для защиты от воздействия злых сил, а также при *гадании*. Значение И. в повседневной жизни женщины достаточно велико, что подтверждается традицией укладывания И. вместе с недошитой рубашкой в могилу при погребении. В эрз. песнях о Литове и Стириве серебряная, блестящая И. выступает как элемент, подчёркивающий мастерство в рукоделии, умение гл. героини вышивать (см. *Вышивка*), к-рая впоследствии становится невестой божества.

Протыкание И. ушей девочкам осуществлялось в мордов. селениях при помощи знахарки, к-рая вдевала в И. нитку, затем после нащёптываний на кусочек ржаного хлеба смачивала его или И. своей слюной, продевала И. с ниткой сквозь хлеб и затем протыкала ухо. Вероятно, действие знахарки является отголоском несохранившегося обряда инициации (см. *Инициация и миф*), к-рый с течением времени за неимением специального оборудования и мед. знаний стал весьма эффективной и безопасной утилитарной процедурой украшения девушки серьгами.

До сих пор И. широко применяется как предмет, защищающий от наведения порчи, особенно на свадьбе, во время к-рой колдуньи стараются навредить прежде всего молодожёнам. Для проти-

водействия колдунам в одежду человека в незаметном месте втыкают И., уколовшись о к-рую колдун якобы теряет магич. силу.

В отд. случаях И. с продетой в неё ниткой служила инструментом односложного гадания без участия ведуньи. Для этого человек, ищущий ответ на вопрос, прикладывал к своему лбу нитку, а И. должна была спокойно и ровно висеть на ней. Затем человек задавал интересующий его вопрос, после чего нужно было максимально осторожно, не двигаясь, ждать, как поведёт себя И. Её движение из стороны в сторону (вправо-влево) воспринималось как ответ «нет», вверх вниз – «да». Круговое движение И. не давало однозначного ответа на поставл. вопрос.

В мордов. фольклоре представлены загадки об И., напр.: м. «Сонць аф куй, / Пупамац панарозень пачк туй» — «Не змея, / А жалит», э. «Вишкинька, вечкевикс, / Весе масторонть мазылгавты» — «Маленькая, миленькая, / Весь свет наряжает (красит)» (УПТМН, т. 4, ч. 2, с. 83, 177).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т.1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968.

И. В. Зубов.

ИГРЫ (м. **Налхкомат**, э. **Налксемат**) народные мордовские, связаны с родовыми, семейными и бытовыми традициями, нац. праздниками и обрядами, с нар. педагогикой и эстетич. взглядами.

По времени, форме бытования и содержанию нар. И. мордвы делятся на неск. групп:

— весенние и летние, проводимые на улице. В них выражается отношение к природе, сопоставляются звери, птицы и домашние животные с добрыми и злыми силами окружающей действительности («В белочку», «В коршуна и цыплят» и др.);

— зимние и весенне-летние подвижные и спорт. Они наиболее многочисленны и направлены на выработку силы, смелости, ловкости, гибкости и точного глазомера («Бабушкин клубок», «В коку», «В колёсики», «В бабки», «В беговой мяч», «В шлыган», «В круговой мяч», «Лапта», «Наша гора» и др.);

— театрализов. (ролевые). В этих И. воссоздаются всевозможные бытовые эпизоды. Используя различные театрализов. средства, играющие стремятся передать в изображаемых героях — людях, зверях, птицах, мифол. существах — их характерные черты: манеру двигаться, разговаривать, род занятий, возрастные особенности, душевные качества (доброта, смелость, трусливость и др.). Стремление к образному выражению мыслей воспитывает определённый худож. вкус, наблюдательность, умение фантазировать («Журавли», «В петушки», «Лесной батюшка», «На пасеке», «На ярмарку!», «На водяной мельнице» (см. *Ведьгевсэ*), «Едем, едем по чугунке» и др.);

— И. в закрытом помещении. Чаще всего это позднесенние или зимние И. и молодёжные забавы («В жмурки», «Мышиный огонёк», «Сеём, сеём мы горох» и др.). К этой группе относятся также настольные И. Коротая долгие зимние вечера, вместе с детьми в них играли и взрослые («Кострички», «Чики», «В пешки», «От родни к родне» и др.).

Своеобразную хороводную форму принимали И., в к-рых изображалось изготовление предметов ручного труда или возделывание земли («Холст Шуни-

ной Анки», «А мы парку парили», «Маковица-головица» и др.). Они занимали в крест. культуре значительное место, представляя собой самую активную часть фолькл. театра. В процессе И. у участников выявлялись исполнительские способности в пении, игре на различных муз. инструментах, в разыгрывании остроумных сценок, в использовании необычных карнавальных костюмов, масок и др. театр. атрибутики.

Большое влияние на И. оказала мифология, способствовавшая обогащению их соотв. выразительными средствами: драматизиров. действием, пантомимой, танцами, диалогом, песней, звукоподражанием. Подобные средства театрализации свойственны всем категориям играющих — детям, подросткам, молодёжи и взрослым. Однако в структуре и целевой направленности И. разных возрастных категорий имеются существ. различия.

Дет. И. характеризуются непосредственностью, бескорыстием и простотой. Это И. с традиц. импровизиров. поэтич. текстом и игровыми прелюдиями. Целью дет. И. является выработка трудовых навыков и привитие норм трудовой этики, а также формирование мировосприятия и мироощущения. В И. «В звонкие камешки», напр., с помощью 20 — 25 комбинаций девочки тренировали гибкость и ловкость пальцев, добивались быстроты реакции, что было крайне необходимо при различных работах по возделыванию конопли, в вышивании, прядении и произ-ве холста. По составу дет. И. разнородны, но во всех случаях имеется драм. сюжет, напр. И. «В кошку», «В ворону» и др. В большинстве И. сохраняется традиц. содержание. Так, текст И. «Каргинесэ» («В журавля») зафиксирован в нач. 20 в. М. Е. *Евсевьевым*, однако он не изменился до наших дней. Есть случаи утра-

ты словесных элементов, тогда И. становится чисто спорт. забавой. Напр., И. «Кшуманнесэ» («В редьку») в записи Евсевьева имеет богатый текстовой материал, к-рого уже нет в совр. описаниях.

Наиболее распространены среди детей И. с прелюдиями. В одних текстах, произносимых перед началом И., предлагаются условия её ведения, в др. — либо выбирается водящий, либо происходит деление участников на группы. В зависимости от назначения различаются сами прелюдии. Особых их назв. у мордов. народа не сохранилось, поэтому почти повсеместно употребляют соотв. глагольную форму (э. ловном «считаться», кортамс «сговориться» и т. д.). В наст. время в И. дети используют следующие виды прелюдий: молчанку, жеребьёвку и считалку. В молчанке дети договариваются между собой не нарушать тишину. При необходимости разделения участников на две группы в И. используется жеребьёвка. Из числа игроков вначале выбирают две «матки», остальные попарно отходят в сторону «сговариваться», затем «матки» по очереди выбирают себе игроков. Жеребьёвка длится до тех пор, пока все желающие принять участие в И. не разделятся на две группы. Самым любимым видом игровых прелюдий у мордов. детей является считалка. Она необходима, напр., в популярной И. в прятки. Для того чтобы определить, кто будет «водить» — искать спрятавшихся, дети считают: встают в круг или полукруг, один из них — в центр. Он громко и чётко произносит слова, дотрагиваясь при этом до игроков. На кого приходится последнее «ударное» слово, «выходит», и так до конца. Оставшийся последним «водит». Существуют и др. приёмы: иногда считают всего один раз, и выбывший при

этом игрок становится водящим. Счёт может осуществляться по-разному: по пальцам, кулакам и коленям, напр. при И. «Болагаса» дети садятся на землю в круг, касаясь друг друга коленями, и по ним начинается счёт.

В молодёжных И. мордвы ведущая тема — взаимоотношения между юношами и девушками. В их подвижных И. силён дух состязательности. Кроме того, в молодёжных И. достаточно подробно воспроизводился крест. уклад. Так, во время Святков широко бытовали И. «Овин» и «Харчевня», в к-рых изображалась развёрнутая картина трудового дня крестьянина — от пробуждения утром до ужина в «харчевне».

В И. взрослых теме крест. труда отводилось незначительное место. В дни больших правосл. праздников (Рождество, Пасха, Троица) у мужчин популярными были военизированные И.: маршировка, джигитовка, различные солдатские розыгрыши и истории из жизни быв. «служивых» односельчан, превратившиеся со временем в своеобразные анекдоты.

В содержании мордов. нац. И. происходят постоянные изменения. Возникнув в древние времена, они постепенно обрастают новыми элементами, связ. с изменениями в обществ. и семейно-бытовом укладе. Вместе с тем они заимствуют игровые мотивы др. народов, сохраняя нац. особенности и постепенно преобразуясь в новые И.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978.

Лит.: Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; **Брыжинский В. С.** Сиянь рисьминеть = Себряные цепочки : Эрзян. и мокшан. нар. игры и хороводы в автор. изложении и сценар. разработке. Саранск, 2002.

М. Н. Салаева.

ИДЕМЁВСЬ (э.; от идем «дикий»), чёрт, антипод Чипаза и Нишкепаза, извечный их враг; *демиург*, принимает участие в творении *земли*, небесного свода и человека; властитель царства мёртвых (см. *Загробный мир*), олицетворение враждебных людям сил природы и общества, источник их страданий, бед, нравств. проступков, причина двойственности их природы.

И. родился из плевка Чипаза в воду, рассерж. отсутствием у него брата или друга. И. — первое его творение, проклятое за содеянное им зло (см. *Добро и зло*) и изгнанное в преисподнюю (пропасть; см. *Изгнание дьявола*). И. создал горы и овраги на земле, тучи на небе, волны на море, *болезни* в теле человека. В «Очерках мордвы» П. И. Мельникова выступает под именем Шайтана. Он создаёт себе пом.: берёт два кремня, высекает из них огненные искры, из к-рых получают злые духи, подобные ему. Они насылают болезни на людей и скот (см. *Алганжеи*), червя и саранчу — на поля; истребляют ульи и пчёл, обратясь в медведей; пригоняют ветры, вредящие посевам; учат людей недобрым делам и т. д. Люди легко становятся добычей И., т. к. имеют равные склонности к добру и злу, вследствие того что И. наряду с Чипазом принимает участие в творении тела (тычет палкой и оплёвывает) и души (вдувает в неё своё дыхание) человека. Добрые склонности в нём от дуновения Чипаза, а злые — от дуновения И. Последний учит людей выращивать хмель, делать пиво, пуре и вино, заставляет их пьянствовать. Пьяные люди по его наущению убивают сына Чипаза, к-рый, воскреснув после смерти, возносится на небо (подобно *Иисусу Христу*). Так происходит *грехопадение* человека.

По представлениям мордвы, кроме И. существуют семьдесят семь его де-

тей. И. властвует над семидесятью семью странами и семидесятью семью дорогами. Образ его рисуется различно, т. к. он может перевоплощаться. Обычно даётся следующее его описание: туловище либо человечесь, либо лошадиное; голова с рогами и большими ушами; морда либо бычья, либо лошадиная; ноги с копытами; глаза огненные; руки длинные, с орлиными когтями.

По свидетельству М. Е. Евсевьева, в нек-рых эрз. селениях кон. 19 — нач. 20 в. словом «идемевсь» наз. злой дух, летавший по воздуху в виде огненного шара, пожиривший детей и взрослых и пивший их кровь. В И. превращались самые ярые колдуны, убежавшие с того света. Днём они скрывались в лесных пещерах, а ночью летали над землёй и искали свою жертву. Пещеры, в к-рых жили И., находились в Саратовской губ. и в др. местах.

См. также *Атпаро*, *Афпар*; *Анамаз*.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981; Евсевьев М. Е. Эрзянь-рузонь валкс = Мордовско-русский словарь. М., 1931; Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001; Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

А. М. Шаронов.

ИДОЛЫ, антропо- или зооморфные пластич. изображения объекта поклонения, центр. сакральные объекты идолопоклонничества. Отголоском представленный об И. у мордвы, вероятно, стал один из вариантов мокш. мифа о творении

Шкаем человека из пня, у к-рого по велению Бога появились руки, ноги и он стал похож на человека. В этом же семантич. ряду находятся привед. П. И. Мельниковым мифы о попытках создания Богом человека из глины.

В науч. лит-ре нет явных подтверждений существования И. у мордвы. Их отсутствие отмечали Н. Витсен, П. С. Паллас и Мельников, некритически оценивавшие данные устных источников. В 20 в. эта точка зрения закрепились в работах Н. Ф. Мокшина.

Однако во 2-й пол. 20 в. Н. И. Шибакон, опираясь на отрывочные сведения в работе В. Семёновых, а также в воспоминаниях В. А. Гиляровского, попытался доказать, что у мордвы существовало пластич. антропоморфное воплощение мифол. представлений о *богах* в виде И. В частности, он привёл высказывание Семёновых, к-рый в иссл. о взаимовлиянии культур рус. и мордов. населения междуречья Оки и Волги говорил о мордов. дерев. И., сохранившихся в Горьковской обл.: «Виденный мною в 1934 году в деревне Новосёлки Лукояновского района деревянный божок очень напоминал собою аналогичные деревянные изваяния народов Севера. Небольшой (30 — 35 см) деревянный брус, которому приданы очертания головы и торса без рук и ног» (цит. по: Шибакон Н. И., *Деревянная скульптура мордвы*, Саранск, 1980, с. 23 — 24). В этой же работе Шибакон воспроизвёл воспоминания Гиляровского, к-рый при посещении секретаря об-ва «Древности Российские» Е. В. Барсова видел у него больших И. из мордов. лесов, вырубл. из целого пня векового дерева. В извлеч. Шибаконным из ж. «Русский вестник» (1859, № 20) материале говорится о хранившихся у мордвы в свящ. рощах И. в виде грубо выдел. из дерева изображений человека без рук и ног.

Шибакон предположил, что, поскольку большинство И. изготавливалось из дерева, они не сохранились, это и позволило путешественникам и исследователям говорить об отсутствии у мордвы И. и идолопоклонничества как такового. Данная точка зрения не нашла поддержки у Мокшина, к-рый отметил отсутствие в построении гипотезы Шибаконна сведений, подтверждающих этногр. материалом.

Косв. свидетельство существования И. у мордвы встречается в преданиях эрзян Саратовской губ., зафиксиров. А. Н. Минхом, а также в писцовых книгах 17 в., извлеч. И. И. Дубасовым в Тамбовской губ. (частично воспроизведены И. Н. Смирновым). Согласно саратовским преданиям, «некий князь» — основатель д. Вязовки — поставил в особом здании И. — Коляду, представлявшую собой, по предположению Минха, обыкнов. каменную бабу. В материалах Дубасова указано на ещё одно каменное изваяние: «Близ одной от... вотчин... во владениях Османа Анчурина было урочище, особенно уважаемое мордвой и теперь совершенно забытое. Там, между старыми деревьями, было грубое каменное изваяние медведя, а называлось оно — медведь-камень. В былые годы мордовско-мещерского язычества камню-медведю оказывались божеские почести. Близ него приносились жертвы, и было великое языческо-инородческое пирование» (цит. по: Смирнов И. Н., *Мордва*, Саранск, 2002, с. 225).

Обширные фолькл. данные о существовании у мордвы-мокши И. были собраны в 1964 — 65 в Зубово-Полянском р-не МАССР краеведом Б. Е. Смирновым. Так, жители с. Мордов. Поляна говорили, что раньше у мокши были дерев. истуканы «шуфтонь болбан» (букв. «деревянный болбан»), к-рых представи-

тели семей приносили с собой на различные праздники. В селе их было неск. — «букань болбан» (бычий болбан), «тракснь болбан» (коровий болбан) и «боран болбан» (бараний болбан), видимо, похожих внешне на соотв. домашних животных: «...их вырезали из дерева, говорят, что красиво вырезали и окрашивали, — будто „статуй“ получались эти „болбаны“» (НА НИИГН, ф. Л-915, л. 72). Информатор также отмечал, что они хранились не у всех, а только в наиболее почитаемых семьях — у представителей рода. Об антропоморфных И. с глазами, лицом, похожим на человек., к-рое затем раскрашивали, сообщали жители с. Голышёвка: «Неправославные ещё мокши когда-то из пеньков делали себе богов (идолов), “болбанам” молились» (Там же, ф. Л-915, л. 145). В с. Нов. Потьма и Старая Потьма информаторы утверждали, что слышали о существовании дерев. и глиняных И., в осн. в виде *животных*, но были среди них и похожие на людей «как пенёк плохо сделанный» (Там же, ф. Л-415, л. 125), возле к-рых приносили жертвы. Местные жители высказали предположение, что нек-рые фамилии и прозвища односельчан, такие как Афтаевы (Медведевы), Вырьгазовы, Быковы, Туваевы и др., происходят от И., хранившихся в их роду. В с. Нов. Выселки записана была об антропоморфной статуе-И., находившейся в лесу, к к-рой в Петров день ехали молиться всем селом, и резали при этом барана. В качестве жертвы неизв. И. приносили также еду, часть к-рой съедали во время моления, др. оставляли на месте. Считалось, что тот, кто доедет с места моления до села первым, будет счастливым.

В нач. 21 в. краевед из Нижегородской обл. Н. Аношкин описал место вероятного проведения моления каменному изваянию — И., находящемуся в

овраге на берегу р. Мокши в Теньгушевском р-не РМ. Изначально имелись сведения о найд. там двух каменных яйцевидной формы и одном каменне-кубе, однако Аношкин обнаружил на этом месте одно большое изваяние в виде яйца, верх и низ к-рого состоит из зелёно-серого гранита, а середина — из красного; при изготовлении изваяния, вероятно, применялась техника литья. Верх. часть представляет собой изображение человек. лица, в ниж. части есть пиктограммы, текст к-рых Аношкин расшифровал следующим образом: «Для всех нас ты терпение, подруга огнём в душе стоишь» (Эрзянь мастор, 2009, № 3, с. 3). Разделение камня чертами на три части предположит. символизирует в соотв. с представлениями мордвы три яруса мироздания: верх. — божеств., средний — людской и ниж. — мир предков. К камню проложена каменная дорожка, а рядом находится ещё один квадратный камень природного происхождения размерами 1 × 1 м, к-рый, скорее всего, служил алтарём. Чёткое описание второго камня яйцевидной формы отсутствует. Наличие атрибутики места моления позволило краеведу предположить, что это место поклонения Алёне Арзамасской, легенды о невероятном мужестве и силе к-рой при защите родного народа распространены в мордов. фольклоре и получили широкую интерпретацию в худож. лит-ре. Однако данная гипотеза не поддаётся верификации, поскольку никаких фольк. полевых материалов относительно места моления собрано не было, что также размывает границы представлений о мордов. И.

Подтверждением поклонения мордвы каменным изваяниям следует считать упоминаемые Н. В. Рябовым кардаз-сярко кев (дворовый камень) и ве-

лень кев (сельский камень), возле к-рых мордва регулярно совершала моления. Исследователь указывает, что в процессе *жертвоприношения* объектом внимания становился и сам камень как воплощение божества, это в определённой мере включает его в одно сакральное пространство с И.

Нечёткие представления о месте И. в мифологии фин.-угор. народов не дают возможности полностью реконструировать смыслополагающие константы этого явления, однако отд. признаки былого присутствия И. в их жизни позволяют сделать предположение об их постеп. вытеснении и исчезновении с принятием христианства. Так, исследователь Н. И. Шутова считает, что в местах родовых мольбищ удмуртов, располагавшихся в укромных местах в лесу, могли находиться дерев. изображения родоплем. божества Вордуша, традиция поклонения к-рому сохранялась вплоть до 20 в. Ханты изготавливали и хранили в специальных кузовах фигурки духов, более полные сведения о существовании к-рых, а также о системе поклонения этим духам-И. появились благодаря иссл. З. П. Соколовой. В фольклоре коми и хантов есть легенды о существовании «Золотой бабы» — И., имевшего якобы особое значение для этих народов.

В изобразит. иск-ве элемент вероятного идолопоклонничества (жертвоприношение) мордвы реализован в произв. худ. А. И. Коровина, Н. С. Макушкина, Рябова и др.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-915, Л-415; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1 ; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ;

Минх А. Н. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии // Этногр. обозр. 1893. Кн. 15, № 4 ; Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Феокистов А. П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2 ; Шибиков Н. И. Деревянная скульптура мордвы. Саранск, 1980 ; Мифология хантов. Томск, 2000 ; Удмуртская мифология. Ижевск, 2003 ; Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск, 2005 ; Кузнецов В. Секрет русской воительницы // Эрзянь мастор. 2009. 12 февр. ; Аношкин Н. К Олёне на Мокшу // Там же. 14 окт. ; Соколова З. П. Ханты и манси : Взгляд из XXI ве- ка. М., 2009 ; Рябов Н. В. Этносимволические формы мордовской культуры: генезис и эволюция. М., 2010.

И. В. Зубов.

ИЗГНАНИЕ ДЬЯВОЛА (м. Шейтанонь панема, э. Идемевсень кашкав-тома).

1. Мифол. сюжет, содержащий описание изгнания Богом-творцом *Идемев-ся* в преисподнюю или в пропасть за противодействие ему. Существует неск. версий причины И. д., и все они так или иначе связаны с космогонич. деятельностью Чипаза (Шкая). Наиболее подробное описание И. д. дал П. И. Мельников. Он привёл сказание, запись в 1853 у эрзян с. Вечканово Бугурусланского у. Самарской губ. В его основе лежит повествование о сотворении *земли* и конфликте между Чипазом и Идемевсем (Шайтаном). Итогом противостояния Верховного бога и нечистой силы становится изгнание последнего «под дно морское». Исследователь отмечал, что в Симбирской и Пензенской губ. существовала своя трактовка причины И. д. Согласно местной легенде, Чипаз проклинает и прогоняет Шайтана в «тёмную

пропасть» за то, что тот предлагает ему из-за старости уйти «на покой», а он — дьявол будет один управлять миром.

Следует отметить, что нек-рые исследователи (И. Н. Смирнов, У. Харва, М. Е. Евсевьев, Н. Ф. Мокшин) скептически отнеслись к излож. Мельниковым мифу о сотворении мира, а следовательно, и к сюжету об И. д. По мнению Смирнова, схема «слишком отдаёт классическими теогониями, мало вяжется с мордовскими воззрениями на богов...» (Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 259).

Тем не менее мотив И. д. есть в традиц. обрядности мордвы. О существовании когда-то у неё праздника, посвящ. изгнанию из хоз. крестьянина различных зловредных сил, в т. ч. Идемевся (Шайтана), писали В. С. *Брыжинский* и Г. А. Корнишина. Накануне Крещения Господня, желая прогнать Шайтана, сельчане, собравшись вместе и ударяя в сковороды, тазы и др. утварь, начинали сильно шуметь. Изгоняя нечистую силу, хозяева обходили *дом* и подворье с пучками горящей соломы. Сходный обычай И. д. существовал у марийцев.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т.1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Фукс А. А.** Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840 ; **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции.

Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Д. Ф. Ильин.

2. Семейный праздник-моление, устраиваемый на Крещение Господне. Дни от Нового года до Крещения в нар. представлении связывались с активностью нечистой силы. Считалось, что в этот период она старается навредить человеку: задерживает наступление тепла, а значит, препятствует своеврем. вспахиванию полей и посеву хлебов. Чтобы этого не происходило, мордва совершала ритуал И. д. Он посвящался изгнанию из хоз-ва крестьянина, а также из села зловредных сил. Одной из них являлся Шайтан. Его негативное влияние нередко распространялось на здоровых животных, в частности лошадей. Иногда с ними происходили странные явления. Ночью они выбивали двери конюшни и, взбешённые, выскакивали на улицу. При их осмотре обнаруживалось, что грива или хвост скручены в жгуты, похожие на косички. По поверью мордвы, это Шайтан, полюбив коня, т. о. выражал своё внимание к нему. В результате животное заболело. Во избежание этого мордва проводила в конюшне семейное моление. Перед ним там развешивали по стенам пучки берёзовых веток, служащих оберегом для лошадей. Домашние приносили в конюшню икону св. мучеников Флора и Лавра, покровителей лошадей, и веники из распар. берёзовых веток, обвитые узкими полосками холста. Старшая женщина несла толстую восковую свечу, остальные — праздничную моленную еду, состоящую из яиц, пирогов в форме конских голов и коньков, варёной петушиной головы и

браги, позы. Всё это раскладывали в кормушку, предварительно постелив туда чистое самотканое полотно. Потом зажигали свечу, ставили её перед иконой и, опустившись на колени, начинали молиться. Обращаясь к Нишкепазу, св. мученикам Флору и Лавру, они просили дать лошадям силу, резвые ноги, крепких и здоровых жеребят, а также охранять их от злых проделок нечистого. Молитва завершалась трапезой. Во время неё старший из мужчин начинал бить по барабану, создавая шум. К нему присоединялись женщины: взяв в руки небольшие колотушки, а также ведра и тазы, они били по ним, усиливая шум. Так с шумом, плотно прижавшись друг к другу, мужчины и женщины выходили из конюшни, тем самым имитируя изгнание нечистой силы.

По др. источникам И. д. проводили в день, когда совершалось моление о лошадях. По его завершении люди весь день катались на лошадях. Считалось, что во время катания они ломали ноги злым духам — порождениям Шайтана. В мокш. селениях накануне Крещения Господня молодёжь и дети ходили из дома в дом с большим шумом и криками, стуча в заслонки, гремя цепями и др. предметами. Так они якобы отгоняли нечисть. Данный обычай наз. «катлянянь пильгонь синнема» (букв. «ломать ноги чертям»). Эти ритуальные действия, по представлениям мордвы, способствовали наведению порядка в мире и преодолению возрастного и социального барьера.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические

корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Беляева Н. Ф.** Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001 ; **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003.

И. И. Шеянова.

ИИСУС ХРИСТОС, в христ. религ.-мифол. системе богочеловек, вмещающий в единстве своей личности всю полноту Божеств. природы — как Бог-сын, и всю конкретность человек. природы — как человек, выступивший с проповедью в Сев. Палестине и распятый около 30 г. н. э. (С. С. Аверинцев).

Образ И. Х. появился в религ.-мифол. картине мира мордвы после христианизации (17 — 18 вв.) и пер. отд. фрагментов Евангелия на мокш. и эрз. яз. В ходе христианизации у мордвы сформировалось «двоеверие», в результате чего произошла контаминация образов христ. И. Х. и мордов. Нишкепаза. О мордве Нижегородской епархии епископ Нижегородский и Алатырский *Дамаскин* писал: «Мордвы призывают при молитвах своих Бога Отца, Бога Сына и Божью Матерь и называют по своему наречию Бога Отца — Инешке пас, Бога Сына — пас, Божью Матерь — пазонь ава» (Нижегород. епарх. ведомости, 1886, № 1, с. 25). П. И. Мельников отмечал, что терюхане и эрзяне Нижегородской губ. Нишкепаза наз. также Инечи-пазом, что означает «сын божий», подтверждая факт отождествления образов Нишкепаза и И. Х. Полевые исследования 1980-х гг. Н. Г. Юрчёнковой показали, что большая часть информаторов наз. Верховным богом мордвы И. Х., хотя были случаи отождествления Верховного бога мордвы с Саваофом.

В годичном календарном цикле мордвы сосуществуют две системы духовного воззрения и мироощущения — христ. и языч.: одна — обращ. к небу, Божеств. началу; др. — к земле, к плотскому началу, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от Бога и человека, но и от сверхъестеств. сил. Эти два типа мировосприятия и миропонимания сравнительно легко уживались в нар. календаре ещё и потому, что христианство с его праздниками побуждало верующих ежегодно переживать в молитве жизнь и страсти И. Х., а язычество воплощало во мн. своих обрядах цикличность природных явлений. Мордва праздновала Рождество Христово. Накануне дети совершали моление богине *Анге Патяй* и Келяда-оаису; в день Рождества Христова проводили домашнее моление Анге Патяй и Нишкепазу; на др. день замужние женщины в доме повивальной бабки совершали обществ., мирское моление.

Особое место образ И. Х. занимал в воззрениях К. *Алексеева*, к-рый провозгласил: «Слово Христос есть чин. Христос, будучи стар, чин сей с себя сложил, его уже больше нет, не будет и христианской веры» (Зевакин М. И., Кузьма Алексеев, Саранск, 1936, с. 14). Исследователи отмечали распространение среди мордвы апокрифич. толкований христианства. «Вместе с проникновением учения Христа у мордвы стало появляться какое-то страстное желание подражать подвигам первых мучеников» (цит. по: Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 180). В нач. 1880-х гг. в с. Ерзовка Бугурусланского у. Самарской губ. объявился крестьянин Артемий О-в, к-рый наз. себя И. Х. Среди появившихся у него последователей он назначил апостола Петра, Иоанна Богослова и сформировал из мордвов-черниц

группу богородиц. Секта получила назв. «Блаженные».

На терр. Мордовии обнаружены образцы культовой дерев. скульптуры, воспроизводящие И. Х. — распятого и сидящего в темнице. По мнению Н. И. Шибакова, именно в дерев. скульптуре наиболее сохранилась мордов. мифол. основа. Образ И. Х. в мордов. изобразит. иск-ве представлен в работах худ. А. С. *Алёшкина*.

Лит.: Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1; Христианство: энц. слов. М., 1993. Т. 1; Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21; **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы. Саранск, 1981; **Можаровский А.** Инородцы-христиане Нижегородской епархии сто лет тому назад // Нижегород. епарх. ведомости. 1886. № 1; **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; **Шибак Н. И.** Деревянная скульптура мордвы. Саранск, 1980; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского народа: уч. пособие. Саранск, 2006; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. И. Шеянова.

ИКО́НА (м. *Шкай*, э. *Пазава*), объект религ. почитания с живописным изображением *Иисуса Христа*, *Богородицы*, христ. святых и библ. событий, получивший распространение у мордвы после принятия христианства.

Благодаря появлению в жизни мордвы И. стало возможным постеп. отождествление её со зримым образом духов-покровителей и Верховного бога *Веррепаза*. Вместе с этими преобразованиями в мифол. сознании начали вырабатываться первичные стереотипы отношения к И. Воспринимая живописный образ как собственно Бога-покровителя, мордва стала обращаться к ней с такими же просьбами, к-рые ранее

звучали на молениях. Переход от осознания И. как некоего никчёмного идола инородной культуры к непосредств. восприятию её как своего христ. святого осуществлялся долго и сложно, как и сам процесс христианизации. В дошедших до наших дней памятниках устного нар. творчества встречаются сюжеты, в к-рых ярко прослеживается неписываемость И. в традиц. мифол. картину мира народа. Так, в сказке «Говорящие иконы» мордвин, не желающий по велению служителя церкви помещать И. в пространство своего дома, отказывается верить в то, что изображ. на ней святой следит за праведностью его жизни, а также в существование самого святого.

Эволюция восприятия И. прослеживается и в конкретных действиях, зафиксиров. этнографами. В частности, у мордвы Тамбовской губ. существовал обычай «наказывать» И., не выполнившую неоднократно обращ. к ней просьбы или причинявшую к.-л. человеку, по его мнению, беду: И. секли *веником*, ставили вверх ногами и т. д. Иное отношение к И. как фетишу наблюдалось в 19 в. в Нижегородской губ., где на наиболее чтимых И. губы святых мордва мазала салом, жёваными пряниками и т. д.

Усиление позиций христианства повлекло за собой неизбежное изменение взглядов на религию и её символы. В кон. 19 — нач. 20 в. исследователи фиксировали новый симбиоз с использованием И. Уже по собств. инициативе крещёная мордва стала рассматривать И. как непрем. атрибут сохранившихся обществ. и семейно-родовых молений и обрядов. И. размещали на самых значимых местах: свящ. деревьях, где ранее располагался озатя, исполнявший роль Бога; возле сакральных предметов былого поклонения (кадушки с братчинным

пивом, над столом, за к-рым принимали важные для семьи и рода решения, на столбах для вывешивания шкур жертв. животных и др.).

Достаточно прочное место в духовном пространстве мордвы И. заняла в 20 в. Приобретя функцию мощного оберега, перенятую из рус. правосл. культуры, И. стала неотъемлемым атрибутом в домах крещёной мордвы. В свадебной обрядности она заменила оружие уредева (дружки) — кнут, саблю, нож, с помощью к-рых он защищал участников свадьбы от возможного вреда колдунов и нечистой силы, — обходил с И. (огораживал) свадебный поезд; с И. родители встречали молодых у *дома* и благословляли её на долгую и счастливую совм. жизнь. К И. обращались с молитвой о помощи перед началом нового дела, прося благословления и успеха. И. стали использовать вместо сохи или др. сакральных предметов в традиции опаживания и обхода дома (села) во избежание мора, *болезней*. В похоронной обрядности наряду с крестом в гроб клали И. вместо орудий труда и необходимой в *загробном мире* бытовой утвари. Причисляя И. к своей, христ., культуре, мордва складывала поверья, согласно к-рым за осквернение И. человека непременно должно постигнуть наказание — болезнь или даже смерть.

В творчестве мордов. писателей (В. И. Мишанина и др.) И. предстаёт как символ духовной чистоты, добра и положительного начала, к-рого не хватает человеку в совр. обществе, наполн. соблазнами. В сюжеты произв. И. обычно вводится как самостоят. персонаж, оберегающий героя от дурного поступка.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Мордовские народные сказки / собрал и об-

работал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; **Мишанина В. И.** Вальмафтама куд : повесть, азкст, пьесат. Саранск, 2002.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004.

И. В. Зубов.

ИЛЬИ́Н ДЕНЬ (м. **Ильгянь ши**, э. **Ильгинь**), традиц. нар. праздник, приуроч. к церк. дню памяти библ. пророка Ильи (см. *Илья-пророк*). И. д. отмечали во избежание гроз, молний, *града* и бурь, а также страха перед их последствиями (пожары, разрушения, гибель урожая).

В языч. традиции мордов. народа образу пророка Ильи функционально соотв. Пурьгинепаз (см. также *Атям*, *Атямикай*). С принятием христианства эти культовые фигуры, дополняя друг друга, продолжили совм. бытование. П. И. Мельников писал, что в И. д. «молятся Пурьгине-пазу, богу грома, и отождествляют его с пророком, которому православный люд приписывает владение громами и молниями» (Мельников П. И. (Андрей Печерский), *Очерки мордвы*, Саранск, 1981, с. 58). У. Харва привёл текст молитвы, где имена Пурьгинепазы и Ильи-пророка ставятся рядом и при этом подразумевается один бог: «Пурьгине паз, пиземе паз, сердитый бог, Илюша. В одно место пришли молиться, кланяться, тебя просить...» (Harva U., *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*, Helsinki, 1952, S. 159).

В И. д. старались ни в чём не грешить. Категорически запрещалась любая работа — она не принесла бы никакого результата, а только разгневала бы Илью-пророка, к-рый за непочтительное отношение к своему празднику

мог навлечь на селение, *дом* или угодыя град, грозу, сильные ветры, пожары. Так, если в этот день крестьяне косили и убрали сено, их могло убить громом или сжечь накош. сено молнией.

Чтобы умиловить Илью-пророка, совершали молебны, посвящ. ему, в поле, а также в церквах и часовнях. Х. Паасонен зафиксировал моление от града, устраиваемое в И. д. Пожилые люди, взяв с собой хлеб-соль и пёструю курицу, шли на перекрёсток дорог, где обращались к *Верепазу*, *Мастораве*, *Юртаве* и *Вармаве* с молитвой о хорошем урожае и где среди прочих звучало следующее пожелание: «а миник шаче суронок шачеза, масторонза мазиза, пара пизимса, валскень летькеса!» — «Оберегите наши хлеба от злого ветра, града! Да будет ваш ветер-град в леса-рощи!» (*Mordwinische Volksdichtung*, Bd. 8, S. 104, 106).

В И. д. при засухе мордва ходила к роднику и просила Пурьгинепазы и Илью-пророка, чтобы прошёл дождь и градом не побило поля.

Мокшане Городищенского у. и с. Вертелым Инсарского у. (ныне Старошайговского р-на РМ) Пензенской губ. в И. д. устраивали жертвоприношение в честь божества пчёл Нешкеавы.

И. д. считался календарной границей, когда проявлялись первые признаки осени — начинались утренние холода и сокращался световой день. Это был один из хоз. рубежей года: в И. д. могли начинать *жатву* или заканчивать уборку урожая. Мокшане говорили: «Ётась Ильгянь шись — куро од кашада ярхцат» — «Прошёл Ильин день — скоро будешь есть кашу из нового урожая» (УПТМН, т. 12, с. 133).

Начиная с И. д. запрещалось купание, т. к. считалось что в воду возвращались черти, русалки и др. нечистая сила (до сих пор они находились на суше,

где их отстреливал молниями Илья-пророк). Поэтому купание становилось чревато появлением нарывов на теле, а в отд. случаях нечистая сила могла утопить упавшегося.

По И. д. судили о предстоящей осени: э. «Илиянь чистэ пиземе — сёксесь ули пиземев» — «На Ильин день дождь — осень дождливая будет»; «Илиянь чистэ арась пиземе — сёксесь ули кувака» — «На Ильин день нет дождя — долгая осень будет» (Там же, с. 113). Гром на И. д. предвещал долгие осень и следующее лето.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1977. Bd. 8.

Лит.: Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Narva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Д. Ф. Ильин, И. И. Шеянова.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, первый рус. богатырь, в к-ром физич. сила и отвага гармонируют с мудростью. Отправившись из г. Муром на службу к киевскому кн. Владимиру, выразил идею единства рус. земли, укрепления её государственности и неприятия феодальной раздробленности. Село Карачарово и г. Муром, откуда согласно былине родом И. М., по мнению отд. исследователей, ранее являлись мордов. насел. пунктами. Это дало основание исследователю А. Асову назвать главу рус. богатырей финном по этнич. корням. Фин. начало прослеживается и в типе И. М. как эпич. персонажа. Он единств. среди рус. богатырей,

кому присущи черты героя-мироустроителя (см. *Демидурэ*). И. М. не просто богатырь-воин, защитник рус. земли от иноземных завоевателей, он выступает как борец за единое гос-во, создатель новых обществ. отношений. Из простого смертного И. М. превращается в богатыря и героя после его исцеления посланниками Бога — каликами перехожими. В данном случае прослеживается аналогия между мордов. эпич. героем Тюштей (см. *Герой*) и И. М.

Вплоть до 2-й пол. 20 в. среди эрз. населения Теньгушевского р-на МАССР были изв. былины, сказки и устные рассказы об И. М. В них он изображался одновременно как рус. и эрз. богатырь. На юж. стороне с. Шокша этого р-на находится Богатырский овраг (Богатырень лейбря). По преданию, там было становище эрз. богатырей, застава, на к-рой они несли службу по охране родной земли. К ним нередко навещался И. М., совершая богатырские объезды по окраинам Руси.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Асов А. Соловей-разбойник в древней Москве // Наука и религия. 1998. № 9 ; Алексеев Н. Н. Исторические связи мордовского фольклора и фольклора славянских народов // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972 ; Шаронов А. М. Шокша. Саранск, 2004.

А. М. Шаронов.

ИЛЬЯ-ПРОРОК (Пророк Илья), ветхозаветный пророк, один из наиболее почитаемых на Руси святых; в нар. традиции повелитель грома, молнии, дождя и *града*, покровитель земледелия и плодородия. Согласно библич. традиции, был взят живым на небо. До 33 лет не мог ходить, но был исцелён,

наделён огромной силой *Иисусом Христом* и свт. Николаем, после чего вознесён на небо. День памяти 20.7 / 2.8. К нему приурочен традиц. нар. праздник *Ильин день*. К св. Илье относятся с уважением и боязнью, с оттенком подобиюстрастия. По нар. представлению, он чрезмерно строго подходит к соблюдению всех религ. заветов. Мордва наз. И.-п. «грозный святой».

Достаточно ярко воздействие христ. традиции на мордов. язычество прослеживается при наложении образа И.-п. на Пурьгинепаз (см. также *Атям, Атямикай*), к-рый, по языч. представлениям мордвы, владел громом и молниями, разъезжал по небу в колеснице на крылатых огнедышащих конях, проливал дожди и убивал злых духов огненными стрелами: «Пурьгине паз, Илья, / Менель лангонь инязор, / Колмо толонь ракшасо / Менель ланга артнят, / Ёндол верьгеди чарыстэть, / Керш кедьсэть пурьгине, / Вить кедьсэть пиземе...» — «Бог грома, Илья, / Небесный царь, / На трёх огненных конях / По небу ездись, / Молнии загораются от колёс, / В левой руке у тебя гром, / В правой руке у тебя дождичек...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 161 — 162).

Считалось, что И.-п. развозит по небу на огненных конях воду для святых, если расплещет, то она обращается в дождь, а гром происходит от стука его небесной колесницы по небесной мостовой. Когда гремел гром, эрзяне говорили: «те Илия артне менельганть боцька марта, паряк пизим уле!» — «Это Илия разъезжает по небу с бочкой, авось будет дождь!» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 8, S. 104, 106).

Как и Пурьгинепаз, И.-п. применяет молнию в борьбе со змеем или с дьяволом, к-рые стараются укрыться от неё в разных животных и гадах, но и там небесная стрела находит и поражает их.

Такое отождествление И.-п. с Пурьгинепазом имеет под собой основание. Во-первых, в аналогичных обстоятельствах этот святой находится в ветхозаветных сказаниях. Во-вторых, само совпадение Ильина дня с началом *жатвы* связывает с И.-п. нар. представления о божь-громовержце, к-рого мордва чествовала в то же время.

Мордов. крестьяне связывали И.-п. с благодатными дождями, к-рые дают влагу растущему хлебу. В честь И.-п. проводили моления с приношением жертв (резали курицу и др.).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1981. Bd. 8.

Лит.: **Иванов В. В., Топоров В. Н.** Исследования в области славянских древностей. М., 1974 ; Славянская мифология : энц. слов. М., 2002 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского народа : уч. пособие. Саранск, 2006 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. И. Шеянова, Д. Ф. Ильин.

ИМЯ (м., э. **Лем**), персональный знак человека, определяющий его место в мироздании и социуме; мифол. заместитель, двойник или неотъемлемая часть человека; объект и инструмент магии.

Имянаречение — акт, придающий новорождённому статус человека (см. *Детские обряды и мифология*). Мордва верила, что от выбора И. зависит судьба человека и что оно выполняет функции его оберега. Почти у каждого

ребёнка в семье в зависимости от его характера, внеш. вида и поведения было прозвище (или второе И., к-рое часто закреплялось на всю жизнь и потом наследовалось детьми). До введения христианства наречение сопровождалось различными магич. обрядами, цель к-рых состояла в сохранении жизни ребёнка и обеспечении его будущего. По случаю наречения устраивали моление. Если женщина родила первого ребёнка, родные приносили в дом роженицы ведро, наполн. мукой, сверху клали белый круглый хлеб и *блины*, чтобы жизнь новорождённого не была пустой и голодной. На крестины приносили яйца, выпечку и *зерно* в чашке.

Дохрист. именован мордвы состоял преим. из самобытных И., но включал и ряд заимствов.: слав., араб., тюрк. и др. Традиц. И. сохранились в осн. в писцовых, переписных и судебных док-тах рус. делопроизводства 16—18 вв.; часть И. зафиксирована в памятниках мордов. фольклора 19—20 вв. Основу традиц. мордов. личных И. обычно составляли черты характера — Кежай, Кежут, Кежапа, Кежеват, Кежендей (от э. кежей «злой»), Паруш (от э. паро «хороший») и др.; назв. места рождения ребёнка — Виряй, Виряс, Вирдян (от м., э. вирь «лес»), Паксяй, Паксяют, Паксят (от м., э. пакся «поле») и др.; намёк на время рождения — Нуят, Нуязна, Нуякша (от м. нумс, э. нумс «жать») и др. В 19 в. в родильной обрядности утвердился церк. ритуал крещения, и в обществ. быту закрепились христ. И., к-рые переименовывались на мордов. лад. Обычно мордва присваивала новорождённому календарное И., т. е. И. святого, к-рому посвящён ближайший ко дню рождения ребёнка праздник. При этом избегали и даже запрещали давать новорождённому И. в соотв. с праздником, пред-

шествовавшим дню его рождения по календарю.

У мордвы бытовал обычай *имянаречения невесты*. От получ. И. зависели права и обязанности снох в больших мордов. семьях, представляющих собой строго регламентиров. иерархич. систему. Новое И. получали также родственники (племянники, золовки); мать и отец мужа наз. невестку снохой (м. *ървьяна*, э. урьва). Муж и жена не обращались друг к другу по И. (они использовали междометие «Эй!»).

И. человека мордва использовала в *заговорах лечебных*, в любовной магии (в целях «присушки» произносили в печную трубу три раза И. *жениха*), а также в проклятиях. Магически действуя на И., наводили на человека порчу. Запрещалось откликаться на И., если направлялись ночью гадать в «опасное» место (на перекрёсток дорог, в *баню*, на реку), т. к. это предвещало неудачу.

У мордвы И. мифол. героев такие же, как и у людей, если эти герои — люди, пусть и проявляющие чудодейств. способности (Литова, Стирява, Кудадей, *Андымо* и др.). Однако встречаются мифич. персонажи, носящие необычные И., напр. дракон Сисемгаряз (от м. сисем «семь» и каряз «позвоночник»).

Лит.: Славянская мифология : энциклопедия. М., 2002 ; Орлов В. Памятники мордовской старины // Журн. Мин-ва иностр. дел. СПб., 1851. Ч. 33 ; Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; Мокшин Н. Ф. Тайны мордовских имён. Саранск, 1991 ; Егояже. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006.

И. И. Шеянова.

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ НЕВЕСТЫ

(м. **Бръвянти лемонь максома (лемдема)**, э. **Лемдема**), обряд, проводившийся на второй день свадьбы в доме *жениха* (во избежание колдовства, порчи, воздействия злых духов) с целью скрыть наст. имя девушки. Подобные приёмы изв. и у русских, к-рые табуировали наст. имя выдаваемой замуж, называя её «невеста», т. е. «невесть чья», неведомая. У мордвы существовала целая система тщательно продум. действий, направл. на предотвращение порчи новобрачных, в особенности невесты. Важным ритуалом, долго сохранявшимся у мордвы, было повсеместно распростран. И. н. В нём наряду с функцией оберега можно выделить и др. причины. Нек-рые исследователи связывают И. н. со старинной традицией мордвы похищать невест. Для того чтобы скрыть от окружающих факт умыкания, использовали приём переименования украд. на стороне невесты. Обряд был окружён магич. таинством. На мокш. свадьбе невесту сажали напротив печи, рядом вставляли пря понайть (букв. «окручивающие молодуху»), по сторонам невесты садились кедянь кирдяй стирьнят (букв. «удерживающие за руки девушки») из родни жениха. Проводивший обряд торонь канды (букв. «несущий клинок») трижды касался головы невесты хлебом со словами: «Кодамо лям путтама? Мазай, Вяжей, Тязей, Павай — улезэ Мазай!» («Каким именем наречём? Мазай, Вяжей, Тязей, Павай — пусть будет Мазай!»). М. Е. *Евсевьев* отмечал, что слова «мазай», «вяжай», «тяжай» и «павай» первонач. не являлись личными именами, они выступали в качестве терминов свойства. В этой роли они отчасти бытуют до сих пор у мордвы-мокши без прибавления слова «ава» (маза «жена старше-

го брата», тязя — второго, вяжа — третьего, пава — четвёртого, тязя — пятого). В традиц. свадьбе мокши и эрзи был специальный чин — лемидня (м., э. лем «имя», идня «ребёнок»), впоследствии — лемдерья, лемонь максы (м.), лемдиця (э.; букв. «тот, кто даёт имя»), узаконивавший (выкрикнув) новое имя невестки. Обычно это был мальчик, к-рого во время обряда усаживали на колени невесты со словами: «Вага тя лем идня!» («Вот тебе дающий имя ребёнок!»). Так она звала его всю жизнь. По завершении обряда невеста дарила мальчику деньги или медный перстень. Иногда в роли узаконивавшего новое имя невесты выступал торонь канды.

По-иному проводили И. н. эрзяне. У них было шесть имён, даваемых молодой: Мазава — красивая женщина, Ашава — белая, Сырнява — золотая, Парава — хорошая, Вежава — младшая, Тетява (значение утрачено). Лемидня надевал на себя сумань (разновидность тёплой верх. одежды), подпоясывался, на голову надевал шапку, брал в руки шумбра кши («хлеб здоровья») и трижды крестил им невесту, касаясь её головы. При этом он говорил: «Ашава, Парава — эри лемезэ Мазава» («Ашава, Парава — пусть будет для жизни Мазава»). Затем, взяв топор, лемидня вставал на приступок печи и от третьего бревна сверху вырубал щепку со словами: «Кода узерьсь совась шочконтень, истяня одирьвась совазо мирьдентень» («Как топор вошёл в бревно, так невеста пусть войдёт в жениха»). Затем разрезал топором хлеб, одну его половину передавал в чулан, др. клал за пазуху. В нек-рых местностях ритуал завершался следующим образом: лемидня, положив щепку за пазуху, с топором в руке обходил всех присутствующих в доме и каждого спрашивал: «Ёвтык ко-

да одирьванть лемезэ, а то прят керяса узерьсэ» («Скажи, как зовут молодую, а то зарублю топором»). Угрозы, высказываемые в адрес участников обряда, вероятно, следует связывать со стремлением сохранить тайну похищения молодой. Неслучайно до этого лемидня, не скрывая своего намерения наказать того, кто осмелится разгласить тайну, разрубал свою шапку на мелкие части, чтобы показать реальность угрозы. Молодая в благодарность за наречение именем подносила ему стакан пива. В соседних мокш. селениях (Урюм, Кильдюшево, Кадышево и др.) лемидня вместо муж. шапки надевал жен. головной убор — шешерю, к-рую по окончании церемонии И. н. также разрубал на месте. Разрубание головного убора перед присутствующими означало, что с каждым могут поступить так же, если он осмелится назвать молодую девичьим именем.

Высока вероятность того, что первонач. И. н. было связано с обрядом инициации, включающим врем. смерть, воскресение и переход в др. статус (см. *Инициация и миф*). Всё это в полной мере можно наблюдать по материалам мордов. свадьбы, когда с изменением статуса невесты её одежда, причёска, головной убор и девичий наряд заменялись жен., но самое главное — менялось её имя. Об этом свидетельствуют и причитания невесты, в к-рых фигурирует символич. образ смерти.

Тексты: ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 33. Л. 25 — 26 ; Д. 34. Л. 41 — 41 об. ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975.

Лит.: Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Маскаев А. И. Мор-

довская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004.

В. И. Рогачёв.

ИНИЦИАЦИЯ И МИФ. Инициация — переход индивида из одного статуса в др. и обряд, оформляющий этот переход, является культурной универсалией, характерной для всех ист. эпох и стадий социального развития. Особенностью структуры инициации является трёхчастность. На первом этапе происходит отделение индивида от общества — сегрегация (разрыв с привычным окружением) и изоляция (уход, увод, смена образа жизни, т. к. переход осуществляется за пределами устоявшегося мира). На втором этапе — транзиции — индивид находится в лиминальном (пограничном, бесстатусном) состоянии и подвергается различным испытаниям. Содержание третьего этапа составляет инкорпорация (включение) — возвращение в социум в новом статусе или в новой обществ. группе. При этом инициация осмысливается как смерть и новое рождение. Это связано с представлением о том, что при переходе в новый статус индивид как бы уничтожается в своём прежнем качестве.

В чистом виде обряды инициации не сохранились у мордвы, однако частично инициаци. мотивы представлены в волшебной сказке и реликтах обрядовых действий. Структура мордов. волшебных сказок изоморфна обряду инициации и воспроизводит его в символич. форме в виде смертельных испытаний героя, к-рые он с честью проходит, приобретая более высокий статус.

В мордов. сказках отделение героя происходит различными способами:

обещание *Ведяве* (таинств. старичку) того, чего не знают дома («Сия пейне тейтерне» — «Девочка — Серебряный зубик», «Сурала»), похищение героя неожиданно появившимся незнакомцем («Рав-Жольдямо»), запродажа его таинств. старику (колдуну), уход в лес («Охотник»), действие вредоносной магии («Кевганя»). В большинстве случаев активную роль в процессе отделения играет женщина: мачеха, стремящаяся избавиться от пасынка или падчерицы («Од ава» — «Мачеха», «Равжа тракс» — «Чёрная корова», «Сыре скал» — «Старая корова»), старшая сестра, по наущению змея-любовника отправляющая брата за звериным молоком («Вирьбаба» — «Лесная старуха»), жёны старших братьев, умерщвляющие их сестру («Дуболго Пичай») и др.

При всём многообразии способов отделения общим является принцип юниората — стремление избавиться от неудобных и всегда младших детей, ибо только младший имеет возможность совершить переход.

Для сказки характерна мифол. интерпретация негомогенности пространства: выход за пределы освоенного мира приравнивается к смерти. Инициация обычно связана с нахождением в лесу, именно там начинаются испытания сироток, солдата Вани, Сурали, Сырьжи, Дуболго Пичай, Сия пейне тейтерне и др. героев волшебной сказки. В сказке «Алашань кедь» («Лошадиная шкура») герой спит мёртвым сном в яблонево́м саду (здесь яблоня выступает как перводерево, маркирует собой центр мира). Данный сюжет архаичнее, чем сюжет сказки «Дуболго Пичай», и его можно рассматривать как классич. инициаци., т. к. он содержит отсылку ко времени матриархального брака и матрилокальности, тогда как в «Дуболго Пичай» описывается стадия патрило-

кального брака. С лесом и деревом связаны представления о возможности попасть в иной мир. Так, Сия пейне тейтерне именно по дереву попадает к старшей сестре на небо, на дереве находится домовина Дуболго Пичай, а также младший брат, подслушивающий чертей и получающий тайное знание. В лесу живут Яга-Баба, *Вирява* и Вирьбаба, выступающие либо как чудесные пом. героя в преодолении испытаний («Вирьбаба») и дарители («Од ава»), либо как существа, пытающиеся съесть героев («Уроскеть ды Яга-баба» — «Сиротки и Баба-яга»).

В родовом обществе суть обряда инициации состояла в символич. проглатывании тотемным животным и обратном извержении героя, а также в пролезании сквозь животное. Поглощение воспринималось как смерть, а возвращение — как воскресение. Так, архаичным является сюжет сказки «Рав-Жольдямо», где есть мотив заворачивания героя в шкуру животного. В др. сказке — «Алашань кедь» герой носит шкуру коня на себе и не должен отдавать её никому, а для получения чудесного пом. и богатырских свойств просто встаёт на неё. «Приобщение к тотемному животному давало посвящаемому магические способности» (Пропп В. Я., Исторические корни волшебной сказки, Л., 1986, с. 26). Нахождение на шкуре, а не внутри неё является, очевидно, более поздней стадией пролезания сквозь животное, результатом к-рого становится вторичное рождение. В сказке «Вирьбаба» герой не зашивается в шкуру домашнего животного, не обёртывается ею, но из внутренностей тёлки (сердца, печени и желудка, помещ. в подпечье) по родительскому благословию появляются щенки — чудесные пом. Превращ. последовательно в сор и жар Сия пейне

тейтерне пытается съесть тотемный зверь — медведь, он же затем доставляет её обратно родителям. Наиболее архаичными следует считать сюжеты, в к-рых герой проходит через испытание хтонич. существами — попытка змея проглотить его (сюжеты, где герой борется с многоголовыми змеями) и получение чудесных предметов от лягушки («Сырьжа»).

Все путешествия и переправы сказочного героя отражают представления о странствиях умершего в *загробном мире*. В мордов. сказках конь не только доставляет героя из одного царства в др., но и привозит убитого к тому месту, где он будет оживлён. Так, Сивый (белая лошадь, ассоциирующаяся со смертью или являющаяся перевозчиком мёртвых) привозит бочку с разрубл. телом, к-рое девушки варят в трёх котлах и оживляют живой водой («Солдат Ваня»). Со смертью связано положение не только в гроб и колоду, но и в бочку. Гроб, бочка, лодка, сундук, корыто изоморфны. Так, Сия пейне тейтерне возвращается из леса в сундуке, к-рый несёт тотемный зверь, а Дуболго Пичай — в домовине, Кевганя и Юртай накрываются корытом, младший брат укрывается под лодкой. Полёт на коне (перепрыгивание одним скоком из одного мира в др.), являющийся отголоском доземледельч. представлений, возник из полёта в образе птицы (Кевганя) или на птице (Рав-Жольдямо). Следует отметить, что конь у мордвы является психопомпным животным.

Включение героя, успешно прошедшего инициацию, в мордов. сказке может происходить неск. способами. Самый простой — сообщение информации слушателю о том, что герой целым и невредимым возвращается из леса (Сия пейне тейтерне, сиротки). Иногда герои

получают тайное знание, напр. умение понимать язык зверей и птиц (солдат Ваня), богатство (Суралья, Рав-Жольдямо). В этом отношении интересен сюжет сказки «Дуболго Пичай», где героиня сама не совершает никаких действий в ходе инициации: старшие снохи осуществляют процедуру отделения от семьи в отсутствие родителей и др. старших женщин, а будущая свекровь завершает инициацию, включая девушку в новое пространство в новом качестве. Свекровь вносит мёртвое тело в *баню*, которая является пограничной зоной, располож. вне собственно человек. зоны, что усиливает мотив перехода, а живая девушка возвращается в человек. жилище, к-рое становится для неё новым домом.

В ходе инициации посвящаемый мог получать новое имя. В мордов. сказке данный мотив есть только в сказке «Дуболго Пичай»: девушка после оживления «забывает» своё имя и её наз. Уцяской (Счастье). Чаще всего герой в сказке не имеет имени — младший брат, младшая сестра, дочь, сын; неизв. и имена, получ. после испытаний. В этом отношении, очевидно, наиболее древними, по мнению М. Е. Евсеева, являются сюжеты, где героя именуют просто «андямо», что означало «человек».

Волшебные сказки мордвы бывают короткие и длинные. В коротких описывается успешно пройд. героем (героиней) инициация и на этом они завершаются («Дуболго Пичай», «Сия пейне тейтерне», «Два брата» и др.). Длинные сказки описывают в символич. форме не одну инициацию героя, а две, первая из к-рых маркирует переход из детства в период молодости (первая часть сказок «Суралья», «Рав-Жольдямо» «Солдат Ваня», «Сыре скал», «Кевганя»), вторая — переход

из молодости в стадию зрелости. Сюжет сказки развивается, герой, успешно прошедший инициацию, получивший богатство или чудесные дары, мужа или жену, случайно или по воле злых людей либо сил теряет получ. и вынужден проходить новые испытания (вторая часть сказок «Рав-Жольдямо», «Солдат Ваня», «Сыре скал», «Кевганя»). В сказке «Сураля» первая и вторая части строятся зеркально: в первой Сураля проходит испытания и в конце их обещает то, чего не знает дома, а во второй его сын Пандай проходит более сложные испытания, чем его отец. Т. о. в данной сказке описаны две одинаковые возрастные инициации.

Мотив инициации содержится в свадебном обряде, в ходе к-рого подчёркивается лиминальность невесты (см. *Имянаречение невесты*). Знаки смерти, мнимая смерть — следы обряда посвящения. Отношение к ней как к представительнице иного мира ярко прослеживается в таком элементе свадебного обряда, как прощание невесты с домом дяди (урьвалянь кудо марто простямо). Смерть и последующее рождение в новом социальном качестве составляют особенность свадебного обряда: «В свадебном обряде мечты невесты о нахождении на древе смерти... завершаются заключением брака под сенью мирового древа» (Каргина М. И., Архетип смерти в мордовском свадебном обряде // Материалы 2-й Всерос. науч. конф. финно-угроведов, Саранск, 2000, с. 303). Для причитаний невесты характерно описание состояния символич. смерти, что подобно стадии транзита классич. инициации: «Течень чинь, ялгинем, / Тиринь тетям явимем. / Тиринь тетям сиянь мукорь лангс / Кафто пильгень чавиньзе / Колинка прязон, ялгинень, / Кавто кедень чивинзе» (НА НИИГН, ф. Л-47, л. 92) — «Сегодня,

подруженька, / Родной отец разделил (расчленил) меня. / Родной отец на серебряном пне / Две ноги [мои] сломал / К коленям моим, подруженьки, / Две руки [мои] прибил».

С инициацией сходен обряд изгнания дет. болезней. Евсевьев упоминал этап лечения, к-рый можно сопоставить с погребением в корыте, т. е. в обряде сохранились реликты вторичного рождения: «...ребёнок укладывается на полу под матицей, накидывают на него хлебное корыто (корыто, в котором месят хлеб). Знахарка начинает хлестать по корыту травой алганьжей тикше...» (Евсевьев М. Е., Эрзянь-рузонь валкс, М., 1931, с. 17). В сказке «Кевганя» мачеха прячет девушку в момент сватовства во дворе под корытом, где её обнаруживает дружка и выводит к жениху. Сходным с данными обрядовыми действиями является встречающийся в сказках мотив битья палкой могилы умершего отца для получения его помощи («Колмо брат»).

Инициация изначально предполагала испытание героя мифич. предками, однако в материалы фольклора и этнографии не дают нам возможности проследить эту традицию у мордвы.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-47 ; **Евсевьев М. Е.** Эрзянь-рузонь валкс=Мордовско-русский словарь. М., 1931 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч.1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978.

Лит.: **Левинтон Г. А.** Инициация и мифы // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 1 ; **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986 ; **Его же.** Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор. Ли-

тература. История. М., 2002 ; **Элиаде М.** Аспекты мифа. М., 2000 ; **Его же.** Мифы, сновидения, мистерии // <http://www.eliade.ru/obryady-materi-zemli.html> (дата обращения 5.4.2012) ; **Геннеп А. ван.** Обряды перехода : Систематич. изучение обрядов. М., 2002 ; **Каргина М. И.** Архетип смерти в мордовском свадебном обряде // *Материалы 2-й Всерос. науч. конф. финно-угроведов.* Саранск, 2000 ; **Eliade M.** Rites and Symbols of Initiation. New York, 1965.

В. С. Святогорова.

ИНЦЕСТ (от лат. incestum «нечистый, преступный»), кровосмешение, в морально-этич. представлениях мн. народов, в т. ч. фин.-угор. — страшный грех; один из мотивов фольк. произв., обрядовых песен, апокрифич. рассказов и др. В мифологии и обыденной жизни рассматривается как событие, нарушающее нравств. устои, как преступление, караемое высшими силами и обществом. В фольк. текстах имеются сюжеты о кровосмешении между родными братом и сестрой. При этом выделяются две сюжетные линии: неосозн. (слав. былины и баллады — о Михаиле Козарине, «Брат женился на сестре», «Братья-разбойники и сестра» и др.) и осозн. (песня о Канёве и др.) совершение И.

В мордов. мифологии есть неск. подобных сюжетов, в частности в эрз. песне о попытке родителей выдать дочь Канёву замуж за родного брата. Тема И. в нар. творчестве носит ярко негативную окрашенность. Его неприятие и осуждение передаются в этой песне через мистич. предчувствие героини, увидевшей небывалый сон, в к-ром соединились небо и земля. Под давлением родителей Канёве приходится согласиться на кровосмесительный брак. Девушка, для к-рой неприемлемо совершение намер. И., в одном из вариантов

песни прокликает брата и несостоявшегося мужа и он с родителями проваливается под землю, где их ждёт наказание от Верховного бога Нишкепаза. В ряде др. текстов, где сюжет песни о Канёве соединяется с сюжетом песни о Литове, Канёва просит *Верепазу* забрать её на небо, чтобы избежать кровосмесительного брака и Бог исполняет её просьбу. Во всех вариантах нар. песен о Канёве попытка намер. И. девушки и её брата, предпринимаемая их родителями, срывается.

По наблюдениям В. Н. Майнова, ранее у мордвы близкое и двоюродное родство не считалось препятствием для брака, однако это было распространено в глубокой древности. Подтверждением этого являлось то, что мордов. *боги* не стеснялись жениться на своих дочерях. Майнов писал, что близкое родство не препятствовало браку «и только за недостатком женщин мордва обратилась к чужеродцам с искальством жён...» (Майнов В. Н., *Очерк юридического быта мордвы*, Саранск, 2007, с. 42 — 43). Это, по словам исследователя, ещё более подтверждает предположение о полном отсутствии у мордвы «чего-либо подобного нашему сказочно-эпическому мотиву о сыне-муже, брате-муже и т. п. Только цивилизуясь и, быть может, только лишь при встрече своей с татарскими пришельцами, мордва отчуралась от браков между ближайшими сородичами, а нынешними родственными помехами она, несомненно, обязана христианству...» (Там же, с. 43). У мордвы, по мнению Майнова, были «намёки на стародавнее существование свального греха...» (Там же). Одним из фольк. свидетельств кровосмешения брата и сестры является запис. исследователем предание арзамасской мордвы-эрзи, в к-ром говорится о намер. прелюбодеянии брата и се-

стры, в результате чего они были наказаны рождением собаки.

Под влиянием христианства кровнородств. сожителство стало оцениваться негативно. По мнению Майнова, при вступлении в брак среди мордвы учитывалась степень не только кровного, но и духовного родства, хотя это и не распространялось повсеместно. Исследователь отмечал, что у мордвы Нижегородского у. Нижегородской губ. во 2-й пол. 19 в. существовал запрет на вступление в брак с крестниками и крёстными, а мокша даже не сватала «детей побратимов». Н. Ф. Мокшин утверждает, что «имевшая некоторое распространение в историографии идея о существовании в первобытном обществе кровнородственной семьи отвергнута наукой как несостоятельная. Мордовская народная традиция испокон веков запрещает браки между родственниками аж до седьмого колена» (Этногр. обозр., 1996, № 3, с. 154). Глубокое почитание кровнородств. уз и наказание за посягательство на их чистоту нашли отражение в обычном праве мордвы.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-86, Л-106 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982 ; *Mordwinische Volksdichtung.* Helsinki, 1980. Bd. 7.

Лит.: Путилов Б. Н. Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. М., 1964 ; Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы XIX — XX вв. Саранск, 1977.

Н. О. Шкердина.

ИСТО́РИЯ И МИФ. Мифология в своём развитии является не только отражением ист. пути народа, но и существ. его частью. В последнем смысле исто-

рия мифологии — один из важнейших фактов нац. обществ. сознания и психологии, нац. культуры в целом. Взаимодействие истории и мифологии возможно рассматривать в трёх взаимодополняющих плоскостях: 1) время создания тех или иных мифол. схем, сюжетов и образов; 2) эволюция мифов в ходе ист. развития; 3) отражение конкретных ист. процессов в мифологии.

Миф как форма миропонимания возник и стал развиваться в определённых ист. условиях. По мере их изменения менялась и мифол. картина мира. В процессе ист. развития происходили переориентация и переосмысление функций изначальных «божественных» категорий. Возникновение мифологии принято связывать с попытками человека объяснить окружающий мир. Оформление мордов. мифологии шло параллельно с процессом этногенеза мордов. народа и трансформацией традиц. мифол. систем финно-угров. В. Я. Петрухин датирует это рубежом 1-го и 2-го тыс. н. э., однако данная датировка спорна, поскольку формирование древнемордов. культуры и этногенез мордвы происходили ранее — в первые века нашей эры. Наиболее архаичными являются мифы о происхождении людей от *животных* и наоборот. Они связаны с формированием тотемистич. представлений и уходят корнями в эпоху становления родовых отношений. В 1-м тыс. н. э. у мордов. племён возникли космогония, образы владычиц природных стихий (*Вирява, Ведява, Вармава* и др.), божеств *дома, двора, селения* (Кудава, Юртава, Кардаз сярко, *Веленаз, Велява*). В ходе разложения первобытных отношений и перехода общества к эпохе военной демократии оформился образ Пурьгинепаз не только как бога грома, но и как покровителя воинов. Образы *Иисуса Христа,*

Богородицы, Адама и Евы, Ильи-пророка появились в религ.-мифол. картине мира мордвы после христианизации (17 — 18 вв.) и пер. отд. фрагментов Библии на мокш. и эрз. яз.

Ю. М. Антонян, как и мн. исследователи, считает, что «мифотворчество прошло сложный многовековой путь от примитивных и наивных архаичных схем устройства мира и космоса, от сказаний о деяниях первопредков (культурных героев) к нынешним весьма усложнённым формам, которые реализуются в художественных произведениях, современной символике, архитектуре и т. д.» (Антонян Ю. М., Миф и вечность, М., 2001, с. 18 — 19). Длительность эволюции нац. мифологий весьма различна. Не вызывает сомнений её зависимость от социально-экон. и обществ.-полит. укладов, от пульса ист. жизни в целом, от привносимых извне факторов экон. и полит. истории. Действие «внутренних» законов мифотворчества регулировалось «внешними» для мифа обстоятельствами истории народа.

Мифол.-религ. система мордвы в своём развитии прошла ряд этапов. Первый связан с процессом этногенеза мордвы, формированием и развитием древнемордов. культуры в рамках первобытно-родовых отношений. Для него характерна космогония, уходящая корнями в традиц. фин.-угор. системы мировоззрения с отсутствием идеи творения, с образами *Великого дерева* и *Великой птицы*. Широкое развитие получили образы покровительниц стихий (*вода*, лес, ветер и т. п.), игравших существенную роль в жизнедеятельности мордов. народа. При этом хозяйки стихий (*авы*) выступали как полноценные божества, обладающие чётко обознач. функциями. Развивался тотемизм, получил распространение *анимизм*. Развивался живот-

ный эпос. На данном этапе оформилась такая черта мифол. образов, как бинарность. Мифол. персонаж, как правило, может быть добрым и злым в зависимости от обстоятельств, соотв. меняется его облик. Так, Ведява то благожелательна к человеку и выглядит молодой красивой девушкой, то обращается к нему своим вторым лицом, страшным и злым, становясь безобразной старухой. Кроме того, отд. мифол. персонажи имеют жен. и муж. ипостаси (Кенкшава и Кенкшата, Толава и Толата и др.).

Второй этап датируется рубежом 1-го и 2-го тыс. н. э. и временем массового принятия христианства (18 в.). Ниж. граница этапа обусловлена процессом политогенеза и началом перехода к классовому обществу, в результате чего наметился кризис традиц. мифопоэтич. схем и установок. Они уже не могли удовлетворительно описывать и объяснять новые явления. Этап характеризовался усложнением мифол. картины мира в результате как внутр. развития системы, так и внеш. воздействия со стороны мировых религий, прежде всего христианства и ислама. Серьёзные изменения претерпела космогония, к-рая обрела идею творения мира и соотв. образ *демиурга*. Им выступают светлое (Чипаз, Нишкепаз, Шкай) и тёмное (*Идемевсь*, Шайтан, *Анамаз*) начала. Установилась иерархичность мифол. мира, его деление на три части: в верх. (небо) живут *боги* (Нишкепаз, Шкай, Пурьгинепаз и др.), средней (*земля*) — люди и боги (Ведява, Вириява, Норовава и др.), в ниж. (*загробный мир*) — души умерших и подземные боги. При этом боги, обитающие в верх. части мира, обязательно добры по своей природе и воплощают положительное начало, но могут гневаться и даже строить козни. Образы богов, обитающих рядом с лю-

дми, трансформировались в связи с утратой мн. функций. Эти боги стали более приземл., превратились во вторичных богов пантеона, правда, сохранили бинарность.

Третий этап связан с утверждением в мордов. среде христианства в форме православия. Происходили попытки объединения и «универсализации» космогонич. представлений разных культурных систем. Библич. мотивы налагались на мн. представления, трансформируя их. Возникла космогонич. картина, воссозд. в нац. эпосе «Масторава». Появились образы Иисуса Христа, Троицы, правосл. святых и т. п. В результате сложилось «двоеверие», когда древнейшие языч. представления мордвы слились и дополнили православие. В повседневную жизнь вошли *икона*, церк. богослужение, изменилась обрядовая сторона жизни. Одним из первых обратил внимание на эти процессы В. О. Ключевский, к-рый писал: «Мордовские праздники, большие *моляны*, приурочивались к русским народным или церковным празднествам, семику, троицину дню, рождеству, новому году. В молитвы, обращённые к мордовским богам, верховному творцу Чампасу, к матери богов Анге-Патяй и её детям, по мере усвоения русского языка вставлялись русские слова: рядом с „*вынимань монь*“ (помилуй нас) слышалось „*давай нам добра здорovia*“. Вслед за словами заимствовали и религиозные представления: Чампаса величали „верхним богом“, Анге-Патяй „матушкой богородицей“, её сына Нишкипаса (*нас* — бог) Ильёй Великим...» (Ключевский В. О., Сочинения, М., 1987, т. 1, с. 307). В этот период утратили смысл мн. мифол. категории, стали размытыми религ. представления, в мифол. картину мира начали проникать деструктивные симво-

лы. Примерами могут служить распространение сектантства среди мордвы (блаженные, жидовствующие и т. п.), появление социально-утопич. легенд и преданий о счастливой земле за морем и т. п., развитие апокрифов. Кроме того, в условиях создания новой мировоззренч. парадигмы вместо уже устоявшейся резко снизилась сопротивляемость этноса внеш. агрессорам, в первую очередь культурной интервенции, оказался утрач. иммунитет к воздействиям со стороны.

Достаточная длительность эволюции мордов. мифол. системы привела к отражению в ней мн. ист. процессов. При этом по законам развития нар. сознания, «новое не вытесняет старое, а наслаивается на него, добавляется к старому» (Рыбаков Б. А., Языческое мировоззрение русского средневековья, Вопр. истории, 1974, № 1, с. 4). Так, фольклор отразил реалии ногайских набегов на мордов. край, но при этом наложил на память о нашествиях др. кочевников (хазары, половцы, монголы), где исходной точкой выступал ист. факт. Однако надо иметь в виду, что вообще не всякий факт может служить основой мифол. интерпретации. Рассуждая по этому поводу на примере эпоса, А. Н. Веселовский высказал мысль о том, что таковым могло быть только ист. событие, существенно затрагивающее интересы народа (см.: Веселовский А. Н., Историческая поэтика, Л., 1940, с. 469). Напр., казанский поход *Ивана Грозного* 1552 произвёл такое сильное впечатление, что породил сказку об *Ивашке Приметлеве*.

В связи с отражением в мифе опрделённых ист. процессов мифол. источники при всей их неполноте и неточности могут выступать как ист., помогая в решении задач познания истории. Так, с их помощью можно реконструировать задачи и функции княж. власти

у древней мордвы. Наследием мифа в истории является фигура родоначальника, основателя ист. традиции, к-рую часто относят и к мифу, и к истории или сомневаются в её реальном существовании (Тюштя).

Связь мифа и истории просматривается в устно-поэтич. творчестве. Уже в мифопоэтич. текстах наряду с собственно мифол. схемами (космогония, система родства и брачных отношений богов и т. п.) содержатся схемы мифоист. традиции, напр. ист. предания. При этом между собственно мифом и историей существует целый ряд типологически возможных переходов: 1) рассказы о происхождении, непосредственно примыкающие к ист. описаниям, но восходящие к мифопоэтич. традиции (рассказы о происхождении родов, основании насел. пунктов; см. *Атерь*); 2) квазиист. тексты («Мордовская история» Т. Е. *Завражнова* и С. А. *Ларионова*); 3) воспоминания, основ. на собств. памяти рассказчика (Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910).

См. также *Археология и миф, Архетипы, Время мифическое*.

Лит.: **Мелетинский Е. М.** Происхождение героического эпоса. М., 1963 ; **Его же.** Поэтика мифа. М., 1976 ; **Стеблин-Каменский М. И.** Мир саги. Л., 1971 ; **Гуревич А. Я.** История и сага. М., 1972 ; **Топоров В. Н.** История и миф // Мифы народов

мира. М., 1980. Т. 1 ; **Полосин В.** Миф. Религия. Государство. М., 1999 ; **Косарев А. Ф.** Философия мифа : Мифология и её эвристическая значимость. М. ; СПб., 2000 ; **Антонян Ю. М.** Миф и вечность. М., 2001 ; **Ключевский В. О.** Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 1 ; **Петрухин В. Я.** Мифы финно-угров. М., 2003 ; Финно-угорские народы России: генезис и развитие. Саранск, 2011 ; **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Его же.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Мордовское народное устно-поэтическое творчество : очерки. Саранск, 1975 ; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Федосеева Е. А.** Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007 ; **Юрчёнков В. А.** Мордовский народ: вехи истории. Саранск, 2007 ; **Его же.** Сказки Вирявы. Саранск, 2012 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

В. А. Юрчёнков.

Продолжение следует

СОКРАЩЕНИЯ*

- абс. — абсолютный
 авг. — август
 авт. — автор (в библиографии)
 акад. — академик (при имени)
 алт. — алтайский
 альм. — альманах (в библиографии)
 АН — Академия наук
 англ. — английский
 ансам. — ансамбль (муз.)
 антропол. — антропологический
 апр. — апрель
 араб. — арабский
 арм. — армянский
 арх. — архив (в библиографии)
 археол. — археологический
 архим. — архимандрит (в библиографии)
 АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
 астрон. — астрономический
 АХ — Академия художеств
 Б. — Большой (в топонимических названиях)
 балт. — балтийский
 библ. — библейский
 библиогр. — библиографический (в библиографии)
 биогр. — биография; биографический
 букв. — буквально
 быв. — бывший
 в. — век
 вв. — века
 Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.
 вепс. — вепсский
 Верх. — Верхний (в топонимических названиях)
 верх. — верхний
 Вестн. — Вестник (в библиографии)
 ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
 внеш. — внешний
 вод. — водский
 вок. — вокальный (муз.)
 вол. — волость (в названии)
 вост. — восточный
 вступ. — вступительный
- в т. ч. — в том числе
 ВХУТЕИН — Высший государственный художественно-технический институт (1926 — 30)
 ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские (1921 — 26)
 вып. — выпуск
 г. — год
 г. — город (при названии)
 газ. — газета (при названии)
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 гг. — годы
 геогр. — географический
 герм. — германский
 гл. — главный
 гл. обр. — главным образом
 гол. — голландский
 гос. — государственный
 гос-во — государство
 г. р. — год рождения
 гр. — греческий
 губ. — губерния (в названии)
 д. — деревня (при названии)
 дек. — декабрь
 дерев. — деревянный
 дет. — детский
 дир. — директор
 ДК — Дом культуры
 док. — документальный
 док-ты — документы
 доп. — дополнительный
 др. — другой
 д-р — доктор
 драм. — драматический
 др.-гр. — древнегреческий
 др.-еврейск. — древнееврейский
 др.-мордов. — древнемордовский
 др.-рус. — древнерусский
 др.-эрз. — древнеэрзянский
 д. чл. — действительный член
 европ. — европейский
 епарх. — епархиальный
 ж. — журнал (при названии)

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

- ж.-д. — железнодорожный
жен. — женский
жив. — живопись
зав. — заведующий
Зап. — Записки (в библиографии)
засл. — заслуженный
ижор. — ижорский
избр. — избранный (в библиографии)
Изв. — Известия (в библиографии)
изв. — известный; известен
изд. — издание
изобразит. — изобразительный
ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока
им. — имени
имп. — император; императорский
инструм. — инструментальный
ин-т — институт
иран. — иранский
иск-во — искусство
искл. — исключение; исключительный; исключительно
иссл. — исследование; исследовательский
ист. — исторический
итал. — итальянский
и т. д. — и так далее
канд. — кандидат
карел. — карельский
кирг. — киргизский
кл. — класс
к.-л. — кто-либо; какой-либо
кн. — книга; книжный
кн. — князь; княгиня (при имени)
кол-во — количество
комм. — комментарий (в библиографии)
кон. — конец (в датах)
крест. — крестьянский
к-рый — который
к-т — комитет
лат. — латинский язык
ленингр. — ленинградский
лингв. — лингвистический
лит. — литературный
лит-ра — литература
М. — Малый (в топонимических названиях)
М. — Москва (в библиографии)
м — метр
м. — мокшанское (слово)
макс. — максимальный
манс. — мансийский
мар. — марийский
МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика
матем. — математический
МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт
метод. — методический
мин-во — министерство
мифол. — мифологический
мн. — многие
мокш. — мокшанский
Мордкиз — Мордовское книжное издательство
мордов. — мордовский
моск. — московский
МРМИИ — Мордовский республиканский музей изобразительных искусств
муз. — музыкальный
муж. — мужской
Н. — Нижний (в топонимических названиях)
наз. — называет; называется; называемый
назв. — название
НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
напр. — например
нар. — народный
нариц. — нарицательное (имя)
наст. — настоящий
науч. — научный
нац. — национальный
нач. — начало (в датах)
нач. — начальный
нек-рый — некоторый
неск. — несколько
НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР
ниж. — нижний
Нов. — Новый (в топонимических названиях)
нояб. — ноябрь
н. э. — нашей эры
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
об-во — общество
обл. — область (в названии)
обозр. — обозрение (в библиографии)
ОК — областной комитет
ок. — около
окр. — округ; окружной
окт. — октябрь; октябрьский
опубл. — опубликован; опубликованный
осн. — основной
отв. — ответственный
отд. — отдельный

- отеч. — отечественный
 офиц. — официальный
 п. — перевод
 пед. — педагогический
 пенз. — пензенский (в библиографии)
 пер. — перевод (в библиографии)
 первонач. — первоначально; первоначальный
 петерб. — петербургский
 ПМА — Полевой материал автора
 произ-во — производство
 подгот. — подготовка (в библиографии)
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 пом. — помощник
 поч. — почётный
 пр. — премия
 правосл. — православный
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 предисл. — предисловие
 предположит. — предположительный, предпо-
 ложительно
 през. — президент
 преим. — преимущественно
 произв. — производство
 произ-во — производство
 просветит. — просветительский
 проф. — профессиональный
 проф. — профессор
 при. — преподобный (при имени)
 психол. — психологический
 публици. — публицистический
 р. — река (при названии)
 РАЕ — Российская академия естествознания
 РАО — Российская академия образования
 РГО — Русское географическое общество
 рев. — революция; революционный
 регион. — региональный
 ред. — редактор
 реж. — режиссёр; режиссёрский
 религ. — религиозный
 респ. — республиканский
 рец. — рецензия (в библиографии)
 рим. — римский
 РМ — Республика Мордовия
 р-н — район (в названии)
 род. — родился
 рос. — российский
 РПЦ — Русская Православная Церковь
 рук. — руководитель
 рус. — русский
 РФ — Российская Федерация
 с. — село (при названии)
 с. — страница (в библиографии)
 самостоят. — самостоятельный
 сб. — сборник
 сб-ки — сборники
 св. — святой (при имени)
 свт. — святитель (при имени)
 сев. — северный
 сент. — сентябрь
 сер. — середина (в датах)
 сер. — серия
 СЖ — Союз журналистов
 сиб. — сибирский
 СК — Союз композиторов
 скульп. — скульптор (при имени)
 слав. — славянский; славянские языки
 слов. — словарь (в библиографии)
 см — сантиметр
 см. — смотри
 соавт. — соавтор; соавторство
 сов. — советский
 совм. — совместный; совместно
 совр. — современный
 соотв. — соответствует; соответствующее
 сост. — составитель; составление
 (в библиографии)
 сотр. — сотрудник
 соч. — сочинение
 СП — Союз писателей
 СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
 С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
 спорт. — спортивный
 справ. — справочник (в библиографии)
 Ср. — Средний (в топонимических названиях)
 ср. — сравни
 ср.-век. — средневековый
 СССР — Союз Советских Социалистических
 Республик
 Ст. — Старый (в топонимических названиях)
 ст. — станция (при названии)
 ст. — статья
 стат. — статистический
 СТД — Союз театральных деятелей
 стихотв. — стихотворный
 стр-во — строительство
 СХ — Союз художников
 с. х. — сельское хозяйство
 с.-х. — сельскохозяйственный
 т. — текст
 т. — том (в библиографии)
 танц. — танцевальный
 тат. — татарский
 т. е. — то есть
 театр. — театральный
 терр. — территория; территориальный
 тетр. — тетрадь (в библиографии)

- техн. — технический
 т. к. — так как
 т. н. — так называемый
 т. о. — таким образом
 тр. — труды (в библиографии)
 традиц. — традиционный
 трансп. — транспортный
 тыс. — тысяча
 тыс. — тысячелетие
 тюрк. — тюркский; тюркские языки
 у. — уезд (в названии)
 уг. — уголовный
 удм. — удмуртский
 указ. — указатель (в библиографии)
 ун-т — университет
 УПТМН — «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»
 уч. — учебный
 уч-ще — училище
 февр. — февраль
 филол. — филологический
 филос. — философский
 фин. — финский
 фин.-угор. — финно-угорский
 фольк. — фольклорный
 франц. — французский
 ф-т — факультет
 хант. — хантыйский
 хоз. — хозяйственный
 хоз-во — хозяйство
 христ. — христианский
 худ. — художник (при имени)
 худож. — художественный
- центр. — центральный
 церк. — церковный
 цит. — цитируется
 ч. — часть (в библиографии)
 чел. — человек
 четв. — четверть (при датах)
 чл. — член
 чл.-корр. — член-корреспондент
 что-л. — что-либо
 чуваш. — чувашский
 шк. — школа
 э. — эрзянское (слово)
 экон. — экономический
 эксп. — экспедиция
 энц. — энциклопедический (в библиографии)
 эрз. — эрзянский
 эст. — эстонский
 этим. — этимологический
 этногр. — этнографический
 ювелир. — ювелирный
 юж. — южный
 ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
 яз. — язык; языки
 янв. — январь
 Bd. — Band (в библиографии)
 H. — Heft (в библиографии)
 S. — Seite (в библиографии)
 Ibid. — Ibidem
 j. — journal (в библиографии)
 p. — page (в библиографии)
 vol. — volume (в библиографии)

РЕЦЕНЗИИ

Иванов А. Г. Царевкокшайск в конце XVI — XVIII веков : очерки по истории уезд. города. — Йошкар-Ола, 2011. — 440 с.

Характерной чертой современной отечественной историографии является обращение ученых-историков к проблемам социальной истории и социокультурным аспектам исторического развития.

Изучение истории губернских и уездных городов, написание научно-популярных очерков и путеводителей в нашей стране имеет давнюю традицию. В дореволюционной историографии российскому городу труды посвятили такие историки, как И. И. Дитятин¹, Л. О. Плошинский², Н. Д. Чечулин³, А. А. Кизеветтер⁴; в советской историографии вопросами истории феодального и дореформенного города (особенно такими аспектами, как экономическое развитие, социальный протест, демографический процесс и управление) занимались П. П. Смирнов⁵, М. Н. Тихомир⁶, П. Г. Рындзюнский⁷, Ю. Р. Клокман⁸, Б. Б. Кафенгауз⁹, М. Г. Рабинович¹⁰, Н. Б. Голикова¹¹, В. И. Буганов¹² и др.

Неуклонно возрастающий на протяжении последних десятилетий интерес к истории своей малой родины, к своему родовому прошлому, охватывающий все более широкие слои российского общества, также способствовал активизации интереса профессиональных историков к проблемам исторического городоведения. Этот процесс закономерен и по той причине, что массив источников, вовлекаемых в научный

¹ См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Спб., 1875. Т. 1, 2.

² См.: Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейшего времени. СПб., 1852.

³ См.: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.

⁴ См.: Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России X — XIX века. М., 1910.

⁵ См.: Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917 — 1919. Т. 1, вып. 1 — 2.

⁶ См.: Тихомир М. Н. Средневековая Москва в XIV — XV вв. М., 1957.

⁷ См.: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

⁸ См.: Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.

⁹ См.: Кафенгауз Б. Б. Древний Псков : Очерки по истории феодальной республики. М., 1969.

¹⁰ См.: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Его же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

¹¹ См.: Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982.

¹² См.: Буганов В. И. Страницы летописи Москвы : Народные восстания XIV — XVIII веков. М., 1986.

оборот учеными, с каждым годом все больше растет. Это позволяет не только дополнить, но и скорректировать исторические построения в связи с ошибками и заблуждениями, тормозящими развитие исторической науки. На современном этапе проблемы местного управления, социально-экономической и социокультурной истории провинциальных городов, быта и повседневности его населения получили освещение в исследованиях Б. Н. Миронова¹³, А. В. Юрасова¹⁴, А. И. Раздорского и А. В. Зорина¹⁵, А. Б. Каменского¹⁶, Л. В. Кошман¹⁷ и многих других. Со временем хронологические рамки таких исследований значительно расширяются. Появление обобщающих работ по городоведческой проблематике со значительным хронологическим охватом этой темы позволяет увидеть явление данной сферы жизни общества в динамике, рассмотреть многие факторы, определявшие его эволюцию.

Рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета А. Г. Иванова, посвященная истории уездного города Царевококшайска в конце XVI — XVIII вв., органично вписывается в этот ряд исследований по истории русских городов периодов Средневековья и Нового времени. Нельзя не согласиться с автором книги, что его исследование опирается на традиции отечественной «городео-ведческой» историографии. В монографии, явившейся итогом многолетнего исследовательского поиска, на основе большого массива архивных материалов и научной литературы рассматриваются основные аспекты эволюции г. Царевококшайска в значительной исторической перспективе. Царевококшайск и Царевококшайский уезд в данном случае выступают своеобразной иллюстрацией на региональном уровне общероссийских тенденций генезиса феодализма и капитализма. Подробно освещаются автором и вопросы демографии города, его социальной истории, а также торгово-экономические связи, вопросы управления, культура и повседневность понизовых городов Поволжья.

Данная книга представляет ценность по ряду причин. Во-первых, автор впервые с учетом новых теоретико-методологических подходов обобщил и систематизировал большой фактический материал, охватывающий значительный пласт истории Марийского края; во-вторых, он проделал большую работу по выявлению и использованию значительного массива архивных материалов, что позволило ему показать историю города во всей полноте и своеобразии. В ходе проведения своего исследования А. Г. Иванов работал с материалами, хранящимися в государственных архивах г. Москвы, Санкт-Петербурга и Йошкар-Олы. Они включают в себя делопроизводственную документацию, историко-географические описания, фискально-налоговую и церковную статистику, законодательные и частноправовые акты, источни-

¹³ См.: **Миронов Б. Н.** Русский город в 1740 — 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

¹⁴ См.: **Юрасов А. В.** Великие Луки в XIII — XVII вв. Историческая топография средневекового города. Псков, 1996.

¹⁵ См.: **Раздорский А. И., Зорин А. В.** Порубежье. Курский край в XVII веке. Курск, 2001.

¹⁶ См.: **Каменский А. Б.** Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

¹⁷ См.: **Кошман Л. В.** Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008.

ки личного происхождения и периодическую печать. Предметно-смысловая и критическая обработка обширного документального материала позволила исследователю не только оценить причины и глубину исторических процессов той эпохи, но и выявить главные векторы развития провинциального города того периода.

Первая глава исследования посвящена вопросу, по образному выражению самого автора, — «откуда есть пошел» г. Царевококшайск. В ней исследователь детально рассматривает события, предшествовавшие основанию города, происхождение его названия, основные этапы его строительства, а также природно-географические условия Царевококшайского уезда. Значительное место в главе занимают вопросы динамики численности городского и уездного населения, его социально-этнический состав в рассматриваемый период времени.

Значительный интерес представляет вторая глава монографии, где автор рассматривает вопросы местного самоуправления. Средоточием воеводской власти в конце XVI — начале XVIII в. выступала приказная (съезжая) изба, а в середине XVIII в. — Царевококшайская воеводская канцелярия с установленным штатом чиновных и военных людей. Стоявшие во главе местного государственного учреждения городские воеводы по существу «во всем» были полновластными «хозяевами» города и уезда. Краткосрочность «государевой службы» царевококшайских воевод, как и в других местах, была неизбежной из-за слабой их подконтрольности центральной власти и всевозможных злоупотреблений, допускаемых ими в практике «воеводского кормления» на всем протяжении рассматриваемого периода. Тем не менее автор делает вывод, что воеводское правление вполне отвечало требованиям исторических реалий своего времени.

В связи с тем что на протяжении конца XVI — XVIII вв. г. Царевококшайск был одним из значительных православных церковных центров Казанской епархии, автор посвятил религиозной стороне городской жизни третью главу. Им детально рассматриваются важные этапы церковного строительства в городе, становления духовного управления, организации церковных приходов города и уезда. Особое внимание в главе уделяется социально-этническому составу приходского населения городских церквей в конце XVI — XVIII вв., который был представлен русскими военно-служилыми людьми из числа стрельцов и членов их семей, духовенством, приказными, посадскими людьми, бобылями, дворцовыми крестьянами 19 пригородных селений Царевококшайской дворцовой волости, «служилыми новокрещенами» — марийцами Новокрещенской слободы. Таким образом, автор констатирует, что приходское население Царевококшайска в XVIII в. включало духовные, военные и приказные чины, посадских людей, а также русских и марийских крестьян, приписанных к городским церквам. При этом крестьяне были одной из многочисленных социальных прослоек в приходских общинах царевококшайских церквей.

Важное место в книге отведено вопросам складывания и функционирования царевококшайского посада и учреждений городского самоуправления. Этому посвящена четвертая глава. А. Г. Иванов отмечает, что формирование посада началось в конце XVI — XVII вв. внутри крепостного острога, что является специфической чертой данного процесса. Непосредственное начало царевококшайского посада положили несколько дворов русских посадских людей, заселившихся в предместье города с внешней стороны крепостных сооружений. Несмотря на малочисленность

посадского населения, сословное неполноправие «граждан», постоянный воеводский контроль и ограниченную компетенцию, царевokokшайские учреждения посадского общинного самоуправления (представленные в начале земской избой, затем ратушей, а впоследствии городским магистратом) по мере возможности неизменно выступали в роли защитников интересов посадских людей. Небесспорен вывод автора, что органы городского самоуправления в большей степени выступали орудием воеводской власти по выполнению тяглыми посадскими людьми тягостных казенных «служб», податей и повинностей.

Весьма интересна шестая глава, где рассматривается повседневная жизнь всех социальных прослоек царевokokшайского сообщества, которая была весьма разнообразной и тесно связанной с домашним хозяйством, семьей, материальной и духовной культурой, повседневным бытом, устоявшимися нравами, народной православной религиозностью, праздниками и самобытной спецификой. В череде городской повседневности автор особо выделяет такие памятные события, как основание города-крепости Царевokokшайска; участие царевokokшайцев в событиях Смуты начала XVII в.; пожар 1696 г., уничтоживший деревянный город, начало каменного градостроительства в XVIII в. с памятниками церковной и гражданской архитектуры; открытие первой марийской школы в городе, функционирование известной в Поволжье царевokokшайской ярмарки; начало мануфактурного производства и события пугачевского «бунта».

Не обошел вниманием автор и такую проблему, как взаимодействие Царевokokшайска и Царевokokшайского уезда. Данному вопросу посвящены пятая и седьмая главы монографии. Исследователь отмечает, что поступательное развитие города во многом обуславливалось такими факторами, как природно-климатические условия и трудовой потенциал крестьянского населения Царевokokшайского уезда. Город не только выступал административным центром властвования над сельской округой, но и все больше становился торгово-промышленным пунктом притяжения уездного крестьянства. В свою очередь территория уезда стала объектом активной предпринимательской деятельности царевokokшайского купечества и других социальных слоев горожан. Обоснован вывод автора о том, что наличие сословных, этнических, профессиональных и иных различий между уездными крестьянами и горожанами не являлось непреодолимой преградой для расширения взаимосвязей между городом и деревней.

Удачно дополняет рецензируемое издание значительное по объему приложение, содержащее крупный массив архивных документов, таких как указы воеводам, различные грамоты приказа Казанского дворца, фрагменты ревизий, разного рода челобитные и доношения. Убедительно выглядят цифровые данные, включая составленные автором таблицы, которые представляют собой самостоятельные исторические источники и являются подтверждением приводимого фактического материала. Для монографии характерно оптимальное сочетание макро- и микроанализа, что позволяет поместить сделанные в них выводы в общероссийский контекст и открывает новые перспективы в исследовании феномена провинциального российского города в целом.

Сложные научные проблемы, поставленные в книге, легко воспринимаются благодаря культуре изложения материала и правильного использования литературного языка. Несомненной заслугой автора является представленный им иллюстративный

материал, значительно обогативший издание. Его использование позволило автору более наглядно и ярко показать сложную, самобытную и противоречивую историю жизни Царевококшайска в конце XVI — XVIII вв.

Рецензируемая работа не лишена отдельных недостатков. Не все положения работы бесспорны, некоторые фактологические наблюдения автора нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении. Тем не менее в целом данное исследование является заметной вехой в изучении отечественной региональной истории и представляет собой значительное социально-краеведческое исследование. Оно обладает бесспорной ценностью и вносит весомый вклад в изучение истории Поволжского региона. Появление данного монографического исследования не только логически восполнило пробел в исследовании истории уездных городов России, но и явилось существенным вкладом в развитие и поддержание традиций отечественного городо-ведения.

С. В. Видяйкин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айплатов Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, e-mail: Ajgenik@yandex.ru

Аношина Валентина Николаевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Бакаева Ольга Васильевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Баршова Оксана Анатольевна — соискатель отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Белоус Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: boris_ginzburg@mail.ru

Белоусов Сергей Владиславович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, e-mail: sergbel_1812@mail.ru

Березина Лариса Николаевна — соискатель кафедры стилистики, риторики и культуры речи Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: berezina-19@mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Видяйкин Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Гинзбург Борис Львович — кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: boris_ginzburg@mail.ru

Глазкова Елена Вячеславовна — главный научный сотрудник — заведующий редакционно-издательским отделом НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Десяева Наталья Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания в начальных классах Московского городского педагогического университета, e-mail: 481795@mail.ru

Загребин Алексей Егорович — доктор исторических наук, профессор, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, e-mail: zagreb72@izh.com

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Иванов Ананий Герасимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета, e-mail: anani@marsu.ru

Иванов Алексей Ананьевич — доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, e-mail: anani@marsu.ru

Ильин Дмитрий Федорович — кандидат философских наук, e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Келина Антонина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом языкознания НИИГН, e-mail: linguistics@niign.ru

Морозов Валерий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории Марийского государственного университета, e-mail: dmru@mail.ru

Минеев Алексей Игоревич — аспирант кафедры отечественной истории Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, e-mail: minalig@inbox.ru

Мясникова Олеся Васильевна — научный сотрудник Пензенского государственного краеведческого музея, e-mail: olesyamayasnikova@mail.ru

Пелин Александр Александрович — ректор Саранского духовного училища, протоиерей, соискатель отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: sprmm.ru@gmail.com

Поляков Осип Егорович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: fac-phyl@adm.mrsu.ru

Прошин Денис Юрьевич — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: denisproshin@gmail.com

Рогачев Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Салаева Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: guniign@list.ru

Самохвалова Елена Александровна — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: l-as@mail.ru

Святогорова Варвара Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mikardina@mail.ru

Сомкина Алла Николаевна — преподаватель факультета довузовской подготовки среднего профессионального образования Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: alla-tishkina@yandex.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Федотова Мария Яновна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Владимирского государственного университета им. Столетовых, e-mail: fedotova.marya2010@yandex.ru

Филонов Александр Анатольевич — аспирант кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Чужайкина Татьяна Александровна — научный сотрудник редакционно-издательского отдела НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Чураков Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, e-mail: vermis3@gmail.com

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Швечкова Наталья Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, e-mail: Shvechkovanat@rambler.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: shnadejda@bk.ru

Шуверов Владимир Борисович — проректор по административно-хозяйственной работе Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, e-mail: shuverov@chuvsu.ru

Шулус Ида Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и краеведения Владимирского государственного университета им. Столетовых, e-mail: fedotova.marya2010@yandex.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, e-mail: linguistics@niign.ru

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Ялтаев Дмитрий Анатольевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, e-mail: dmru@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ayplatov Gennady Nikolaevich — Doctor of History, Assistant Professor of Department of History of the Country, Mari State University, e-mail: Ajgenik@yandex.ru

Anoshina Valentina Nikolaevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Bakaeva Olga Vasilyevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Barshova Oksana Anatolyevna — Competitor of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Belous Vladimir Ivanovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of Modern History of the Country, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, e-mail: boris_ginzburg@mail.ru

Belousov Sergey Vladislavovich — Doctor of History, Associate Professor, Head of Department of General History, Historiography and Archaeology, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky, e-mail: sergbel_1812@mail.ru

Berezina Larisa Nikolaevna — Competitor of Department of Stylistic, Rhetoric and Culture of Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: berezina-19@mail.ru

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Vidyaykin Sergey Vasilyevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Ginzburg Boris Lvovich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of Modern History of the Country, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, e-mail: boris_ginzburg@mail.ru

Glazkova Elena Vyacheslavovna — Principal Researcher — Head of Editorial and Publishing Department, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Desyaeva Natalya Dmitrievna — Doctor of Pedagogics, Professor of Department of Philological Disciplines and Methods of Their Teaching in Primary School, Moscow State Pedagogical University, e-mail: 481795@mail.ru

Zagrebin Aleksey Egorovich — Doctor of History, Professor, Director, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic Department of RAS, e-mail: zagreb72@izh.com

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Ivanov Anany Gerasimovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of History of the Country, Mari State University, e-mail: anani@marsu.ru

Ivanov Aleksey Ananyevich — Doctor of History, Assistant Professor of Department of History of the Country, Mari State University, e-mail: anani@marsu.ru

Ilyin Dmitry Fedorovich — Candidate of Philosophy, e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Doctor of Pedagogics, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kelina Antonina Nikolayevna — Candidate of Philology, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: linguistics@-niign.ru

Morozov Valery Alekseevich — Doctor of History, Professor of Department of Regional History, Mari State University, e-mail: dmru@mail.ru

Mineev Aleksey Igorevich — Postgraduate Student of Department of History of the Country, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, e-mail: minalig@inbox.ru

Myasnikova Olesya Vasilyevna — Researcher of Penza State Museum of Local Lore, e-mail: olesyamayasnikova@mail.ru

Pelin Aleksandr Aleksandrovich — Rector, Saransk Religious School, Protoiereus, Competitor of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: cpmm.ru@gmail.com

Polyakov Osip Egorovich — Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Moksha Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: fac-phyl@adm.mrsu.ru

Proshin Denis Yuryevich — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: denisproshin@gmail.com

Rogachev Vladimir Ilyich — Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Salaeva Marina Nikolaevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: guniign@list.ru

Samokhvalova Elena Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: l-as@mail.ru

Svyatogorova Varvara Sergeevna — Candidate of Culture, Assistant Professor of Department of Culture Studies, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mikardina@mail.ru

Somkina Alla Nikolaevna — Teacher of Faculty of Pre-university Preparation of Secondary Professional Education, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: alla-tishkina@yandex.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Fedotova Mariya Yuanovna — Candidate of History, Senior Teacher of Department of Museum Study, Vladimir State University named after Stoletov, e-mail: fedotova.marya2010@yandex.ru

Filonov Aleksandr Anatolyevich — Postgraduate Student of Department of History of the Country, Mari State University, e-mail: fil88meat@rambler.ru

Chuzhaykina Tatyana Aleksandrovna — Researcher of Editorial and Publishing Department, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Churakov Vladimir Sergeevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Historical Studies, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic Department of RAS, e-mail: vermis3@gmail.com

Sharonov Aleksandr Markovich — Doctor of Philology, Professor, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Shvechkova Natalya Ivanovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: Shvechkovanat@rambler.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Shkerdina Nadezhda Olegovna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: shnadejda@bk.ru

Shuverov Vladimir Borisovich — Prorector on Maintenance and Support Work, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, e-mail: shuverov@chuvsu.ru

Shulus Ida Ivanovna — Doctor of History, Professor of Department of History of Russia and Region Study, Vladimir State University named after Stoletov, e-mail: fedotova.marya2010@yandex.ru

Tgyplyakova Olga Yuryevna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: linguistics@niign.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Yaltaev Dmitry Anatilyevich — Candidate of History, Doctoral Candidate of Department of History of the Country, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, e-mail: dmru@mail.ru

СОКРАЩЕНИЯ

- ГА ВО — Государственный архив Владимирской области
ГА ПО — Государственный архив Пензенской области
ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл
ГА РО — Государственный архив Рязанской области
ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики
ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики
ГОПАНО — Государственный общественно-политический архив Нижегородской области
ГУ ЦАНО — Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области
МИХМ — Муромский историко-художественный музей
НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
НА РТ — Научный архив Республики Татарстан
НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА — Российский государственный военный исторический архив
РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
ТАМЭ РМ — Текущий архив Министерства экономики Республики Мордовия
ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

- 1) УДК (в левом верхнем углу);
- 2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);
- 3) инициалы и фамилия автора на английском языке;
- 4) название статьи на русском языке;
- 5) название статьи на английском языке;
- 6) ключевые слова на русском языке;
- 7) ключевые слова на английском языке;
- 8) аннотация на русском языке;
- 9) аннотация на английском языке;
- 10) текст статьи;
- 11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);
- 12) сведения об авторах.

5. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

8. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я
Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я
 Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я
 Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я
 Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я
 Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я
⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я
⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я
³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я
⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я
¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я
⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я
² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я
⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Литчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Литчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я
Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 3 (23) 2012

Редакторы: *Е. В. Глазкова, Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева*
Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 14.09.2012. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.